

Леонид Васильев

**Об архитектурном наследии
Костромского края**

Ипатьевский монастырь.

**Кострома, 2013
Инфопресс**

Леонид Васильев

**Об архитектурном наследии
Костромского края**

Кострома

2013

ББК 85.113+85.113(2-8)

В 191

Васильев, Леонид Сергеевич

Об архитектурном наследии Костромского края.

Кострома, Инфопресс, 2013 г., 360 стр., илл., портр.

В книге собраны работы известного архитектора-реставратора Леонида Сергеевича Васильева (1934—2008) об архитектуре Костромского края, за малыми исключениями ранее не публиковавшиеся. Часто автор пишет о реставрации памятников архитектуры, находящихся ныне в плачевном состоянии, либо о восстановлении вовсе утраченных, что придаёт его изысканиям особую ценность.

Для своей работы Л. С. Васильев не только привлекал архивные данные, но и многие десятилетия собирал альбом старинных фотографий, рисунков, чертежей памятников костромской архитектуры. Его уникальная коллекция обогатила иллюстрации настоящей книги.

Открывает книгу очерк Н. А. Зонтикова о жизни, творчестве и подвижничестве Л. С. Васильева. Следом за основным корпусом помещены специально написанные для этой книги воспоминания близких, друзей и коллег Л. С. Васильева, проиллюстрированные многочисленными фотографиями, а также его письмами из частных архивов.

В приложениях дан ряд документов и писем, показывающих, как Л. С. Васильев боролся за спасение и творческое развитие архитектурного наследия везде, куда бы ни приводила его судьба.

Завершает книгу библиографический раздел: подборка статей и интервью Л. С. Васильева и о нём, некрологи, а также подробная библиография.

Издание предназначено для специалистов-архитекторов, студентов, уча-

щихся и будет в равной степени интересно широкой аудитории, краеведам, историкам, туристам.

- © Е. Л. Балашова, текст воспоминаний, 2013
- © Л. С. Васильев (наследники), текст, 2013
- © Л. Н. Васильева, текст воспоминаний, 2013
- © Т. М. Гуревич, текст воспоминаний, 2013
- © Н. А. Зонтиков, вступительная статья, составление, примечания, 2013
- © Н. И. Калямин, текст воспоминаний, 2013
- © Л. П. Матросова, текст воспоминаний, 2013
- © В. И. Ненароков, текст воспоминаний, 2013
- © А. П. Нечаев, текст воспоминаний, 2013
- © А. С. Рыбников, текст воспоминаний, 2013
- © В. Г. Смирнов, наследники, текст воспоминаний, 2013
- © Э. Ф. Смирнова, текст воспоминаний, 2013
- © А. В. Соловьёва, составление, подготовка текста, примечания, 2013
- © О. Михаил Цико, текст воспоминаний, 2013
- © В. А. Чапыгин, текст воспоминаний, 2013
- © О. Александр Шастин, текст воспоминаний, 2013
- © Е. Б. Шиховцев, оригинал-макет, обработка иллюстраций, 2013

Считаем приятным долгом сердечно поблагодарить за прекрасные вклады в общее дело создания этой книги всех авторов текстов и иллюстраций, в том числе и тех авторов, чьи имена установить не удалось, а также выразить отдельную признательность тем из них, кто предоставил для книги материалы из личных архивов (особенно Людмиле Николаевне Васильевой, Татьяне Михайловне Гуревич, Валентину Ивановичу Ненарокову, Андрею Павловичу Нечаеву, Александру Станиславовичу Рыбникову).

Ценную помощь в наполнении книги оказали и многие другие лица и организации, из которых особо отметим благодарностью:

Татьяну Леонидовну Васильеву – дочь Л. С. Васильева,

Галину Васильевну Денисову – архивариуса ОАО «Костромареставрация»,

Инну Юрьевну Дымову – заведующую отделом краеведения Ярославской областной универсальной научной библиотеки им. Н. А. Некрасова,

Людмилу Николаевну Ермолаеву – директора Музея им. Н. М. Мартынова (Красноярский край, г. Минусинск),

Вадима Петровича Карпова – члена Союза художников России,

Антонину Алексеевну Кондаурову – заместителя директора филиала ФГУП ВГТРК ГТРК «Кострома»,

Елену Александровну Ксенофонтову – директора Чухломского профессионального лицея № 23 им. Ф. В. Чижова,

Наталью Николаевну Леонову – дочь К. Г. Тороп,

Юлию Владимировну Меркурьеву – шеф-редактора газеты «Северная правда»,

Арнольда Валентиновича Муравьева – почётного председателя Марийского отделения ВООПИиК,

Любовь Юрьевну Олейник – заведующую отделом библиографии и

краеведения Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского,

Галину Юрьевну Орлову – директора Государственного мемориального и природного музея-заповедника А. Н. Островского «Щельково»,

Елену Григорьевну Петрову – главного библиотекаря Научной библиотеки им. С. Г. Чавайна Республики Марий Эл,

Светлану Петровну Рыбакову – библиографа отдела национальной краеведческой литературы и библиографии научной библиотеки им. С. Г. Чавайна Республики Марий Эл,

Елену Борисовну Сенову – директора ОАО «Архитектурно-градостроительный центр»,

Анатолия Николаевича Сыромятникова – известного костромского фотографа,

Валентину Ивановну Терентьеву – заместителя директора по развитию Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское»,

Андрея Петровича Фишова – главного хранителя Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское»,

Ольгу Николаевну Шахову – работника ОАО «Архитектурно-градостроительный центр».

Особая благодарность Администрации Костромской области за материальную поддержку, которая позволила издать книгу массовым тиражом и донести её до широкого круга читателей всех районов Костромской области и далеко за её пределы.

А. В. Соловьёва,

редактор

Е. Б. Шиховцев,

издатель

Н. А. Зонтиков

РЕСТАВРАТОР. ПОДВИЖНИК. ЗОДЧИЙ

Данная книга представляет собой собрание работ выдающегося костромского архитектора-реставратора Л. С. Васильева, посвящённых реставрации памятников архитектуры Костромы и Костромской области за почти пятидесятилетний период, начиная от конца 50-х годов XX в.

Леонид Сергеевич Васильев родился 14 июня 1934 г. в Москве. Его отец – Сергей Григорьевич Ягодаров (1908–1938 гг.), его мать – Елена Семёновна Васильева (1910–1995 гг.). Все предки Л. С. Васильева по отцовской линии были крестьянами Казанской губернии. По материнской линии он принадлежал к старому учительскому роду. Его прадед, Дмитрий Васильевич Васильев († 1928 г.), был сельским земским учителем в Царёвококшайском уезде Казанской губернии. Учителями служили и оба его сына, в том числе и дед Леонида Сергеевича, Семён Дмитриевич Васильев (1886–1978 гг.). Всю жизнь проработала учительницей и его мать Елена Семёновна, окончившая в 1928 г. педагогическое училище в Йошкар-Оле и в 1936 г. – Московский пединститут им. Карла Либкнехта (на Разгуляе).

Вскоре после рождения Леонида его родители разошлись, однако это нерадостное для любой семьи событие в обстановке того времени обернулось благом и для матери Леонида Сергеевича и для него самого. В 1936 г. С. Г. Ягодаров, молодой инженер-гидротехник Марбумстроя, работавший тогда в посёлке Водостроя в Марийской АССР, был арестован и обвинён во вре-

дательстве. 10 мая 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. Приговор приведён в исполнение в Казани*. Кто знает, как сложилась бы судьба Елены Семёновны и маленького Леонида, если С. Г. Ягодаров не ушёл из семьи.

С 1938 г. Леонид жил с матерью в Йошкар-Оле. Бывший уездный город Казанской губернии Царёвококшайск, в советское время превратившийся в столицу автономной Марийской Советской Социалистической республики и дважды после революции сменивший своё название**, по сути, стал его родным городом***.

Значительная часть детства Леонида Сергеевича пришлась на годы Великой Отечественной войны. В самом начале Сталинградской битвы, 1 сентября 1942 г., он пошёл в первый класс.

Л. С. Васильев рано определился со своим профессиональным выбором. Позднее он вспоминал об обстоятельствах, повлиявших на это. Летом 1945 г. он с матерью впервые побывал в Ленинграде, что позднее назвал «актом провидения». «Там, – писал Л. С. Васильев, – я впервые увидел подлинную, великую архитектуру, и те впечатления, поначалу не осознанные, определили

---

* 3 августа 1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор от 10 мая 1938 г. в отношении С. Г. Ягодарова был отменён и дело прекращено за отсутствием состава преступления (Прокуратура республики Марий Эл. Справка о реабилитации С. Г. Ягодарова от 9.02.1994 г. // Архив Л. С. Васильева).

** В 1919 г. Царёвококшайск был переименован в Краснококшайск, а в 1927 г. – в Йошкар-Ола (по-марийски – красный город).

*** Впоследствии по проектам Л.С. Васильева в Марийской АССР (республике Марий-Эл) был восстановлен ряд важнейших памятников архитектуры, архитектурному наследию старого Царёвококшайска он посвятил одну из своих статей – «Судьба архитектурного наследия Йошкар-Олы» (Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1994, № 2, стр. 46–56).

впоследствии выбор профессии <...>»*.

Летом 1952 г. Л. С. Васильев с золотой медалью окончил в Йошкар-Оле среднюю школу № 11 и тем же летом поступил в Московский архитектурный институт. В этом институте, находившемся в историческом дворце графа И. И. Воронцова на старомосковской Рождественке, незадолго до этого переименованной в улицу Жданова, Л. С. Васильев проучился шесть лет. Об институте того времени у Леонида Сергеевича осталось впечатление, что как вуз он был тогда «педагогически бесплодным». «Вышедшее в те времена правительственное постановление о пресловутых “архитектурных излишествах”, – писал Л. С. Васильев, – и последовавшее за этим изменение педагогических установок окончательно дезориентировали учащуюся молодежь. Единственно ценным, что могло дать это учебное заведение, – было основательное знакомство с историей мировой архитектуры, градостроительства, изобразительного искусства вообще. Этому способствовала уникальная научная библиотека института»**.

По завершению в 1958 г. института Л. С. Васильев получил распределение в Кострому – на должность архитектора Костромской реставрационной мастерской. С этого времени Кострома и Костромской край навсегда вошли в его жизнь.

Первым памятником в Костроме, реставрированным по проекту Л. С. Васильева, стала церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской (в то время – Трудовой) слободе. Этот храм, возведённый в конце XVII в., вблизи от стен Ипатьевского монастыря, был сильно перестроен в начале XX в. На рубеже 50 и 60-х годов церкви в основном удалось вернуть первоначальный облик.

В 60-е годы Л. С. Васильев много работал в Ипатьевском монастыре, где по его проектам проведена реставрация стен и ворот, Троицкого собора, Архиерейского и Братского корпусов.

---

* *Васильев Л. С.* Автобиография (рукопись) // Архив автора.

** Там же.

С именем Л. С. Васильева навсегда останется связано восстановление первых вертикалей колоколен Костромы, разрушенных в 30-е годы XX в., и первой из них стала колокольня церкви Спаса в рядах. Причём главная трудность состояла вовсе не в составлении проекта колокольни, от которой не сохранилось ни первоначальных чертежей, ни поздних обмеров – и воссоздавать утраченное пришлось лишь по фотографиям (что крайне сложно), – а в том, чтобы убедить тех, от кого это зависело (т. е. тех, кто всё ещё закоренело считал религию – опиумом народа, а храмы – очагами религиозного дурмана), в необходимости воссоздания этой вертикали в центре города, входящего в «Золотое кольцо» России. С немалым трудом это удалось, и в 1975–1976 гг. увенчанная золотым шпилем колокольня, творение С. А. Воротилова, вновь вознеслась над аркадой Красных рядов. Правда, в последнюю минуту пришёл категорический запрет на установку на шпиль колокольни креста, и свыше 25 лет шпиль венчал позолоченный штырь. Колокольня церкви Спаса в рядах стала первой возрождённой колокольней в Костроме и области, одной из первых в России.

Вторая вертикаль была воссоздана во второй половине 70-х годов, когда по проекту Л. С. Васильева прошла реставрация полуразрушенной церкви Спаса за Волгой. Вновь поднявшийся белый гранёный шатёр колокольни XVII в. сразу оживил панораму Заволжской части Костромы.

В середине 80-х годов Л. С. Васильевым выполнен проект восстановления одного из главных шедевров костромского зодчества XVII в. – церкви Вознесения на Дебре. Возрождение храма после долгих проволочек и сложностей (в полуразрушенной в 30-е годы церкви, переоборудованной в послевоенное время в двухэтажный дом, жили люди) началось в 1986 г. В последующие несколько лет, под постоянным надзором архитектора, реставраторы выполнили большой объём работ, в частности – заново возвели разрушенную шатровую колокольню. Уже вот-вот должно было начаться восстановление пятиглавия храма с его поразительным декоративным узором.

чем барабанов глав, равному которому нет нигде в России. К сожалению, после 1991 г. недореставрированный храм с колокольней, окружённый сгнившими лесами, стоит заброшенным, несмотря на то, что находится под самыми окнами здания областной администрации на Муравьёвке. Заброшенность храма и неопределённость его судьбы – постоянная рана в сердце Леонида Сергеевича...

Одним из наиболее любимых «объектов» Л. С. Васильева является церковь Воскресения на Дебре. Ещё в начале 60-х годов в результате натуральных исследований им был выполнен ряд графических реконструкций облика церкви в разные периоды её истории. В конце 90-х годов началось восстановление её разрушенной колокольни – четвёртой возрождённой в Костроме по проекту Л. С. Васильева. 26 сентября 2001 г. воссозданная колокольня была освящена архиепископом Костромским и Галичским Александром, и теперь её бело-голубая вертикаль (Леониду Сергеевичу удалось установить её первоначальную раскраску) встречает каждого, кто въезжает в левобережную часть города по мосту через Волгу.

Несколько десятилетий в жизни Леонида Сергеевича связано с Ильинским (Христорожественским) храмом в бывшем селе Городище в Заволжской части Костромы, воздвигнутым в середине XVII в. боярами Морозовыми. Ещё в 60-е годы, когда храм стоял ободранный и заброшенный, архитектору в результате натуральных исследований удалось восстановить на бумаге его первоначальный облик. В 1986 г. по его проекту началась реставрация церкви, продолжавшаяся и после передачи её общине верующих. В 2002 г. завершилось возрождение разрушенного Феодосиинского придела, и теперь белый храм на вершине могучего холма над Волгой вновь играет ключевую роль в панораме Заволжья Костромы.

Л. С. Васильевым выполнено большое количество проектов возрождения полностью или частично разрушенных храмов Костромы, время осуществления которых – в чём мы не сомневаемся – рано или поздно придёт. Среди них

– Ильинская церковь (ул. Советская, 4), церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи (начало улицы Островского), церковь Воскресения «на Площадке», до 1930 г. украшавшая Советскую (бывшую Воскресенскую) площадь и игравшая в её ансамбле примерно такую же роль, что и храм Василия Блаженного на Красной площади Москвы; церковь Василия Блаженного в Селище – один из лучших памятников периода классицизма в нашем крае, собор Рождества Богородицы в Ипатьевском монастыре и др.

И, конечно, особая глава в жизни Л. С. Васильева – это воссоздание на бумаге взорванных в 1934 г. в бывшем Костромском кремле Богоявленского кафедрального собора и соборной колокольни. Безусловно, что выполнить проект столь сложных и монументальных сооружений фактически лишь на основании старых фотографий (т. к. обмеры 1934 г. накануне взрыва делались в основном «на глазок» и очень мало помогли в работе) мог только он – с его опытом, талантом и преданностью делу.

Л. С. Васильев очень много работал в городах и районах области, где по его проектам в разные годы были восстановлены: Покровский и Никольский храмы Авраамиево-Городецкого монастыря на Чухломском озере, Успенский собор Паисиева Успенского монастыря близ Галича, Успенская и Макариевская церкви Макариево-Унженского монастыря. По его проекту в 1996–1997 гг. на берегу Галичского озера воссоздана разрушенная колокольня церкви Василия Великого в Рыбной слободе Галича – первая колокольня, восстановленная в нашей области за пределами Костромы.

Нельзя не отметить большой вклад Леонида Сергеевича в восстановление заповедного Щелькова, где по его проектам реставрированы главный дом усадьбы, т. н. «Голубой» дом, церковь и ограда в Николо-Бережках, где на кладбище покоится прах А. Н. Островского.

По проектам архитектора восстановлено множество памятников за пределами Костромской области – в Москве, Ярославле, Рязани, Ростове Великом, Йошкар-Оле и других местах. Особая страница в его жизни связана с

Сибирью. В январе 1969 г., накануне 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, Леонид Сергеевич был командирован в Красноярский край, в место ленинской ссылки – в мемориальное Шушенское. В этом историческом сибирском селе по его проектам восстановлено 19 различных объектов. К сожалению, не удалось заново возвести разрушенную в 30-е годы XX в. Петропавловскую церковь, в которой во время ссылки обвенчались В. И. Ленин и Н. К. Крупская: стоящий перед церковным аналогом вождь революции плохо вязался с официальным пропагандистским канонам и разрешения на восстановления данного «объекта» добиться не удалось. Именно за работу в Шушенском, занимающую в творческой биографии Л. С. Васильева достаточно скромное место, указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 апреля 1971 г. ему было присвоено звание Заслуженный работник культуры РСФСР. Продолжением работы в Шушенском стала командировка Леонида Сергеевича в 1974–1975 гг. в Иркутск, где по его проекту прошла реставрация дома княгини М. Н. Волконской, в котором разместился «Музей сибирской ссылки декабристов». Весной 1976 г. Л. С. Васильев был приглашен в Рязань, в Рязанскую реставрационную мастерскую. Впрочем, в Рязани он проработал недолго. В конце декабря 1977 г. Леонид Сергеевич переехал в Ярославль. Здесь он проработал до начала 1986 г., семь лет занимая пост главного архитектора Ярославской реставрационной мастерской. В марте 1986 г. Л. С. Васильев вернулся в Кострому.

15 июля 1995 г. в жизни Л. С. Васильева начался новый этап: он стал архитектором Костромской епархии. В области возрождалось множество церквей, как правило, пребывающих в руинах, и за истекшие годы, благодаря трудам Леонида Сергеевича, восстановлены или построены заново многие городские и сельские храмы.

После гибели в 2000 г. атомной подводной лодки «Курск» по проекту Л. С. Васильева вблизи поселка Видяево на Кольском полуострове, на берегу

бухты Ара-губа, был воздвигнут деревянный шатровый храм. В память о погибших подводниках этот храм был освящён 12 августа 2001 г. во имя святителя Николая Угодника – покровителя моряков и путешествующих по водам.

Заслуги Л. С. Васильева получили высокую оценку: 23 июня 2005 г. Дума г. Костромы присвоила ему звание «Почётный гражданин города Костромы».

Имя Л. С. Васильева уже давно стоит в одном ряду с наиболее выдающимися зодчими Костромского края – безвестными мастерами XVI–XVII вв. и более ранних столетий: С. А. Воротиловым, Н. И. Метлиным, П. И. Фурсовым и др.

О работах Л. С. Васильева, собранных под обложкой данной книги, следует сказать особо. Леонид Сергеевич безусловно обладает литературным даром. К сожалению, он редко брался за перо – обычно он писал статьи о каких-то памятниках архитектуры только по настоятельным просьбам. Основная часть текстов, приведённая в нашем издании – пояснительные записки, прилагавшиеся к проектам восстановления различных объектов. Все они публикуются впервые. Не предназначавшиеся для печати, они имеют большое историческое значение. В совокупности литературное наследие Л. С. Васильева – это летопись реставрационных работ в Костромском крае за последние пятьдесят лет.

2007 г.

I. КОСТРОМА

ЭТО ПРАВСТВЕННЫЙ ДОЛГ ОБЩЕСТВА

Во все периоды расцвета общественной жизни (за исключением времён тоталитаризма) архитектура как искусство выражала высшие, наиболее гуманные стороны человеческого духа, утверждала достоинство и свободу человеческой личности. Постулат «человек – мера всех вещей», пронесённый сквозь тысячелетия, оплодотворял искусство всех времен и всех народов. Выраженный в системе пропорциональных соотношений, исходящий из закономерностей самой природы, он обеспечил гармонию памятников архитектуры и в природном ландшафте, и в человеческой среде. Забвение этого принципа неизбежно приводит к деградации искусства, в том числе и искусства архитектуры. В этом убеждает застройка новых районов нашего города и не только его. А ведь архитектура – лицо общества, её создавшего.

Кремль Костромы выразил в себе высшее напряжение духовных сил общества того времени, стал воплощённой мечтой о гармонии и величии, пробуждал высокие чувства. И в этом его облагораживающий, гуманистический потенциал. Нет нужды доказывать, как благотворно было бы его воздействие на сознание и чувства людей нашего, времени.

Да, его нужно восстановить. Пусть не сразу, пусть это займет десятилетия, но в этом нравственный долг общества, идущего к духовному возрождению. Задача облегчается тем, что сохранились подробные обмеры и детальная фотофиксация кремлевских построек. В ближайшее время с них будут сняты копии, и появится возможность приступить к практическому составле-

---

Печатается по публикации в газете «Северная правда» (Кострома), 11 февраля 1990 г., с. 3, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

нию проекта реставрации. Выполнить эту работу берётся реставрационная мастерская Костромы. Строительные работы, думаю, следует начать с восстановления воротиловского Богоявленского собора с его грандиозной колокольней. С появлением его силуэт Костромы получит логическое завершение.

Из каких источников финансировать эти работы? Думается, следует использовать любые варианты, не исключая фонд пожертвований, к которым, помимо отдельных граждан, желательно привлечь и предприятия города. Кстати, в статье С. А. Матюшина, опубликованной в последнем номере «Литературной Костромы», указана завышенная стоимость восстановительных работ. По предварительным подсчетам, восстановление Богоявленского собора, включая колокольню, потребует суммы, не превышающей 1 миллион рублей. Значительно меньших средств потребует восстановление Успенского собора и соответственно элементов ограды.

О назначении кремлевских соборов. Естественно, они должны быть переданы Русской православной церкви, их исконному хозяину. В перспективе ей должны быть переданы оба свободных дома, составляющих неотъемлемую часть ансамбля.

Л. ВАСИЛЬЕВ,
архитектор.

СУДЬБА АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОСТРОМЫ

Среди городов Верхнего Поволжья Кострома занимает одно из ведущих мест – и в силу исторической значимости и как крупный художественный центр, создавший оригинальную и влиятельную архитектурную школу. Основанная в 1152 году, вместе со страной пережившая лихолетье чужеземных набегов, она не раз горела, возрождалась, выгорала вновь, пока не получив в 1784 году регулярную веерную планировку, начала становиться каменной. Эпоха классицизма (конец XVIII – первая треть XIX веков) – время архитектурного расцвета Костромы. В это время возник знаменитый административно-торговый центр города – с Торговыми рядами, Каланчой, Гауптвахтой, оформившими Сусанинскую площадь, с лучами радиальных улиц, ориентированных на её центр.

Множество церквей, больших и малых, с вертикалями своих колоколен, украшали город, **создавали пространственную живописную ауру** и служили ориентирами в перспективе улиц и площадей. Но истинной доминантой древнего города, и градостроительной и художественной, был Кремль, обращённый главным фасадом на Волгу. Он стал эмблемой Костромы.

Текст опубликован в Интернете на сайте Фонда возрождения Успенского собора (<http://new-sobor.narod.ru/proekt.html>), **сверен с черновой рукописью из архива автора и частично исправлен по ней**. Не датирован (по содержанию относится к 2004 г.), не озаглавлен. Заглавие предложено редакцией. (Прим. ред.)

Строившийся на протяжении трёх столетий (XVI–XIX века), он включал древний Успенский собор (XVI–XVIII вв.) и собор Богоявленский (1776–1791 гг.), построенный гениальным архитектором-самоучкой Степаном Андреевичем Воротиловым на излёте эпохи барокко при переходе к классицизму. Комплекс окружала монументальная ограда с двумя воротами, одни из коих именовались Триумфальными. Кремль стоял на краю плато с крутым спуском к Волге и был виден издали.

Чудом Собора, вызвавшим потрясение уже у современников, была грандиозная и одновременно изящная колокольня с позолоченным куполом, с белоснежными колоннадами на лазоревом фоне стен, с циферблатами курантов, золочёными вазонами, расставленными по парапетам ярусов. При своей 30-саженной высоте (64 м) она стала ориентиром для проплывающих по Волге судов.

Вплоть до роковых событий 1917 года, Кострома по праву считалась одним из красивейших городов России. Что произошло дальше? Большинство костромских храмов были уничтожены в 1930-е годы. Соборный ансамбль Костромского Кремля варварски взорван в одну из июньских ночей 1934 года.

Прошло 70 лет. Много изменилось. Меняются и люди. В обществе пробуждается чувство стыда за содеянное, желание вернуть былую славу России, её промотанную красоту. В годы, когда пробуждающаяся Россия начинает понемногу осознавать, кем она была, кем стала, что она утратила, – особенно очевидна нравственная необходимость восстановить лучшее из наследия предков, показать его нашим современникам, пробудить забытое чувство Родины. Это трудно сделать, но в этом нравственный долг живущих ныне. В этом залог возрождения России.

Проект воссоздания ансамбля Костромского Кремля выполнен на рубеже 80-90-х годов XX века на основе чертежей середины XIX века, обмеров 1934 года и многочисленных натуральных фотографий начала XX века. Авторами проекта являются архитекторы-реставраторы: Васильев Л. С., Чернов А. П.,

Нечаев А. П., Матросова Л. П.

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ

Сердцем Костромы была соборная группа бывшего Кремля. Созданная трудом многих поколений костромичей, она зримо воплотила их представления о высоком и прекрасном. В ней – знак духовного достоинства предков, их трудолюбия и таланта. Обращённая к Волге, видимая за десятки вёрст, соборная группа определяла внешнюю панораму города. Её величавая колокольня служила своеобразным маяком для проплывающих судов; Кремль был славой Костромы, гордостью её жителей.

Участок, им занимаемый, сравнительно невелик. С юго-запада он ограничен кромкой крутого спуска к Волге, с юга – Малым бульваром (с видовой беседкой в конце), проложенным по верху древнего оборонительного вала. Параллельно ему проходила Ильинская улица (ныне улица Чайковского). С севера в прежние годы была замощённая булыжником аванплощадь – перед главными воротами Кремля. В её правом углу, вдоль кремлёвского откоса, вниз к Волге, шел пандус (сохранившийся и поныне). К юго-востоку от аванплощади был тенистый городской парк с Большим бульваром.

Ансамбль Кремля включал в себя Успенский собор (XVI–XIX вв.), Бого-явленский собор с колокольней (XVII–XIX вв.), два соборных дома (1780-е годы, сохранились) и каменную с коваными звеньями ограду с несколькими воротами и калитками (XVIII–XIX вв.). Своеобразной красотой из них выделялись так называемые Триумфальные, или Святые, ворота, обращённые на

Текст датирован 1995 г. // Архив Л. С. Васильева. Публикуется впервые.
(Прим. ред.)

аванплощадь (1780-е годы).

По мнению историков, возникновение Костромского кремля на этом месте следует отнести к началу XV в. Прежде он находился в месте основания города Юрием Долгоруким, на берегу Волги, при впадении в неё реки Сулы. Новопостроенный кремль получил оборонительные деревянные стены с башнями, с тремя проездными воротами. С северной, восточной и южной сторон его окружали рвы и валы. Внутреннее пространство занимали хозяйственные и административные здания и усадьбы наиболее родовитых бояр. Все они были деревянными и не раз становились жертвами пожара. Из культовых построек внутри Кремля упоминаются Успенский собор и Крестовоздвиженский монастырь, видимо, также поначалу деревянные.

Первый Успенский собор из камня – на подклете, с открытым гульбищем, с одной главой* – условно относят к началу XVI в. Видимо, вскоре он был перестроен, получил традиционное пятиглавие и двухъярусные галереи с трёх сторон. Особенностью этого храма была северная ориентация алтарных апсид (в сторону реки Запрудни, где в XIII в. произошло явление главной святыни Костромского края – Феодоровской иконы Божией Матери). Особый придел в Успенском храме, в честь Феодора Стратилата, был устроен в 1666 г. у его западной стены. Имевший поначалу позакомарное покрытие, в результате многих переделок, храм не раз менял свой облик. Растёсывались окна, менялись оконные наличники, формы глав. При наиболее значительной перестройке, в середине XVIII в., он получил четырёхскатную кровлю четверика и грушевидные маковицы глав (нетрадиционные для русских храмов). В 1835 г. был значительно удлинен Фёдоровский придел.

Успенский собор обладал уникальными фресковыми росписями XVII в., располагавшимися не только в интерьере четверика и галерей, но и на фасадах (в полукружиях закомар). Являясь местом пребывания Феодоровской иконы Божией Матери, он хранил бесценные вклады дарителей из княжеских и

---

* По другой версии, храм первоначально был трёхглавый.

царских фамилий. Червонным золотом сияли его главы и кресты. Покоем, невозмутимой тишиной веяло от древних стен; десятки поколений костромичей искали и обретали здесь душевную опору и утешение.

Иным был образ Богоявленского собора. На месте его прежде стоял собор издавна существовавшего здесь Крестовоздвиженского монастыря.

Пожар 1773 г., испепеливший весь город, Кремль и его деревянную застройку, погубил и его. Его не стали восстанавливать, решив построить здесь новый, более вместительный и соответствующий новым вкусам. Право на строительство нового кафедрального собора получил подрядчик из посада Большие Соли Степан Андреевич Воротилов (1741–1792 гг.). Закладка храма состоялась в 1776 г. Кстати, в том же году в Ипатьевском монастыре были возведены Екатерининские ворота и новый храм Рождества Богородицы – всё в стиле барокко, лишь начинавшего входить в моду в Костроме. Приверженцем этого стиля был и Степан Воротилов.

По бытовавшей традиции, подрядчик, взявшийся строить здание, обязан был представить и свой проект, т.е. совмещал в одном лице и архитектора, и инженера, и сметчика, и организатора самого строительства. Он должен был обладать познаниями и в архитектуре, и в смежных с нею искусствах. Воротилов – личность во многом для нас загадочная; где и у кого он учился, нам неизвестно. Судя по многим сохранившимся его постройкам, это мастер переходного времени – от барокко к классицизму. Но, прежде всего – это исконно русский художник, воспитанный на традициях русского зодчества. Построив множество зданий (светских и церковных), он умер в бедности. Добиваясь совершенства, он подчас за свой счёт переделывал уже готовые части своих построек и щедро расплачивался с рабочими. Строителями были его брат и сын.

Акварели и фиксационные чертежи середины XIX в. дают представление о колористическом решении фасадов Богоявленского храма: на голубом фоне стен выделялись элементы ордера и декоративные обрамления проёмов,

окрашенные в белый цвет. Золоту крестов и куполов отвечали бесчисленные золочёные вазы, расставленные по ярусам колокольни и лестницам боковых крылец. Золотыми звездами был усыпан синий купол ротонды. Золотом мерцали циферблаты часов.

Одновременно с собором Воротилов строит дополнительную лестницу в восточную галерею Успенского храма, с дивной по красоте восьмигранной сенью в её начале. Поставив её перед колокольней по его оси, он композиционно объединил оба соборные здания.

Несомненным творением С. А. Воротилова были и Святые ворота в ограде Кремля.

Окончив в 1791 г. работы в Кремле, на следующий год С. А. Воротилов умер, едва переступив порог своего 50-летия.

Шло время, рос город, и Богоявленский храм стал тесен. В 1866–1868 гг. по проекту неизвестного нам архитектора он был коренным образом реконструирован, в результате чего в полтора раза увеличилась его площадь. Возник, по существу, новый храм – с огромным молельным залом, пятью полукруглыми апсидами (апсида старого храма была сохранена и стала средней между четырьмя новыми). Был разобран свод, отделяющий храмовое пространство от венчающей ротонды, она стала световой. В свою очередь, это значительно улучшило условия вентиляции храма. Крыльца на боковых фасадах не восстанавливались, и для эвакуационного выхода из храма была сделана закрытая лестница у западной стены основного объёма (к северу от притвора). Хотя силуэт храма существенно не изменился, храм стал более громоздким. К чести автора реконструкции, она была максимально тактична и архитектура добавлений вполне соответствовала подлиннику. Сохранена была даже переходная с перилами дорожка над коньком кровли и кольцевой балкон в основании световой ротонды. К сожалению, при реконструкции погиб первоначальный иконостас и внутренняя мраморная отделка. Новый иконостас нёс все признаки упадка стиля. В те же годы Богоявленский собор по-

лучил калориферное отопление.

В 1878 г. в средней части подвального помещения храма был устроен придел в честь преподобного Сергия Радонежского. Придел служил усыпальницей костромских архиереев.

Последней постройкой, завершившей сложение ансамбля бывшего Костромского кремля, стала Царская беседка, построенная в 1912 г. возле Святых ворот ограды к приезду императора Николая II. Изящная, выполненная в стиле неоклассицизма, она сочетала функции выставочного павильона (в ней хранился макет памятника 300-летия Дома Романовых) и видовой площадки. 20 мая 1913 г. рядом с беседкой был заложен и сам монумент (скульптор А. И. Адамсон). Судьба монумента известна: в 1928 г. его гранитный пьедестал увенчала статуя В. И. Ленина.

Летом 1934 г. всё, что называлось Костромским кремлём, было взорвано. К настоящему времени подготовлен детальный план воссоздания всех сооружений Кремлевского ансамбля – соборов, ограды с воротами, Царской беседки.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ

Кафедральный Богоявленский собор Костромского кремля, построенный Степаном Воротиловым в 1776–1791 гг. и просуществовавший до 1934 г., являлся крупнейшим культовым зданием губернского города. По совершенству художественного замысла, соединявшего в себе грандиозность и изящество, он не имел себе равных по всей Волге, давно стал архитектурной эмблемой Костромы, её славой и гордостью. Видная издалека 64-метровая соборная колокольня служила своеобразным ориентиром для проплывавших судов. В ясную погоду с вершины её был виден Ярославль, удалённый на многие десятки вёрст. Вместе со стоящим подле древним Успенским собором и домами соборного причта, также детищами Воротилова, Богоявленский собор образовывал ту архитектурную группу, которую называли Костромским кремлём. Ансамбль дополняла каменная с коваными решётками ограда с несколькими воротами, из коих выделялись главные, так называемые Триумфальные, с северной стороны обращённые к городу, к рядам. Пышные, необычной композиции, построенные одновременно с Богоявленским собором, они заслуживают особого разговора.

Наиболее эффектным был вид на соборный ансамбль с Волги. Примыкающий к ней кремлёвский холм (а по существу, это – плато) здесь резко обрывается, переходя ниже в пологий берег, плавно подводящий к воде. Крутой,

---

Пояснительная записка к проекту воссоздания Богоявленского кафедрального собора Костромского кремля. Текст датирован 1992 г. Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

обращённый к реке склон кремлёвской платформы был облицован (и укреплён) высокой, с уклоном, кирпичной выбеленной стеной. Эта белая стена с лентой ограды наверху служила своего рода цоколем-пьедесталом величественному ансамблю, сиявшему белизной стен, золотом куполов, крестов, кованных ваз на ярусах колокольни, лучей «всевидящего ока» на её вершине.

Внешнему облику соборов соответствовало величие их интерьеров и внутреннего убранства. Фрески XVII в. в Успенском соборе, иконостасы с бесценными иконами и церковной утварью – всё, начиная с 1920-х годов, сначала осквернялось, а затем разламывалось и выбрасывалось как хлам. Иконы жгли, древние могилы под соборами вскрывали в поисках золота, черепа и кости выкидывали. Вакханалия глумления и вандализма завершилась взрывами, потрясшими спавший город. Сначала взлетел Успенский собор (XVI–XIX вв.) со своими шестью золочёными куполами, уникальными фресками; затем, также ночью, подорвали Богоявленский собор. Взрывали его дважды. При первом взрыве здание устояло – слишком прочной оказалась кладка, рассчитанная на века. Тогда подрывники просверлили изнутри шурфы в несколько ярусов, начинили их аммоналом – и грянул повторный взрыв. Гигантский собор рухнул, образовав гору обломков и щебня, и в окрестных зданиях вылетели стёкла. Так происходили «славные» деяния тогдашних отцов города и их идейных вдохновителей по очищению народного сознания от «религиозного дурмана», приуготовления его к царству «светлого коммунистического будущего».

Сохранились в истории и имена двух молодых московских художников – Чудакова и Чижова. Накануне взрыва соборного ансамбля они приехали в Кострому и за несколько дней, пусть наспех, не полно и с ошибками, но обмерили и Успенский, и Богоявленский соборы. Не было лесов, и они использовали лестницы-стремянки подрывников, с которых те пробивали шурфы и закладывали взрывчатку.

Заслуга двух этих молодых людей неоценима – они сделали единствен-

ный за всю историю зданий их обмер. Обмерные чертежи кремлёвских соборов хранятся в отделе графического фонда Государственного музея истории архитектуры им. А. В. Щусева в Москве в Донском монастыре. Обмерные выцветшие от времени листы выполнены карандашом. К ним приложены кроки. К сожалению, эти молодые люди не успели, а может, и не имели возможности провести детальную фотофиксацию соборов. В фондах музея есть много фотографий, разной степени качества, но дают они лишь общее представление о зданиях, ибо сняты с известного удаления от них.

Говоря о дошедших до нас фотографических изображениях Костромского кремля, помимо Донской коллекции следует упомянуть фотоматериалы из фондов Костромского историко-архитектурного музея-заповедника и единственный в своём роде снимок соборной колокольни, сделанный с запада, с близкой точки; негатив его хранится в Государственном историческом музее (ГИМ) в Москве. В том же ГИМе хранится великолепно исполненная картина, изображающая Костромской кремль со стороны Волги, в лучах вечернего дня, на фоне тёмно-голубого неба. Работа выполнена маслом и принадлежит кисти художника Н. Шмидта. В добротной реалистической манере изображены на ней соборная колокольня и Успенский собор, сияющие белизной стен и золотом куполов. Картина дает представление о полихромии закомар и шеек глав на древнем соборе.

Картина Н. Шмидта датируется началом XX в., когда Богоявленский собор, его фасады, были чисто белыми. Вопрос о первоначальной покраске фасадов храма пока не ясен, несомненно, однако, она была задумана иной.

Обращаясь к дошедшим до нас старым чертежам Богоявленского собора, следует назвать, прежде всего, план и фасад, выполненные в начале прошлого века большесольским купцом, столярных и резных дел мастером, Константином Яковлевичем Трубниковым – земляком Степана Воротилова. Сравнивая эти чертежи с их натурным осуществлением, нетрудно заметить, что они не фиксационные, что Трубников скопировал один из авторских вариантов собо-

ра. При общем сходстве чертежа и осуществлённого здания бросается в глаза несоответствие ордеров во втором ярусе колокольни (коринфский в чертеже – ионический в натуре), рисунка люкарн в куполе над собственно собором. Обращают на себя внимание широкие, лишённые перил лестницы в основании колокольни, в натуре, ради удобства прихожан, получившие перильные ограждения. Здание изображено в тот период, когда оно сохраняло задуманную автором объёмно-композиционную структуру и состояло из сравнительно компактного объёма самого храма (с единственной полукруглой апсидой, с двумя двусторонними лестницами на боковых фасадах) и соединяющего храм и колокольню двусветного перехода. Чертежи эти хранятся в Москве в Музее архитектуры им. А. В. Щусева.

Два других чертежа – фасад и план – относятся к 50–60-м гг. XIX в. Первый из них – северный фасад, тонко обведённый тушью и слегка подкрашенный акварелью, выполнен, судя по подписи, губернским архитектором Григорьевым. Он работал в Костроме, по крайней мере, в начале 1850-х годов и среди разнообразных работ спроектировал в 1851 г. западную галерею звонницы Ипатьевского монастыря. Графика проектного чертежа галереи, хранившегося в Государственном архиве Костромской области (ГАКО), полностью соответствует рассматриваемому чертежу собора. На чертеже заголовок: «Фасад Костромского кафедрального Богоявленского собора в существующем виде». Ниже: «Чертеж сей был принят в руководство при рассмотрении в Департаменте проектов и смет вместе с ним составленных чертежей 11 февраля 1864 года».

Возникают два предположения:

1. Чертёж сделан десятилетием раньше и в 1864 г. был представлен в департамент в предположении грядущих переделок.
2. Чертёж выполнен в 1864 г. перед представлением в департамент.

Несколько слов об этом чертеже. Он выполнен несравненно профессиональнее, нежели чертёж К. Я. Трубникова, и ближе к натурному воплощению

здания. Примечательно: на боковом фасаде собора отсутствует двухмаршевая лестница, показанная на чертеже начала XIX в. Обращает на себя внимание великолепная прорисовка карнизных профилей, вполне в характере елизаветинского барокко. И всё же, при всём совершенстве чертежа, вызывает недоумение трактовка ордера во втором ярусе колокольни. Как и на чертеже Трубникова, он показан коринфским. Что это – невнимательность архитектора к стоявшей рядом натуре или сознательное следование лежавшему пред ним авторскому чертежу? В пользу этого предположения свидетельствует показанная на чертеже, но отсутствующая в натуре, обработка поля вокруг арок в 4-м ярусе колокольни в виде диагональных ромбов (приём, известный из рококо). Об этом же говорит иной характер кованных золочёных вазонов, расставленных по ярусам колокольни, характер кованных решеток на кровле собора и частично на колокольне. Большой, нежели в натуре, элегантностью отличаются изображённые пилястры в нижнем ярусе колокольни и, соответственно, на фасадах самого собора. Лестницы в основании колокольни имеют перильные, ампириного характера, ограждения.

Обратимся к плану этого времени. Он подписан архитектором Сергеем Садовниковым и несёт на себе следы двух этапов работы. Первый этап – это тщательно выполненный фиксационный план собора, каким он был на середину XIX в. Он обведён тушью и легко иллюминирован бледной акварелью (крапп-лак). На плане собора, как и на фасадном чертеже Григорьева, отсутствуют боковые лестницы. Второй этап: на фиксационный чертёж нанесены проектные предложения по расширению, по существу коренной реконструкции, здания. План новых частей (выполнен другой рукой и в более грубой манере) залит чёрной краской. Из плохо читаемой надписи явствует, что 5 июня 1866 г. план был рассмотрен в губернском строительном отделении. В левом верхнем углу чертежа стоит благословляющая виза епископа Костромского и Галичского Платона (Фивейского).

Итак, в середине 1860-х годов городские и духовные власти Костромы

решили расширить кафедральный Богоявленский собор Кремля. Какова предыстория этой проблемы? Для этого нам придётся вернуться вспять, к моменту начала строительства самого здания и попутно коснуться его стилистического генезиса.

К 1776 г., через три года после опустошительного пожара – начисто уничтожившего старый город, его средневековую планировку и деревянную застройку, деревянные стены Кремля, – была ясно осознана необходимость коренной реконструкции и самого города, и его духовно-религиозного центра. В 1784 г. Кострома получила свой знаменитый веерный план, высочайше утверждённый, который на многие десятилетия определил её дальнейшую застройку. Что касается территории Кремля, то, сохранив с некоторыми изменениями уцелевшей от гибели древней Успенский собор, главную городскую святыню, рядом с ним на месте сгоревшей церкви Крестовоздвиженского монастыря костромичи решили построить новый храм. Этот храм должен был принять на себя функцию кафедрального, быть более вместительным, нежели Успенский, и своими размерами и высотой соответствовать и духу времени, и возросшему экономическому значению города. В 1776 г. в северной стене Ипатьевского монастыря устроены были Екатерининские ворота, сделанные по образцу Петровских врат Петропавловской крепости. Построить их мог мастер, владевший приёмами барокко и знакомый со столичной архитектурой. Если учесть, что наиболее авторитетным местным зодчим в Костроме этого времени был Степан Воротилов, вполне можно предположить, что для выполнения этого ответственного задания привлечён мог быть именно он.

Итак, Степану Воротилову, подрядчику из посада Большие Соли Костромского уезда Костромской губернии, выпала честь стать строителем кафедрального губернского собора. Судя по определённо приписываемым ему работам – Пряничному двору в Костроме (ныне Красные ряды) и Большим Мучным рядам, – это мастер раннего классицизма. И пусть в основе проекта этих зданий лежит проект Карла Клера, губернского архитектора из Владими-

ра, – трактовка зданий, постановка над Красными рядами колокольни церкви Спаса (вызвавшая протест Клера) вполне самобытны и рисуют Воротилова как яркого архитектора-градостроителя. Но это его поздние создания. Если же обратиться к более раннему по времени проекту кафедрального Богоявленского собора, с его необычайной композицией, далеко превосходящей всё создаваемое окрест в это время, то невольно задашься вопросом: как в голове, пусть в высшей степени одарённого, но провинциала мог возникнуть столь вдохновенно-прекрасный образ? Ведь ничего подобного вокруг он не мог видеть.

Ответ на это даёт первый вариант проекта Новодевичьего Смольного монастыря в Петербурге, выполненный Ф.-Б. Растрелли в 1747–1748 гг., в 1749 г. отвергнутый императрицей и хранящийся в библиотеке музея «Альбертина» в Вене (проект был обнаружен петербургским искусствоведом Ю. М. Даниловым)*. В нём ключ к разгадке прообраза костромского кремлёвского собора. Совершенно очевидно, что блистательный проект Растрелли произвёл неизгладимое впечатление на Степана Воротилова, увидевшего его – где? Скорее всего, в Петербурге, ибо системы высочайше апробированных проектов, рассылаемых в виде гравированных альбомов по губернским городам России, в те годы ещё не было. За исключением некоторых деталей – более развитого по горизонтали нижнего яруса, разорванных лучковых фронтонов и пр., – сходство с воротиловским проектом здесь полное.

И именно в столичном проекте, выполненном ведущим мастером барокко, мы видим то сужающееся кверху завершение, с люкарной и шпилем, что применено Воротиловым и которое он повторил и в других храмах – в колокольнях церкви Петра и Павла и церкви Иоанна Предтечи в Костроме, в церкви села Левашова. Этот тип колокольни, очевидно, произвёл столь сильное впечатление на современников, что был повторен в Рыбинске в Спасо-

---

* Знакомством с этим проектом автор обязан архитектору И. Ш. Шевелёву, располагавшему фотокопией чертежа.

Преображенском соборе и в церкви села Яковлевского под Костромой.

Сравнивая костромскую колокольню с проектом Растрелли, тем не менее, следует отметить, что, при всем влиянии барокко, она более классична и в характере ордеров, и в прорисовке карнизов следует правилам раннего классицизма, образуя с ним некий художественно осмысленный сплав.

Что представлял собою Костромской кафедральный собор в первоначальном виде? Схема его традиционна. Основной поднят на подклет объём храма с большой полукруглой апсидой с востока и купольной ротондой наверху (вполне в традиции барокко) окружён криволинейными стенами. С севера и юга эти стены спрямлены, и к устроенным здесь дверям приставлены крыльца с двусторонними лестницами. Ротонда, завершающая эту часть храма, опирается посредством сводов на четыре мощных столба, раскрепованных и оформленных коринфским орденом в виде спаренных пилястр, соответствующей цокольной частью и антаблементом. Интерьер храма освещался двусветными окнами, с характерными для середины XVIII в. наличниками, близкими к почерку Растрелли. Что касается ротонды с её прихотливо очерченным куполом и луковичной главой, то, вопреки первому впечатлению, она отнюдь не освещала храм, а была отделена от него сводом. Здесь размещалась церковная библиотека, а может, и ризница, и попадали сюда по окаймлённому коваными перилами мостику, начинавшемуся с уровня 2-го яруса колокольни, шедшему по коньку кровли и вокруг ротонды и образующему кольцевую площадку. Приём этот, весьма необычный, повторён был в Знаменской церкви на Дебре, перестроенной в конце XVIII в., весьма вероятно, тем же Воротиловым. И композиция, и барочная трактовка ротонды, возведённой тогда над древним четвериком этого храма, чрезвычайно близка Богоявленскому собору.

Трапезной как таковой у кафедрального собора не было. Её, как связующее звено между основным объёмом и колокольней, заменял притвор с тремя двусветными окнами на каждой из двух сторон, высотой и ордерной трактов-

кой фасада, как и на основном объёме. Подклет был и здесь.

Главной, безраздельно доминирующей частью Богоявленского собора была его колокольня. Примат величавой красоты, требований художественности, осознание градостроительной значительности здания над требованиями утилитарности – всё, что столь характерно для эпох взлёта искусств, – наглядно видны в ансамбле Костромского кремля. И Богоявленский собор, и собор Успенский, и дома соборного причта (два построенных из задуманных четырёх) – все они служили подножием величественной колокольне, самому высокому и прекраснейшему зданию Костромы.

Квадратная в плане колокольня имела четыре яруса. Место пятого яруса занимало по-барочному очерченное завершение, сужающееся кверху и переходящее в восьмигранный позолоченный купол, посредством перехватов переходящий, в свою очередь, в луковичную главу, скорее напоминающую шпиль, и также вызолоченную.

Большие циферблаты часов с курантами украшали четыре стороны пятого яруса. Ультрамариновый тон циферблатов оттенял золото римских накладных цифр и фигурных стрелок. Общая высота колокольни достигала 64 метра. Она в два раза превышала построенную позднее на Сусанинской площади пожарную каланчу.

Нижний ярус соборной колокольни с трёхсторонними лестницами в основании, наиболее строгий по трактовке, был решён в римско-дорическом ордере. Тот же ордер, поднятый над цокольным этажом – в виде пилястр и сложно раскрепованного антаблемента, – обнимал и фасады самого храма. Сочными пятнами на фоне монументального ордера выделялись пышные картуши над арками входа и во фронтонах, над боковыми крыльцами основного объёма. Головки херувимов с крыльями украшали замковые камни над верхними окнами фасадов. Пластика нижнего яруса дополнялась сплошным рустом между пилястрами колокольни и цепным рустом на основном объёме храма.

С движением вверх массы колокольни облегчались, становясь всё воздушней. Второй ярус был уже ионическим. Сквозной, с широкими арками объём был окружён хороводом стройных колонн – с соответствующими им пилястрами на стене. Колонны, группируясь попарно по сторонам арки – со сложными постаментами и раскрепованным антаблементом на углах яруса, – завершались одиноко стоящими колоннами, легко рисующимися на фоне неба.

Третий ярус, решённый в композитном ордере – с каннелюрованными колоннами, – был замечателен строгим великолепием. Шестнадцать его колонн, попарно сгруппированных по сторонам арок, были тесно приставлены к стенам, сообщая всему ощущение энергии, свойственное римским храмам.

Четвёртый, несколько облегчённый по высоте ярус, с более узким силуэтом, служил переходом к барочному завершению колокольни. Особенность его в том, что его колонны, также попарно сгруппированные, наполовину гладкие, наполовину каннелюрованные, несут антаблемент с разорванными треугольными фронтонами. Как и в 3-м ярусе, ордер здесь композитный. Замечательно завершение арки яруса. Оно выполнено в стиле барокко и вполне соответствует прихотливому характеру верхней части колокольни.

Ощущению праздничности в облике здания соответствовали позолоченные кованые вазоны, расставленные на парапетах 3-го и 4-го ярусов и в основании купола над часами, а также треугольник «всевидящего ока» с исходящими из него лучами, вызолоченными червонным золотом.

Был ли собор белым или, как принято было в XVIII в., имел двойную расколеровку (белые детали по цветному фону) – нам неизвестно.

Итак, Богоявленский собор был построен и в таком виде простоял около 80 лет. Причиной, побудившей к его перестройке, стало, по-видимому, то, что с ростом населения он стал тесен и с трудом поддавался проветриванию. Ротонда с окнами над храмовым помещением была отделена от него сводом. Были случаи – и об этом сообщали «Костромские губернские ведомости», –

когда, вследствие давки и духоты, прихожане лишались сознания и их выносили из помещения.

По-видимому, в начале 1870-х годов начались работы по расширению и реконструкции храма. Автор проекта перестройки пока не известен. По существу, им было построено новое здание. От старого остались: внутренние опорные столбы с ротондой над ними, алтарная апсида да притвор перед колокольной. Всё остальное было сломано. Вместо одноапсидного храма возник пятиапсидный, гораздо обширнее, нежели прежде. Ротонда библиотеки над зданием, прежде отсечённая от внутреннего пространства храма, после разборки свода между ними стала световой. Это сразу улучшило условия и освещения, и вентиляции.

Надо отметить художественный такт архитектора. Построенные им новые части здания выполнены с уважением к творению С. А. Воротилова, с применением архитектурных приёмов XVIII в., но с западной стороны основного объёма храма, в её северной части, был пристроен дополнительный эвакуационный выход, явно чужеродный по формам. В целом же удалось добиться неплохой стилизации, правда, за счёт большей грузности объёмов и сухости форм.

С утратой соборного ансамбля на кремлёвском холме Кострома лишилась своего композиционного центра, высотной доминанты и обратилась, при взгляде с Волги, в аморфно-безликое нагромождение разностильных зданий. Утрачены и почти все церкви, прежде оживлявшие силуэт города. Пожарная каланча, прекрасная сама по себе, с Волги не видна, она «работает» на внутренние улицы и Сусанинскую площадь. Не просматриваются с Волги купола Богоявленско-Анастасьино монастыря. Колокольня же церкви Спаса в рядах, при своей относительной малости, не в состоянии объединить вокруг себя городскую панораму. Это было «под силу» лишь Богоявленскому кафедральному собору Кремля. И поэтому он не заменим. Без него нет Костромы как исторического, художественно цельного города.

Именно наше поколение, ещё заставшее живых свидетелей былого величия Костромы – прихожан ныне не существующих храмов, обязано, пусть по крохам, собрать все сведения, найти обмеры (если они есть), найти старые фотографии и попытаться сделать графическую реконструкцию уничтоженных памятников зодчества. Это нужно и для истории русской архитектуры, и для формирования исходного материала, необходимого при воссоздании в натуре наиболее ценных из них (что бы ни говорили буквоеды от искусствоведения, зашоренные в представлениях о недопустимости «новоделов»). Прежде всего, это относится к соборному ансамблю Костромского кремля.

Этот гипотетический проект кремлёвского ансамбля должен включать генплан участка, проект ограды и всех ворот, включая Триумфальные. Соборные здания ансамбля, прошедшие сквозь века и нёсшие на себе следы различных строительных эпох – свидетельства их возраста, – должны, как правило, восстанавливаться в том виде, какой они имели в 30-е гг. XX в. Исключения должны касаться деталей, например, порталов Успенского собора, обнаживших свою первоначальную структуру в момент взрыва (о чём свидетельствуют фотографии). В том же направлении, как нам представляется, должна идти и реконструкция Богоявленского собора. И экономически, и эстетически представляется наиболее правомерным воссоздание его в габаритах и формах авторского варианта, более компактного, изящного и более дешёвого в исполнении. Именно этот путь и был выбран при составлении предлагаемого проекта.

Проект подготавливался в течение нескольких лет. Ему предшествовал сбор графических материалов и фотографий в московских и петербургских музеях, опрос очевидцев и внимательное сопоставление чертежей – и обмерных, выполненных перед взрывом собора, и чертежей XIX в. Во многом они были не точны и противоречивы. Критерием истины были натурные фотографии, снятые с разных уровней, с разных точек удаления. И всегда корректирующим началом была та система мер, что применялась строителями старых

времён.

Проект условно называется эскизным. Но по существу, по степени разработки он приближается к рабочему, пусть пока неполному. Наша цель – облегчить работу будущим реставраторам.

Л. С. Васильев, Н. А. Зонтиков

ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ ДАТИРУЕМ ТРОИЦКИЙ СОБОР ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ?

На 2002 год в музее-заповеднике намечено отметить 350-летие одного из главных храмов нашего края – Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Традиционно считается, что собор, который мы видим ныне, был построен в 1650-1652 годах на месте более старого каменного храма, воздвигнутого боярами Годуновыми почти на век раньше. Однако целый ряд данных позволяет изменить эту точку зрения.

Как известно, первый каменный Троицкий собор в Ипатьевском монастыре был возведен Годуновыми взамен деревянного во 2-й половине 50-х годов XVI века: впервые храм упоминается как уже существующий в 1560 году, почему его обычно условно датируют этим годом. Именно в его стенах 14 марта 1613 года произошло важнейшее историческое событие, подведшее черту под трагической эпохой Смутного времени, – провозглашение царем Михаила Феодоровича Романова. Вскоре после 1613 года (вероятно, уже к концу 10-х годов XVII века) к Троицкому собору с юга был пристроен при-

---

Печатается по публикации в газете «Северная правда» (Кострома), 11 октября 2001 г., стр. 8. (Прим. ред.)

дельный храм во имя преподобного Михаила Малеина – небесного покровителя основателя династии Романовых. 29 января 1649 года в результате взрыва пороха, хранившегося в подклете, собор очень сильно пострадал: внутри храма рухнули центральная глава и часть сводов, была полностью разрушена восточная (алтарная) стена. Считается, что в 1650-1652 гг. полуразрушенный храм разобрали, а на его месте возвели новое соборное здание. Однако представляется более верным считать, что в 1650-1652 гг. произошло не строительство нового храма, а восстановление старого, при котором значительная часть прежнего собора была включена в новое здание. Во-первых, в основном сохранились подклеты (подвальная часть) храма – это показали шурфы, заложенные в 1911-1912 гг. во время реставрации собора к юбилею 800-летия династии Романовых. Во-вторых, практически полностью уцелел придельный храм преподобного Михаила Малеина. Как говорится в одном из документов, при взрыве у придельного храма только «верхняго своду немного проломило». В-третьих, от первоначального каменного храма сохранились обитые медью и расписанные золотом по черному фону двухстворчатые двери северного, южного и западного порталов (эти двери пострадали при взрыве, но, видимо, относительно немного). А главное – сами эти три портала архаичны по стилю и явно относятся ко 2-й половине XVI века. Следовательно, мастера, восстанавливавшие в 1650-1652 гг. Троицкий собор, включили в новое здание подклеты, придельный храм преподобного Михаила Малеина и значительную часть стен первоначального годуновского храма. Думается, что в нынешнем соборе «довзрывной» храм занимает не менее 30-40 процентов всего объема здания (более точную цифру можно получить только при проведении дополнительных археологических раскопок и архитектурных зондажей). Всё это дает нам возможность пересмотреть традиционную датировку Троицкого собора, как построенного в 1650-1652 гг., и позволяет более точно датировать храм XVI-XVII веками, т.е. отнести время его сооружения к 1560-1652 годам.

Но что дает нам практически это уточнение истории строительства существующего здания Троицкого собора? Имеющиеся данные, до сих пор не привлекавшие внимания исследователей, со всей непреложностью убеждают в том, что собор, который мы видим, в своих основных частях есть собор XVI века и его камни – свидетели того знаменательного события 14 марта 1613 года, с которого началась новая глава в истории России. В этом отношении Троицкий собор можно сравнить, например, с храмом Святой Софии в Киеве, в котором после больших перестроек в XVII веке от первоначального здания XI века также осталось, наверно, чуть больше 40 процентов объема нынешнего храма, что не мешает относить его к XI веку. Следовательно, намеченное на 2002 год празднование 350-летия Троицкого собора правильнее отметить как 350-летие его восстановления. А в 2010 году можно будет по праву отметить 450-летие возведения каменного Троицкого собора, что, безусловно, будет иметь большое культурное, патриотическое, общегосударственное и общецерковное значение.

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В ИПАТЬЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Среди многих зданий, формировавших в течение столетий облик Ипатьевского монастыря, но давно исчезнувших, есть одно, заставляющее вспомнить о себе именно сейчас, когда церковная жизнь в России входит понемногу в законное русло и культовые здания и монастырские комплексы, хотя и с трудом, но возвращаются к своему создателю и законному владельцу – Русской Православной Церкви. Это церковь Рождества Богородицы.

Интерес к ней отнюдь не академический. Он продиктован насущными требованиями дня нынешнего.

С передачей Ипатьевского монастыря Костромской епархии, пусть пока неполной*, возникает настоятельная потребность иметь в нём постоянно, ежедневно действующий храм. Троицкий собор монастыря, великолепный и поместительный, мало пригоден для этого, ибо рассчитан на особо торжественные богослужения. К тому же это храм-музей, его интерьер с уникальными фресками требует особо бережного отношения.

Где выход? Церковь святого Лазаря, помещающаяся в южной части соборного подклета и «милостиво» дарованная епархии, ничтожно мала и крайне неудобна. К тому же, устроенная в 1879 г. над захоронениями костромских архиереев, она всегда использовалась исключительно для заупокойных служб.

Печатается по тексту, опубликованному в альманахе «Светоч» (Кострома, 1996, с. 54–56), с небольшой редакторской правкой. (Прим. ред.)

* Полная передача состоялась в конце 2004 г. (Прим. ред.).

Местом для служб повседневных в Ипатьевском монастыре всегда была церковь Рождества Богородицы – относительно небольшой тёплый храм, стоявший у юго-западного угла Троицкого собора и переходом с ним сообщавшийся. Сейчас его нет. Несомненно, он должен быть восстановлен.

Но как, в каком виде? Дело в том, что в Ипатьевском монастыре было, по крайней мере, четыре Рождественских храма, последовательно сменявших друг друга.

Первый из них относится к тем трудно прослеживаемым временам, когда монастырь, его стены и внутренние постройки были деревянными. Деревянным был и храм Рождества Богородицы. В 1558–1559 гг. одновременно со строительством первого каменного Троицкого собора рядом с ним был построен каменный, меньший, Рождественский храм. Некоторое представление о его внешнем виде даёт известный рисунок первой половины XVIII в., в весьма условной манере изображающий Ипатьевский монастырь с птичьего полёта, со стороны реки Костромы.

Как и Троицкий собор, Рождественская церковь имела пять луковичных глав, четырёхскатную кровлю и трёхчастные апсиды.

Иными сведениями об этом здании мы не располагаем, ибо его снесли в середине XVIII в. Причины нам неизвестны. Возможно, он стал тесен и набором помещений не соответствовал новым требованиям. Вероятно появление на нём трещин («ветхостей»). Думается, всё же главной причиной стало резкое изменение художественных вкусов в русском обществе той поры, переориентация их на европейские образцы.

Середина XVIII в., а также вторая его половина, совпавшие с царствованием Елизаветы Петровны и Екатерины II, в провинции были ознаменованы появлением нового архитектурного течения – «русского барокко». Консерватизм жизненного уклада внутренних областей России, следование заветам старины обычно приводили к тому, что архитектурные веяния из столицы достигали провинции через 20–30 лет, получая, правда, при этом не лишённую

обаяния, а подчас и курьёзности, интерпретацию. Так было и с Костромой.

В 1767 г., в ряду других поволжских городов, она была удостоена посещения императрицы Екатерины. К приезду её, заранее назначенному, Ипатьевский монастырь в духе времени украсился новыми, Екатерининскими воротами, пробитыми в северной монастырской стене и сделанными по образцу Петровских ворот петербургской Петропавловской крепости. Одновременно внутри монастыря, строго по оси новых ворот, был построен храм Рождества Богородицы, зрительно замкнувший пространство между Троицким собором и звонницей. Построен он был на месте снесённого храма XVI в.

Как выглядел этот, третий по счёту, Рождественский храм? Мы располагаем довольно детальными его чертежами из архива Синода, фиксирующими состояние и вид здания в интервале 30–50 гг. XIX в. Сохранились и натурные рисунки Н. Чернецова 1838 г. с видами Ипатьевского монастыря.

Судя по этим документам, новый Рождественский храм, стилистически перекликавшийся с Екатерининскими воротами, представлял собою каменное двухэтажное здание, вытянутое по оси запад – восток и состоявшее из сводчатого подклета и основного этажа с плоским деревянным перекрытием. В принципе, оно служило как бы продолжением галерей Троицкого собора, хотя непосредственно и не примыкало к нему. «Буферной зоной» была квадратная в плане площадка, ныне составляющая юго-западный угол соборной галереи. Первоначально она была открытой, но во 2-й половине XIX в. включена в контур галереи, получив наружные стены с декором, примерно соответствующим древним образцам.

Главным фасадом нового храма был северный. Здесь, в основании главного этажа, проходила терраса на аркаде с широкой парадной лестницей в центре. Предназначенная для крестных ходов, к востоку она входила в упомянутый «выгрыз» соборной галереи и отсюда посредством лестницы с поворотом сообщалась с землёй у прямоугольного алтаря храма.

Основной этаж здания с выступающим ризалитом-тамбуром по оси глав-

ного фасада был обработан пилястрами и имел развитой антаблемент. Высокие арочные окна украшали нарядные наличники с лучковым завершением. Весь строй архитектуры фасада смутно напоминал образ Китайского дворца в Ораниенбауме (хотя о прямой преемственности мы говорить не вправе). Венчала храм двускатная железная кровля и декоративное навершие по главной оси. Оно имело вид глухой ротонды, переходившей в прихотливо очерченный купол, и крупную луковичную главу с крестом. К западному торцу Рождественского храма, первоначально открытому, в 1838 г. был добавлен двухэтажный объём трапезной с кухней. Его фасады, выполненные в стиле барокко, органично слились с фасадами Рождественского храма. Нарядный же интерьер, в духе времени, был выполнен в стиле классицизма. Автором этого незаурядного здания, также, к сожалению, не сохранившегося, оказался... «ученик Костромской духовной семинарии Высшего отделения Иван Краснухин». Россия не оскудевала талантами.

К западу от трапезной вплоть до корпуса с одностолпной палатой (относящегося к концу XVI в.) в ту пору, а также до 60-х годов XIX в. было пустое пространство. Впоследствии здесь возник свечной корпус, построенный по проекту К. А. Тона. Он занял место и трапезной, и, частично, Рождественского храма.

Говоря об интерьере храма, нельзя не упомянуть о двойной ионической колоннаде, делившей церковный зал на три нефа, и о накатных деревянных потолках. Они были сделаны при ремонте 1820 года.

Кто был автор Рождественского храма и Екатерининских ворот (их временная и стилистическая связь очевидна)? Мы этого не знаем. Скорее всего, это был мастер петербургской школы, достаточно искушённый в современных ему архитектурных течениях.

Если оценивать эстетические и композиционные качества храма XVIII в., нельзя не признать, что, при отсутствии формальной связи с архитектурой века предшествовавшего, здание это, тем не менее, гармонично вписалось в

сложившийся монастырский ансамбль. Двухъярусность построения его фасадов находила отклик в галереях Троицкого собора. Имея собственное лицо, храм этот не противоречил облику главного монастырского здания, но композиционно высотно ему подчинялся. Удобен он был и функционально, ибо общался с собором, а впоследствии объединялся с монастырской трапезной.

Так что же послужило поводом к сносу этого красивого здания? Дело в том, что к исходу 1840-х годов оно стало покрываться трещинами, и причиной этого, как мы предполагаем, было существование между Троицким собором и звонницей подземного источника. Интенсивность его незначительна и колеблется со сменой годовых сезонов. Однако и поныне его незаметное, но постоянное воздействие ощущается на смежных зданиях. Не случайно появление в середине прошлого века мощного контрфорса у южного торца звонницы. Явственно проявляется действие источника на юго-западном углу собора, периодически испытывающем вертикальные колебания.

Именно этот подземный ручей сыграл в своё время роковую роль для обоих Рождественских храмов, последовательно сменивших друг друга в середине XVIII в.

Справедливость этой гипотезы становится очевидной при взгляде на генеральный план соборного участка середины XIX в. и учёте характера деформационных трещин на фасадах и планах Рождественской церкви той поры. Храм XVIII в., поставленный поперёк подземного потока, фактически преграждал его путь. В результате весь северный фасад здания оказался покрытым сквозными трещинами, причём в восточной и западной его частях они указывают на просадку углов. Продольная трещина, проходящая по сводам церковного подклета, свидетельствует об отклонении от вертикали южной стены — следствие подмыва грунтовыми водами основания. Неизбежность принятия срочных мер становится очевидной к началу 1850-х годов.

Итак, в середине XIX в. епархиальные и монастырские власти, в силу технических причин, были вынуждены разобрать церковь XVIII в. и строить

новую. Однако новый Рождественский храм не стал повторением прежнего. Да иначе и быть не могло. В те годы, отмеченные общей деградацией искусства архитектуры, на щит поднимается тезис «народности» в его казённо-бюрократическом понимании. Пророком нового стиля был знаменитый К. А. Тон, петербургский архитектор, работавший, кстати, в то время в Ипатьевском монастыре. Ему и был заказан проект новой, четвёртой по счёту Рождественской церкви. Строительство её падает на 60-е годы XIX в.

В чём были её особенности? В отличие от храма XVIII в., вытянутого с запада на восток, она представляла собою компактный кубический объём с пятью луковичными гранёными главами и трёхчастными апсидами, как и прежде, примыкавшими к юго-западному углу соборной галереи. Новый храм имел подклет и был ориентирован главным фасадом, который украшала широкая парадная лестница, на север. С четырьмя внутренними опорными столбами, системой подпружных арок и крестовых сводов – в общих чертах он следовал допетровской традиции и технически был выполнен безупречно. Однако как явление зодчества в его истинном понимании храм имел явные признаки деградации, потери чувства ансамбля и внутренней гармонии.

По сути, это была неудачная копия древнерусского храма, уменьшенное подобие соседнего Троицкого собора, лишённое, однако, его монументальности и мягкой пластики форм. Применённое на новом храме пятиглавие рядом с мощным пятиглавием собора сбивало его масштаб; сухой, механически прочерченный декор фасадов угнетал бездушием.

Не случайны негативные оценки этого здания – и со стороны искусствоведов, и просто любителей русской художественной старины.

Впрочем, и о храме сем приходится сказать «он был». В 30-е гг. XX в. его разрушили.

Думая о восстановлении Рождественского храма Ипатьевского монастыря, мы должны сделать выбор между двумя достоверно известными его вариантами – храмом XVIII в. и храмом К. А. Тона. Какой из них предпочтитель-

ней? Исходя из предыдущего анализа, полагаем, что это должен быть храм XVIII в. Для его воссоздания мы располагаем детальными чертежами. Не претендуя на доминирующую роль при своей скромной, но элегантной архитектуре, он гармонично впишется в монастырский ансамбль. Храм этот относительно невелик, следовательно, он будет дешевле и его быстрее можно построить. Что касается основания храма, здесь было бы наиболее целесообразным применение ростверка на буронабивных (возможно кустовых) железобетонных сваях. В этом случае подземные воды смогли бы свободно протекать под зданием, не нанося ему вреда.

При осуществлении предлагаемого варианта Ипатьевский монастырь в существенных частях вернулся бы к облику XVIII в.

АРХИЕРЕЙСКИЙ КОРПУС ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Костромская земля сохранила немного каменных гражданских построек XVI–XVII вв. Из зданий этого рода, возникших в XVII в., известны: 1) настоятельские и братские кельи Макарьево-Унженского монастыря (сохранились с перестройками XIX в.); 2) настоятельские кельи костромского Богоявленского монастыря и 3) гражданские здания Ипатьевского монастыря – квасоварня, нижний этаж келий над погребями, так называемые «палаты Романовых», радикально перестроенные в XIX в., нижний этаж братских келий (датируется серединой XVI в.), нижние части корпуса богадельни и Архиерейский корпус.

Подобно многим монастырям, Ипатьевский монастырь был построен на мысу, ограждённом со всех сторон преградами естественного и искусственного происхождения. Восточную бровку возвышенности мыса занял собор Троицы, а стены монастыря и вытянутые по их периметру жилые и хозяйственные постройки располагались в низине. Это обстоятельство предопределило судьбу их нижних этажей. Они были засыпаны при земляных планировочных работах по выравниванию уровня монастырского двора в первой половине XIX в.

Печатается по тексту, опубликованному в «Краеведческих записках» Костромского историко-архитектурного музея-заповедника (вып. I, Ярославль, 1973, стр. 31–62), с незначительной редакторской и корректорской правкой. (Прим. ред.)

Развиваясь во времени в общем русле русского зодчества, Архиерейский корпус отразил многие его существенные особенности и в нынешнем виде, после реставрации, может служить, в известной мере, энциклопедией исторических стилей. От аскетизма и сурового величия XVI в. к изысканной декоративности XVII-го, от суховатых форм середины XVIII в. к зрелому классицизму пушкинской поры и далее к эклектике 40–50 годов XIX в. – таков диапазон архитектурных образов этого здания.

Нынешний Г-образный в плане Архиерейский корпус, частью слившийся с восточной крепостной стеной, частью вытянутый вдоль северной стены с разделяющим корпус и стену засеньем, представляет собой конгломерат разновременно возникших построек. Далеко не все они предназначались для настоятеля монастыря, хотя в нынешнем виде настоятельские кельи объединены с казначейскими и экономскими кельями. Сюда же входит и церковь Хрисанфа и Дарии – позднее сооружение, возведённое на месте древней надвратной церкви. Поэтому, говоря об истории здания, мы невольно коснёмся истории его слагаемых.

Здание Архиерейского корпуса занимает северо-восточный угол Старого «города» Ипатьевского монастыря. Первая каменная с башнями стена монастыря построена в 1589–1592 гг. Северная сторона ограды, лишённая промежуточных башен, тянется от северо-западной к северо-восточной (Пороховой) башне, откуда под прямым углом поворачивает к югу и, следуя вдоль реки Костромы, идёт до Водяной башни. В середине восточного прясла крепостной стены, выстроенного одновременно с ней, поднималась двухчастная церковь Иоанна Предтечи, св. Ирины и Феодора Стратилата над Святыми и Водяными воротами. Здесь был главный въезд в монастырь*.

---

* Интересным было устройство входа в ворота со стороны реки Костромы. До проведения археологических вскрытий участка к востоку от них трудно делать выводы вполне достоверные. Но при сличении данных описи 1701 г. (ЦГАДА, Монастырский приказ, ф. 237, оп. 1, ч. 2, ед. хр. 34: «Переписная

Древний настоятельский корпус, предшественник нынешнего Архиерейского, был деревянным и располагался в том же месте – вдоль северной крепостной стены, между линией братских келий и кельями казначея, стоявшими вдоль восточной стены между Пороховой башней и надвратной церковью над Святыми и Водяными воротами. Разумеется, он не раз горел и возобновлялся вновь.

книга церковной утвари Костромского Троицкого Ипатьевского монастыря») и описи 1742 г. (ГАКО, Костромской Архиерейский дом, ф. 132. оп. 1, ед. хр. 4: «Сметы на ремонт монастырских зданий, составленные архитектором Мичуриним», л. 52 об.) возникает некий приблизительный образ этого уже исчезнувшего сооружения. К югу от Святых ворот под прямым углом отходила каменная зубчатая стена; спустя $4 \frac{2}{3}$ сажени стена заворачивала к северу и на протяжении $17 \frac{1}{3}$ сажени шла параллельно крепостной стене, а потом обрывалась. Отсюда на крепостную стену перекинута арка ворот толщиной 3 аршина и пролётом 4 сажени. Над воротами стояли три одинаковых шатра «с яловейками», размерами 3×3 аршина в основании и высотой 7 аршин. Расстояние внутри, между городской стеной и стенкой укрепления, было равно 4 сажням. Перед Святыми воротами коридор перегораживался железными створными воротами, а за ними – опускными деревянными решетчатыми. Наконец, перед Святыми воротами, в стене напротив, было боевое помещение для обстрела штурмующих с тыла. Укрепление это изображено на миниатюре «Прибытие посольства к царю Михаилу Федоровичу...». Правда, на этом рисунке нет ворот с тремя шатрами наверху, но это объяснимо одновременностью рисунка (более раннего) и письменных источников (1701 и 1742 гг.) и, следовательно, возможно более поздним происхождением шатров. Труднее объяснить несоответствие данных «Писцовой книги» 1628 г. о двойных воротах под церквями и тем, что изображено на рисунке, – там одна арка. Единственное объяснение может быть в том, что художник, писавший миниатюру в Москве, мог ошибиться, тем более что все другие источники указывают на двойные ворота.

Письменными данными о постройке каменного здания настоятельских келий мы не располагаем. Наиболее раннее из известных нам описаний Ипатьевского монастыря – «О постройке в Ипацком монастыре разных зданий» (ЦГАДА, ф. 237, т. 1, ч. 2, ед. хр. 3489, 1711 год, л. 3), где упоминается настоятельский корпус, фиксирует его как здание, уже пострадавшее от огня. Натурные обследования настоятельских келий позволяют определить его древнейшую часть – она начинается сразу же за Екатерининскими воротами и в виде двухэтажного здания идет к востоку.

По южному дворовому фасаду, во втором этаже, оно имеет 4 окна и дверь, внизу – дверь и три небольших окошка. К двери верхнего этажа вела снизу деревянная лестница. Здание имеет венчающий и промежуточный карнизы, его верхние окна окружены наличниками с завершением в виде фронтона и бочки. Нижние окна, лишённые наличников, выглядят как прямоугольные углубления с перемычкой из набегающих рядов кладки и по типу напоминают окна келий Новоспасского монастыря в Москве. Перекрытия обеих этажей первых каменных настоятельских келий – сомкнутые своды с распалубками.

В отличие от южного фасада, северный, обращённый в засенье, был предельно прост, имел гладкие стены, промежуточные венчающие карнизы, нижние окна, подобные нижним окнам южного фасада, верхние – окружённые прямоугольной рамкой со скошенными краями и углублениями для железных ставен. По ширине кельи не имели промежуточной стены. Их западный торец упирался в торец братских келий, располагавшихся в этой же линии, но со смещением к северу. Ближайшая к братским кельям часть этого здания сломана в 1767 г. при устройстве в этом месте Екатерининских ворот. При этом засенье обоих корпусов – Братского и Настоятельского, – прежде переходившее одно в другое, было разделено на две половины проездом ворот.

Но когда же был построен этот корпус? За неимением письменных свидетельств обратимся к аналогам. Ближайший из них совсем рядом – это ша-

тровая колокольня, пристроенная в 1652 г. к звоннице Ипатьевского монастыря. Окна в восточной стене её третьего яруса очень близки двум из четырёх окон во втором этаже дворового фасада настоятельских келий.

Итак, возможной датой постройки первых каменных настоятельских покоев может быть 1652 г. Но допустима и несколько более ранняя датировка – примерно 1645 г. Дело в том, что в одно из очелий дворовых окон 2 этажа настоятельских покоев вмонтирован белокаменный блок с рельефным изображением государственного герба (двуглавого орла) – косвенное свидетельство того, что корпус мог быть построен на царские пожертвования, когда за счёт государственной субсидии в 1643–1645 гг. строился Новый город Ипатьевского монастыря. Возможно, часть пожертвованных средств была использована для строительства настоятельских покоев*.

Второй составной частью будущего Архиерейского корпуса были Святые и Водяные ворота с надвратной церковью, образующие вместе с трапезной, папертью и крыльцом комплекс каменных построек в средней части крепостной стены Старого города. К трапезной примыкала «братская палата», являвшаяся верхним этажом двухэтажного здания, в нижней части которого размещались три кельи с сенями**.

К северу от ворот вплотную к крепостной стене примыкала одноэтажная каменная палата, перекрытая сомкнутым сводом.

Она не поддаётся точной датировке, но, несомненно, появилась задолго до 1620-х годов – времени надстройки монастырских стен после польско-шведской интервенции. В ходе исследований выяснилось, что впоследствии она была надстроена и превращена в двухэтажную, с сомкнутыми сводами над каждым из этажей, причём верхний свод перекладывался ещё раз (см. план 2 этажа, помещение I). Фасады этой палаты расчленены лопатками и простыми венчающим и промежуточным карнизами из трёх рядов кирпича,

---

* Версия искусствоведа Е. В. Кудряшова.

** ГАКО, ф. 132, оп. 1. ед. хр. 4.

арочные окна не имеют наличников. Вслед за этим, не позже десятых годов XVII в., к ней прибавилась ещё одна келья, на сей раз двухэтажная, продолжившая линию застройки к северу (помещение II). Западная стена кельи нижнего этажа украшена красивым килевидным порталом.

Окончательный облик здания у восточной стены монастыря определили строительные работы, предпринятые после надстройки крепостных стен в двадцатых годах XVII в. К северному торцу помещения (II) были пристроены ещё три двухэтажные палаты (помещения III, IV, V), с общим фасадом, под общей крышей. Одновременно под стать кельям переделывается фасад (помещение II). Здание, протянувшееся вдоль крепостной стены от Святых ворот к Пороховой башне, получило название казначейских келий.

Фасад этих келий, не имеющий как будто аналогий в русской архитектуре, стоит того, чтобы сказать о нём несколько слов. Он построен на контрасте между подчёркнуто монументальным цоколем с амбразурами редко расставленных окон, килевидным порталом с уплощёнными профилями, круглой люкарной в междуэтажном карнизе и суровым верхним этажом, зрительно облегчённым за счёт плоских трёхступенчатых ниш прямоугольного очертания, объединённых лёгкими тройными полувалями. В нишах утоплены узкие щелевидные окна с обрамлением из полуваля с перехватами (в виде лёгкой арки), окружающими оконный проём. В центре фасада верхнего этажа устроен арочный проём входа, в такой же прямоугольной нише, но с добавлением полуваля по её внешнему контуру. Сюда снизу вёл наружный вход. Крайние простенки между нишами, по три с каждой стороны, украшены ширинками с подобием «солнца» (круглые тарелки с шишечками в центре). Фасад келий свидетельствует о мастерстве и самобытности их строителей.

Особенность планировочной структуры казначейских келий – в постановке двух крайних помещений (IV и V) с отступом от крепостной стены так, что между их восточной стеной и стеной монастыря получается коридор. Столбы по краю боевого хода здесь заменены сплошной стеной с ритмично

расставленными узкими окнами. И коридор, и боевой ход крепостной стены перекрываются цилиндрическими сводами. Все помещения в обоих этажах имели сомкнутые своды, лишь сени (помещение III) были перекрыты цилиндрическими. Верхние кельи соединялись между собой дверями по принципу анфилады, а нижние, имевшие подсобные функции, были более разобщены и имели больше наружных входов. Печи в помещениях IV и V второго этажа обогревались горячим воздухом, который поступал по внутристенным каналам из нижестоящих печей.

Все сведения о казначейских кельях, изложенные выше, получены при натурных исследованиях, которые послужили, в свою очередь, основанием для реставрационных работ, ныне осуществлённых.

До 80-х гг. XVII в. архимандричьи* и казначейские кельи стояли отдельно, разделённые обширным пространством. Решающим этапом в становлении ансамбля северо-восточной части Ипатьевского монастыря, где образовался парадный двор, были работы, по-видимому, 1670 – 80-х гг. (судя по стилистическим приметам). Возведённое между восточным торцом архимандричьих келий и западным фасадом келий казначея двухэтажное, одинаковой с ними высоты крыло (помещения VIII – XIV), соединило обе части нынешнего Архиерейского корпуса, придав ему знакомое нам Г-образное очертание в плане.

Осуществлённая постройка возникла в два этапа, но не потеряла в стилистической цельности главного дворового фасада. Сначала была сделана западная часть – от восточного торца первых архимандричьих келий до того места, где фасад делает поворот в плане, и затем постройка была продолжена к востоку, вплоть до западного фасада казначейских келий, где на стыке с ним, с дворовой стороны, был устроен новый наружный вход во второй этаж по деревянной лестнице.

Эта постройка состояла из трёх келий по южному фасаду с двумя сенями

---

* Ипатьевская архимандрия учреждена в 1598 г.

в виде узких коридоров и кельи с сенями со стороны засенья. Одна из келий дворовой линии во втором этаже (помещение IX) имела с северной стороны дополнительный коридор (IXа), служивший, по-видимому, проходом для истопника к печи в келье. Разделительная стена покоилась непосредственно на своде нижнего помещения и имела в нижней своей части разгрузочную арку – приём, применённый впоследствии при надстройке третьего каменного этажа. Все помещения новых настоятельских келий перекрывались по традиции сомкнутыми сводами, кроме двух сеней по южному фасаду, перекрытых коробовыми сводами.

Южный фасад новых настоятельских келий, продолживший фасад более раннего здания, повторил его структуру – два этажа разделялись тем же междуэтажным карнизом с поребриком, а венчающий карниз, равновеликий по массам карнизу ранних келий, имел более сложную профилировку и больший вынос. Лопатки, членившие стены верхнего этажа, соответствовали внутренним поперечным стенам.

Нижние окна полностью повторяли соответствующие формы ранних келий, верхние же, имевшие значительно больший световой проём, обрамлялись пышными наличниками из тёсаного кирпича с цепью спаренных кувшинчиков, с перехватами по сторонам и трёхлопастными очельями наверху. Внутренние поля очелей были расписаны растительным орнаментом и изображениями птиц. И нижние, и верхние окна имели железные ставни. Во внутреннем углу фасада, на месте стыка новых настоятельских келий с казначейскими, во втором этаже, рядом с порталом казначейских келий, был сделан новый портал со спаренными бусами по сторонам и венчающим карнизом. Портал не имел очелья, ибо в этом месте к стене над ним примыкала тесовая кровля крыльца.

В силу того, что первые настоятельские кельи были построены на месте более возвышенном, нежели казначейские, а продолжившее их линию новое здание сомкнулось с фасадом казначейских келий, промежуточные карнизы

обоих зданий получились на разных уровнях – верх промежуточного карниза настоятельских келий и соответствующий ему порог портала оказались выше верхней отметки карниза казначейских келий и порога старого портала на 92 см. Это привело к тому, что при устройстве нового крыльца, ориентированного на новый портал, перемычка портала казначейских келий была повышена. Рядом с крыльцом, под верхним этажом новых келий, был устроен проезд в засенье в виде широкого коридора под коробовым сводом.

Более скромный северный фасад новых келий имел венчающий и промежуточный карнизы, крепящиеся над лопатками; северные окна верхнего этажа повторяли нижние окна на южном фасаде. Все здания – и настоятельские, и казначейские кельи, и надвратная церковь с окружающими её постройками – имели тесовые кровли. Архитектура новых келий отражает общую тенденцию в развитии русского зодчества второй половины XVII в. – нарастание декоративности.

Менее изучена история южной части Архиерейского корпуса, расположенной к югу от Святых ворот. Известно, что здесь, за крепостной стеной, уже в начале XVII в. был ряд двухэтажных келий. Они видны на раскрашенной гравюре «Прибытие посольства к царю Михаилу Федоровичу», хранящейся в Оружейной палате Московского кремля. Но в XVIII в.* они были разобраны до основания вместе со смежным участком восточной крепостной стены. На их месте построено вновь двухэтажное здание простой архитектуры – с венчающим карнизом из трёх рядов кирпича и двумя рядами окон с наличниками в форме прямоугольной рамы из гладких тычков кирпича.

Перекрытия в обоих этажах были сводчатыми, кровля – тесовая. В 1770-х годах внизу размещались две кельи, поварня с очагом и келья с

---

* Сделано это было, по-видимому, незадолго до 40-х годов XVIII в., т. к. Мичурин, останавливавший своё внимание на разного рода ветхостях в 1742 г., совершенно не упоминает это здание. В 1747 г. над ним был надстроен 3-й деревянный этаж, просуществовавший до 1822 г.

«хлебной» печью, во втором этаже – «экономская», состоявшая из двух смежных келий, и «экономское» правление, разделённые сенями. Верхние помещения обогревались изразцовыми печами. Своды были расписаны по штукатурке растительным орнаментом. Экономский корпус (примем это название) имел внутреннюю лестницу в помещении, смежном с надвратной церковью, и дополнительный выход на восточную крепостную стену (в юго-восточном углу здания), откуда вдоль южного фасада спускалась кирпичная лестница.

Вскоре после постройки второго корпуса настоятельских келий там, где они примкнули к кельям казначея, со стороны засенья, появляется двухэтажный пристрой с наружной стеной по линии их северного фасада (помещение XV). Этот пристрой, использовавшийся как сени, окончательно закрыл северную часть западного фасада казначейского корпуса, с тех пор обращённого в кладовые.

Скудость письменных источников, а то и полное их отсутствие, чрезвычайно затрудняют датировку строительных периодов по Архиерейскому корпусу. Так обстоит дело на протяжении всего XVII и первой половины XVIII вв. Единственным основанием, впрочем довольно шатким, служит стилистический анализ архитектурных конструкций, размеров применённого кирпича и архитектурного декора фасадов. Открытым остаётся вопрос о времени постройки каменных трёхэтажных поваренных сеней в северо-западном углу настоятельских келий (помещение XVI). Несомненно одно – они возникли в первой половине XVII в., скорее, во второй его четверти.

Не уточнена дата третьего каменного этажа над северной линией здания – от Братского корпуса до восточной крепостной стены. Опись 1742 г.* называет третий этаж существующим и говорит о необходимости его ремонта. Стилистический анализ допускает лишь один период – эпоху Петра I, причём её первую половину, т.е. самый конец XVII в., ибо с первых лет XVIII в.,

---

* ГАКО, Костромской Архиерейский дом, ф. 132, оп. I, ед. хр. 4.

подобно многим монастырям, Ипатьевский монастырь вступает в период экономического упадка – следствие церковной реформы Петра. Возведение же столь обширного каменного этажа стоило немалых средств.

При внимательном рассмотрении этого этажа можно заметить, что он строился в три этапа. Первой была возведена часть над западной третью настоятельских келий, точнее, над сенями второго этажа и далее к западу, вплоть до Братского корпуса. Одна из келий третьего этажа выходила к югу, за пределы плана нижних этажей, опираясь на двухъярусное крыльцо, сделанное одновременно. По более поздним описаниям, крыльцо это имело в основании кувшинообразные столбы, по типу опор крыльца противостоящего Троицкого собора, и было украшено изнутри изразцами. Непосредственно вслед за этим (ибо стилистическая общность выдаёт руку одного мастера) возводится основная часть этажа – над всеми существующими в то время помещениями северной линии здания, включая помещения северной части казначейских келий, закрытой в своё время настоятельскими кельями. С надстройкой нового каменного этажа всё здание, ещё включавшее в себя в ту пору Святые ворота с надвратной церковью, получило небывалый размах и живописность. Сочные формы карнизов и оконных наличников новых (по счёту – уже третьих) настоятельских покоев с узорным ковром нижестоящего фасада второго периода создавали впечатление исключительной праздничности*.

Архитектура новых келий – порождение новой эпохи, последовавшей за смертью царя Алексея Михайловича, когда декоративность древнерусской ар-

---

* Напомним, что здесь, между Троицким собором и настоятельским корпусом, в течение столетий был парадный двор Ипатьевского монастыря, его культовый и административный центр. По западной и южной сторонам площади шли переходы в собор: один от трёхэтажного крыльца настоятельских покоев к крыльцу собора, второй – со стороны экономского корпуса в северную паперть собора (последний переход впоследствии заменили на каменный).

хитектуры достигла своей кульминации. Хронологически это время совпало с царствованием Фёдора Алексеевича, юностью Петра и правлением Софьи. Усиленное проникновение западных влияний, наблюдаемое в это время, выразилось, в частности, в появлении такого феномена в русском зодчестве, как «нарышкинское барокко» – стиля, соединившего малороссийский вариант барокко с исконно русскими приёмами. Свобода, лёгкость и грация в декоре соответствовали общему духу обмирщения русского искусства той поры.

Радостью бытия веяло от новых настоятельских келий. Просторные светлые залы с изразцовыми печами, с резными внутренними порталами и парадными сенями кажутся ещё более значительными по контрасту с низкими и тесными кельями, созданными за двадцать – тридцать лет до них.

Авторство третьего каменного этажа документально не установлено. По мнению Е. В. Кудряшова, строителем его мог быть каменщик, крепостной Ипатьевского монастыря Г. Мазухин, возведший в 1692 г. третий этаж рязанского Архиерейского дома в формах, близких к формам третьего этажа настоятельских келий Ипатьевского монастыря. И здесь и там были устроены выступающие вперёд трёхэтажные каменные крыльца.

Последним этапом в создании третьего этажа были работы по выравниванию фасадной линии со стороны засенья. Они были предприняты, очевидно, в интервале 1725–1740 гг. и заключались в устройстве поваренных сеней в северо-западном углу корпуса и ряда подсобных помещений в северо-восточном углу. Пристройки, за исключением сеней, осуществлялись сразу в трёх этажах. Поваренные сени были построены сначала двухэтажными; их нижний этаж, служивший подклетом, с тремя открытыми арками по северному фасаду, перекрывался цилиндрическим сводом, второй имел плоское перекрытие. Третий этаж, со сводчатым перекрытием, появился вскоре за ними. Помимо хозяйственных нужд, пристройки использовались для устройства «ретирадных мест»; из сеней, с обеих верхних этажей, спускались в засенье и на северную крепостную стену воздушные деревянные переходы.

В 1742 г. Ипатьевский монастырь посетил известный московский архитектор Мичурин, оставивший интересное его описание*, но отметивший и плачевное состояние большинства монастырских зданий, в том числе настоятельских келий. Из составленной описи мы узнаём о существовании в двух верхних этажах «досчатых» полов, об изразцовых («обращитых») печах, о стеклянных окончинах в окнах. Из описи видно, что третий этаж в это время занимал архимандрит, второй (где архимандриты жили прежде) – монастырский приказ, а в казначейских кельях размещались казначей и кладовые. Опись содержит ценные сведения о надвратной церкви и оборонительном сооружении (захабе) перед Святыми воротами.

С 1745 г., с учреждением Костромской епархии, Ипатьевский монастырь становится резиденцией архиерея, а архимандричьи кельи переименовываются в архиерейские. Костромской архиерей, первым обосновавшийся в Ипатьевском монастыре, – епископ Сильвестр Кулябка, – не удовлетворённый существовавшими к его времени настоятельскими покоем, приступает к их расширению. В 1745–1747 гг. над всей восточной линией устраивается третий этаж, на этот раз деревянный, оштукатуренный изнутри и снаружи, с плоскими потолками и тесовыми, ломаного очертания кровлями. Ради единообразия внешнего фасада, обращённого на реку Кострому, под стать окнам новых, четвёртых по счёту, архиерейских покоев переделываются окна в восточном торце каменного третьего этажа**, причём срубаются все элементы декоративного убранства конца XVII в. – наличники, трёхчетвертные колонны, а заодно и выступающие части зубцов крепостной стены в их основании. С трёх сторон новый этаж окружает деревянный балкон на деревянных консолях с подкосами, устраивается галерея на столбах – переход в Троицкий собор, в его северную паперть, выходящий из третьего деревянного этажа над

---

* ГАКО, Костромской Архиерейский дом, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 4.

** При переделке окна были смещены в соответствии с ритмом окон в 3-м деревянном этаже.

экономскими кельями*.

В 1760 г. в северо-восточной каменной части третьего этажа Архиперейского корпуса епископом Дамаскиным устраивается домовая крестовая церковь во имя иконы Владимирской Божией Матери, с накатным потолком, с клеймами лепной работы; на церкви устанавливается «глава деревянная выкрашена красками» с железным вызолоченным крестом**.

Опись 1770 г.*** рисует картину декоративного убранства архиерейских покоев. Вот несколько выдержек из неё, относящихся к третьему деревянному этажу: «Две кельи небольшие, одна от другой простенком перегороденные. Одна из них обита белыми со слюдяной насыпью шпалерами, другая – по стенам же обита с насыпью по шарой**** земле разноцветными шпалерами, в них две печи <...> что к реке Костроме небольшие сени, по стенам обиты по желтой решетчатой земле разноцветными шпалерами, из тех сеней большая зала с печью, сверху от потолка по стенам обита шпалерами краски темно-вишневой, а внизу поставлены панели деревянные, расписанные разными красками, в ней одна печь <...>».

Любопытно, что помещения старой части третьего этажа были отделаны куда скромнее: «<...> из той кельи зала большая (речь идёт о бывшей крестовой палате. – Л.В.), своды и стены подмазаны штукатурною работою, в них печь одна <...>».

Помимо упомянутых большой залы и Владимирской домово́й церкви, в

---

* В 1777 г. деревянный переход был заменён на каменный и получил вид гульбища на высокой аркаде с парапетами по сторонам. Автор проекта каменного перехода не установлен, подрядчиком на его строительстве был известный костромской зодчий конца XVIII в. Степан Воротилов.

** ГАКО, Костромской Ипатьевский монастырь, ф. 712, оп. 1, ед. хр. 37.

*** ГАКО, Костромской Ипатьевский монастырь, ф. 712, оп. 2, ед. хр. 393-а.

**** Шара – у маляров: дикая краска, мел с сажей.

третьем каменном этаже в это время размещались: архиерейская библиотека (к северу от старой крестовой палаты), двое больших сеней (одни из них поваренные) с внутренними лестницами во второй этаж и две небольшие кельи с окнами, обращёнными в проезд Екатерининских ворот, устроенных в 1767 г. Пробивкой этих ворот, как сказано, была уничтожена западная часть древнейших настоятельских келий и часть третьего этажа над ними. Второй этаж Архиерейского корпуса в это время был занят экономской и экономским правлением (в южном крыле), казначейской и кладовыми (северное крыло той же линии), поварней и скатертной (по южному фасаду б. архимандричьих келий – там, где в 1742 г. размещался монастырский приказ), двумя сенями (под сенями третьего этажа) и кельей с хлебной печью.

Бывшая ризничная и сени при ней (северная часть постройки 1670-х годов) с 1766 по 1771 гг. использовались как баня архиерея; но затем баня была переведена в нижний этаж этого же крыла, в два помещения к западу от углового проезда, в засенье, с окнами на монастырский двор (помещения IX и XI). В нижнем этаже размещались две кельи, поварня с очагом и келья с хлебной печью (южное крыло), казначейские кладовые (северное крыло той же линии), в линии б. настоятельских келий – баня (с 1771 г.) с предбанной келейкой и внутренней лестницей между ними, поднимавшейся в третий этаж, в сени позади Владимирской церкви, водогрейная, кладовые и двое сеней (под сенями верхних двух этажей).

В 1775 г., как утверждается в приписке к описи 1770 г.*, «за ветхостью» была сломана надвратная церковь над Святыми и Водяными воротами. Подлежали сломке и сами ворота**; но есть основание полагать, что разборка не была столь радикальной. На обмерном плане второго этажа Архиерейского корпуса, выполненном в 1820 г., на месте надвратной церкви по-

---

* ГАКО, Костромской Ипатьевский монастырь, ф. 712, оп. 1, ед. хр. 37 (приписка на полях, л. 5).

** ГАКО, Костромской Архиерейский дом, ф. 132, оп. 1, ед. хр. 136.

казана большая одностолпная палата с четырьмя крестовыми сводами, опёртыми на мощный столб (сечением 1 x 1 сажень). Размеры помещения близки к внутренним размерам церкви, указанным в описи Мичурина. Вполне вероятно, что в 1775 г. были разобраны только верха церкви, трапезная и паперть, сам же четверик был сохранён, а ворота под ними заложены.

В 1801 г. вдоль южной и восточной крепостных стен, между обрубом и стеной монастыря, устраивается архиерейский сад, для чего у восточного фасада сделана значительная земляная насыпь (до 1,5 метров), скрывшая собой цокольные части монастырской стены и захаба. Вслед за этим был разобран сам захаб.

О состоянии корпуса в это время даёт представление монастырский план 1820 г. из собрания Ярославского губернского архива (отд. 1, часть 1, инв. № 26).

Вплоть до 20-х гг. XIX в. в Архиерейском корпусе существенных строительных работ не проводилось. В 1820 г. были сделаны обмеры здания и составлен проект его перестройки. Помимо упомянутого уже обмерного плана второго этажа, был сделан план третьего этажа, разрез по восточной линии и восточный фасад, обращённый к реке Костроме. Даже в чертеже этот фасад производит сильное впечатление по цельности и монументальности композиции. Обладая большой протяжённостью и высотой, он был почти лишён декора. Мощные контрфорсы по сторонам заложенных ворот в центре, равномерно расставленные окна с лёгкими наличниками, непрерывный деревянный балкон на кронштейнах под окнами верхнего этажа, лёгкие шпили в центре и по краям фасада (средний из них завершался корабликом) – создавали впечатление спокойного величия.

Обмер был сделан накануне грандиозных по объёму перестроечных работ. Соответственно отпущенной казной сумме (57786 руб. 80 коп.) был составлен проект. В рукописи, хранящейся в Ленинской Государственной биб-

лиотеке в Москве*, сказано, что он был прислан из Петербурга**. Однако на чертежах из Ярославского музея-заповедника (проектные восточный фасад и планы 1 и 3 этажей) стоит подпись губернского архитектора Н. Метлина, который внёс, очевидно, существенные коррективы в столичный проект.

Согласно проекту, на месте деревянного третьего этажа был возведён каменный. Его восточная стена в плане совпадала со старой стеной деревянного этажа, западная стена, выходящая на монастырский двор, была значительно перенесена вперёд от нижестоящих фасадов казначейских и экономских келий и опиралась на вновь возведённую перед ними двухэтажную стену, так что древние фасады оказались как бы заключёнными в кирпичный короб. Архитектура всех фасадов Архиерейского корпуса была изменена в духе официального в ту пору классицизма.

В центре восточного фасада появился десятиколонный портик тосканского ордера, обнимавший оба верхних этажа и стоявший на мощном стереобате, расчленённом тремя арками. Треугольный фронтон портика был завершён трёхчастным ступенчатым аттиком. Аттиками завершались и углы фасада, в каждом из них были сделаны сегментные окна. Высокие прямоугольные окна с наличниками в виде простой полки в третьем этаже, в центре каждой из половин фасада, имели добавочные сандрики, под ними проходили широкие балконы с железными перилами (рисунок перил принадлежал П. И. Фурсову, новому губерnsкому архитектору, сменившему Н. Метлина после его смерти в 1822 г.).

Шестиколонный портик намечался с дворового фасада. Однако он не был сделан. Взамен его, но со смещением к югу с оси дворового фасада, был пристроен небольшой двухэтажный флигель. Слева и справа от него шли

---

* Ныне Российская государственная библиотека. (*Прим. ред.*)

** Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, д. 138, Костр. 209. «Самуил Запольский-Платонов и состояние Костромской епархии в его епископствование».

плоские арочные ниши с вписанными в них окнами второго этажа, внизу им отвечали низкие проёмы коробового очертания. Окна третьего этажа повторяли соответствующие окна восточного фасада. Карниз здания, с выносными белокаменными плитами, типичный для своего времени, был устроен путём надкладки фасадных стен. Старые карнизы XVII в., лопатки, трёхчетвертные колонны, тёсанные кирпичные наличники – всё было срублено. Новые окна в бывших архимандричьих кельях, сделанные под стать новым окнам в восточной линии, устраивались за счёт растёски древних проёмов, иногда за счёт перебивки. Все внутренние своды в двух верхних этажах* были сломаны и сделаны накатные потолки, сломаны были «обращатые» печи, взамен их устроены кафельные. Погибло всё декоративное убранство западных фасадов казначейских и экономских келий. Окна были заложены или растёсаны в дверные проёмы, карнизы и наличники срублены; затем всё было заштукатурено. Вырубались и целые куски внутренних стен.

Особенно пострадал Казначейский корпус, где во втором этаже исчезли восточные стены помещений IV и V и стена, отделявшая смежный с ними внутренний коридор от галереи боевого хода на крепостной стене; разобрана была северная стена помещения V, а также стена между помещениями XV и XVII (см. план 2 этажа). Растёсанными или заложёнными оказались все внутренние дверные проёмы, уничтожены внутренние порталы в парадных сенях и древней крестовой палате третьего этажа б. архимандричьих келий. Было разобрано и каменное трёхэтажное крыльцо у южного фасада.

Возведённая вновь дворовая стена восточной линии была сделана на основании, высоко поднятом над первоначальным уровнем земли перед древними фасадами. Образовавшийся при этом промежуток был засыпан землёй. Весь корпус получил охристо-белую раскраску. При бесспорном вандализме по отношению к древним зданиям, проявленном строителями, их дети-

---

* Своды сохранились лишь в двух крайних к югу кельях бывшего экономического корпуса (помещения XX, XXI).

щу нельзя отказать в достоинствах. Новые фасады Архиерейского корпуса имели ясную логичную композицию, благородные членения и формы.

Но это было последним взлётом зодчества. Все последующие переделки здания – это бессознательное уничтожение действительных ценностей ради ложно понятой идеи народности; мертвящая казённая сухость архитектурных форм изгнала теплоту непосредственного искусства предшествующих эпох.

В 1834 г. при посещении Ипатьевского монастыря император Николай I распорядился вернуть Архиерейскому корпусу «древний вид», на месте древних Святых ворот сделать новые с надвратной церковью в честь святых Хрисанфа и Дарии и победы Александра I над Наполеоном. Была отпущена крупная сумма денег. В 1836 г. уничтожается портик восточного фасада (стоявший только 14 лет), разбираются остатки Святых ворот, на их месте закладываются новые, с надвратной церковью, по чертежам губернского архитектора Утина*.

Летом 1841 г. вывели церковные своды, но при снятии опалубки, 2 августа этого года, они обрушились. После долгого разбирательства причин обрушения были сделаны новые фундаменты, и в 1852 г., уже по проекту губернского архитектора Григорьева, заложена новая церковь, благополучно оконченная и освящённая в 1863 г. Церковь Хрисанфа и Дарии, существующая и поныне, в полной мере воплотила антихудожественный дух своей эпохи и служит красноречивым свидетельством деградации архитектурного искусства.

Работы по жилым помещениям протекали значительно быстрее. Сохранив конструктивный костяк корпуса, строители изменили его внутренний декор. В северном крыле появилась парадная трёхмаршевая лестница с чугунными ступенями, для чего пришлось разобрать внутреннюю стену между помещениями VIII и IX (см. план 2 этажа). Подобная же лестница – вход в церковь Хрисанфа и Дарии – была сделана в южном крыле здания. Коренным образом изменились фасады: карнизы и наличники окон были переделаны в

---

* ГАКО, Ипатьевский монастырь, ф. 712, оп. I, ед. хр. 51, л. 20.

псевдорусской манере, окна третьего этажа получили полуциркульные перемычки, окна второго – луковичные.

В это время разбирается каменный переход из южного крыла корпуса в северную паперть собора; на его месте, у западного фасада корпуса, делают каменное крыльцо, сохранившееся до нашего времени. Неизвестно, когда был разобран всход на крепостную стену торца б. экономских келий; во всяком случае, в документах XIX в. он ни разу не упоминается. Работы, начатые в 1851 г., были окончены к 1855 г.

На этом завершаются крупные строительные работы в Архиерейском корпусе. Все последующие перестройки носили характер починок и текущего ремонта. Можно упомянуть о вычинке в 1889 г. контрфорсов в засенье корпуса, существовавших, впрочем, ещё в начале XIX в. (см. обмерные планы 2 этажа 1820 г.). В предреволюционные годы северное крыло и северную половину восточного крыла занимал епархиальный епископ, южную – викарный архиерей.

В 1922 г., после закрытия Ипатьевского монастыря, все его гражданские здания были отданы под жильё и разбиты на бесчисленные квартиры. Так же поступили с Архиерейским корпусом. Бесконтрольные переделки, отсутствие водопровода и канализации и недостаточный текущий ремонт привели здание в крайне запущенное состояние.

С 1964 г., по мере освобождения корпуса от жильцов, силами Костромской СНРПМ ведётся планомерное исследование и реставрация здания. Особенность этой реставрации состояла в невозможности избрать для неё оптимальную дату, ибо начиная с 1822 г., а отчасти и с 1745 г., все строительные работы сопровождались переделками предшествовавших фасадов и интерьеров. Исчезали целые части здания (например, надвратная церковь). Появлялись новые объёмы, имевшие несомненную художественную и материальную ценность (третий каменный этаж 1822 г. над восточной линией) или же лишённые выдающихся художественных достоинств, но практически не

устрашимые (церковь Хрисанфа и Дарии). И с тем и с другим приходилось считаться.

Из двух возможных путей восстановления – первого (сохранение фасадов и интерьеров на последний строительный этап) и второго (воссоздание первоначальных форм каждой из дошедших до нашего времени частей здания) – был избран второй. Первый путь, наиболее простой, состоявший из чисто ремонтных работ, обеспечивал безусловное стилистическое единство корпуса, но его история, отражённая в первоначальных формах стен, проёмов, перекрытий и декора, оставалась при этом безнадежно скрытой под маловыразительными наслоениями поздней эпохи. Вторым избранным путем позволял наглядно показать картину эволюции Ахиерейского корпуса.

Работы начались с б. экономских келий и постепенно передвигались на север и далее – на запад, захватывая казначейские и настоятельские кельи. Многочисленные зондажи, сведённые воедино, позволили получить полную картину первоначальной планировочной структуры, системы перекрытий, характера древних оконных и дверных проёмов, их декоративной обработки; выяснилась очерёдность появления различных частей здания. Натурные исследования дополнялись архивными сведениями. Были восстановлены в первоначальном виде экономские и казначейские кельи, третий каменный этаж 1822 г., вся дворовая сторона восточной линии. Близится к завершению реставрация северного крыла – настоятельских келий. Древнее здание получает новую жизнь как одно из музейных зданий Костромского историко-архитектурного музея-заповедника.

* * *

Как всякий исторически сложившийся архитектурный организм, Ахиерейский корпус Ипатьевского монастыря не лишён противоречий – и конструктивных, и художественно-композиционных. Обе эти стороны тесно

связаны одна с другой. Архитектура частей здания, появившаяся к началу XVIII в., последовательно реалистична в примерах декоративной трактовки архитектурных конструкций и в этом смысле не выходит из рамок традиций древнерусского зодчества.

Последующие строительные этапы, начиная с надстройки в 1745–1747 гг. третьего деревянного оштукатуренного этажа над восточной линией, и перестройка всей южной её половины (экономских келий) с одновременной разборкой надвратной церкви уже отмечены печатью упадка строительного искусства: конструктивная обусловленность декора и живописность композиции, как результат разновременности составляющих, здесь принесены в жертву композиционному единству, планировочно не оправданному.

Последующие перестройки 1820 и 1850 гг. окончательно нивелируют все особенности в архитектуре частей Архиерейского корпуса. Монотонный ритм проёмов, единообразие наличников, общие карнизы – венчающий и промежуточный – внесли в его облик ноту рассудочности и, если обратиться к последней перестройке, претенциозности. Был срублен древний архитектурный декор, а стены оштукатурены. Это обеднило архитектуру здания, лишило его исторического колорита.

Противоречия в архитектурном образе Архиерейского корпуса в лучшую для него эпоху – до середины XVIII в. – тройкого рода. Первое – в различии фасадов составляющих его частей: первых, вторых и третьих настоятельских келий, смежных с ними казначейских келий и группы надвратной церкви с примыкающими к ней постройками. Это противоречие снималось их общим масштабным строем, благодаря чему они объединялись в целостный живописный архитектурный ансамбль. Второе – в несоответствии уровней 1 и 2 этажей смежных настоятельских и казначейских келий. Этот рискованный стык закрывался наружным деревянным крыльцом. Третьим противоречием, даже как будто странностью, наблюдаемым в трёхэтажных настоятельских кельях, является несовпадение в плане поперечных капитальных стен второго

и третьего этажей (отчасти и первых двух этажей).

Действительно, строители третьего этажа, не задумываясь, смещали внутренние поперечные стены далеко в сторону от соответствующих стен нижестоящего этажа и ставили их непосредственно на свод. Так было сделано при устройстве «полатки» над южным крыльцом, восточная стена которой, продолжаясь в глубь здания, покоилась на своде нижних сеней. Так же поступили при расширении третьего этажа в сторону реки Костромы. Эта странность особенно ощутима при взгляде на фасад настоятельских келий. Строители, размещая трёхчетвертные колонны, соответствующие поперечным стенам, где придётся, не сообразуясь с законами зрительной тектоники, иногда даже над окнами второго этажа, сохранили художественную ценность архитектуры того времени. Конструктивным оправданием этого архитектурного парадокса являются подпружные арки в несущих стенах с пропущенными в их основании железными связями – приём редкий в русском зодчестве.

НАСТОЯТЕЛЬСКИЙ (ВОСТОЧНЫЙ) КОРПУС БОГОЯВЛЕНСКО-АНАСТАСИИНА МОНАСТЫРЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Неотъемлемой частью архитектурного ансамбля Богоявленско-Анастасиина монастыря является НастояТЕЛЬский, или Восточный, корпус – кирпичное двухэтажное здание, имеющее в плане форму глаголя, протянувшееся с севера на юг, позади апсид Богоявленского собора. Главному фасаду соответствовало его короткое плечо, обращённое на юг. Выразительное по силуэту, оно имело с этой стороны размещённые по углам две башенные восьмигранные надстройки, увенчанные куполами. В левой, юго-западной части корпуса размещались нарядно оформленный зал – трапезная и двусветная гостиная – место приёма наиболее почётных гостей (императоров, великих князей, церковных иерархов). Назначение юго-восточной части здания, также отмеченного купольной надстройкой, не вполне ясно. Скорее всего, здесь мог размещаться домовый храм. В центре южного крыла была парадная лестница, отмеченная на фасаде кирпичным гранёным тамбуром.

Со стороны западного фасада прежде существовал воздушный переход в северную галерею Богоявленского собора.

НастояТЕЛЬский корпус построен в 1867–1871 гг. Переданный после революции под жильё рабочих-текстильщиков, обезображенный снаружи и внутри, он лишился угловых башенных надстроек и тамбура на южном фасаде.

Текст датирован 29 декабря 1999 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Прим. ред.)

ЮЖНАЯ СТЕНА БОГОЯВЛЕНСКО- АНАСТАСИИНА МОНАСТЫРЯ

Возникший в XV в. к северу от кремля и торгово-ремесленного посада древней Костромы Богоявленский монастырь ныне окружён улицами Пятницкой, Богоявленской (Симановского), Троицкой (Комсомольской) и Ново-Троицкой (Козуева). С Сусанинской площадью его связывает Богоявленская улица, ориентированная на Смоленскую часовню, и участок стены, проходящей вдоль улицы Пятницкой. Именно Богоявленская и Пятницкая линии монастырских стен, непосредственно обозреваемые от городского центра, всегда рассматривались как парадные и получали соответствующую обстройку. В стене по Пятницкой размещались главные монастырские ворота. Её левый угол занимала Пятницкая часовня, построенная в 1824 г. (в основе её лежит квадратная угловая башня). В непосредственном с нею соседстве, на примыкавшей с востока крепостной стене, в те же годы была сделана небольшая звонница с колоннадой и куполом. Она зафиксирована на рисунке XIX в., в том числе на рисунке Г. Чернецова 1838 г. Примерно в середине стены, правее квадратной промежуточной башни, разобранной после пожара 1847 г., размещались главные монастырские ворота с надвратной Никольской часовней в уровне высокого аттика, с большой иконой на главном фасаде. Поставленные с отступом от красной линии, с трапециевидной площадкой перед ними – яркий образец русского барокко, – ворота стилистически переклика-

---

Пояснительная записка к проекту восстановления южной стены Богоявленско-Анастасиина монастыря. Текст датирован 14 октября 2000 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Прим. ред.)

лись с Никольской церковью (стоявшей до 1930-х годов в южной части монастырского двора), одной из высотных доминант монастырского комплекса.

Как многие монастырские постройки, и стены и башни были снесены в первые десятилетия Советской власти. Из внешнего пояса архитектурного комплекса уцелела средняя проезжая башня (колокольня) в середине Богоявленской линии и Смоленская часовня с больничными кельями, в очередной раз перестроенная в конце XIX в., получившая тогда главу и закомары. По периметру монастырского квартала на месте снесённых стен в разные годы появились трёхэтажные дома, в основном жилые. На рассматриваемой нами Пятницкой линии правый угол занимает б. здание совнархоза; стоящий слева от него трёхэтажный жилой корпус (конца 1920-х годов) отодвинут от красной линии на 8 метров.

С возрождением в древней обители церковной жизни одной из насущных задач становится возможно полное восстановление монастырской ограды. Однако в силу сложившейся ситуации решение её неизбежно приобретает характер компромисса: воссоздание стен возможно лишь на незастроенных участках. И таковыми являются Богоявленская и Пятницкая линии ограды, наиболее приближенные к Сусанинской площади и легко от неё обозреваемые.

Усилиями епархии в начале 1990-х годов удалось восстановить значительный участок стены со стороны улицы Богоявленской (Симановского). Функциональный и визуальный выигрыш сделанного очевиден.

Не менее актуальным представляется восстановление монастырской стены со стороны улицы Пятницкой – на незастроенной линии от Смоленской часовни до здания бывшего совнархоза. Но здесь возникает ряд проблем. Из них главнейшая – наличие за трассой стены трёхэтажного жилого дома, хотя и отстоящего от красной линии на 8 м (7 м в чистоте), но в случае устройства перед ним стены частично лишаящегося инсоляции в зимний период (в уровне 1-го этажа). Психологически отрицательным моментом может восприни-

маться и глухая стена перед окнами. При этом внутренняя линия двора вдоль стены вообще лишается солнечного освещения. Так или иначе, но пока это здание, построенное на монастырской территории, не будет передано епархии (перспектива этого не исключена), проблемы остаются.

С другой стороны, для Костромы, готовящейся отметить 850-летие, восстанавливающей архитектурные памятники своей старины, немаловажно ликвидировать позорящие её следы нигилистического погрома 20–40-х годов и сопутствующей бесхозяйственности. И участок монастырской стены по Пятницкой – вопиющий пример этого: это центр города, место паломничества туристов, сейчас – в основном иностранных.

Предлагаемым проектом предусмотрено восстановление монастырской стены от Смоленской часовни до здания совнархоза. Он включает воссоздание звонницы, хорошо просматриваемой с Сусанинской площади, и парадных монастырских ворот. Ввиду сложившейся ситуации мы вынуждены сместить их к западу, приблизив к часовне. Ворота необходимы функционально; стилистически должны соответствовать историческому прототипу*.

Как мера, снимающая проблему инсоляции нижнего этажа жилого дома, предлагается частичное раскрытие на улицу десяти внутренних разгрузочных аркад в стене перед ним, с установкой в проёмах кованых решёток. Это обеспечит достаточную освещённость здания, инсоляцию и проветривание зелёного участка перед ним. Одновременно кладка остающихся участков стены существенно снизит уровень шума от транспорта, ограничит доступ бензопирена. Кованое ограждение со стороны улицы даст жителям дома определённую гарантию безопасности. При соответствующем благоустройстве (устройство газонов, цветников) участок между домом и стеной может стать местом отдыха жильцов. Торцовая стена его, с западной стороны, в этом случае должна быть ограждена невысокой оградой с калиткой.

---

* См. старинные изображения в монографии *И. В. Баженова* «Костромской Богоявленский монастырь» (М., 1913 г.).

ВОСТОЧНАЯ СТЕНА БОГОЯВЛЕНСКО-АНАСТАСИИНА МОНАСТЫРЯ

Богоявленский монастырь, один из наиболее впечатляющих архитектурных комплексов старой Костромы, в окружении улиц Богоявленской (с запада), Троицкой (с севера), Пятницкой (с юга) и Ново-Троицкой (с востока), ещё в XVII в. был обнесён мощными крепостными стенами и служил крепостью, наряду с кремлём и Ипатьевском монастырём.

Со временем стены ветшали, после пожара 1847 г. частично подверглись разрушению, затем вновь восстанавливались. Тем не менее, до 1919 г. монастырь со своими храмами, белыми стенами и башнями в основных чертах сохранял первоначальный облик, являясь историко-художественной достопримечательностью Костромы.

После закрытия в 1919 г. монастыря, изгнания монахов и вселения в опустевшие здания достаточно люмпенизированных ткачей началось разрушение древних зданий, в том числе стен, окружавших древнюю обитель, вплоть до выборки фундаментов из гранитных валунов. На их месте один за другим появились кирпичные 3-этажные здания – для тех же жителей. Как целостный архитектурный комплекс Богоявленский монастырь перестал существовать.

Семьдесят два года спустя, после десятилетий погрома и надругательства, после пожара 1982 г. областного архива, втиснутого в Богоявленский собор, и гибели в пламени фресок Гурия Никитина, Богоявленский монастырь,

---

Пояснительная записка к проекту восстановления восточной стены Богоявленско-Анастасиина монастыря. Текст датирован 12 октября 2002 г. // Архив автора. Публикуется впервые. *(Прим. ред.)*

наконец, поэтапно стал передаваться Костромской епархии.

Одной из первоочередных задач, возникших при этом, стало возможно полное восстановление наружных монастырских стен – мера, необходимая функционально, важная в градостроительном аспекте. В течение 1990-х годов удалось восстановить значительную часть западной стены; в 2001–2002 гг. в основном завершено воссоздание южного участка, вдоль улицы Пятницкой.

Цель предполагаемого проекта – восстановление восточного участка монастырской стены, вдоль улицы Ново-Троицкой. Речь идёт именно об участке восточной стены, простиравшейся прежде на 223 метра, но ныне застроенной разнокалиберными 3-х этажными домами.

Ситуация такова: южный, левый отрезок линии, смежный с улицей Пятницкой, занят зданием б. совнархоза (№ 1), постройки середины 1950-х годов; посредством ограды (справа) оно смыкается с 2-х этажным зданием (№ 3) так называемого рабочего корпуса монастыря, примыкающим изнутри к остатку крепостной стены XVII в., единственно сохранившемуся фрагменту древней ограды, со следами зубцов боевого хода (должен быть обследован и реставрирован). Судя по всему, каменный этаж рабочего корпуса был сделан до пожара 1847 г. Далее – через 30,5 м – следует 3-х этажное жилое здание (№ 5) постройки 1938 г., намеченное, согласно договорённости с городской администрацией, к передаче епархии. Северный угол квартала замыкает 3-х этажное жилое здание конца 1920-х годов (№ 7).

Таким образом, к настоящему времени восстановление восточной монастырской стены осуществимо лишь в интервале между домами № 3 и № 5, т. е. на протяжении 30,5 м.

При выборе варианта проектного решения неизбежно приходится учитывать следующее: 1) необходимость для монастыря хозяйственных ворот, достаточно широких для пропуска крупногабаритных автомашин, что исключает и применение каких-либо перемычек над проёмом; 2) наличие подземных коммуникаций; 3) отсутствие достоверных сведений о первоначальном состоянии участка.

чальном облике утраченного участка древней стены, без чего невозможно проведение научно-обоснованной реставрации; 4) требования экономической целесообразности.

Не претендуя на историческую достоверность, мы предлагаем более нейтральное, функционально удобное и легче выполнимое решение. Оно должно быть стилистически увязано с архитектурой Костромы начала–середины XIX в., соответствовать окружающей гражданской застройке того времени. Суть проекта: поставив новую стену по трассе предыдущей стены, понизить её до уровня валика под зубцами на фасаде рабочего корпуса (+3.10 м от уровня тротуара), довести её ширину до 64 см, сделать широкие, с пилонами, ворота (проём 450 см), разместить их по оси проходящей теплотрассы. В правой части ограды, у дома № 5, сделать калитку*. У угла фасада рабочего корпуса сохраняется фрагмент кладки XVII в., с включением её в новую ограду.

Новый фундамент (ибо старый не сохранился) предлагается выполнить в монолитном бетоне; то же относится к цокольным частям стены и ворот. Глубина фундамента 180 см.

Кладка стены и ворот – из красного кирпича, на сложном растворе, с применением бетонных отливок в антаблементе пилонов. Обратит особое внимание на трапециевидный силуэт пилонов (сужены кверху).

Кладка ведётся без расшивки, с тщательной затиркой швов. По окончании каменных работ и стена и ворота дважды обмазываются (кистью) известковым раствором.

Ворота и калитка кованые железные; как и кровли (из чёрной стали), окрашиваются зеленью.

---

* Участок стены у дома № 5 (длиною 5 м) восстанавливается после отселения дома.

ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСЕНИЯ НА ДЕБРЕ

О церкви Воскресения на Дебре сказано много. Она принадлежит к наиболее почитаемым и, вероятно, наиболее художественно значимым костромским культовым зданиям.

Чем же привлекает она внимание и прихожан, и исследователей, и просто любителей русской старины? Своей древностью? Но в Костроме были и более древние храмы – тот же собор Богоявленского монастыря, построенный во времена Ивана Грозного, или, не дошедший до нас, Успенский кафедральный собор кремля, имевший ещё более почтенный возраст. Однако неизменной популярностью, особенной душевной любовью пользовался именно храм на Дебре. Как большинство приходских церквей, он невелик, но особой благодатью веет от его потемневших стен, от могучего пятиглавия с золотыми крестами, резных белокаменных стен на Святых воротах.

Наша страна дала миру немало совершенных созданий духа, но мы часто встаём в тупик при вопросе: кто же это сделал? За ничтожными исключениями, мы не знаем имён строителей прославленных храмов, монастырей, многих зданий светской архитектуры.

Целиком относится это и к Костроме. Мы слышали о С. А. Воротилове – строителе Богоявленского собора Костромского кремля, знаем о П. И. Фурсове, построившем пожарную каланчу и гауптвахту, о В. В. Стасове, проектировавшем Табачные ряды. Но что мы можем сказать о строителях Ипатьевского монастыря? Разве припомним о Леонтии Мазухине, надстроившем в конце

Текст датирован 1995 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Прим. ред.)

XVII в. третий этаж над Настоятельским корпусом. Между тем, имена создателей Троицкого собора и звонницы для нас тайна. Неизвестны и имена строителей многочисленных костромских храмов старого города, канувших в небытие в период «культурной революции» 30–40-х годов. Чудом избежала уничтожения церковь Воскресения на Дебре.

В Писцовой книге 1628 г. упоминаются церковь «древяна, верх шатровой, Воскресения Христова да вверху предел Христовы мученицы Екатерины» и «церковь другая с трапезою древяна, клецки, Козмы и Домьяна»*.

О времени постройки нынешней Воскресенской церкви, пусть с неизбежной долей вероятности, достаточно подробно сказано в статье А. В. Кильдышева**.

Хочется сказать о другом. К. Исаков***, как и другие костромские купцы, бывал в вологодских землях, в частности, в Великом Устюге. Несомненны деловые связи костромичей с купцами и строительными подрядчиками этого северного края. Именно к середине XVII в. относится появление в Костроме церкви Вознесения на Дебре, в системе декора которой так живо про-

---

* ГАКО, ф. 558, оп. 2, д. 133, л. 574 об. (Костромская Писцовая книга издана в 2004 г. в Костроме. – *Прим. ред.*)

** О какой статье идёт речь – неизвестно. В буклете «Церковь Воскресения на Дебре» (Ярославль, 1971; авторы – К. Г. Торон, А. В. Кильдышев) на стр. [1] указывается год строительства храма 1652; в работе «Фрески церкви Воскресения на Дебре в Костроме», написанной А. В. Кильдышевым в конце 60-х годов прошлого века и вышедшей в Костроме в 1996 г., автор (со ссылкой на книгу: Иванов В. Н., Фехнер М. В. Кострома. – М., 1955) называет 1630–1645 годы (стр. 6); но в книге «Кострома» только одного В. Н. Иванова (М., 1970) указывается 1652 г. (стр. 98) – год освящения храма. Этой даты придерживается и Л. С. Васильев. (*Прим. ред.*)

*** К. Г. Исаков – купец, на средства которого, в частности, построена церковь Воскресения на Дебре. (*Прим. ред.*)

ступают мотивы вологодских Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. То же можно сказать о нашей церкви. В её облике нельзя не увидеть явного сходства с Вознесенской церковью Великого Устюга, построенной в 1648 г. на средства купца Никифора Ревякина. Северный, Трёхсвятительский придел костромского храма, его декор и особенно наличники окон – совершенная копия великоустюжского образца.

Как ни один костромской храм, Воскресенская церковь поставлена свободно, незатемнённо. Чувствуется, что место для неё готовили заранее, скорее всего, в стороне от стоявшей ещё деревянной Воскресенской церкви. Мы не знаем, где стоял прежний деревянный храм, но, помня давний обычай ставить церкви на возвышенном месте, можно предположить, что стоял он к востоку, на кромке крутого спуска к Волге. Освящён каменный Воскресенский храм в 1652 г.

По композиции, соотношению внутренней структуры и декора его можно отнести к переходному периоду в истории русской культовой архитектуры. Исходный тип в этой эволюции – крестово-купольный храм с внутренними столбами и закомарами, соответствующими системе сводов. В Костроме он был представлен Успенским собором кремля, Богоявленским монастырским собором и отчасти Троицким собором Ипатьевского монастыря. Архитектурный декор этого типа храмов, как правило, сдержан.

Возникший в начале XVII в. тип зального храма, где пространство четверика не членится внутренними столбами, а перекрывается единым четырёхлотовым сомкнутым сводом с единственной световой главой, в Костроме представлен Спасской церковью за Волгой (1687 г.) и Ильинской церковью на улице Русиной (1690-е гг.). Они ярко декоративны; закомары, завершающие фасады четверика у них, скорее, символичны, ибо не соответствуют его внутреннему перекрытию.

Воскресенский храм на Дебре конструктивно тяготеет к первому типу, но в наружном декоре во многом принадлежит уже к последующей эпохе.

Впрочем, как свойственно вообще костромской школе, архитектурный декор здесь гармонично соподчинён композиции храма, а масштаб общего человека и по-провинциальному уютен. В костромских церквях не увидишь преувеличенных размеров и меркантильной суховатости современных им ярославских храмов. Художественный строй костромских храмов обращён к непосредственному чувству человека, но не к его гордыне.

Воскресенская церковь состоит из поднятого на подклет четверика с трёхчастной алтарной апсидой и с трёх сторон окружена трёхъярусными сводчатыми галереями. Три каменных шатровых крыльца – с запада, севера и юга – связывают её с пологим, обращённым к Волге, зелёным склоном. Пятиглавие четверика дополняет главка Трёхсвятительского придела. Он примыкает к северной стене четверика и один нарушает строгую осевую симметрию. Полукруглая апсида северного придела, соседствуя с тройной алтарной частью четверика, находит отклик в апсиде южного, Екатерининского придела, возникшего в XIX в. Таким образом, храм имеет пять апсид. Екатерининский придел не имеет главы и внешне, не считая апсиды, ничем не выделяется. Крестовые своды над четвериком опираются на внешние стены и четыре внутренние опоры, две из которых имеют вид мощных прямоугольных столбов, выходящих в интерьер молельного зала, два восточных столба переходят внизу в предалтарную стену с прислонённым к ней иконостасом. Перекрывающая четверик четырёхскатная железная кровля относится к XVIII в. При исследованиях 1962 г. выяснилось, что в основаниях всех пяти глав, под кровлей, сохранились килевидные кокошники и то, что пазухи тройных закомар на фасадах были заложены позднее. Тогда же найдены остатки дополнительных закомар в основаниях большой и малой глав, придававших четверику ступенчатый силуэт. Попутно, при обследовании основания шатров, над крыльцами найдены остатки второго яруса кокошников коробового очертания, но без килей. (Тогда же они были восстановлены, а позднее закладки между нижними кокошниками разобраны).

Аналогичная, трёхъярусная корона кокошников найдена была тогда и в основании главы Трёхсвятительского придела. Скрытые до сих пор под поздней кровлей два верхних яруса их поставлены непосредственно на сомкнутый свод придела. И, наконец, тогда же были сняты железные кожухи на шатрах крылец и вскрыта рельефная обработка их в виде полукруглого сечения гуртов на рёбрах и гранях.

Как ни оценивать степень практической целесообразности переделок, но они значительно исказили облик храма. В полной мере относится это и к его двухъярусной галерее. Первоначально она имела вид сквозной двухъярусной аркады. Особенно наряден был верхний ярус, со столбами-бочками, сдвоенными арками, висячими белокаменными гирьками и белокаменными клеймами над ними. Закладка проёмов галереи сделана, очевидно, ради увеличения полезной площади храма и ввиду практического неудобства в северном климате открытых галерей и гульбищ. И всё же жаль утраченного изящества, бывшего композиционного совершенства.

Если в чём и можно упрекнуть древнерусских зодчих, но только не в недостатке композиционной смелости и артистизма. Назовём хотя бы Духовскую церковь Солотчинского монастыря под Рязанью, свод трапезной которой первоначально был задуман вообще без кровли и лишь впоследствии получил её (что исказило и функцию, и облик здания)*.

Подобной была судьба трапезной Симонова монастыря в Москве, со столь же необычным покрытием. Узкий утилитаризм и невысокая культура последующих пользователей памятников архитектуры сплошь и рядом приводит к их искажению. Пример тому и костромская церковь Воскресения.

В связи с этим нельзя не упомянуть о растёсанных и переделанных в XVIII в. окнах четверика (прежний вид сохранило одно окно на южном фасаде, крайнее справа).

---

* Отвод дождевых вод со свода осуществлялся через отверстия с водомётами в ограждающих боковых стенах.

Необычайно красивы и уникальны по композиции Святые врата Дебринской церкви, с двумя разновеликими арочными проёмами внизу, тремя шатрами наверху и великолепными резными клеймами из белого камня. Они выходят на красную линию и, несомненно, современны храму. Что касается нарядного сводчатого перехода от врат к западному крыльцу, то он появился, очевидно, в первые годы XVIII в. Тогда же были переделаны все три храмовые крыльца.

Как любой храм, церковь Воскресения на Дебре не могла не иметь колокольни, и она, действительно, была. Известно, что она сломана в 1801 г., сразу после освящения новой, грандиозной четырёхъярусной колокольни, возведённой рядом, у западного фасада соседней Знаменской церкви, выполнявшей роль тёплого храма. Облик прежней колокольни не известен, но, скорее всего, она была шатровой и примыкала к торцу трапезной Знаменского храма.

До середины XIX в., судя по натурному рисунку Чернецова, участок церкви не имел каменной ограды. Существующие северный и западный участки её пока не атрибутированы, но, судя по характеру столбов-бочек, цоколю с ширинками и позднеампирному рисунку кованых звеньев, они могли появиться на рубеже 40–50-х годов XIX в. Характером своим они близки проекту западной галереи звонницы Ипатьевского монастыря, выполненного и осуществлённого в 1851–1852 гг. костромским губернским архитектором Поповым. Восточная сторона ограды сделана в 1878 г. Западная сторона ограды, проходя вдоль Дебринской улицы, примыкала к стоящей южнее Знаменской церкви, включая тем самым оба здания в единый культовый ансамбль. О характере ограды с южной стороны храмового участка сведений пока нет.

Предметом отдельного исследования является вопрос о колористическом решении фасадов Дебринского храма и его эволюции. Как многие старые церкви, он пережил ряд эпох с сопутствующей им сменой стилей, вкусов,

представлений о прекрасном. И, естественно, не мог сохранить ни первоначальных форм, ни первоначальной цветовой гаммы.

Итак, как же выглядело здание на момент освящения? Бесполезно искать ответа в архивах и библиотеках. Лишь натурные исследования на самом памятнике, метод сопоставления, могут, с известной степенью вероятности, установить характер, последовательность и хотя бы ориентировочную датировку в смене покрасок фасадов.

Обратимся к данным таким исследований. В 1962 г., при последнем по времени ремонте железных кровель на четверике и северном Трёхсвятительском приделе храма, выяснилось следующее. Во-первых, основания всех пяти глав четверика (спрятанных, как сказано ранее, под поздней кровлей и украшенных поясом кокошников) совершенно не имели ни следов покраски, ни следов побелки. Первоначальные поверхности этих глав представляли собой хорошо выполненную большемерную кирпичную кладку с заглаженными швами известково-песчаного раствора. Но! На этих швах местами сохранялся искусственно наведённый кистью шов, выполненный чистой известью. Мотив этого рода декорировки известен в истории русской архитектуры и встречается на памятниках зодчества второй половины XVII в. (храмы Солотчи, Ярославля, Москвы). Он всегда предполагал на фасадах наличие белокаменных деталей-вставок в виде капителей колонок, висячих гирек или подпятников арок, резных клейм. Подобного рода детали присутствуют и на Дебринском храме, и, значит, при известной степени воображения, можно представить его изначальный вид – краснокирпичное, с наведёнными белыми швами здание, с эффектно выделяющимися на тёмном фоне белокаменными деталями. Никакого дополнительного тона, в виде раскрашенных поясков, наличников или архивольтов, в это время на фасадах не было.

Во-вторых, вскрытые при ремонте кровли кокошники в основании главы Трёхсвятительского придела оказались окрашенными чистой известью – целиком, включая все детали, и, опять-таки, без применения цветных колеров.

О чём это говорит? А вот о чём: принимая во внимание одновременность строительства и придела и основного храма, приходим к единственно возможному выводу – первой переделана была кровля четверика и какое-то время после этого завершение придела с короной кокошников оставалось открытым. И именно в этот момент изменился вид церкви – из краснокирпичной, с белыми деталями она стала чисто белой, вся целиком.

Когда же это могло произойти? Чтобы ответить на это, придётся отвлечься в сторону и поговорить о совершенно другом храме.

Есть в Костроме, на правом берегу Волги, церковь Спаса Преображения. Построена она в 1687 г., в 30-е гг. XX в. оказалась полуразрушенной, но в конце 60-х годов пришла очередь и её реставрации. Составлению проекта реставрации, как водится, предшествовали натурные исследования, в том числе исследования красочных слоёв на фасадах.

Дело в том, что при последнем по времени ремонте её, в конце XIX в., фасады были раскрашены масляной краской под бриллиантовый руст (подобно Дебринскому храму и одновременно с ним), весьма мало гармонировавший с древним обликом здания. И вот, при расчистке красочных слоёв на фасадах Спасской церкви, открылась любопытная картина: поверх кирпичной кладки, на выступающих деталях декора, были вскрыты семь слоёв чистой известковой обмазки (на глади стен, между деталями декора, известковых слоёв было значительно больше). Если принять за вероятный временной интервал между косметическими ремонтами 4–5 лет (пусть условно), получается, что лет 24–30 после освящения, т. е. до 1711–1717 гг., храм стоял чисто белым. Но далее поверх известковых слоёв следовали, сменяя друг друга, насыщенные по цвету красочные слои на клеевой основе, причём разные для разных поясков, деталей декора. Цветовая гамма включала сурик свинцовый, охры, голубец, зелень. Найдено было пять красочных слоёв, последовательно нанесённых один поверх другого. Если принять за основу тот же временной интервал между покрасками, то можно определить, что в течение 20–25 лет,

т. е. до 1732 г., церковь имела белые фасады с полихромными деталями.

Трудно предположить, что пример Спасской церкви был единичным для Костромы. Несомненно, он отражал некую общность художественных вкусов своего времени, и если сравнительно скромный храм Спасской слободы мог позволить себе роскошь полихромного фасада, то более чем вероятно, что и храм на Дебре не должен был отставать от него. А если так, то временные рамки смены характера покраски фасадов и Дебринской церкви и Спасской церкви должны быть близки.

Следуя этой логике, видимо, к 1711–1717 гг. следует отнести и постройку перехода между Святыми воротами Воскресенского храма и его западным крыльцом, а также закладку боковых арочных проёмов на всех его трёх крыльцах. Сам характер рельефного декора этих добавлений требовал изначальной полихромной раскраски.

Говоря о цветовом решении фасадов четверика этой поры, нельзя не упомянуть о полуколонках, декорирующих его. Они получили цвет золотистой охры и украшены виноградными лозами, нанесёнными чёрной краской (приём, встречающийся, между прочим, на церкви Одигитрии в Ростовском кремле).

Следующие по времени изменения в облике храма относятся к 1742 г. В это время были заложены арочные проёмы галерей, окружающих четверик, в уровне второго яруса устроены спаренные прямоугольные окна с характерными для этой эпохи наличниками.

И, наконец, перестройка в 1876 г. нижнего отрезка галереи, появление в её восточном торце апсиды, а у бокового фасада небольшой ризницы на столбах (сломанной в советское время) приблизила здание к современному виду. Фасад апсиды вновь образовавшегося Екатерининского придела получает новомодную для того времени раскраску под бриллиантовый руст. Одновременно под тот же руст раскрашены были фасады основного храма.

В таком виде, с учётом неизбежных утрат, церковь Воскресения на Дебре

дошла до наших дней.

В 1990–1991 гг. фасады храмов были раскрашены вновь. В основу проведённых работ взят проект, подготовленный Костромской реставрационной мастерской. С горечью приходится заметить, что проект этот не выдерживает критики, ибо не соответствует ни одному из этапов истории здания. Более того, даёт о ней превратное представление.

И – в заключение. Место, где стоит этот храм, а именно участок улицы Нижней Дебри, никогда не относился к центральной части Костромы. Скорее, это была городская окраина. Лишь близость к Волге – «главной магистрали России» – делала его приметным и посещаемым. Тихая улица, на которой стоит храм, брала начало у склона кремля; другой её конец упирался в Чёрную речку, за которой по крутому берегу поднималась Татарская слобода, с мечетью и тенистым Татарским кладбищем.

Скромно-провинциальный облик улицы, её одно- и двухэтажная застройка служили естественной средой Дебринского храма. Улица была неширокой, поэтому храм представал зрителю либо в сильном ракурсе, либо фронтально; с близкого расстояния хорошо воспринималась и монументальность целого, и изысканность деталей.

К великому сожалению, при устройстве нового, железобетонного моста через Волгу в начале 1970-х годов вся прибрежная полоса жилой застройки была здесь снесена, и древний храм оказался открытым для обозрения с дальних точек, на что он никогда не был рассчитан.

Убийственным для древнего здания стало соседство с чудовищным мостом, к тому же железобетонная эстакада съезда с моста, дугою изгибающаяся перед западным фасадом храма, совершенно отгородила его от Волги.

Так губятся или морально обесцениваются лучшие памятники русской национальной культуры.

ЗНАМЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ДЕБРЕ

К югу от церкви Воскресения на Дебре, в 34 м от неё, стоит полуразрушенное здание – бывшая Знаменская церковь. В 30-е годы XX в. она лишилась колокольни и высокого восьмигранного придела над четвериком, с фронтонами в основании, с живописной, по-барочному выгнутой кровлей, переходившей в восьмигранный фонарь и далее – в луковичную главу с крестом. О прежнем виде здания дают представление снимки 1900-х годов, сделанные со стороны Нижней Дебри и фотоизображение её в книге Б. Дунаева «Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства» (М., 1913 г.). Особое место в иконографии Знаменского храма занимает рисунок Н. Чернецова 1838 г., хранящийся в Русском музее Петербурга. Выбранная художником точка – склон горы, к югу – позволила изобразить панораму всей прибрежной части Костромы с видом на кремль, правобережную часть города. В центре рисунка комплекс Дебринских храмов – Воскресенского и Знаменского.

Необычный, прихотливый силуэт Знаменской церкви, при всей её контрастности по отношению к Воскресенской, тем не менее, органично сочетался с нею: изящное завершение, венчавшее Знаменскую церковь, находило отклик в лёгких шатрах над воротами и крыльцами Воскресенского храма; наконец, вертикаль грандиозной колокольни, явно рассчитанной на дальние перспективы, объединяла их в единое целое.

Пояснительная записка к проекту воссоздания Знаменской церкви на Дебре в г. Костроме. Текст датирован мартом 1970 – ноябрем 1995 гг. // Архив автора. Публикуется впервые. (Прим. ред.)

От Знаменской церкви сохранились четверик, алтарная апсида и трапезная, перекрытые, соответственно, сомкнутым сводом, полкуполом и цилиндрическим сводом с распалубками.

Сведения о ней, содержащиеся в книге «Церкви Костромской епархии» (СПб., 1909 г., стр. 23), скудны: Знаменская церковь (1802 г.) – зимняя церковь для Воскресенской церкви; придел во имя свв. Космы и Дамиана; колокольня того же времени с приделом во имя св. Прокопия, Устюжского чудотворца.

Более обстоятельны клировые ведомости за 1886 г. (ГАКО, ф. 130, оп. 9, ед. хр. 3267, л. 86): «<...> Воскресения Христова, что на Дебре, построена в 1652 г. тщанием купца Кирилла Григорьева <...> тщанием Воскресенских прихожан по образцу древних церквей <...> Зданием <...> без колокольни <...> При оной церкви теплая, когда и кем построена, неизвестно. Алтарь этой церкви распространен в 1860 г. тщанием купеческой вдовы Анны Ивановны Стоюниной. Зданием каменная с таковой же колокольней, построенной в 1802 г. тщанием Воскресенских прихожан. Престолов в ней два – в настоящей теплой во имя Божией Матери честного ея образа Знамения и св. великомученика Георгия Победоносца, в приделе холодном, построенном в 1802 г. над теплой церковью, во имя бессеребренников Косьмы и Дамиана и св. Прокопия Христа ради Юродивого Устюжского чудотворца».

Редкой особенностью Знаменского храма была постановка придела непосредственно над четвериком, без доступа снизу. В него попадали из колокольни – от неё, с уровня второго яруса, по коньку кровли трапезной шёл переходной мостик с точёным балясником, приводивший к двери в западной стене придела.

Обмер здания, выполненный в октябре 1969 г., и его натурное обследование показали следующее: и четверик, и трапезная выложены из того же большемерного кирпича на известковом растворе, что и Воскресенская церковь (это относится ко всей высоте четверика и почти ко всей высоте

трапезной – верхняя часть её фасадов, судя по кирпичу и форме карниза, могла появиться в эпоху классицизма). На западном фасаде трапезной, со смещением к северу относительно продольной оси, видны следы разрушенного перед постановкой колокольни некоего объёма (с трапезной он сообщался двумя арками; одна из них заложена большемерным кирпичом на извести, видимо, тогда же). На всех трёх сторонах трапезной сохранился срубленный карниз с поребриком, проходившим значительно ниже существующего. На внутренних поверхностях стен четверика, примерно на половине их высоты, видны пяты срубленного сомкнутого свода с распалубками над первоначальными окнами; оси этих проёмов на северной стене не совпадают с существующими; нынешние оконные проёмы четверика в обоих ярусах сделаны за счёт растёски старых, откосы и перемычки в них выложены заново (то же относится к окнам трапезной). Верхняя половина стен четверика по кирпичу и технике кладки вполне идентична нижней, её внешний декор (фриз с килевидными впадинами) типичен для костромских церквей XVII в. (церкви Спаса и Ильинская за Волгой, Троицкая церковь). Своды и над четвериком, и над трапезной выполнены из большемерного кирпича на извести; внешняя поверхность свода четверика гладкая, без каких бы то ни было следов глав. В нижней половине северного фасада четверика видны следы разрушенного объёма, построенного воедино с четвериком, со следами сомкнутого свода. Алтарная апсида выложена из кирпича, типичного для XIX в., на извести.

Все это позволяет утверждать: в основе существующего здания Знаменской церкви лежит церковь XVII в. (скорее всего, ровесница Воскресенского храма), состоявшая из невысокого четверика (соответствующего нижнему своду) с северным приделом, трапезной (карниз с поребриком по фасадам), алтарных апсид; с западной стороны к трапезной примыкал асимметрично поставленный объём, возможно служивший основанием колокольни.

Несколько позже, но, вероятно, в пределах XVII в., был надстроен четве-

рик. Наконец, на рубеже XVIII–XIX вв. церковь в основных своих частях получает известный нам облик. Алтарная часть, как сказано выше, была перестроена в 1860 г.

Эта примерная схема будет уточняться по мере проведения натурных исследований, в том числе раскопок внутри алтарной апсиды и вокруг здания.

Настоящим проектом предусматривается восстановление здания Знаменской церкви на последний этап его истории – перед разрушением, с выявлением всех следов более ранних эпох (восстановление ниш и проёмов в северной стене четверика, фрагментарное восстановление первоначального карниза трапезной). Принципиально допустимо и воссоздание северного придела храма.

Необходимость восстановительных работ диктуется, прежде всего, потребностью в соборном храме для вновь учреждённого Знаменского женского монастыря. И функционально, и композиционно ансамбль Воскресенской и Знаменской церквей нуждаются в колокольне. Из этого проистекает необходимость восстановления архитектурного ансамбля в полном историческом объёме, включая ограду и ворота. Наконец, это будет актом восстановления архитектурного облика старой Костромы – города исторического.

В основу проекта положены обмеры сохранившихся частей здания, сделанные в 1960-х годах, архивный план 1888 г., фотографии начала XX в., сделанные с различных точек.

Отправной точкой при определении высотных отметок Знаменского храма было следующее соображение.

Зная из обмера отмостку, можно, переведя метрические размеры в аршин, рассчитать шкалу размеров (в аршинах и их долях) для всех восстанавливаемых частей здания.

Дополнительным подспорьем (помимо снимков самого храма) были фотографии церкви Петра и Павла в Костроме, близкой по времени и стили-

стически родственной (архитектор С. А. Воротилов), и авторский чертёж проекта колокольни к церкви села Спас-Пенья Судиславского района (1830 г., архитектор П. И. Фурсов). Чертёж этой колокольни замечателен тем, что в нём дан разрез с внутренними арочными камерами, сделанными ради облегчения веса сооружения, и показан колодец, проходящий сквозь колокольню по её оси. Именно через этот колодец поднимали колокола. Приём этот, видимо, был традиционным. Подобный колодец существовал и в колокольне Богоявленского кафедрального собора Костромского кремля (архитектор С. А. Воротилов).

Кто автор реконструкции Знаменской церкви на рубеже XVIII–XIX вв.? Прямых свидетельств нет. Но, изучая круг культовых построек Костромы той поры, сравнивая их между собой, невольно приходишь к мысли – это Степан Андреевич Воротилов или члены его семьи, создавшие своеобразную архитектурную школу.

Обращаясь к практической стороне восстановления здания, следует сказать, что первым шагом в этом деле должно быть восстановление северной стены трапезной и части свода, разрушенных из-за небрежения в последние двадцать лет. Применяться должен только красный кирпич и только на известково-песчаном растворе, с минимальным добавлением цемента. Это правило относится и к колокольне, и к венчающему храм приделу.

Особое внимание должно быть уделено фундаменту колокольни. Он должен быть сделан заново, с учётом новейших технологий. Очевидна необходимость армирования тела колокольни, ввиду её чрезвычайной высоты (20 саженей над уровнем паперти).

В соответствии с фотографиями фасады колокольни, лестничного призора и верхнего восьмигранного придела оштукатуриваются. Колонны, карнизы колокольни вытягиваются по шаблонам. Капители колонн целесообразно отливать в бетоне заблаговременно, колонны выкладывать с учётом уточнения слоя последующей штукатурки, наносимой в соответствии с вра-

щающимся шаблоном-доской; оштукатуриваются интерьеры придела, колокольни, притвора, поправляется штукатурка внутри основного храма. Древние части храма, их фасадные поверхности, после соответствующей чистки, покрываются известковой обмазкой (без оштукатуривания).

По завершении общестроительных работ стены храма и колокольни окрашиваются известью (кистью) по особой технологии. Кровли – чёрного железа – окрашиваются медянкой (оцинкованное железо недопустимо). Вся столярка окрашивается масляными белилами.

Здание имеет вокруг себя значительный культурный слой. Перед началом работ он должен быть удалён.

ЦЕРКОВЬ ВОЗНЕСЕНИЯ НА ДЕБРЕ

Один из наиболее старых храмов г. Костромы, церковь Вознесения на Дебре, стоит на левом берегу Волги, к востоку от кремлёвского холма, и некогда начинала прибрежный ряд церквей, цепочкой располагавшихся от центральной части города в сторону устья Чёрной речки. Вслед за ней следовали несохранившаяся Николо-Мокринская, церковь Воскресения на Дебре со стоящей рядом ныне полуразрушенной Знаменской церковью и далее, на границе старого города, церковь Стефана Сурожского, разрушенная в те же 30-е годы XX столетия.

Эти церкви, в большинстве относящиеся к XVII в., в отличие от расположенных выше и, как правило, более поздних, непосредственно включались в гражданскую застройку набережной. Их силуэты просматривались на фоне зелёных склонов, удалённых от воды верхних частей города, они организовывали застройку главного городского фасада.

В вопросе о времени постройки Вознесенской церкви и её строителе много неясного. Историей здания много занимался Е. В. Кудряшов, искусствовед Костромской реставрационной мастерской, безвременно скончавшийся весной 1985 года*.

Пояснительная записка к эскизному проекту восстановления и реставрации. Текст датирован июлем 1987 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. *(Прим. ред.)*

* Одна из его заслуг – обстоятельное изучение материалов Государственного архива Костромской области (ГАКО). Благодаря ему, мы располагаем выписками из многочисленных документов, проливающих свет на исто-

Излагаем содержание сделанных Е. В. Кудряшовым архивных выписок, относящихся к Вознесенской церкви.

В 1628 г. на Верхней Дебре переписаны «церковь с трапезою <....> а в ней два придела: Стретение Пречистые Богородицы иконы Владимирские да чудотворца Николы <...> да место церковное, а церковь была Вознесение Господа Бога и Спаса нашего <...>». (ГАКО, ф. 558, оп. 2, ед. хр. 133, л. 573: «Писцовая книга г. Костромы, 1628–29 гг.»)*.

В окладных книгах Патриаршего казённого приказа XVII в. есть запись о том, что первая патриаршая пошлина с этого храма была взята в 1654 г.**

Видимо, в 1654 году Вознесенская церковь начала действовать как самостоятельный храм.

В 1701 г. освящён южный Никольский придел: «209 г. марта 24 (24 марта 1701 г.) по благословенной грамоте выдан антиминос в г. Кострому, что на посаде, церкви Воскресения Господня в придел Николая чудотворца, Вознесенского собора протопоп Игнатий антиминос взял и расписался»***.

Северный притвор построен в 1835 г. (ГАКО, ф. 130, оп. 11, ед. хр. 2114, л. 168). Последний ремонт храма в 1812 году. (ИИАК, выпуск 48, СПб, 1913,

---

рию основных архитектурных памятников Костромского края. Значение проделанной им работы, её неповторимость стали очевидными после пожара 1982 г., испепелившего Костромской областной архив.

* Из записи следует, что каменная Вознесенская церковь ещё не была построена и ей предшествовал одноимённый, по-видимому, деревянный храм.

** Материалы для истории сёл, церквей и владельцев Костромской губернии XV–XVIII вв. Вып 5. Костромская и Плесская десятины. М., 1912, стр. 33.

*** Материалы для истории Костромской епархии. Костромская десятина жилых данных церквей 1628–1710 и 1722–1746 гг. Выпуск четвёртый. Кострома, 1908, стр. 33.

стр. 2). После пожара в храме 31 марта 1917 г. (ГАКО, ф. 130, оп. 10, ед. хр. 1371, л. 5–5 об.) храм был закрыт, а здание, спустя некоторое время, передано в распоряжение губисполкома. В 1932 г. сломана колокольня и барабаны глав.

В последние десятилетия XX в. здание Вознесенской церкви было передано на баланс стоящего рядом мельничного комбината; четверик был отдан под жильё, в трапезной устроен склад. В это время растёсаны большинство проёмов, некоторые пробиты заново. После освобождения трапезной она пустовала и, лишившись кровли, стала быстро разрушаться. Рухнул свод, обрушились северная, большая часть западной и частично южная стены. В начале 1986 г. освобождён от жильцов четверик церкви.

В результате варварского использования здание находится в островаварийном состоянии.

На время перед разрушением Вознесенская церковь состояла из двустолпного четверика с пятью световыми главами и трёхчастной апсидной частью, трапезной, переходившей с южной стороны в Никольский придел, шатровой колокольни и двухэтажного притвора, обращённого в Мельничный переулок. Нижнюю часть четверика занимал подклет, распространявшийся на апсидную часть. Здесь он перекрывался сводами. Подклет под четвериком имел плоское перекрытие в виде деревянного пола, положенного по массивным брёвнам, опёртым, в свою очередь, на кирпичные столбы, поставленные вдоль основных несущих конструкций. Размещение глав на четверике было симметричным, и большая глава занимала место геометрического центра. Это достигалось срединным (в направлении запад–восток) положением внутренних опорных столбов и большой главы меж ними. Каждый из столбов соединялся парой арок с западной и восточной стеной четверика, и подвышенные арки, перекинутые к южной и северной стенам, выполняли роль подпружных под коробовыми сводами, перекрывающими северную и южную трапеи.

Расположенный на той же отметке свод средней трапеи разорван в пространстве между столбами и посредством парусов переходит в большую гла-

ву; паруса в основании имеют и боковые главы, в торцах южной и северной травей.

Трапезная, прикрывающая нижнюю часть западного и частично южного фасада четверика, с полукруглой апсидой и главой Никольского придела, имела сводчатое сомкнутое перекрытие, с распалубками над проёмами. На каменном щипце её западного фасада, соответствующем двускатной кровле, в месте примыкания к колокольне, видна прямоугольная дверь входа на чердак. Примыкающая к северо-западному углу трапезной четырёхъярусная колокольня, нижний ярус которой равен по высоте трапезной, завершалась восьмигранным шатром с главой. Два нижних, квадратных в плане, яруса уступом переходили один в другой; выше следовали два восьмигранных яруса: верхний из них, ярус звона, со сквозными арками у основания шатра, завершался сложным карнизом из ступенчатых кронштейнов и полки. Шатёр и шейка главы имели позднюю железную обшивку, скрывающую кирпичный декор окон-слухов и рёбер. Значительно переделанным выглядел нижний ярус колокольни, восточной стороной утопленный в стену трапезной. Из трёх его арочных проёмов два боковых были заложены наполовину толщины и имели вид ниш, а западный был залицован начисто; в левом углу заложённой арки была устроена явно поздняя прямоугольная дверь.

Асимметричную композицию здания завершает западный двухэтажный притвор, имевший прежде вальмовую кровлю, с круглым аттиком в центре северного фасада. Оба его перекрытия были плоскими, деревянными. В последние десятилетия прошлого века пробивкой двери и устройством внутренней лестницы в притворе было устроено крыльцо – вход непосредственно с улицы в четверик.

Оценивая общую композицию и характер архитектурных форм Вознесенской церкви, следует сказать несколько слов о том, что делает её непохожей на другие костромские церкви. Прежде всего – это цельность, компактность облика. Ощущение эпичности создаёт мощный силуэт куба основного

объёма, низкой, стелющейся по склону берега трапезной, монументальные главы четверика с необычными по форме большими маковицами. Столь же лаконичен образ колокольни, весьма аскетичной, крепко стоящей на земле.

Несколько противоречит общему впечатлению декор фасадов четверика. Не считая пояса кокошников-закомар, они членятся на три яруса: цокольный, ярус порталов, ярус окон. Последний из них завершён декоративно насыщенным поясом, включающим горизонтальные тёсанные профиля, поребрик и ленту аркатур с килевидными завершениями. Плоские, сужающиеся вверх лопатки делят фасады на прясла: восточный, южный и северный фасады – на пять, западный – на три*.

Единственный проём – дверь в цокольном этаже четверика – расположен на южном фасаде. Он перекрыт лучковой перемычкой и, не считая уступа по внешнему контуру, не имеет какого-либо обрамления. Три перспективных с киями портала украшали второй ярус. Наиболее из них декорирован западный. По его сторонам, вплотную с ограничивающими среднее прясло лопатками, размещались колонки из поставленных одна над другой ширинок, по три с каждой стороны; каждая из колонок завершалась килевидным кокошником. Колонки и полуколонки порталов имели белокаменные резные дыньки; белокаменный профилированный импост проходил в основании архивольтов. Кроме трёх этих порталов, во втором ярусе четверика были ещё два прямоугольных портала, как выяснилось, более поздних. Они располагались на северном и южном фасадах, к западу от первоначальных. Обрамлённые лёгкими трёхчетвертными колонками с перехватами на середине высоты, с характерными для конца XVII в. опорными резными кронштейнами со слезником, они выдают время своего появления.

Более графичным воспринимается обрамление окон в третьем ярусе. Это те же перспективные с килем наверху наличники, но полуколонки, входящие

---

* Боковые, северный и южный фасады, во втором ярусе имеют по два прясла, в больших из которых, восточных, размещены порталы.

в них, имеют ширину в четверть кирпича. Как и в полуколонках порталов, в их средней части применены белокаменные дыньки, но без резного орнамента. Уже в XIX в. некоторые из этих окон были растёсаны, а внутренние откосы переложены. В четверике семь окон: по два на боковых и три на западном фасадах.

Завершающие четверик кокошники-закомары, по четыре на каждом фасаде, с уступами на углах и между ними, имеют очертания близкие к полуциркульному и сильно развитые архивольты из тёсаных профилей. Поднимающаяся между ними и выше стена завершается трёхчастным карнизом с упрощённой профилировкой. На неё опирается железная четырёхскатная кровля.

Особое внимание привлекает пятиглавие Вознесенской церкви. Необычен большой диаметр световых барабанов, особенно среднего. Необычен их декор, невольно напоминающий вологодские прототипы (Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри). О вероятных связях вологодских каменщиков с Костромой свидетельствует и стоящая неподалеку церковь Воскресения на Дебре, чей Трёхсвятительский придел, точнее его фасад, является сколком с Благовещенской церкви Великого Устюга. А церковь Воскресения почти ровесница Вознесенской церкви.

Особенно замечательны маковицы пятиглавия. На снимке 1908 г. ясно видно, что они, по крайней мере в нижней половине, выложены из кирпича. Компактные по силуэту, с широкими, мягко очерченными полицами, боковые маковицы имеют почти сферическую форму. Лапидарно очертание мощной маковицы большой главы. Венчают пятиглавие высокие кованые кресты на растяжках.

Не совсем обычны наличники четырёх окон трапезной – на северном и южном фасадах – с разорванным двускатным щипцом в завершении*.

---

* Подобный тип оконных наличников встречается на ряде церквей, построенных в Костроме в конце XVII в. – первой половине XVIII в. Это

Проёмы окон были растёсаны в XIX в., но, судя по снимку южного фасада, хранящемуся в фондах Музея архитектуры им. Щусева и датированному 1932 г., они имели обрамление из трёхчетвертных колонок. Этот снимок, наряду со снимком 1970 г., детально фиксирующим порядовку кладки колонки и даже декоративный элемент в её основании, позволяют проёмы окон реконструировать.

Более традиционно по композиции окно на апсиде придела. Оно завершалось трёхлопастным очельем, также видным на снимке 1932 г. Несомненно, к 50–70 гг. XVIII в. относится окно на западном фасаде трапезной, у его южного угла. Оно имеет плоский наличник с лучковым очертанием проёма, с характерными для этого времени «ушами» и замковым камнем.

Ещё одна особенность Вознесенской церкви – устройство главного входа в трапезную не под колокольной, а непосредственно с улицы (о причине этого будет сказано особо). Заложенный и частично срубленный в XIX в., он был «открыт» вновь, когда обвалилась скрывавшая его штукатурка и проявились контуры его фасада (см. снимок 1970 г.).

Колокольня церкви принадлежит к получившему распространение в конце XVII – начале XVIII вв. типу четырёхъярусных шатровых колоколен с характерным для «нарышкинского барокко» набором деталей. Из церквей этого круга, сохранивших к началу нашего века первоначальные колокольни, можно назвать Николо-Мокринскую и Сергиевскую. Но, в отличие от них, колокольня церкви Вознесения, созданная значительно позднее самого храма, появилась раньше трапезной, строившейся, в свою очередь, в два приёма. Колокольня церкви разрушена в 1932 г.

Попытаемся проанализировать сохранившиеся дореволюционные снимки и снимки 1970 г., сопоставив их с натурными наблюдениями. На снимках

церковь Спаса на Запрудне и разрушенные в 30-е годы: Николо-Мокринская, церковь Спаса в Подвязье, Козьмодемьянская в Кузнецах и Сретенская в Анастасьинском, также разрушенном, монастыре.

1908 г., сделанных с юго- и северо-запада, видны заложённая заподлицо западная арка в нижнем ярусе и заложённые на половину толщины арки с южной и северной сторон. На снимке 1970 г., фиксирующем остатки восточной стены нижнего яруса, видны два восточных столба, закладка между ними (выполненная из большемерного кирпича) с дверным проёмом слева, ведущим в трапезную. Справа от двери, на половине высоты закладной стены, из неё выступает штраба, начинающаяся от земли. Кладка примыкающей к колокольне западной стены трапезной с ней не связана. Сохранившийся фрагмент северо-восточного опорного столба в местах примыкания к северной стене трапезной сохранил известковую обмазку с восточной стороны. Следовательно, восточная поверхность опорного пилона, скрытая сейчас северной стеной трапезной, была открытой, и, значит, на каком-то этапе к западу от церкви, по её оси, стояла ни с чем не связанная колокольня.

Колокольня стояла на четырёх прямоугольных столбах, соединённых коробовыми сквозными арками, и, следовательно, не имела внизу лестницы восхода вверх. Для неё попросту здесь не было места. Как же поднимались на колокольню? Поскольку она не сохранилась и мы не располагаем никакими архивными сведениями, приходится опираться на логические заключения. Нижний ярус перекрывался крестовым сводом, поэтому естественно предположить, что внутренняя, скорей всего деревянная, лестница начиналась с пола второго яруса, освещённого окнами. Попасть сюда можно было лишь с восточной, обращённой к церкви стороны по воздушному переходу от западного портала четверика. Переход этот был, скорее всего, деревянным, как и гильбище, с трёх сторон окружавшее храм и объединявшее его поднятые над землёй три портала. Это, разумеется, гипотеза, но гипотеза правдоподобная — тем более что в те времена Вознесенская церковь была соборным монастырским храмом и окружена стенами.

К 1701 г. к колокольне пристраивают трапезную. Её северная стена идёт

заподлицо с плоскостью северного фасада нижнего яруса колокольни; западная стена под углом примыкает к юго-восточному столбу и частично его скрывает*.

Появление трапезной между колокольней и четвериком резко меняет ситуацию. Во-первых, симметричная, строго осевая композиция комплекса становится асимметричной за счёт смещения основного объёма трапезной к югу, благодаря появлению над приделом новой главы. Во-вторых, сомкнутый свод над трапезной перекрыл главный, западный портал храма; он был заложен, левая сторона его была скрыта северной стеной трапезной. Отныне в четверик можно было попасть лишь через боковые порталы. В-третьих, вход во второй ярус колокольни, к лестнице, оказался обращённым на чердак трапезной; для попадания сюда с уровня земли в щипце над западным фасадом, у угла колокольни, устроили дверь. И, в-четвертых, поскольку пользование этой дверью было сопряжено с неудобствами, особенно в зимнее время (надо было приставлять лестницу), был реконструирован нижний ярус колокольни: наполовину толщины столбов заложены боковые арки, западная и восточная заложены с устройством дверей в северной половине; в южной же половине образовавшегося коридора устроили кирпичную двухмаршевую внутреннюю лестницу во второй ярус. Отметку и ширину промежуточной площадки её задаёт штраба, видимая на снимке 1970 г. После устройства внутренней лестницы западный главный фасад колокольни в значительной мере утратил свою представительность, ибо внизу колокольни, взамен большой осевой арки, появилась глухая стена с асимметрично поставленной сугубо утилитарной дверью. Подобная дверь, вдобавок ведущая в затеснённый коридор под колокольней, не могла служить достойным входом в трапезную. Поэтому рядом с колокольней, в западной стене, строителями трапезной был сделан перспективный килевидный портал, по формам близкий к порталам на основном храме.

---

* Получившийся угол примыкания западной стены трапезной к колокольне – дополнительное свидетельство одновременности их постройки.

Если обратиться к южному фасаду трапезной, можно заметить несоответствие карнизов апсидной части придела и самой трапезной. Карниз трапезной на пять рядов выше и как бы садится на карниз алтарной части, поребрик которой идёт под ним и достигает наличника правого из двух окон. Более архаичен наличник у алтарного окна, а само оно ниже окон трапезной. Очевидно, апсида является частью более раннего придела. Каковы были его границы, покажут дальнейшие исследования.

Видимо, 1700 годом следует датировать и два дополнительных прямоугольных портала на боковых фасадах четверика. По характеру архитектурных деталей они соответствуют этому времени. Потребность в дополнительных входах могла возникнуть после того, как был заложен западный портал. Одновременно переделывается южный портал: в него как бы вставляют новый, прямоугольный, по образцу прорубленного вновь.

И всё же наиболее интересные находки ожидали под кровлей четверика. То, что существующая четырёхскатная кровля – поздняя, было очевидно: она скрывала основания глав, в особенности большой; о позднем происхождении стены между (условно назовём) закомарами свидетельствовал и уступ между ними. Это предположение подтвердилось после разборки закладной стенки между двумя средними закомарами на южном фасаде. За стенкой, выложенной в полкирпича (из большемерного кирпича повторного использования), была открыта другая, со следами известковой обмазки, на расстоянии 90 см от архивольтов закомар, с гнездом от водомёта. В ходе дальнейшего обследования выяснилось, что эта внутренняя (прежде фасадная) стена с примыкающими к ней закомарами идёт по периметру всего здания на расстоянии 60–65 см от внешней закладной стенки. Стена эта служит как бы пьедесталом для четырёх боковых глав и в плане идёт по касательной к ним. Переходом от стены к главам служит пояс килевидных кокошников, полукругом с внешней стороны окружающий их основание, по шесть под каждой главой. Основание кокошников поднято над верхом закомар на один ряд кладки, что доказывает

посводное покрытие закомар.

Кладка стены за закомарами сохранилась до отметки + 1,87 от их основания; с учётом существовавшего прежде карниза она могла достигать отметки + 2,16 (не хватает трёх рядов кирпича).

Открытая стена могла иметь единственное назначение – служить опорой первоначальной кровли. Эта кровля в силу того, что примыкала к валику в основании центральной главы (скрытой сейчас на чердаке), была более пологой и по известным причинам по прошествии некоторого времени была переделана. Переделка состояла в возведении новой стенки между закомарами и переносе на неё опоры кровли; была поднята и её верхняя отметка, что привело к тому, что основания глав стали скрытыми. В жертву утилитарности была принесена единственная в своём роде система покрытия, а облик здания искажён.

Оценивая обнаруженную нами систему первоначального завершения четверика Вознесенской церкви, следует сказать, что найденный строителями приём в своём развитии приведёт к таким блистательным образцам церковной архитектуры, как Троицкая церковь в Костроме. Отголоски этого приёма можно видеть в более поздних солигаличских храмах – Воскресенской и Успенской церквах. Многочисленны примеры и за пределами Костромской области.

Не выяснена до конца система первоначального покрытия алтарной части. Установлено лишь, что существующая кровля, скрывающая за собой значительную часть восточного фасада четверика с системой укороченных лопаток на профилированных базах (как будто рассчитанных на обзорение), сделана очень давно, до нанесения известковой обмазки фасадов: вся плоскость фасада под кровлей обмазки не имеет. Необходимо исследовать ендовы между конхами и попытаться реконструировать авторский замысел. На существование промежуточной по времени кровли указывают три, в общей горизонтали, вырубленные гнезда в стене над конхами. Они расположены в пределах

чердака, под обрезом аркатурного пояса.

Чертежи предлагаемого проекта восстановления и реставрации Вознесенской церкви выполнены на основе студенческих обмеров 1970 г., тщательно проверенных и уточнённых по натуре. На основе зондажей и археологических обмеров реконструированы окна четверика и трапезной. Некоторые элементы трапезной, почти полностью разрушенной за истекшие 17 лет, пришлось реконструировать по фотографиям 1932 г. и 1970 г. Это западный портал и окна. При этом, для уточнения высотных размеров оконных наличников, определялась средняя высота одного ряда кладки со швом на разных участках фасадов. При реконструкции окон трапезной использованы снимки однотипных окон церковных зданий того времени (церковь Спаса на Запрудне, церковь Николая Мокрого).

Наибольшую трудность (и ответственность) представляет реконструкция начисто разрушенной колокольни и пятиглавия. Единственное, чем мы располагаем, это хорошие старые фотографии, натурные остатки оснований глав на чердаке и обмеры места примыкания колокольни к трапезной. Сопоставление фотографий, применение масштабных шкал для разных частей здания (на основе порядовки кладки большемерного кирпича), корректировка результатов применением старых мер – метод предлагаемой реконструкции. Значительную сложность составляет угадывание, что скрывалось под поздней железной облицовкой шатра колокольни. Проще всего было установить наличие валиков в полкирпича на рёбрах шатра. Этот приём широко распространён и является нормативным. Труднее определить характер обрамлений проёмов слухов в гранях шатра. Против обыкновения, они имели одинаковые размеры и, следовательно, должны были иметь одинаковые наличники. Традиционная форма наличника в виде фронтонок на боковых полуколонках, возможная по ширине поля на проёмах нижнего яруса, не укладывалась в верхнем ярусе. Предлагаемая нами форма наличника слухов, наиболее скромная, находит аналог в церкви Варвары на Таганке (пример далёкий, но допустимый).

Впрочем, этот вопрос требует дополнительных исследований.

При реконструкции нижнего яруса колокольни, ради сохранения пластики главного фасада, закладку западной арки предлагается выполнить по образцу закладок боковых арок, т.е. на половину толщины опорных столбов, и дверной проём сделать арочным; внутренняя двухмаршевая лестница во второй ярус огораживается со стороны коридора кирпичной стенкой с проёмом. Все элементы восстанавливаемых проёмов выполняются на основе старых мер.

В трапезной, взамен тяжёлого кирпичного свода, предлагается сделать его имитацию из дерева с последующим оштукатуриванием и обмазкой. Для показа реставрируемого западного портала, выходящего в интерьер трапезной, необходимо разорвать перед ним свод, максимально подняв в этом месте перекрытие, и сместить к северу участок, примыкающей к portalу северной стены, образовав перед порталом род кармана. Искусственность этого приёма искупится возможностью показа замечательного фрагмента старой архитектуры.

И, наконец, предлагается восстановление уникального первоначального покрытия четверика, с мощной пластикой выступающих закомар и кокошниками в основании угловых барабанов.

В ближайшее время перед зданием Вознесенской церкви начнётся строительство речного вокзала города Костромы*, и она превращается в доминанту аванплощади города. Резко возрастает её идейная и художественная значимость.

Восстановительным и реставрационным работам должны предшествовать серьёзные инженерные работы, ибо здание пребывает в аварийном состоянии. Необходимо исследовать остатки внутренних росписей в четверике (датируемых серединой XIX в.) и наметить меры к их восстановлению.

---

* Строительство речного вокзала начато не было. (Прим. ред.)

ИЛЬИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА РУСИНОЙ УЛИЦЕ

История строительства и неоднократных перестроек каменной Ильинской церкви на Русиной улице в г. Костроме достаточно подробно и аргументированно изложена в «Исторической справке», составленной искусствоведом Костромской СНРПМ Е. В. Кудряшовым от 29 марта 1982 г.*

Единственно спорным пунктом в «Справке», по нашему мнению, является попытка приписать авторство работ по перестройке церкви в 1820-х годах знаменитому П. И. Фурсову. Ни общий характер композиции трапезной, и в особенности колокольни, ни трактовка капителей ордера в её ярусах, ни характер карнизов (несколько суховатый), ни характер купола в основании шпиля – не позволяют этого сделать. Тем не менее, индивидуальные и общеградостроительные достоинства дополнений 1820-х годов, как и основного здания XVII–XVIII вв., неоспоримы.

К сожалению, в последнее время утрачен чертёж XIX в. Ильинской церкви с клапаном 1860 г., упоминаемый в «Исторической справке» Е. В. Кудряшова. Сохранилась фоторепродукция чертежа, не очень высокого качества. Она, данные обмера сохранившихся частей церкви и её фотографии (дореволюционные и начала 30-х годов XX в.) являются единственными исходными

Пояснительная записка к эскизному проекту восстановления здания бывшей Ильинской церкви на бывшей Русиной (ныне – Советской) улице. Текст датирован ноябрем 1986 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

* См.: Е. В. Кудряшов. «Историческая справка к памятнику архитектуры XVII–XIX вв. церкви Ильи Пророка в Костроме». (Архив КСНПРМ).

материалами для составления проекта реконструкции. Дополнительным средством корректировки размеров реконструируемых частей должен служить метод применения старых строительных мер – аршина и его частей. При уточнении размеров плана должны быть использованы размеры в аршинах, нанесённые (неизвестным строителем) карандашом на чертеже XIX в. Наконец, при реконструкции частей фасадов четверика, выполненных в конце XVII в. из большемерного кирпича, в частности наличников окон, необходимо исходить из размеров этого кирпича. Эти соображения положены в основу предлагаемого эскизного проекта реконструкции Ильинской церкви.

Итак, в 30-е годы XX в. Ильинская церковь лишилась четверика с апсидами, южного двучастного притвора с крыльцом и верхних ярусов колокольни. Сохранились трапезная и нижний ярус колокольни. На трапезной с северной, уличной стороны был удалён аттик 1860 г. с главкой, но оставлен каменный тамбур 1860 г. с северной стороны колокольни. Следует отметить, что при разборе четверика над стеной, смежной четверику и трапезной, с северной стороны, частично сохранился угол четверика с угловой пилястрой. Место четверика церкви сейчас занимает каменная одноэтажная постройка проходной почтамта; сам почтамт – высокое трёхэтажное здание эпохи конструктивизма – располагается в 22-х метрах от восточной стены трапезной, оставляя, таким образом, место для предполагаемого к восстановлению четверика с апсидами Ильинской церкви. В случае восстановления церкви и соответствующего сноса нынешней проходной почтамта, эта проходная может быть перенесена к западной части колокольни, с отнесом её вглубь участка; в этом случае хозяйственный двор почтамта будет расширен на длину церкви.

В основу предполагаемого проекта реконструкции Ильинской церкви положен чертёж XIX в. с корректировкой размеров по фотографиям. Полностью на конец XVIII в. реконструируется четверик с пятиглавием и апсиды, включая переделанные в XVIII в. окна в южной и северной апсидах. Без изменения оставляется существующая трапезная. Необходимость сохранения форм

трапезной 1860 г., когда она была расширена и сомкнулась с колокольной, диктуется требованием сохранения полезной площади и достаточной гармоничностью её уличного фасада. В проекте не восстанавливается аттик над этим фасадом, как претенциозный и чуждый спокойному характеру композиции 1820-х годов. В то же время оставляется поздний, эклектичный тамбур у колокольни, закрывающий основание её нижнего яруса, но в нынешней ситуации необходимый, ибо отсюда сделан вход в подклет трапезной. Из тех же соображений предлагается сохранить притвор у южной стены колокольни. При реконструкции притвора у южной стены четверика выбран вариант, изображённый на плане XIX в., – более ранний, одночастный, с южной стеной, идущей заподлицо с южной стеной трапезной, – как более дешёвый в осуществлении. Его южный фасад трактован в соответствии с южным фасадом притвора второго периода, ибо архитектура фасада раннего притвора неизвестна. В этом есть известная натяжка, но этот фасад скромн и не противоречит общему характеру архитектуры южной стороны здания. В формах классицизма 1820-х годов предлагается восстановить портик у восточного торца лестничной клетки – выхода из притвора. Лучковый фронтон портика принадлежит, несомненно, более позднему строительному периоду и дисгармоничен облику здания.

Сложнее обстоит дело с реконструкцией интерьера четверика. План XIX в. фиксирует его в уровне трапезной и нижнего яруса колокольни и схематичен. По непонятной причине на нём не отображены прямоугольные в плане ниши, достигающие уровня пола и располагающиеся под окнами верхнего света. Между тем, одна из них видна на снимке 1930-х годов, выполненном в ходе разборки церкви и изображающем северо-восточный угол четверика. Ниша имеет коробовую сводчатую перемычку и смещена по отношению к верхнему окну к западу. Судя по её вершине и положению в стене, здесь, в северной стене, их могло быть только две. Ширина ниши может быть определена из сопоставления её с шириной оконного проёма; таким же об-

разом определяется ширина внутренних откосов окна. Размеры по вертикали и окон, и ниш, а также вертикальные отметки между ними можно установить по порядовке большемерного кирпича в кладке видимой на снимке предалтарной стены, а также сопоставляя их с высотой светового проёма. Критерием точности размеров должна служить система мер, последовательно применённая в южной стене четверика. Здесь одна ниша, ибо часть стены занимают внутренние откосы портала.

На чертеже XIX в. нет разреза церкви и, в частности, разреза четверика. Поэтому, при определении типа перекрытия над четвериком, мы вынуждены пользоваться косвенными свидетельствами фотографий фасадов и аналогами конца XVII–XVIII вв. Таким аналогом, в частности, может служить костромская церковь Иоанна Златоуста (1751 г.) с перекрытием над четвериком в виде сомкнутого коробового свода, со световой центральной главой и декоративными боковыми главами. Мы не знаем, переделывался ли свод над четвериком Ильинской церкви в конце XVIII в., в момент её коренной реконструкции, когда появились новые главы и аттик. Но если и нет, то и в конце XVII в., в то время, когда она была построена, этот тип перекрытия был широко распространён. В пользу перекрытия четверика сомкнутым сводом говорит и отсутствие опорных столбов в интерьере. В этих условиях задачей проектировщика-реставратора становится определение отметок пяты и шельги свода с тем, чтобы эта конструкция, принимающая вес глав, гармонично, с соблюдением старой метрологии вписалась в разрез, внешние габариты которого, в свою очередь, определены исходя из плана и фотографий фасадов. По тому же принципу выполнен разрез алтарной части, при этом использована одна из фотографий интерьера, сделанная в период разрушения здания (1930-е годы).

Несколько слов о месте Ильинской церкви в ансамбле Костромского центра. Среди архитектурных вертикалей, окружавших некогда главную доминанту городского ансамбля – кафедральный Богоявленский собор, – главными

были пожарная каланча, соборная колокольня Анастасьинского монастыря, колокольни церкви Спаса в рядах и Ильинской церкви. С утратой в 1930-х годах соборного ансамбля, разрушением Анастасьинского монастыря, колоколен церкви Спаса в рядах и Ильинской церкви, а также ряда других культовых зданий XVII–XVIII вв. облик центральной части Костромы, вызывавший в своё время восхищение А. Н. Островского, позже Г. К. Лукомского, лишился большей части своеобразия и цельности. Распался ансамбль, веками создававшийся поколениями зодчих, известных и безымянных. Силуэт города, лишённый архитектурных вертикалей, превратился в аморфную массу.

В этих условиях, особенно с тех пор, как Кострома включена в туристское «Золотое кольцо» и, недавно, объявлена историческим городом, с особой остротой встаёт проблема не только сохранения, но и воссоздания утраченных доминант, жизненно важных для облика исторического города. Одной из них является Ильинская церковь на Русиной (ныне Советской) улице, ставшей в советское время главной городской магистралью. Её по-барочному торжественный силуэт с высокой изящной колокольней, несомненно, стал бы украшением и улицы, и всего ансамбля центральных площадей Костромы – как это и было раньше.

КОЛОКОЛЬНЯ ИЛЬИНСКОЙ ЦЕРКВИ НА РУСИНОЙ УЛИЦЕ

Церковь Ильи-пророка на Русиной улице, одна из достопримечательностей старой Костромы, стояла в начале улицы, непосредственно за гостиницей «Старый двор». Вместе с церковью Воскресения «на площадке» (ныне площадь Советская) она образовывала своеобразные пропилеи в начале одной из городских магистралей.

Каменный Ильинский храм построен в 1689 г. на месте предшествовавшего ему деревянного. Он имел сводчатый подклет и состоял из четверика с трёхчастной алтарной апсидой, обширной трапезной и колокольной (вероятно, шатровой). В отличие от трапезной, с четырьмя внутренними опорными столбами, основной объём храма – четверик – не имел внутренних опор. Он перекрывался единым четырёхлотовым сомкнутым сводом с пятью главами наверху. Средняя из них была световой. В духе того времени архитектурный декор храма соединял в себе древнерусские мотивы с веяниями входившего в моду так называемого «нарышкинского барокко» – декоративно-изошрённого столичного стиля.

Ровно через сто лет, в 1789 г., храм радикально перестраивают. На месте пояса закомар, венчавших прежде кубический объём четверика, появляется аттик с прихотливо очерченными, покрытыми росписью филёнками; новые формы получает пятиглавие. Переделываются фасады и интерьер трапезной, заново

Пояснительная записка к проекту восстановления колокольни Ильинской церкви на Русиной улице. Текст датирован августом 1999 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (*Прим. ред.*)

оформляется интерьер основного объёма, меняются наличники окон на боковых апсидах алтаря. Судя по характеру выполненных в то время работ, их можно приписать С. А. Воротилову – прославленному костромскому зодчему, завершавшему в те годы Богоявленский кафедральный собор кремля.

Третий этап строительных работ на Ильинском храме падает на конец 20-х гг. XIX в. К 1829 г. вдоль южного фасада четверика пристраивают ризницу с просторными сенями и внутренней лестницей с выходом наружу, в сторону алтарей. Тогда возводят новую, известную нам по фотографиям, колокольню. Трёхъярусная, со шпилем, высотой в 20 сажень (42,5 м), она стояла по оси храма, к западу от него, в некотором от него удалении. Между трапезной и колокольней был устроен неширокий крытый переход. В духе позднего классицизма, в лаконичной манере, были переделаны фасады трапезной.

Наконец, в 1861 г. трапезную расширяют к западу, вплотную к колокольне, добавляя при этом к прежним четырём опорным столбам ещё два. По сторонам колокольни, к северу и к югу, пристраивают два одноэтажных объёма, в северном из них устраивают паперть с лестницами в подклет и в уровень трапезной. Меняется уличный фасад трапезной – окна получают обрамления, стилизованные под русскую старину. Сделано это было достаточно тактично и не нарушало гармонии целого.

Несколько позже трапезную завершают суховатым по рисунку аттиком с маленькой главкой, переделывают фасад главной паперти у колокольни, устраивают ограду с парными массивными пилонами. Последние работы, эклектичные по манере, внесли определённый диссонанс в стилистически выдержанный облик древнего здания.

Тем не менее, вплоть до разрушения в начале 1930-х годов Ильинский храм оставался одним из наиболее эффектных и градостроительно запоминающихся зданий Костромы. Наряду с кремлём и соседствующими зданиями храмов он определял лицо центральной части города.

В 1986 г. в стенах Костромской специальной научно-реставрационной

производственной мастерской, по заданию управления культуры Костромского облисполкома, был подготовлен эскизный проект восстановления Ильинской церкви. В основу проекта были положены архитектурные обмеры сохранившихся частей здания (трапезной, первого яруса колокольни), фотокопия старого плана (хранится в архиве КСНРПМ) и натурные фотографии разных лет, начиная с 1900-х годов и кончая временем разрушения храма (началом 1930-х годов).

Предлагаемый проект восстановления Ильинской колокольни следует рассматривать как первый этап проектных работ на пути к возрождению всего храма. Эти работы должны быть продолжены до полного завершения.

Итак, после разрушений начала 1930-х годов от древнего храма сохранились трапезная с подклетом и нижний ярус колокольни, с двумя пристройками – с юга и севера. В южной из них, обращённой в сторону двора, в советские годы было устроено отхожее место. Из четырёх фронтонов, завершавших некогда фасады нижнего яруса, сохранился один – с запада. В толще южной стены существует каменная лестница в верхние ярусы, детально пока не обследованная. Выход её наверх прикрыт поздней железной кровлей. Кладка стен колокольни выполнена из красного кирпича, по размерам близкого к современному, на известково-песчаном растворе. Судя по отсутствию трещин и каких-либо деформаций, техническое состояние здания не вызывает опасений.

И трапезная, и колокольня были оштукатурены и, судя по старым снимкам, имели известковую обмазку. Кладка пилонов, арок, трёхчетвертных колонн и карнизов, несомненно, включала в себя белокаменные элементы. Поэтому все работы по воссозданию колокольни должны проводиться с максимальным приближением к старой технологии. В частности, кирпичная кладка должна осуществляться с применением стандартного красного кирпича на известково-песчаном растворе с минимальным добавлением цемента.

Декоративные элементы, прежде белокаменные, ввиду отсутствия этого материала, предлагается выполнять из заранее заготовленных бетонных отли-

вок, выполняемых по моделям. Кладка должна быть соответственно армирована. Металлический шпиль колокольни и небольшой купол в его основании предлагается покрыть нитридом титана, имитирующим позолоту, то же относится к венчающему кресту и яблоку под ним. Криволинейный купол в уровне люкарн, покрытия карнизов покрываются листами железа с заранее нанесённым красителем травяного цвета.

Колокольня должна быть обеспечена молниезащитой.

Все строительные работы должны осуществляться под постоянным архитектурным и инженерным контролем.

КОЛОКОЛЬНЯ ЦЕРКВИ СПАСА В РЯДАХ

Как многие города старой России с их невысокой застройкой и широким пространством площадей, Кострома имела ряд архитектурных вертикалей в виде церквей и колоколен, достаточно внушительных, чтобы уравновесить протяжённость по горизонтали окружающих их строений, создать динамичный силуэт города и быть высотными ориентирами в архитектурно-пространственном объёме площадей и улиц. С неподражаемым чувством контраста и гармонии старые мастера находили наиболее эффектные места их размещения, придавая им подлинно градообразующие свойства. Одной из вертикалей старого костромского центра были церковь Спаса в Красных рядах и колокольня при ней, построенные разновременно, но составляющие единое целое.

Здание церкви, построенное в 1766 г., принадлежит к той эпохе в истории Костромы, когда территорию нынешней центральной площади (бывшей Сушанинской*) ещё занимал Новый город с бревенчатой оградой и башнями, а место Красных рядов – кладбище, носившее название Лазаревского и упразднённое с началом строительства Красных рядов в конце XVIII в. Одновременно с рядами над их проездом в сторону Волги была возведена колокольня. В противоположность церкви, ещё выдержанной в традициях допетровской архитектуры (закомары четверика, пятиглавие), колокольня принадлежит к раннему классицизму и, не считая проезда внизу, отмеченного снаружи четырёхколонным

Пояснительная записка к проекту восстановления колокольни церкви Спаса в рядах. Текст датирован 12 ноября 1968 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. *(Прим. ред.)*

* В 1992 году площади возвращено историческое название. *(Прим. ред.)*

римско-дорическим портиком с фронтоном, имела четырёхъярусную строго центрическую композицию: четырёхугольное основание с четырьмя большими полуциркульными проёмами; ярус звона над ним, с высокими арочными проёмами, фланкированными спаренными тосканскими колоннами, с раскрепованным над ними антаблементом; по-барочному выгнутую кровлю с люкарнами и лёгкий венчающий фонарь со шпилем.

Располагаясь на оси проезда, начинающегося от портика присутственных мест, проходящего сквозь каре Красных рядов, продолжающегося затем в крутой лестнице пролома Пряничных рядов и далее – между аркад рядов Рыбных, колокольня создавала ряд эффектных перспектив; лёгкий, идиллический силуэт её, замыкавший перспективу двора Красных рядов с убегающими вдаль тосканскими колоннадами Мелочных рядов, при рассматривании с противоположной стороны преобразался, приобретая свойства истинной величавости. Двигаясь от Волги между аркадами Рыбных рядов, зритель видел её высоко вознесённой над южным фасадом Пряничных рядов; по мере приближения к рядам колокольня постепенно исчезла из поля зрения; затем наступал кульминационный момент восприятия: попав в тёмное пространство пролома Пряничных рядов, он – зритель – поднимался по широкой лестнице, на последних ступенях которой в течение нескольких мгновений мрак сменялся светом, и прямо перед ним представал величественный портик с возносящейся в небо колокольней. Силе впечатления способствовал сильный ракурс, обусловленный низким уровнем горизонта. Поднявшись на верхнюю ступень лестницы, зритель видел сквозь арку проезда глубокий двор Красных рядов, колоннады Мелочных рядов и, совсем вдали, сквозь арку проезда дальнего плана, портик Присутственных мест.

Не менее значительной была роль колокольни в ансамбле центральной площади. Здесь она перекликалась с вертикалью каланчи, и смотрящему на колокольню с запада или севера (со стороны Больших Мучных рядов и каланчи) казалось, что она занимала среднее место между аркадами рядов – Крас-

ных и Пряничных, стягивая их в единый ансамбль.

В 30-е гг. XX в., подобно соборному ансамблю, венчавшему холм Костромского кремля, и многим другим, большим и малым церквям – вместе с гражданскими постройками, собственно, и составляющими художественно-исторический центр города, – колокольня церкви Спаса в рядах была сломана, сама церковь обезглавлена и обращена в склад. Ансамбль центра Костромы и силуэт города со стороны Волги были безмерно обеднены.

Исследование и обмер остатков колокольни на чердаке рядов, сопоставление их с фотографиями 1908 г., изображающими её в разных ракурсах и с разных расстояний (метод обратной перспективы), позволило составить предлагаемый проект её реставрации. При более детальном обследовании чердака Красных рядов, проведённом уже после выполнения проекта, была найдена перильная решётка (одна из четырёх), стоявшая в основании венчающего фонаря, её размеры (1 x 2 аршина) совпали с проектными.

Настоящим проектом предусматривается восстановление только колокольни церкви Спаса в рядах, вопрос о восстановлении здания церкви отложен до проведения исследования её в натуре. Основная масса кладки должна быть сделана в силикатном кирпиче; в красном кирпиче (но хорошего качества) выполняются тёсанные карнизы и пояски; модульоны карнизов, из соображений большей долговечности, должны быть белокаменными. Здание армируется железными связями, из железа выполняются каркас кровли и венчающего шпиля. Стены колокольни снаружи и изнутри оштукатуриваются, карнизы, архивольты и пояски вытягиваются по шаблонам. Внутри колокольни должны быть восстановлены открытые лестницы. Готовое здание покрывается известковой побелкой, кровля и шпиль колокольни окрашиваются медянкой, крест, яблоко и конус под ним золотятся.

Одновременно с колокольней необходимо восстановить фронтоны на дворовом фасаде рядов, над проездом под колокольню.

Высота сооружения от земли до верха креста – 42 м, высота восстанавливаемой части – 33 м, ширина стороны основания колокольни – 8,8 м.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОЛОКОЛЬНИ ЦЕРКВИ СПАСА В РЯДАХ

В наш век стремительной урбанизации, затрагивающей все без исключения старые города, с особой остротой встаёт проблема сохранения их исторических центров. Именно сейчас важно сохранить и, если можно, восстановить утраченные высотные ориентиры исторических центров, зрительно объединяющие рядовую застройку, тем более что новые здания повышенной этажности подчас вплотную подступают к старым архитектурным ансамблям, а иногда и вклиниваются в них, нарушая охранные зоны.

В полной мере это относится к Костроме, старому городу, привольно раскинувшемуся по берегам Волги. Волга – главная его «улица». К ней обращён кремлёвский холм, некогда увенчанный соборной группой, на неё ориентирована центральная городская площадь, вбирающая в себя радиальные улицы, окружённая ожерельем ампирных зданий. По пологому берегу спускаются белые аркады многочисленных торговых рядов. На Волгу смотрят обелиски Московской заставы. Плывущий по Волге издали видит стены и мерцающие золотом главы Ипатьевского монастыря, где разместился Историко-архитектурный музей-заповедник*.

К сожалению, в 30-е годы нашего века** панорама Костромы понесла

Публикуется по тексту, помещённому в альманахе «Памятники Отечества» (книга 4, М., 1979, стр. 126–132), с минимальной редакторской правкой. (Прим. ред.)

* С конца 2004 года – снова Ипатьевский монастырь. (Прим. ред.)

** XX века. (Прим. ред.)

огромный урон. Многочисленные церкви, лёгкими силуэтами оживлявшие её, исчезли. Самой тяжёлой потерей стало уничтожение соборного комплекса на вершине кремлёвского холма. Город, восхищавший ценителей русского искусства, «город-музей», при взгляде с Волги видится аморфной массой.

Из архитектурных вертикалей центра Костромы к началу 40-х годов сохранилась лишь пожарная каланча, которая при всей своей привлекательности и значительной высоте (тридцать два метра), все же не способна держать массу окружающих её одно-, двухэтажных гражданских строений. Попыткой восполнить недостающие звенья ансамбля, вернуть хотя бы в некоторой степени утраченное им равновесие, стало восстановление, точнее, воссоздание колокольни церкви Спаса в рядах, предпринятое Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в начале 1974 г. и в настоящее время близкое к завершению.

Почему выбор пал именно на эту церковь? Потому, что из всех утраченных архитектурных доминант после соборного ансамбля кремля она занимала ведущее место по высоте, лёгкой обозримости со всех точек и, пожалуй, по совершенству форм. Являясь надвратной, поднятая над юго-западным портиком Красных рядов (большого гостиного двора конца XVIII в., в виде каре, обращённого на центральную городскую площадь), она возвышалась над окружающей застройкой и, находя отклик в вертикали пожарной каланчи, расположенной на противоположной стороне Сусанинской площади, пространственно её уравнивала.

Исключительно важно значение Спасской колокольни и в ансамбле собственно рядов. Каждый губернский (и не только губернский) город России, стоящий на Волге, имел в старое время торговые ряды. Не была в этом смысле исключением и Кострома. Однако лишь в ней торговые ряды получили значение хотя и подчинённой общей планировке, но самостоятельной группы зданий. Нигде торговые ряды не сохранились так полно в своём первоначальном виде, как здесь, поэтому не случайно в Костроме нередки натурные съём-

ки фильмов из старорусского быта.

Из тринадцати сохранившихся каменных торговых корпусов, с белой аркадой галерей в качестве лейтмотива, каждый так или иначе пространственно увязан со Спасской колокольней; в большей степени, однако, это относится к Рыбным, Пряничным и Красным рядам. Построенные в разное время, но по единому замыслу, они образуют стройную, строго осевую и, тем не менее, живописную и полную контрастов архитектурную композицию.

Чтобы представить значение колокольни в этом ансамбле, лучше всего пройти к Рыбным рядам и, следуя от Волги вверх по берегу, подняться к Пряничным и далее – к Красным рядам. В начале пути, двигаясь между параллельными фасадами Рыбных рядов с их арочными галереями, мы видим впереди высокую стену Пряничных рядов. Они поставлены поперёк линии движения и замыкают перспективу. Аркада в основании их волжского фасада более приземистая, чем в Рыбных рядах, композиционно объединяет здания, в то же время она образно выражает несомую ею нагрузку. Средняя её арка, обрамлённая рустом, с небольшим фронтоном наверху, отмечает вход на внутреннюю лестницу в теле Пряничных рядов. Над ними, также строго по оси, возносится лёгкая вертикаль колокольни. Её основание пока скрыто, и это побуждает к движению вперёд. Если мы войдём в затемнённый проход лестницы и поднимемся по её крутым ступеням, то станем свидетелями редкого зрелища: из сумрака лестничного коридора мы вступаем в область яркого света; величавый римско-дорический портик Красных рядов, видимый поначалу фрагментарно в проёме лестничного портала, по мере движения вверх стремительно раскрывается, и мы оказываемся перед Красными рядами. Портик рядов, колокольня над ними, мерный ритм белых аркад, расходящихся в стороны, приобретает в этот момент подлинно грандиозное звучание.

Пройдя под колокольней, минуя стоящую справа церковь Спаса, мы попадаем в обширный двор Красных рядов. В перспективе уходящих вдаль колоннад Мелочных рядов, занимающих это пространство, виднеется арка про-

тивоположных ворот и сквозь них – четырёхколонный портик Присутственных мест с арочным окном в центре.

Перед нами – строго осевая, динамичная композиция, акцентированная в средней части колокольной.

Колокольня церкви Спаса – неотъемлемая часть корпуса Красных рядов и строилась вместе с ними. Первоначальный проект их, подобно проекту соседних Больших Мучных рядов, приписывают владимирскому губернскому архитектору Карлу Клеру, но строились они под руководством С. А. Воротилова, костромского подрядчика и талантливого архитектора, прославившегося соборным ансамблем Костромского кремля.

С. А. Воротилов, начавший в 1789 г. строительство Красных рядов, существенно отступил от проекта Клера. Четырёхколонный портик в центре волжского фасада, добавленный им к зданию, задуманная им надвратная колокольня подчеркнули ось город – Волгу, связали корпус рядов с примыкающими к нему площадями.

Смерть мастера в начале 1790-х годов не позволила ему завершить свой замысел. Поэтому не случайно со Спасской колокольной связывают другое имя – механика, оптика и архитектора из купцов, уроженца Костромы А. В. Красильникова, одного из талантливых самоучек. О причастности его к строительству колокольни свидетельствуют П. Свиньин, литератор и публицист первой четверти XIX в., и П. Ф. Островский, известный костромской краевед. Это же подтверждается наличием построенного к тому времени портика и утолщённых стен по сторонам проезда под колокольной, с внутренней лестницей вверх.

Облик колокольни соответствует концу XVIII в., то есть раннему классицизму с отзвуком барокко в русской провинции. Квадратный в плане нижний ярус колокольни, трактованный как основание, с четырёх сторон прорезан пологими арками; следующий вверх ярус звона – с высокими арками на каждой из четырёх сторон – декорирован пучками спаренных тосканских колонн с

крепующимся антаблементом. Крепованный аттик служит переходом к барочно выгнутому криволинейному восьмилотковому куполу с люкарнами в основании восьмигранного фонаря. Фонарь решён в виде сквозной беседки и, в свою очередь, завершается небольшим куполом и гранёным шпилем на промежуточной восьмигранной шейке.

Трудность при восстановлении колокольни церкви Спаса в рядах состояла в отсутствии и старого проекта (что весьма обычно в реставрационной практике), и поздних обмеров. Единственными исходными материалами могли служить остатки основания колокольни на чердаке Красных рядов, а также найдённое там же, случайно сохранившееся, звено железного ограждения из яруса фонаря и две натурных, к счастью довольно отчётливых, фотографии, выполненные в 1908 г.

Сопоставление натурных остатков с фотографиями, перевод перспективного изображения в ортогональные проекции, корректировка полученных данных сопоставлением их со старыми мерами (сажени, аршины, вершки), наконец, проверка высотных измерений по старому снимку, сделанному с пожарной каланчи (почти в ортогонали), позволили довольно близко подойти к оригиналу.

В ближайшее время Спасская колокольня вновь займёт своё место в архитектурном ансамбле центра, а город получит ведущую по высоте, изящную по форме доминанту, являющуюся неотъемлемой частью ансамбля костромского центра.

В послевоенные годы приведены в порядок центральные площади города и окружающие их торговые ряды. Высокий силуэт колокольни церкви Спаса в рядах дополнит эмоциональное восприятие архитектурного рисунка старого русского города, расположенного на маршруте «Золотого кольца».

ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ НА МШАНСКОЙ УЛИЦЕ

Каменная церковь Иоанна Предтечи с трапезной и колокольной была построена в начале Мшанской улицы (ныне – ул. Островского) на месте двух разобранных деревянных (тёплой и холодной).

Литературных и письменных историко-архивных источников по памятнику практически не сохранилось. В справочной книге «Церкви Костромской епархии» есть запись, свидетельствующая, что церковь датируется 1762 г. и что она имела два придельных храма*. Один был устроен в честь семи отроков Ефесских, другой – в честь великомученицы Параскевы. Строители храма неизвестны. Неизвестно также, на какие средства храм сооружался. Судя по стилистическим особенностям различных частей здания, оно неоднократно перестраивалось. Наиболее существенные изменения храм претерпел на рубеже XVIII–XIX вв., когда в Костроме творил великий зодчий этого времени С. А. Воротилов. Наиболее чётко рука мастера прослеживается в моделировании объёма колокольни, ближайшим аналогом которой является венчающая часть колокольни Богоявленского собора Костромского кремля. Собор был построен по проекту С. А. Воротилова. После смерти мастера в 1792 г. строительство его объектов заканчивали сын и брат Воротиловы. Однако первоначаль-

---

Пояснительная записка к проекту восстановления церкви Иоанна Предтечи в Костроме. Без даты // Архив автора. Публикуется впервые. (*Прим. ред.*)

* Церкви Костромской епархии / По данным архива Императорской Археологической комиссии. СПб., 1909, стр. 36.

чальные формы церкви Иоанна Предтечи, по-видимому, были ближе к простому декоративному убранству церкви Воскресения «на площадке» (сравним наличники окон обеих церквей – четверика и алтарной части). В пользу многочисленных перестроек храма свидетельствует различное решение северного и южного фасадов, трапезной части. Шейки главков над придельными храмами решены также по-разному: северная – гранёная, южная – цилиндрическая.

Здание церкви размещалось в зоне исторического, религиозного и торгового центра города. Своим восточным фасадом здание выходило на торговую площадь, к которой примыкали Большие Мучные ряды, построенные несколько позже, в конце XVIII в. Строительство рядов вёл тот же С. А. Воротилов по значительно переработанному им проекту владимирского архитектора К. Клера. Особенностью расположения храма на участке являлось выдвигание его алтарной апсиды за линию застройки. Это объясняется, скорее всего, тем, что «красной линии» или вообще не существовало из-за хаотичности застройки, или она к началу строительства церкви была другой. Существующая же появилась после составления регулярного плана города (1775–1781 гг.), обусловившего выполнение основной архитектурно-планировочной идеи застройки города. Объёмно-пространственная композиция участка постройки церкви развивалась во времени. По красной линии с севера и юга появились два небольших флигеля для различных хозяйственных нужд. Между флигелями и церковью была устроена кованая ограда с двумя металлическими воротами, фланкированными массивными пилонами-стелами в стиле классицизма. Застройка приобрела ансамблевый характер.

Церковь Иоанна Предтечи являлась важнейшим архитектурным акцентом в историческом центре города. В конце 30-х годов XX в. храм и ограда были разобраны. К счастью, сохранились оба флигеля. Конструктивное состояние их, благодаря щадящему режиму использования, удовлетворительное. На месте полностью утраченного здания церкви в конце 80-х – начале

90-х годов XX в. начало строиться здание магазина «Цветы», однако ответственности города участок застройки удалось спасти от случайного вторжения в сложившуюся исторически градообразующую среду чужеродного сооружения; на этом месте было предложено возродить разрушенный храм. Не без участия воинов-афганцев родилась идея о посвящении памятника воинам-костромичам, павшим на полях сражений как при защите Отечества, так и воевавших за расширение его пределов. К началу проектирования идея о посвящении отошла на второй план, и в воссоздаваемом памятнике решено устроить гарнизонную церковь.

Основными исходными данными для составления проекта воссоздания послужили сохранившиеся флигели бывшего ансамбля и фотодокументы, относящиеся к 1-му десятилетию XX в. Инвентаризационный план центра города, составленный в конце 30-х годов, представляет весьма скудные сведения о памятнике, тем более что план изобилует многочисленными текстовыми вставками типа «приблизительно» и т. п. Однако и из него можно почерпнуть некоторые сведения для определения границ застройки участка при сопоставлении чертежа с существующим в натуре. Поиски ранее неизвестных фотографий привели к убеждению, что почти всё, что является собственностью музеев или частных лиц, исходит из одного источника и уж никак не является, как утверждают владельцы, оригиналом. Нужно было только выбрать лучшую печать. Прежде чем приступить к расчёту основных пропорций здания, нами было проведено тщательное изучение фотодокументов. Исследовался весь материал, полученный как непосредственной фотофиксацией памятника с близкого расстояния, так и обнаружением его на фотографиях городской среды с различных видовых точек. Был выполнен обмер фасадов сохранившихся флигелей и промерено расстояние между ними. Обмеры, выполненные в метрической системе, были приведены к древней – в сажнях (1 сажень = 216 см).

При расчёте пропорций всей композиции по красной линии габариты

флигелей приняты одинаковыми. Здание церкви размещается между флигелями по оси восток – запад. Габариты восточной стены четверика вычислены путём графического анализа перспективы здания церкви с обоими флигелями, принятыми за расчётный модуль. Расстояние между флигелями, равное 49 метрам (что составляет около 22,5 сажени), содержит приблизительно 8,5 модуля. Длина стены принимается равной 1,5 модуля, т.е. около 4,5 сажени.

Близкий к такому же результат получается при расчёте габаритов стен четверика по количеству зубцов в венчающем карнизе. Параметры четверика близки к кубическому объёму. Графическое построение ортогоналей храма велось в аршинах с последующим переводом в метрическую систему.

Основные несущие конструкции предлагается выполнить из так называемого «петровского кирпича» с габаритами 28(29) x 14(16) x 7(8). Кладка стен возможна из обыкновенного красного кирпича с соблюдением обязательного условия: все декоративные элементы должны выполняться из большемерного кирпича или его имитации уже апробированным методом в реставрационной практике Костромской мастерской. Основная идея метода заключается в следующем: из размоленного кирпичного щебня получают путём просеивания крошку двух фракций. Крошка замешивается на цементном растворе с добавлением пластификатора. Далее из раствора путём формовки получают готовые изделия. Недостатком этого метода является излишняя чернота отливок. Для снижения этого эффекта в раствор рекомендуется добавлять красный пигмент, но не более 8% от общего веса замеса. Для экономии расхода кирпича кладку стен предлагается вести колодцевую, а образовавшиеся пустоты бутить кирпичным щебнем с последующей промывкой известково-цементным раствором. В конструкциях стен предусматриваются металлические связи. Металлические связи предусматриваются и для гашения распорок сводов. Четверик перекрывается сомкнутым лотковым сводом с открытой шельгой для устройства светового барабана. Алтарная апсида перекрывается сводом. Трапезная часть – крестовыми сводами, опирающимися на стены и два пило-

на. Подвальное помещение может быть перекрыто железобетонными плитами. Проектом предусматривается восстановление кованой металлической ограды с кирпичными столбами. Оба флигеля передаются церкви для хозяйственных нужд.

Фасады церкви обмазываются известково-песчаным раствором, интерьеры штукатурятся и окрашиваются клеевыми красками. Фасады флигелей штукатурятся и белятся известью. Так же отделяются столбы ограды. Кровли над алтарной частью и трапезной выполняются из чёрного листового железа, кровля над четвериком и венчающей частью шатра колокольни – из плоской железной шашки. Глава над четвериком и главки над приделами из листового железа с гладкой поверхностью. Швы пропаиваются. Главка над колокольней покрывается металлическими чешуйками ромбовидной формы. Все кровли и покрытия окрашиваются медянкой. Полы в церкви из мраморных плит, в подвальном помещении – бетонные. Металлические двери, решётки, столярные заполнения оконных и дверных проёмов окрашиваются масляной краской. Кресты, подкрестные шары и конуса золотятся.

Территория участка благоустраивается по специально разработанному проекту.

ЦЕРКОВЬ ИОАННА БОГОСЛОВА В ИПАТЬЕВСКОЙ (ТРУДОВОЙ) СЛОБОДЕ

Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе была заложена в 1681 г. на месте сгоревших в 1680 г. двух деревянных церквей (Иоанна Богослова и св. Николая) как «каменная, одноэтажная, с трапезой, с колокольней <...> и довершена в 1687 г.».

В 1706 г. к трапезной с южной стороны пристроен придел св. Николая. В 1735 г. стены основного четверика были расписаны фресками. В 1765–1766 гг. перекрывается кровля церкви чёрным железом, а главы белым. Одновременно по трём сторонам церковного участка была установлена металлическая ограда с каменными столбами и цоколем.

В 1780 г. к трапезной с северной стороны пристраивается придел в честь иконы Феодоровской Божией Матери. В 1811 г. возводится ограда по западной границе участка, но уже другого рисунка. Время сооружения южного крыльца у входа в четверик особо не указано. В описанном состоянии здание церкви дошло до нас на фотографии 1896 г.

В 1900–1901 гг. первоначальный объём трапезной, соединявший четверик с колокольней, сносится и на его месте возводится существующая ныне зимняя церковь из красного кирпича на цементном растворе, с перекрытием из кирпичных сводиков по металлическим балкам и чугунным колоннам.

Для отопления зимней церкви сооружается подвал с калориферами. Од-

---

Пояснительная записка к проекту реставрации церкви Иоанна Богослова в Ипатьевской (Трудовой) слободе Костромы. Текст датирован 1959 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

новременно перестраивается вход на колокольню, наличники оконных ниш на западной стене четверика разрушаются пробивкой дымоходов.

Кроме того, расширяется проём из зимней церкви в четверик. Переделывается и южное крыльцо, западная стена которого заделывается новой пристройкой, в восточной стене закладываются проёмы, а завершающий крыльцо фронтон заменяется аттиком, карниз которого увязывается с карнизом пристройки.

Пристройка зимней церкви велась без ведома Императорской археологической комиссии. Вот как красноречиво об этой пристройке писал архитектор Д. Милеев в своей докладной записке в Археологическую комиссию от 14 июля 1912 г.: «В недалёком прошлом церковь была обезображена возмутительной кирпичной пристройкой, для чего разрушена первоначальная трапезная и её главка».

Действительно, указанная пристройка, хотя и очень добротная по выполнению, своими низкими архитектурно-художественными качествами совершенно изуродовала один из лучших памятников XVII в. в Костроме, каким являлась церковь Иоанна Богослова.

Немасштабное по деталям, громоздкое по размеру здание зимней церкви поглотило нижний ярус колокольни, западный фасад четверика, значительную часть северного и южного фасадов четверика, нарушив очень цельный, масштабный и лиричный облик памятника, с типичными для костромской архитектуры композиционными особенностями и деталями обрамления окон и порталов, карнизами и изразцовыми вставками.

При составлении проекта реставрации не вызывала сомнений необходимость сноса «возмутительной кирпичной пристройки» и восстановления исчезнувшего объёма трапезной – по литературным ссылкам, найденным натурным следам и имеющимся аналогам среди памятников XVII в. в Костромской области.

В литературных источниках и, в частности, в пояснительной записке к

проекту перестройки церкви в 1901 г., составленной гражданским инженером И. Брюхановым, хранящейся в областном архиве, значится, что разрушенная трапезная имела тяжёлые своды на каменных столбах «высотой около 4-х аршин». Это же подтверждают устные показания техника А. А. Чистухина, который работал прорабом при перестройке церкви.

А. А. Чистухин свидетельствует также, что в восточной стене трапезной существовали две ниши. Эти данные подтверждаются произведённым натурным обследованием стен четверика и колокольни, где под штукатуркой найдены следы примыкания сводов трапезной и ниши, заложенные кирпичом на цементном и известковом растворе.

При разборке старой трапезной в 1901 г. была разобрана, очевидно, и основная часть фундаментов, поэтому шурфы, заложенные в 1954 г. по предполагаемой оси стен, в соответствии со следами их примыкания к четверику, почти ничего не дали. Было найдено несколько крупных валунов без всяких следов раствора. Можно предположить, что это – остатки фундаментов, сложенных «насухо». Фундаменты под столбы также не были найдены.

Исходными данными для установления габаритов трапезной были, поэтому, следы сводов трапезной на стенах четверика и колокольни, след кровли на четверике, а также следы примыкания стен на четверике и колокольне. Эти следы сохранились чётко и позволяют безошибочно судить об основных размерах исчезнувшего объёма.

Сечение столбов в трапезной установлено по ширине следов пят на восточной её стене (61–68 см). На западной стене ширину пят установить было невозможно из-за сплошной вырубки кладки на этом участке.

Расстояние между пятами среднего свода на восточной стене трапезной составляет 437 см и 402 см – на западной. Высота среднего свода, с отсчётом от современного пола, на западной стене составляет 355 см. На восточной стене этого размера установить нельзя, так как верх свода нарушен при расширении в 1901 г. проёма в четверике.

Высота боковых сводов устанавливается также по их следам на западной стене и составляет 310 см. На восточной, противоположной стене следы уничтожены при продалбливании каналов и кладке дымоходов для калориферов. Эти дымоходы мешают установить по восточной стене и толщину стен трапезной.

О толщине стен первоначальной трапезной можно судить по следам на южной и северной сторонах колокольни. С южной стороны вырубка шириной 145 см поднимается до отметки +3,75. С северной стороны, с уступом в 7 см, она достигает отметки +7,10. Её ширина равна 235 см за счёт устроенной в толще стены лестницы на колокольню.

С северной стороны колокольни, со стороны лестницы, сохранился венчающий карниз трапезной. След стены в этом месте заметен до отметки +7,57. Это объясняется устройством лестницы. (В первоначальном виде лестница сохранилась со 2-го яруса колокольни).

Исходя из данных исследований, сносятся постройка 1902 г., и церковь Иоанна Богослова восстанавливается как четверик, соединённый с колокольной невысоким переходным объёмом под двускатной железной кровлей; при этом открывается западная сторона южного крыльца и окна на восточной стене основного объёма. Аттик крыльца заменяется треугольным фронтоном с прямоугольной нишей иконы. В трапезной восстанавливается система крестовых сводов, опёртых на стены и четыре столба. Соответственно, в стенах проектируются оконные проёмы – по три с обеих сторон, с обрамлением из полукруглых колонн, несущих фронтоны криволинейных очертаний. Карниз восстанавливается согласно следам на северной стороне колокольни, цоколь с поребриками и двумя валами аналогичен цоколю четверика колокольни. Современный проём из трапезной в основной объём заменяется меньшим, с перемычкой коробового очертания.

Современная кровля над основным объёмом устроена так, что декоративное оформление барабанов глав скрыто кровлей. При дополнительном об-

следовании и обмерах обнаружены гнёзда первоначальных стропил. В проекте дана кровля, устроенная по этим гнёздам с учётом освобождения декора барабанов. При производстве строительных работ данные исследования будут дополнительно проверяться и уточняться.

В соответствии с имеющимся описанием будут восстанавливаться цепи под крестами, а кресты – золотиться.

Внутри и снаружи трапезной делается смазка известково-песчаным раствором.

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА (ИЛЬИНСКАЯ) НА ГОРОДИЩЕ

Основная цель предполагаемых реставрационных работ – максимально возможно приблизить здание церкви к его первоначальному виду, сохраняя при этом те поздние наслоения (завершение колокольни), удаление которых нарушило бы цельность силуэта здания или привело бы к потере полезной площади без существенного выигрыша в отношении к его общей композиции (трапезная Ильинского придела).

В основу проекта положен архитектурно-археологический обмер 1969 г., натурные обследования чердака четверика (февраль 1965 г.) и рисунок Г. Г. Чернецова 1838 г. с видом южного фасада церкви. Решающую роль в выборе варианта реконструкции её первоначального вида сыграли данные натурных исследований чердачного пространства (см. фотографии и обмерные чертежи), подтвердившие существование четырёх глухих глав в углах четверика, факт позднейшей закладки пазух между декоративными закомарами над четвериком и, следовательно, иное, чем сейчас, устройство кровли над ним.

Судя по пазам в основании средней главы (скрытом сейчас под поздней кровлей), первоначальное покрытие четверика* имело в своей основе систе-

---

Пояснительная записка к эскизному проекту реставрации церкви Рождества Христова (Ильинской) на Городище в г. Костроме. Текст датирован 10 апреля 1975 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

* В качестве аналога покрытия над четвериком использованы: церковь села Храпово под Рязанью (1686 г.) и Благовещенская церковь в Рязани (1683 г.).

му деревянных стропил, сходящихся к центральной, световой, главе и опирающихся внизу на мауэрлат, положенный в уровне основания закомар-кокошников.

Покрытие кокошников, по-видимому, осуществлялось по деревянным стропилам, врезанным в стропила перекрытия четверика. Сведений о материале кровли не сохранилось, но поскольку наиболее типичным кровельным материалом для приходских церквей XVII в. было дерево, проектом предусмотрена тесовая кровля над четвериком, лемеховое покрытие закомар глав и купола колокольни. Это подтверждается рисунком Г. Г. Чернецова.

Тесовой, скорее всего, была кровля над Ильинским приделом и алтарными апсидами. Форма покрытия апсид, предложенная эскизным проектом (сделанная на основе аналогов), потребует уточнения по месту после обследования восточного фасада четверика над апсидами, скрытого сейчас поздней железной кровлей. Трёхскатное покрытие Ильинского придела, изображённое в проекте, взамен существующего двухскатного, обусловлено тем, что конёк последнего, заданный отметкой кирпичного фронтона над южным фасадом, врезается в центр южного кокошника в основании главы, зрительно нарушая его цельность. Предлагаемая версия, разумеется, требует подтверждения натурным обследованием чердачного пространства придела. Пока же мы допускаем позднее происхождение фронтона.

Южная стена трапезной Ильинского придела не исследована. В проекте она повторяет формы обмера 1969 г., за исключением ширинок в основании западной её половины, взятых с рисунка Г. Г. Чернецова*.

Верх кровли над нею искусственно понижен, чтобы открыть основания окон на южной стене четверика.

---

* Место дверного проёма в торце паперти трапезной придела указано теоретически. Поскольку паперть целиком переложена и воссоздание первоначальной затруднительно, вход в неё, по-видимому, придётся оставить с северной стороны.

Проектом предусмотрена закладка поздних окон в нижнем ярусе северной стены четверика, восстановление всех трёх порталов и четвертей восточного окна придела.

Восстанавливаются до первоначальных сечений опорные столбы светового барабана, растёсанные в позднее время.

При определении габаритов восстанавливаемых боковых глав четверика использовался принцип кратности старым мерам (аршин), прослеживаемый в габаритах сохранившейся средней главы. Квадратный постамент боковых глав повторяет основные членения средней главы; то же относится к их карнизу, но здесь членения упрощены в соответствии с их меньшим масштабом.

Размеры глав и крестов четверика и придела выдержаны в старых мерах.

После закладки шурфов вокруг здания должна быть сделана вертикальная планировка и отмостка, восстановлены ступени у колокольни и северного портала.

Церковь Рождества Христова никогда не имела росписей – ни наружных, ни внутренних. Проектом предусмотрена известковая обмазка фасадов и в интерьерах, окраска железных решёток и дверных заполнений. Вновь делаются оконные заполнения.

Вопрос в отношении пола в церкви будет уточнён после дополнительных натурных исследований.

Кресты и подзоры на главах предлагается вызолотить.

Таков проект реставрации Христорождественской церкви, выполненный с учётом исторических и натурных данных. Однако прежде чем принять окончательное решение, необходимо принять во внимание следующее обстоятельство.

После разборки боковых глав и изменения кровли церковь приобрела новое качество, в её облике проступила небывалая прежде эпичность. Низкие стелющиеся объёмы здания с крутой железной кровлей четверика, увенчанного одной сужающейся кверху главой, чрезвычайно органично завершают

зелёный холм, служащий его подножием. Очевидно, мы имеем дело с тем историческим парадоксом, когда в результате позднейших переделок, возможно художественно не осознанных, памятник архитектуры, теряя первоначальный облик, не столько проигрывает в деталях, сколько выигрывает в цельности облика, приобретая острохарактерную лаконичность и мощь звучания.

Исходя из этого, работу можно свести к минимуму. Восстановив растёсанные опорные столбы в основании главы четверика, заложив поздние окна внизу его северной стены, выявив утраченные формы Ильинского придела и четверика, сохранить основной силуэт здания, уникального в своём соответствии месту, на котором он стоит. Единственным изменением в венчании церкви представляется замена абсолютно поздних крестов придела и четверика на кованые, золочёные, выполненные по старым образцам.

ЗДАНИЕ БЫВШИХ ПРИСУТСТВЕННЫХ МЕСТ в г. КОСТРОМЕ

Существующее здание горисполкома (б. Присутственных мест) входит в систему обстройки центральной площади г. Костромы и частично занимает угол квартала между улицами Советской и Свердлова. Оценивая смысловое и градостроительное значение этого здания, следует обратиться к плану Костромы, официально утверждённому и принятому к осуществлению в 1781 г. В соответствии с ним в основу планировки губернского города Костромы положена радиально-веерная структура с системой осевых магистралей, ориентированных на центральную площадь. План города, разработанный в Петербургской комиссии строений, красив, удобен и неповторим. В соответствии с утвержденным планом торцы кварталов, выходящих в сторону центральной площади (Екатеринославской, Сусанинской, ныне площади Революции), должны были обстраиваться исключительно каменными административными зданиями, что и было частично осуществлено. Первым в их ряду в 1809 г. на участке между сходящимися к центру улицами Никольской (ныне Свердлова) и Русиной (ныне Советской) было построено трёхэтажное (включая цоколь)

Пояснительная записка к проекту реконструкции здания горисполкома (бывших Присутственных мест) в г. Костроме, ныне здание Думы и Администрации г. Костромы. Текст датирован 1986 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. См. официальную переписку по этому вопросу в приложениях №№ 3 и 4 на стр. 319–320. (Прим. ред.)

здание Присутственных мест (современный горисполком). Присутственные места г. Костромы строились по высочайше апробированному (типовому) проекту губернских Присутственных мест, выполненному в Петербурге знаменитым А. Д. Захаровым. Здание осуществлено в натуре под наблюдением губернского архитектора Н. И. Метлина и полностью соответствовало проекту. Главный фасад, обращенный к Красным рядам, имел шестиколонный портик с фронтоном, поднятый на стереобат с широкой наружной лестницей. Ось портика Присутственных мест совпадала с осью корпуса рядов, чем достигалась композиционная увязка обоих зданий.

Тем не менее, отдавая должное великолепию захаровского здания как такового, приходится отметить два обстоятельства, не учтённых его строителем Н. И. Метлиным.

Первое из них заключалось в несоответствии импозантной лестницы перед портиком главного фасада, явно рассчитанной на обширное пространство впереди (возможно, площадь), и неширокой улицы между Присутственными местами и корпусом Красных рядов. К тому же лестница, далеко выступая за красную линию, преграждала путь к главной городской площади. Выход из этого был найден, когда в 1837 г., под воздействием жалоб на неудобство открытой лестницы, покрывавшейся зимой наледью, по проекту нижегородского губернского архитектора И. Ефимова была реконструирована вся центральная часть здания: лестница перенесена вовнутрь, разобран шестиколонный портик и вместо него сделан новый, нетрадиционной композиции – с четырьмя ионическими колоннами, попарно поставленными на прорезанные арками подиумы и поддерживающими фронтоном с вписанной снизу коробовой аркой. Центр фасада, в уровне второго этажа, украсило большое полуциркульное окно, освещающее вестибюль.

Вторым обстоятельством было то, что типовое здание Присутственных мест, имеющее два боковых крыла и выступающий в сторону двора объём внутренних лестниц, естественно, предполагало устройство позади него хо-

зайственного двора, не рассчитанного на обозрение, и оптимальным вариантом расположения такового здания была бы его постройка в линии строчной застройки, обеспечивающей показ лишь главного и боковых фасадов. Однако в силу особенностей плана центра Костромы и места постройки здания – на остром углу квартала между сходящимися улицами, – его высокий дворовый фасад не мог не остаться не открытым, причём с наиболее важных точек обозрения. Налицо пример механической постройки прекрасного здания в прекрасной архитектурной среде, но без достаточного учёта требований этой среды.

И все же главной трудно объяснимой ошибкой Н. И. Метлина было то, что он отступил от основного принципа, заложенного автором гениального плана Костромы в систему обстройки городской площади, – от установки, что торцы кварталов, выходящих на неё, должны были быть застроены цельными зданиями, сплошным фронтом от угла и до угла. Этот приём последовательно соблюден по всем сторонам площади. Лишь на стыке улиц Советской и Свердлова, где стоит здание Присутственных мест, выходящее на площадь своим боковым крылом, угол квартала в сторону улицы Свердлова оказался не застроенным на 6 метров по лицу площади и на 39 метров по улице Свердлова: вплоть до двухэтажного здания нынешнего управления культуры* участок ограждён забором, скрывающим двор главного административного здания. До 1960 г. он был деревянным, затем его сменил существующий кирпичный, с воротами, выходящими на улицу Свердлова.

Оценивая нынешнюю градостроительную ситуацию локально, в месте начала улицы Свердлова, констатируем:

1). Северный угол начала улицы занимает каменное двухэтажное здание начала XIX в., принадлежавшее прежде причту Благовещенской церкви (ныне ЦНТИ); правый угол начала улицы образует сравнительно невысокая

---

* Ныне в этом здании располагается редакция газеты «Северная правда». (Прим. ред.)

кирпичная ограда, ни в коей мере не уравнивающая здание слева, стилистически ему чуждая и плохого технического состояния.

2). Торец квартала справа от начала улицы застроен не полностью (в отличие от торцов остальных кварталов, обращённых к площади, и вопреки требованиям генерального плана 1781 г.); забор, ограждающий двор б. Присутственных мест, оставляет открытым их непрезентабельный дворовый фасад, не предназначавшийся для ориентации на главную городскую площадь, к тому же испорченный переделками 1841 г.

Цель предлагаемого проекта – попытка вернуться к главной идее генерального плана Костромы 1781 г., заключавшейся в сплошной периметральной обстройке углов кварталов, обращённых на главную площадь, единых стилистически, а именно: замене забора, обрамляющего участок б. Присутственных мест со стороны площади и ул. Свердлова, каменным зданием, способным исправить недостатки нынешней градостроительной ситуации, не вступая в противоречия со сложившимся архитектурным окружением, но следуя его принципам.

Для верного решения этой крайне ответственной задачи необходимо соблюдение следующих условий:

1). Поскольку предлагаемое к постройке здание должно примкнуть к зданию б. Присутственных мест (горисполкому) и иметь общий с ним двор, оно не может быть ничем иным, как его функциональным продолжением и, следовательно, отвечать условиям размещаемых в нем служб; в частности, иметь проезд во двор со стороны ул. Свердлова.

2). Следуя принципу равновысотности зданий, образующих въезд в улицы со стороны площади, новое здание, в соответствии со зданием ЦНТИ, должно быть двухэтажным.

3). Целостность архитектурного решения торца квартала между улицами Свердлова и Советской (по аналогии со всеми компонентами ансамбля площади Революции) не допускает остроиндивидуальной его трактовки: его ар-

хитектура в главных чертах должна соответствовать архитектуре двух нижних этажей здания горисполкома, включая соблюдение высотных отметок. Новое здание должно восприниматься как флигель старого.

4). В то же время недопустимо буквальное повторение двух нижних этажей здания горисполкома, ибо, следуя правилам классицизма, новое двухэтажное здание обязано иметь тонкий венчающий карниз и оно должно быть вписано в высотные отметки междуэтажного карниза старого здания; необходима и фризовая лента под карнизом (опять по аналогии со зданием на другой стороне ул. Свердлова). Иначе говоря, необходимы средства примирения героического масштаба архитектуры петербургского мастера и провинциальной камерности других зданий на площади.

5). Крайняя сдержанность необходима в проработке мест фасада, требующих индивидуального решения, например, в оформлении проездной арки с ул. Свердлова. Любое стремление к импозантности, к декоративному эффекту неуместно в контексте сложившейся городской площади – общепризнанного памятника русского градостроительства.

6). И, наконец, любая докомпоновка старого здания немыслима без понимания закономерностей построения его архитектуры и их правильного применения.

Стремление следовать этим принципам лежит в основе предлагаемого проекта.

ДОМ ШИПОВЫХ (УЧИЛИЩЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ ДЕТЕЙ)

Здание б. Училища слепых – одно из немногих сохранившихся зданий костромского деревянного ампира.

Согласно новому назначению в верхнем этаже здания размещаются три класса с площадями: 37,9 м², 35,5 м² и 22,4 м², учительская 35,5 м², комната завуча – 14,2 м² и две комнаты – 14 м² и 14,6 м² для администрации школы. Предусмотрена рекреация площадью 69,5 м², сообщающаяся через дверной проём с кирпичным зданием школы. В верхнем этаже деревянного здания предусмотрены уборные – для учащихся (площадь 31 м²) и для учителей (3,3 м²). Последняя устраивается в помещении бывшей лестницы в светёлку, лестница в неё ликвидируется ввиду практической ненужности светёлки для школы.

Из существующих печей разбираются все, за исключением старинной печи с изразцами в одном из классов (помещение № 5). Вдоль ул. Энгельса восстанавливается анфилада комнат с дверями краснотерной <так! – прим. ред.> работы, аналогичные двери восстанавливаются при входе в рекреацию из помещений 5 и 6. В комнате учительской восстанавливается колоннада. Заново по обмерным чертежам делаются внутренние карнизы.

В нижнем этаже, сообщающимся с соответствующим этажом каменного

Пояснительная записка к проекту восстановления здания дома Шиповых на ул. Войкова. Текст датируется 1963 г. // Архив ОАО «Кострома-реставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

здания через вновь пробиваемый дверной проём, запроектированы две мастерские (38,7 м² и 39,5 м²), санузел с умывальниками, двумя душевыми (на 4 рожка каждая), две ванных и две раздевалки – общей площадью 40,4 м², а также два помещения подсобного назначения с площадями 20,71 м² и 28,8 м². Временную котельную для обоих зданий рекомендуется разместить в цокольном этаже перехода в кирпичное здание – в части, смежной с деревянным зданием.

В верхнем этаже восстанавливаются все оконные проёмы, кроме проёмов, закрытых снаружи каменным зданием.

Окна в каменном цоколе остаются без изменений на заднем фасаде, переделываются окна на главном и боковом фасадах.

Согласно нормам на строительство общественных зданий, над подвальным этажом устраивается железобетонное перекрытие. Полы в верхнем этаже дощатые, в санузлах из метлахских плиток, в нижнем этаже – в мастерских, коридоре и комнатах подсобного назначения – асфальтовые или бетонные, в санузле, раздевалках, ванных и душевых из метлахской плитки.

Запроектированы два типа дверей для верхнего этажа. При этом в дверях из сеней в прихожую (помещение 1) косяки делаются по образцу существующих с сохранением размеров и профилей. Дверной проём 3 устраивается согласно разрезу II–II. Дверь в санузел для учителей восстанавливается по образцу сохранившейся под штукатуркой первоначальной двери.

Фасады здания реставрируются. Сгнившие венцы сруба заменяются новыми. Обшивка фасадов и оформление портика должны быть произведены с возможно более полным использованием сохранившихся деталей. Необходимо сохранить старые наличники окон, в случае утраты элементов резьбы новые порезки сделать по образцу сохранившихся. Заново по чертежу делается балюстрада в портике. Восстанавливаются сени у дворового торцевого фасада. Крыша покрывается кровельным железом. По улицам Энгельса и Войкова

вдоль фасадов устраивается асфальтовый тротуар с одернованным откосом в сторону проезжей части и белокаменная лестница.

Здание оборудуется водопроводом, канализацией, центральным отоплением, электроосвещением, вентиляцией. Проекты на специальные работы прилагаются.

КВАСНЫЕ РЯДЫ в г. КОСТРОМЕ

По имеющимся данным*, здание Квасных рядов, стоящее наверху Молочной горы и вместе с находящимся напротив него таким же зданием фланкирующее въезд на эспланаду (б. Екатеринославскую площадь) между Красными и Большими Мучными рядами, строилось в два приёма. Известно, что нижний этаж, с аркадой по фасаду и задней стороной, обращённой в толщу холма и скрытой в земле, построен в 1801 г. Будучи одноэтажным, это здание не закрывало Красные ряды с Волги, а выглядело лишь подножием к нему; ячейки его аркады, меньшие, чем у Красных рядов, вторили аркаде верхних рядов.

Но затем встал вопрос о надстройке второго этажа. В ГАКО (ф. 497, оп. 2, ед. хр. 193) хранится резолюция Костромской думы о постройке Квасных торговых рядов костромскими мещанами от 7 августа 1805 г. Как явствует из резолюции, дума возражала против надстройки второго этажа, находя, что он закроет вид на Красные ряды и соборный комплекс, «не будет соответствовать главной Екатеринославской площади», помешает крестным ходам из Успенского собора. Взамен надстройки второго этажа она предлагает из заготовленного материала построить симметричный одноэтажный корпус по другую сторону Молочной горы, на пустующей земле.

Второй этаж Квасных рядов появился к 1815 г. Он был надстроен над ли-

---

Историческая справка о здании Квасных рядов в г. Костроме. Текст датирован мартом 1972 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

* «В 1801 году устроен каменный квасной ряд, состоящий из семи лавок». (Скворцов Л. Материалы для истории г. Костромы. Кострома, 1913, стр. 229).

нией, обращённой к Волге. Другая, повёрнутая под прямым углом часть здания, идущая вдоль Молочной горы, осталась одноэтажной. Её венчал невысокий каменный аттик, служивший парапетом верхней площадки, над нижним этажом. С середины XIX в. начались переделки здания. Были заложены нижние аркады, в них устроены двери и окна, внутренние стены галерей выломаны, в уровне нижнего этажа устроен антресольный этаж с круглыми окнами в уровне междуэтажного карниза; арки верхней галереи, обращённой к Красным рядам, застеклены. К северо-восточному торцу рядов в 1-м этаже в конце XIX в. пристроена ещё одна секция.

После 1917 г. была надстроена и линия вдоль Молочной горы – сначала в виде объёма под односкатной крышей с юго-восточным фасадом в виде плоскостной аркады, с проёмами в ней; с Молочной горы её кровля опиралась на аттик над нижним этажом, и, следовательно, облик здания отсюда мало изменился. Но вслед за этим был надстроен и северо-западный (обращённый к Молочной горе) фасад с устройством прямоугольных окон наверху и вальмовой пологой крышей. Нижние аркады, заложенные ещё раньше, были перебиты широкими проёмами; в закруглённой части здания, вверху, взамен прямоугольных окон, вписанных в арочные плоские ниши, появились большие арочные, грубо нарушившие масштаб здания. Такие же окна были сделаны под ними, в первом этаже.

В последние годы здание Квасных рядов использовалось протезной мастерской и швейным ателье, в силу чего внутри появились многие внутренние перегородки.

Следует отметить, что площадка перед верхним этажом рядов с самого начала была несколько понижена по отношению к Красным рядам и Екатеринославской площади, вследствие чего при выравнивании мостовых, проведённых во 2-й половине прошлого века, верхний фасад Квасных рядов оказался полужасыпанным.

Подвалов в Квасных рядах пока не найдено.

ПРОЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗДАНИЯ КВАСНЫХ РЯДОВ в г. КОСТРОМЕ

Особенностью проекта является восстановление первоначальной фасадной и планировочной структуры здания рядов с одновременным сохранением тех добавлений к нему, которые появились с течением времени и которые необходимы для размещения и нормального функционирования предназначенных в нём быть предприятий общественного питания. В то же время со стороны Молочной горы, где эти добавления особенно исказили первоначальный вид здания, они видоизменяются так, чтобы зрительно можно было отделить новое от старого.

Подобно Пряничным, Квасные ряды стоят на скате естественного холма и вследствие этого имеют один этаж со стороны центра и два – со стороны Волги. С течением времени перед одноэтажным фасадом Квасных рядов вырос значительный культурный слой, скрывший основания аркады галереи. Проектом предусмотрено понижение уровня земли у этого фасада до первоначального с устройством земляного откоса в сторону Красных рядов и новой бетонной лестницы и ливневого лотка у торца здания, обращённого в сторону городского центра. Получившееся пониженное пространство у верхнего фасада предлагается покрыть асфальтной плиткой по бетонному основанию, с уклоном к упомянутому ливневому лотку.

Как и Пряничные, Квасные ряды имели галереи с аркадами вдоль фасадов. Со стороны Красных рядов аркада галереи занимает весь фасад, со сто-

---

Пояснительная записка. Текст датирован 1972 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

роны Волги и Молочной горы – галерея идет понизу и над нею располагается ещё этаж. Верхняя аркада хорошо сохранилась и лишь застеклена; она должна быть открыта. Нижняя галерея повсеместно заложена кирпичом с оконными и дверными проёмами; со стороны Молочной горы арки галереи уничтожены вовсе, лишь в двух местах сохранились пяты арок. Арки восстанавливаются по проекту. Подобно верхней, нижняя галерея должна быть открыта. Фасадная часть второго этажа со стороны Волги сохранилась удовлетворительно, но в закруглённой его части прямоугольные прежде окна растёсаны до размера больших арок. Сильно пострадал промежуточный карниз. Всё это подлежит восстановлению.

Первый этаж Квасных рядов отводится под пивной бар, вестибюль с гардеробом и санузлами и склад пива. Подсобные помещения при баре вынесены в подземный пристрой вдоль линии, идущей вдоль Молочной горы. Подземный пристрой в виде коридора и двух помещений (электрощитовая и тепловой узел) устраивается вдоль линии, идущей параллельно Волге. В первом же этаже размещаются складские и конторские помещения, с гардеробом персонала, санузлами и душевой камерой при нём. Связь со вторым этажом осуществляется посредством внутренней лестницы с железобетонными ступенями по стальным косоурам, заключённой в лестничную клетку.

Во втором этаже размещается кафе-пельменная с вестибюлем, с хлебо-резкой, сервизной, моечной, кладовой и цехами приготовления пищи. Помещения для посетителей состоят из вестибюля с гардеробом и санузлами и двух залов, один из которых, прямоугольный в плане, будет иметь барную стойку, а второй, в виде четвертного сектора круга, будет собственно обеденным залом. Его плоское перекрытие поддерживается четырьмя тосканскими колоннами (две из которых декоративные) по криволинейной балке антаблемента. Перекрытие над «баром» деревянное по профилированным деревянным балкам, опирающимся на оштукатуренные железобетонные прогоны. В интерьере «бара» применены кованые железные двери и светильники в виде

фонарей и бра молочного стекла. Подобные фонари использованы для освещения второго зала и вестибюля. Одна из стен углового зала отделяется наборными зеркалами. Все помещения 2-го этажа оштукатуриваются, под потолками вытягиваются карнизы. Потолки белятся, стены окрашиваются масляной краской по образцам, которые будут выданы особо. Металлические решётки интерьера окрашиваются чёрным лаком с частичным применением бронзовой краски (по особому указанию). Металлические части фонарей покрываются чёрным лаком. Полы в упомянутых трёх помещениях из паркета, в санузле – метлахские; метлахские полы в помещениях приготовления пищи, мойке, сервизной.

В помещениях 1-го этажа стены оштукатуриваются, но без карнизов, и окрашиваются масляной краской; потолки повсюду белёные. Полы в пивном баре терразитовые, такие же в вестибюльной части бара; в складе пива, подземных помещениях и продуктовых складах – из асфальтной плитки. В конторских помещениях (бухгалтерия, комната директора) полы линолеумные, в вестибюле административной части терразитовые, в санузлах и душевой – метлахские. Полы обеих галерей из бетонных или лещадных плит 60 x 60 см.

Фасады здания белятся известковым молоком в два приёма. Столярка верхнего этажа со стороны Волги и Молочной горы окрашивается белилами, столярка, выходящая в галереи – коричневым лаком.

Галереи освещаются светильниками по одному в каждой секции. Помимо этого, на углах здания устанавливается два фонаря молочного стекла на кованных кронштейнах.

5-й КОРПУС РЫБНЫХ РЯДОВ

5-й корпус Рыбных рядов (бывшая чайная) – один из пяти корпусов торговых рядов, расположенных на нижней террасе, построен в 20-х годах XIX в. и симметричен малым Мучным рядам – относительно средней оси комплекса рядов, объединяющей Рыбные, Пряничные и Красные ряды со зданием бывших Присутственных мест. Композиционно повторяя их, он более скромнее в своих размерах; в отличие от них, в общем неплохо сохранивших первоначальный вид, он получил значительные переделки: заложены аркады, разобраны внутренняя капитальная и задняя стена галереи и, главное, над ближайшей к Волге половиной добавлен 2-й этаж, судя по формам – в самом конце XIX в.

Неизвестно первоначальное назначение здания, но накануне революции оно принадлежало костромскому рыботорговцу В. Скалозубову.

В дальнейшем, вплоть до 1969 г., нижний этаж занимала чайная, верхний использовался под жильё.

В соответствии с заданием, 5-й корпус Рыбных рядов приспособляется под раздаточник горячей пищи для рабочих Костромского треста «Водоканал»; одновременно проектом предусмотрено восстановление его первоначальной планировочно-композиционной структуры: разборка позднего надстроя, удаление боковых – ещё более поздних – пристроек, восстановление первоначальных карнизов и фронтона завершения торцевого волж-

---

Пояснительная записка к проекту восстановления 5-го корпуса Рыбных рядов. Текст датирован 1971 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

ского фасада, восстановление внутренних капитальных стен, разборка заложённых аркад, восстановление на фасадах срубленных импостов, архивольтов и замковых камней. Над всеми помещениями подвального этажа устраивается перекрытие из кирпичных сводиков по стальным балкам.

В первом этаже здания размещается обеденный зал на 24 посадочных места, ему предшествует небольшой вестибюль с санузлом и умывальником в глубине и открытым гардеробом. За обеденным залом располагается раздаточная с витриной, мармитами, электротермостатами и кассой; за нею помещения служебного характера, с отдельным входом на заднем продольном фасаде; здесь размещается мойка посуды, хлеборезка, холодильник.

Все названные помещения двусветные. Обширный подвальный этаж, функционально не связанный с раздаточной, имеет отдельный с улицы вход.

Фасады и интерьеры здания оштукатуриваются (с применением шаблонов там, где это необходимо); в интерьерах продольные стены (до промежуточного карниза) и поперечные (до верхнего карниза) окрашиваются высококачественной масляной краской тёмного тона; верхние части продольных стен (выше промежуточного карниза), карнизы и потолки белятся. Оконные и дверные откосы, а также вся внутренняя столярка закрашиваются масляными белилами.

Во всех помещениях раздаточной устраиваются метлахские полы тёмного тона.

Здание оборудуется водопроводом, электроосвещением, канализацией и теплофикацией.

Кровля выполняется из оцинкованной кровельной стали.

МЕМОРИАЛ В. В. РОЗАНОВА в г. КОСТРОМЕ

Предлагаемый проект преследует цель – сохранить от забвения место, где жил и провёл годы детства известный деятель русской культуры рубежа XIX – XX вв., философ и писатель – Василий Васильевич Розанов.

Небольшой деревянный дом Розанова, снесённый сравнительно недавно (в 1978 г.), стоял в переулке у восточного угла Сенной площади (площадь Мира), на берегу Боровкова пруда. Засыпанный в начале XX в., пруд, точнее его территория, застроена жилыми домами. С восточной стороны его берёт начало Рождественская улица (нынешняя Галичская).

В 80-е годы XX в. в западу от участка дома Розановых было построено монументальное здание цирка, и силуэтом и массой определившее застройку северо-восточной стороны пл. Мира.

Застройка эта не завершена и требует доработки, ибо не закреплены зданиями углы по сторонам цирка. В столь же неудовлетворительном состоянии застройка квартала между зданием цирка и улицей Галичской.

Предлагается: для увековечения памяти В. В. Розанова на территории дома и огорода Розановых создать обнесённый оградой небольшой сквер с мемориальной стелой. Оси стелы и сквера должны совпадать с осью переулочка, идущего от Галичской улицы в направлении цирка. Формы и высота стелы должны быть выразительными и достаточно весомыми при сопоставлении со зданием цирка, стоящего рядом.

Пояснительная записка к эскизному проекту мемориала В. В. Розанова в г. Костроме. Текст датирован 22 ноября 2002 г. // Архив А. В. Соловьёвой. Публикуется впервые. Проект не был реализован. *(Прим. ред.)*

Потребность в общественном благоустроенном сквере в этой части города очевидна. И желательно отдать его детям.

О стеле. Она должна представлять собою своего рода монумент с облицованным полированным гранитом пьедесталом и посвятительной доской под сенью четырёхколонного тосканского портика, выполненного из тёсаного белого камня. На посвятительной доске предположен овальный барельеф (возможно в бронзе) с сопутствующей надписью. Надпись, поясняющая смысл памятника, значимость В. В. Розанова для русской культуры, должна размещаться на гранитном цоколе (буквы врезные).

Создание мемориала должно быть увязано с застройкой прилегающих улиц и оформлением фронта площади Мира со стороны цирка. Контакт с проектировщиками, занимающимися реконструкцией площади Мира, необходим и неизбежен.

II. КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ МАКАРЬЕВО-УНЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ в г. МАКАРЬЕВЕ

Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря расположена в северо-западном углу монастырского двора, в непосредственном соседстве с двухэтажным корпусом настоятельских келий. С северной и западной её стороны рельеф местности круто понижается, образуя глубокий овраг, переходящий в долину реки Унжи; южная и восточная стороны здания обращены на глубокий монастырский двор с главными культовыми постройками.

Успенская церковь служила больничной церковью и представляет собой вытянутый объём со следующим составом помещений (с запада на восток):

- 1) двухэтажная больничная палата (верхний этаж XIX в.) с сомкнутыми сводами;
- 2) одноэтажные сени, перекрытые цилиндрическим сводом;
- 3) одноэтажная трапезная с сомкнутым сводом;
- 4) четверик церкви, перекрытый сомкнутым сводом, над которым размещаются два убывающих в размерах восьмерика, увенчанных главой на кирпичном барабане;
- 5) одночастная апсида со сводом-конхой.

Пояснительная записка к проекту восстановления церкви. Текст датирован 1973 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

Успенская церковь – одна из поздних построек монастыря, её освящение произошло в 1732 г.*

Но в силу удалённости от общерусских центров она получила формы предшествовавшей архитектурной эпохи – по типу композиции, по приёмам декора её, скорее, можно датировать рубежом XVII–XVIII вв. Фрагментарно сохранились росписи 1857 г.** в трапезной, четверике и апсиде церкви.

В настоящее время больничная палата занята Макарьевским почтовым отделением, её нижние окна ещё в XIX в. переделаны в прямоугольные. Четверик с апсидой в основных частях сохранились, но уничтожена глава, практически исчезли кровли, растёсаны оконные четверти на южном фасаде и апсиде, растёсаны окно и дверь в четверике на северном фасаде; эта часть здания используется под сараи нынешними обитателями братских и настоятельских келий. Что касается трапезной и сеней – они пребывают в руинах. Почти совершенно разрушена южная стена, более чем наполовину обрушен свод трапезной, отсутствует свод над сенями (он был разобран ещё в XIX в. и тогда же заменён на плоское перекрытие – но не сохранилось и оно). В лучшем состоянии северная стена. Однако и здесь растёсаны оконные проёмы, пробито добавочное окно в трапезной, в сенях на месте дверей сделан огромный проём, наподобие ворот. Полы в этой части здания покрыты толстым слоем земли и кирпичного щебня. Обрушение сводов произошло в начале 60-х годов нашего века, после того как была разрушена кровля. Состояние Успенской церкви настолько катастрофично, что всякое дальнейшее промедление в её консервации может привести к её полной гибели. Между тем, её роль в ансамбле как объёмного компонента и высотного ориентира чрезвычайно велика, да и как индивидуальное творение русского зодчества она представляет большую ценность.

---

* Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 31. СПб., 1909, стр. 215.

** ГАКО, ф. 1486, оп. 1, т. 1, ед. хр. 76, лл. 607–609, 611, 612.

Учитывая это, Костромская специальная научно-реставрационная производственная мастерская в октябре 1972 г. провела детальные обмеры руинированных частей Успенской церкви и, параллельно с ними, натурные исследования здания, с целью определения форм утраченных элементов. Из-за отсутствия рабочих не удалось точно установить отметку полов в трапезной, сенях и собственно церкви; это возможно сделать при закладке шурфов. Пока же удалось определить отметки порогов дверей из сеней в трапезную и из трапезной в четверик. Поэтому предлагаемый проект восстановления церкви неизбежно грешит некоторыми неточностями, которые могут быть исправлены в ходе строительных работ и параллельных им дополнительных исследований.

Из старых изображений Успенской церкви сохранилась единственная фотография 1908 г., фиксирующая её вид с южной стороны. Церковь на ней имеет железную кровлю, железом покрыты четверик и оба восьмерика, железом, в чешую, покрыта глава церкви. Хорошо видна южная, ныне исчезнувшая, стена трапезной с двумя разнотипными окнами и дверью между ними. Старые проёмы в южной стене сеней заложены, взамен их под самым карнизом устроено прямоугольное окно (очевидно, после удаления свода над сенями).

При обследовании западной стены четверика найдена борозда от примыкания железной кровли, коньком врезающаяся в венчающий карниз. Это обстоятельство, а также то соображение, что в начале XVIII в. церковь вряд ли могла иметь железную кровлю (крупнейший монастырь Костромского края – Ипатьевский, – и тот пребывал в это время в крайней бедности), позволяют предположить, что первоначальной кровлей Успенской церкви Макарьево-Унженского монастыря была деревянная; деревянной, лемеховой, могла быть и глава церкви, деревянным мог быть её крест.

На фотографии видна деформация южной стены трапезной, происшедшая, очевидно, из-за дефектов фундамента. Обмерами установлен значительный перепад в отметках венчающего южную стену карниза, с понижением в

сторону больничной палаты. Между тем, последняя находится в удовлетворительном конструктивном состоянии. Поэтому при воссоздании южной стены (сеней и трапезной) карниз придётся искусственно наклонить, сохранив его крайние отметки.

При обследовании найдено устье дымовой трубы в виде небольшой арки, выложенное в толще северо-западного участка свода над трапезной. Это подтверждает существование в этом углу помещения печи. По аналогии с Братским и Настоятельским корпусами Ипатьевского монастыря и многими другими зданиями XVI–XVII вв. в смежной с печью стене, отделяющей трапезную от сеней, запроектирован сквозной арочный проём как устье печи (топка из сеней), на месте пробитого позже дверного проёма. Оконный проём, устроенный в северной стене трапезной и располагающийся точно над отверстием в своде, лишён каких-либо следов существовавшего здесь раннего проёма; поэтому в проекте он закладывается. Все другие проёмы в трапезной восстанавливаются исходя из натуральных остатков с привлечением данных фотографии и аналогов из соседних культовых построек монастыря (последнее относится к окнам в северной стене сеней, трапезной и четверика). Сравнительно хорошую сохранность имеет первоначальная дверь в стене между трапезной и сенями, с отпечатком дверной колоды (Д-3); здесь разрушены сводчатые перемычки, но пяты и начало перемычек существуют. Сохранился и западный откос двери трапезной, в её южной стене (Д-2); и здесь можно видеть след деревянной закладной коробки. Подобным образом была устроена дверь в северной стене четверика (Д-4).

Иным было устройство южной двери в сенях (Д-1). Сохранилась нижняя часть её откоса (восточного). Судя по ней, дверной проём не имел коробки, дверное полотно, открывавшееся внутрь помещения, крепилось на петлях — указание на то, что сени не отапливались. В северной стене сеней, в её западной части, сохранились остатки первоначального окна (О-3), восточный внутренний откос и часть окружавшего окно наличника в виде тесаного полува-

ла; оконная четверть не сохранилась, но, судя по следам, была глубиной в кирпич, т. е. в 30 см (размер кирпича, применённого во всем здании, 30 x 16 x 8 см). Такой же глубины были четверти в прочих окнах трапезной и сеней. К востоку от окна, как сказано выше, пробит большой дверной проём. Он настолько велик, что найти какие-либо следы предшествовавшего ему проёма, если он был, не представляется возможным. Таким же белым пятном является западный участок южной стены сеней (сейчас она отсутствует начисто), а фотография 1908 г. изображает её в уже переделанном виде (к тому же на снимке этот участок полуприкрыт листвой впереди стоящего дерева). Поэтому при составлении проекта мы были вынуждены пойти на докомпоновку, прибегнув к аналогу. Таким аналогом были избраны братские кельи Ипатьевского монастыря, точнее, его нижний этаж, датируемый серединой XVI в. Опасения насчёт внушительности временного интервала между этими постройками в какой-то степени смягчались учётом провинциальной консервативности строителей Успенской церкви, да и натурные следы невольно указывали на допустимость такой общности. В сенях братских келий, имеющих такую же конфигурацию, так же ориентированных по странам света, имеющих то же перекрытие в виде цилиндрического свода, в двух противостоящих торцевых стенах имеется по двери, как и в Успенской церкви, сдвинутых к востоку. Одна из дверей ведёт на главный двор, вторая в засенье, где, между прочим, хранились дрова. В Успенской церкви на месте вторых дверей зияет дыра позднего проёма. В Братском корпусе в южной стене, рядом с дверью, размещается окно, во всём подобное окнам соседней кельи; в северной стене окна нет. В Успенской церкви на месте предполагаемого окна, выходившего на юг, стена отсутствует вовсе, зато на северной сохранились его явственные следы. Нам представлялось невероятным, что строители, делая окно в северной стене сеней, могли не сделать того же и в южной, где условия освещённости несравненно лучше; кроме того, выбирая место для окон, старые мастера обычно предпочитали главный лицевой фасад, нежели

фасад, обращённый в засенье; и если на заднем фасаде окно всё же было сделано, то тем более оно должно было существовать на южном, обращённом на парадный двор монастыря. Поэтому в проекте сени имеют двое наружных дверей и два окна. Южное окно повторяет соседнее окно трапезной (О-1). Ширина и высота дверей в сени взята произвольно, исходя из средних габаритов дверей в зданиях XVII в. (Ипатьевский монастырь). Они будут уточнены при дополнительных исследованиях. Что касается свода над сенями, его следы хорошо просматриваются на внутренней поверхности их северной стены.

Окна и дверь в южной стене трапезной (О-1, О-2, Д-2) запроектированы по данным фотографии и с учётом натуральных следов. Окно в северной стене трапезной (О-4) однотипно с северными окнами сеней и четверика, но его высота откорректирована исходя из остатков внутренних частей. Северное окно четверика (О-5) определено в своей фасадной части, внутренняя часть окна пока не доступна к обследованию. Нуждается в уточнении ширина соседней с ним двери (Д-4). Все эти работы осуществимы после освобождения здания. Наиболее простым будет восстановление южных окон четверика и алтарной части – здесь нужно восстановить четверти и решётки. Решётки, кстати, должны быть во всех окнах здания. Не исследовано ещё основание срубленного барабана главы, её сечение в проекте дано условно.

Таким образом, проект не претендует на исчерпывающую аргументированность и в некоторых своих частях должен рассматриваться как эскизный. Он будет уточняться в ходе работы.

Восстановительные работы должны начаться с возведения южной стены трапезной и сеней. Но перед этим необходимо исследование фундамента под нею и его исправление. Для кладки вновь возводимых частей весьма желателен красный большемерный кирпич соответствующих размеров, но, даже при вынужденном допуске замены материала в основных конструкциях (фасады идут под обмазку, внутренние поверхности покрываются тонкой штука-

турной затиркой), непременным условием работ должно быть выполнение из большемерного кирпича всей цокольной части (с устройством горизонтальной гидроизоляции в её основании), всех оконных и дверных проёмов, включая наличники окон, венчающих карнизов. Из большемерного кирпича выполняется барабан главы над четвериком. Вокруг всего здания снимается грунт до первоначальной отметки и устраивается отмостка из асфальтовой плитки, с уклоном в сторону от здания, с устройством водопоглощающих колодцев и одернованных откосов. Кровли на здании запроектированы тесовые, с копьевидными окончаниями тесин покрывающего слоя. Как вариант над трапезной, сенями и апсидой допустима комбинированная кровля – из одного слоя тесин с резными окончаниями и покрывающего их кровельного железа, окрашенного в серый тон. Маковица главы, как сказано выше, покрывается осиновым лемехом по деревянным кружалам и обрешётке, крест делается из дерева. Возможен и другой вариант: крест и яблоко под ним сделать металлическими, золочёными – так, как сделано на восточных воротах Ризоположенского монастыря в Суздале (XVIII в.).

Внутри трапезной и по контуру её стен восстанавливаются железные связи. Заблаговременно заготавливаются и заделываются в кладку дверные колоды (там, где это нужно) с деревянными дверями на шпонках. Оконные переплёты, из теплотехнических соображений, должны иметь двойное остекление.

Вопрос с устройством внутренних полов до проведения исследований остаётся открытым. Однако в сенях и трапезной они, скорее всего, были деревянными, что и показано в проекте. Отопление в обоих названных помещениях печное. Предлагаемый дымник, его формы заимствованы из Ростовского кремля.

СОБОРНЫЙ ХРАМ ТИХВИНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ (СОБОР АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО) в г. МАКАРЬЕВЕ

Храм Александра Невского (1906 г.) занимает ключевое место в планировочной структуре Макарьева, старого русского города, возникшего у стен Макарьево-Унженского монастыря. Монастырь тесно связан с именем Михаила Фёдоровича Романова и пользовался вниманием и покровительством первого царя из династии Романовых.

Планировка Макарьева напоминает планировку Костромы – в конце XVIII в. данная планировка была разработана в С.-Петербурге и утверждена Екатериной II для десятков городов России.

Структура планировки – веерообразная. Центр её – обширная, вытянутая с севера на юг прямоугольная площадь. В северной её половине, куда сбегаются лучи радиальных улиц, стоит Александровский собор. Южная половина площади отводилась под торговлю. С начала XIX в. здесь располагался каменный Гостиный двор с аркадами по внешнему контуру. По непонятной причине в советские годы он был сломан; сейчас здесь сквер из акаций с крошечной фигурой В. И. Ленина в центре.

Неоконченная пояснительная записка к проекту восстановления. Текст датируется 9 апреля 2008 г. // Архив А. П. Нечаева. Публикуется впервые.
(Прим. ред.)

Говорить о соборе Александра Невского (Тихвинском соборе), дать ему объективную оценку – чрезвычайно трудно. Это массивное, прямоугольное в плане, краснокирпичное здание (29 х 29 м – в основных габаритах, 9 м – крыльцо с западным притвором). В основании четырёхстолпного четверика и притвора – подвал. Из пяти глав, венчавших основной объём, сохранился только средний световой барабан в 8 граней. Угловые восьмигранные барабаны разобраны. Из них – два западных служили колокольнями (см. снимок 1904 года). Два восточных барабана, внешне идентичные западным, были поставлены на глухом своде над четвериком и выполняли, по-видимому, чисто декоративную роль (случай необъяснимый). Храм завершали пять восьмигранных шатров, раскрашенных в мелкую шашку, и тяжеловесные луковичные маковицы с крестами.

Нелепость силуэта здания, с широко расставленными шатрами, была очевидна, свидетельствовала о полной профессиональной несостоятельности авторов. Досаднее всего, что сей новоиспечённый «шедевр» соседствовал с первоклассным архитектурным ансамблем древнего Макарьево-Унженского монастыря.

Очевидно, на рубеже 1920–1930 годов храм закрыли; позже в нём разместили кинотеатр и сопутствующие «очаги культуры».

В конце 2007 года Костромская епархия приступила к возрождению храма. Автор проекта его реконструкции – А. П. Нечаев, который разрабатывает проект воссоздания храма на 1908 год, в точном соответствии со снимком той поры. Епархиальный архитектор Л. С. Васильев, убеждённый в недопустимости возврата к низкопробному облику позорящего Макарьев церковного здания, предлагает два варианта: 1) храм с лёгкими серебристыми шатрами; 2) храм с пологими куполами.

НИКОЛЬСКАЯ НАДВРАТНАЯ ЦЕРКОВЬ АВРААМИЕВО-ГОРОДЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Первое доступное нам упоминание о Никольской церкви Авраамиево-Городецкого монастыря относится к 1650 г. и содержится в надписи на одном из двух Евангелий, хранившихся в монастырской ризнице: «159 (1650) года, сентября в 20 день, положил сию книгу Евангелие на престолное вкладчик Тарх, Никифоров сын, уставщик, в дом Пречистые Богородицы Покрову и Чудотворцу Аврамию, в Городецкой монастырь, и положил на престол Николе Чудотворцу в новую церковь, что на святых воротах, в каменную церковь, при келаре старце Аврамие Пименове»*.

Никольская церковь на Святых воротах представляет собой двухэтажное кирпичное здание, стоящее вдоль западного склона монастырского холма; имеет внизу два разновеликих арочных проезда и примыкающую к ним с юга келью; наверху – собственно помещение церкви, перекрытое сомкнутым сводом с распалубками (северная часть её со скошенными по углам стенами занималась алтарями), и небольшая трапезная под цилиндрическим сводом с распалубками, отделённая от неё стеной с тремя арочными дверями; трапезная располагается с юга от церкви, над кельей нижнего этажа, и имеет наружу, на восток, внутрь двора, хорошо сохранившийся арочный дверной

Пояснительная записка к проекту восстановления Никольской церкви Авраамиево-Городецкого монастыря. Текст датирован 9 января 1972 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

* Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии. СПб., 1861, стр. 14.

проём со следами закладной коробки. Междуэтажное перекрытие над трапезной с самого начала было плоским деревянным.

Церковь и трапезная были холодными; отапливалась лишь нижняя келья. Выложенный в коренной внутренней стене дымоход вместе с его устьем, в виде арочной ниши, хорошо сохранился. Вторая печь, поздняя, была устроена в юго-восточном углу трапезной на двух диагональных железных связях, пропущенных в толще междуэтажного перекрытия; дымоход к ней прорублен в восточной стене трапезной.

Извне здание имеет цоколь, промежуточный и венчающий карнизы; два нижних – с поребриком, верхний имеет фриз из квадратных неполивных керамических плит с однотипным выпуклым орнаментом. По вертикали стены расчленены плоскими лопатками, крепящимися в карнизах. Наибольшую ширину они имеют в нижнем этаже; над арками проездов, в основании промежуточного карниза, их соединяют полки прямоугольного сечения высотой в два кирпича, на одной из лопаток, на западном фасаде, между проездными арками – прямоугольный киот в обрамлении полуваля. В верхнем этаже широкие лопатки отмечают углы и места примыкания внутренней капитальной стены; простенки между окнами и углы гранёной апсиды имеют пилястры меньшей ширины.

Окна второго этажа имеют внутренние откосы с расветом, перекрытые коробовыми сводиками, закладные коробки (поздние, сложенные при разборке прежних четвертей) и наличники в виде прямоугольной рамы из двух профилей – наружного полуваля и внутреннего четвертного (последний сохранился на двух алтарных окнах, с севера). Все окна церкви, помимо этого, имеют изнутри подоконные амбразуры.

В интерьер церкви выходили железные связи, в уровне пят распалубок; сейчас они вырезаны. Большой проём, пробитый в южной стене трапезной (при этом частично обнажилась внутренняя железная связь), сделан на месте раннего, меньшего проёма; цилиндрический свод трапезы имеет в этом месте

большую распалубку.

Три окна нижней кельи сохранили внутренние боковые откосы, но внутренние перемычки над ними и все наружные части в их первоначальном виде уничтожены в XIX в. – окна растёсаны до прямоугольных.

Сейчас здание заброшено, лишено кровли, оконных и дверных заполнений; в южной, торцовой стене зияют провалы варварски сделанных проёмов, значительно утрачен венчающий карниз, утрачено завершение – двухъярусное кирпичное, в виде восьмерика на четверике, с кирпичной маковицей на гранёном барабане и кованым железным крестом на яблоке. Здание лишено присмотра и постепенно разбирается на кирпич местными жителями.

Возвращаясь к истории памятника, обратимся к самому раннему известному нам документу, касающемуся построек Авраамиево-Городецкого монастыря – Галичским писцовым книгам письма и меры князя Никофора Мещерского, Никиты Беклемишева и подьячего Феокиста Тихомирова, составленным в 1627–1635 гг., выписки из которых приведены в книге Д. Ф. Прилуцкого: «<...> а на монастыре церковь каменная, Покров Пречистыя Богородицы, да в пределе Илья Пророк, да церковь Рождество Христово деревяна, да на монастыре же келья игуменская, келья келарня, келья казенная, пять келий братских, келья хлебная, келья гостинная <...>»*. Опись не упоминает Никольской церкви. Следовательно, она могла появиться в интервале 1635–1650 гг., скорее, в конце 40-х годов XVII в., т.к. в вышеупомянутой надписи на Евангелии церковь Никольская названа новою.

С другой стороны, в «Книге данных галицких» от 1628 г., приводимых в «Материалах для истории г. Чухломы и рода костромичей Июдиных (1613–1895)» Г. В. Юдина (Красноярск, 1902, т. 1) в связи с налогообложением Городецкого монастыря, наряду с соборной церковью Покрова Богородицы названа церковь Николая Чудотворца (стр. 86).

Возможно, мы имеем здесь дело с деревянной Никольской церковью,

---

* Прилуцкий Д. Ф. Указ. соч., стр. 13.

предшествующей каменной.

Как явствуют следы на фасаде, на месте юго-западного окна церкви первоначально была дверь. Полустёсанное завершение её наличника, в виде фронтона, врезается в венчающий карниз. Южная граница наличника, в виде сквозного шва, опускается до промежуточного карниза – сделанное на этом месте окно не имеет никакого обрамления и могло, судя по формам, появиться в первой половине прошлого века.

В 1725 г. церковь освящена вновь*.

Чем это было вызвано, предшествовали ли этому переделки здания – сказать трудно. Некоторая разностильность верхнего и нижнего этажей позволяет предполагать, что церковь и трапезная могли быть в это время коренным образом переделаны. В 1804–1807 гг. церковь, как сказано в книге Д. Ф. Прилуцкого, была «исправлена, перекрыта и украшена новым иконостасом» (стр. 17). Какого рода были эти «исправления» – неизвестно. Возможно, были переделаны оконные четверти и сделаны внутренние штукатурные работы.

Состояние Никольской церкви в начале 30-х гг. XIX в. фиксирует план монастыря, хранящийся в Чухломском музее. Особенностью приведённого в нём плана 2 этажа является устройство входа не с востока, а с юга и отсутствие лестницы в ней.

Первое известное нам графическое изображение Никольской церкви приведено в журнале «Живописный сборник» (№№ 1, 2, СПб, 1858 г.) – в статье С. В. Максимова «Авраамиев Городецкий монастырь в г. Чухломе». Это гравированный рисунок с натуры К. О. Красовского с видом монастыря с северо-запада, сделанный им в 1849 г. Стоящая на переднем плане Никольская церковь ещё не имеет пристройки с юга, её вид соответствует более поздним (1908 г.) фотографиям В. Кларка – за исключением арочных проёмов Святых ворот (заложённых – на поздней фотографии), каменного 2-х этажного корпуса, примкнувшего к древнему зданию с юга, и конька кровли, продолжающе-

---

* ЦГАДА, ф. 235, оп. 1., ч. 1-я, ед. хр. 1016.

гося (как показано на рисунке 1849 г.) несколько к северу от венчающего церковь завершения и отсутствующего на фотографии (форма кровли изменена при расширении здания к югу, происшедшем, скорее всего, в 60-е гг. XIX в., в период больших реконструктивных работ в монастыре; тогда же кровля, взамен теса, была покрыта железом).

Вот что сказано о той церкви в книге Д. Ф. Прилуцкого (стр. 22): «На западной стороне ограды над святыми воротами каменный же трехэтажный (очевидно, описка. – Л. В.) храм во имя Николая Чудотворца с приделом Великомученицы Параскевы и трапезою, четверугольный, об одной главе, покрытый, кроме сей последней, тесом. Пол в алтарях и церкви кирпичный, а в трапезе деревянный. Иконостасы об одном ярусе, столярной работы, с резьбою, вызолоченною по гульфарбе двойником, соединены между собою по прямой линии; царские врата столярные, вызолоченные. Стены алтарей и храма убраны лепною работою по штукатурке. Св. иконы письма не древняго. Внизу под сею церковию, кроме св. ворот, устроены две кельи с коридором». (Очевидно, нижняя келья была перегороджена надвое коридором.)

В 60-х годах XIX в., со строительством колокольни и устройством под нею нового главного въезда в монастырь, Святые ворота закладываются с обеих сторон и обращаются в добавочные помещения; с востока нижний этаж засыпают землёй, в уровень с монастырским двором.

После упразднения Авраамиево-Городецкого монастыря в 1929 г. здание Никольской церкви использовалось частью под сельмаг, частью под столовую. Внутреннее убранство церкви было уничтожено, крест с маковицы сорван. Наконец, в пожар начала 60-х годов здание лишилось кровли и началось его разрушение: разобрано кирпичное завершение, выломаны полы и заполнения проёмов, разобрана пристройка 60-х годов XIX в., разбираются стены самого древнего здания.

В сентябре 1970 г. Никольская церковь обмерена и обследована Костромской СНРПИМ; вслед за этим составлен проект реставрации здания.

Настоящим проектом предусматривается возможно полное восстановление здания в его первоначальном виде: заделка поздних проёмов, восстановление оконных четвертей, вычинка стен и карнизов, восстановление вырезанных железных связей в церкви, восстановление кирпичного завершения с маковицей и крестом, восстановление кровли и междуэтажного перекрытия в южной части здания. Восстанавливается выходящий на запад дверной проём из церкви и наличник вокруг него. Проект составлялся до проведения зондажей, а посему неизбежно должен носить в некоторых частях эскизный характер. Так, весьма приближённо показаны на проекте окна кельи нижнего этажа, в значительной степени по аналогии решены оконные четверти в церкви. Но совершенная необходимость скорейшего начала восстановительных работ и отсутствие пока там рабочих, способных делать зондаж, побуждает к немедленному составлению проекта. Все необходимые уточнения будут сделаны параллельно с основными строительными работами.

К моменту обмеров венчающее здание ступенчатое завершение с главкой отсутствовало; проект его восстановления сделан по фотографиям В. Кларка. Корректировка его основных членений должна быть произведена на макете в натуральную величину. Это осуществимо в ходе работ. Безусловно, необходимо удаление земляной насыпи, скрывающей восточный фасад нижнего этажа, и открытие Святых ворот.

В какой-то мере проблематично помещение в проекте окна во 2-м этаже на южном, торцевом фасаде здания, там, где сейчас зияет огромный арочный проём. Но наличие в восточной стене трапезной, несомненно, первоначально-го дверного проёма, небольшие размеры трапезной, делают труднодопустимым существование в ней второй наружной двери: скорее, здесь было окно. На несомненное же существование здесь какого-то проёма указывает расщелина, врезающаяся в цилиндрический свод над трапезной.

Естественна необходимость восстановления наружной деревянной лестницы для попадания (после удаления у восточного фасада земляной насыпи)

в трапезную.

Не исследованы откосы трёх арочных проёмов в стене, отделяющей трапезную от церкви. Скорее всего, они имели кирпичные четверти. Нужные для установления истины исследования поневоле отодвигаются до начала общевосстановительных работ.

Предлагается восстановить первоначальную для здания тесовую кровлю, с воссозданием её формы по рисунку 1849 г. (как вариант допустима и железная кровля). В четвертях церковных окон и в окнах трапезной запроектированы железные решётки, такие же должны быть в окнах кельи привратника, в нижнем этаже.

Согласно свидетельству Д. Ф. Прилуцкого в трапезной восстанавливается тесовый пол, а в церкви – кирпичный.

Стены изнутри и снаружи обмазываются известью, маковица, обитая железом, окрашивается медянкой, крест и растяжки к нему (из-за соображений экономии) золотистой охрой. Оконные переплёты и дверные заполнения предлагается проморить и покрыть за два раза олифой.

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ АВРААМИЕВО-ГОРОДЕЦКОГО ПОКРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Как ни парадоксально, но композиция Авраамиевого Городецкого монастыря, рельеф места, на котором он стоит, невольно напоминает афинский Акрополь.

Монастырь построен на северо-восточном берегу огромного Чухломского озера, на природном холме, круто спадающем к воде и значительно поднятом над бескрайней равниной полей и лесов, окружающих озеро. Подобно Акрополю, вход в ансамбль зданий находится на западном склоне холма. Это Святые ворота с надвратной Никольской церковью. Как и в Акрополе, главное культовое здание, Покровский храм, находится на южной бровке холма, на его наиболее высокой отметке, и воспринимается при взгляде от ворот в три четверти. Подобно Парфенону, в основании его лежит искусственная насыпь, расширившая верхнюю площадку холма к югу и сделавшая его скат почти отвесным. Разумеется, это случайное совпадение, но положение храма в ансамбле, как он был задуман и столетиями существовал, было исключительно эффективным. С юга его белые стены венчает поросший вековыми елями склон холма, отвесной стеной встающий над озером – отсюда он кажется особенно неприступным; со стороны монастырского двора его силуэт рисуется

Пояснительная записка к проекту восстановления Покровской церкви Авраамиево-Городецкого монастыря. Текст датирован 16 января 1972 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

на фоне безбрежной водной глади и по контрасту с её бесплотностью кажется скульптурно определённым и подчеркнуто материальным. Впрочем, с тех пор, как по соседству с ним в XIX в. появился новый храм, огромный по размерам и по безвкусице, древний Покровский собор сам, кажется, дематериализовался.

Покровский собор Авраамиевого Городецкого монастыря как каменное здание построен в 1606–1631 гг.*.

Прежде здесь стоял деревянный одноимённый храм. Долгий срок строительства объяснялся, по-видимому, бедствиями польской интервенции и естественным обеднением монастыря. Задуманный, возможно, в белом камне и начатый в нём, он был завершён в кирпиче.

Композиционно это был завершённый пятиглавием четверик с трёхчастным делением фасадов, с покрытием по фальшивым закомарам**.

С востока к четверику примыкала трёхчастная апсида, с севера – Ильинский придел с небольшой папертью, увенчанной небольшой колокольней под восьмигранным шатром, с ходом к ней по внутренней лестнице в северной стене четверика; второй шатёр был над алтарной апсидой придела; под папертью находился полуподвальный подклет. Крыльцо к паперти было с северной стороны. Как показало натурное обследование 1970 г., собор был двустолпным, с предалтарной стеной, смещённой внутрь четверика примерно на одну треть его глубины. Предалтарная стена, облегчённая двухъярусной

---

* *Прилуцкий Д. Ф.* Историческое описание Городецкого Авраамиева монастыря в Костромской губернии. СПб., 1861, стр. 9.

** При обследовании внутренней, со стороны чердака, поверхности закомар (ставших ложными и залицованными с устройством сомкнутого свода над четвериком) рубленая поверхность отмечена на восточной закомаре. См. прилагаемую реконструкцию первоначального вида храма, составленную с учётом натуральных следов и ближайшего аналога – Успенского собора Паисиева монастыря в г. Галиче, построенного вскоре после Покровского храма.

трёхпролётной аркадой, двумя низкими арками, несущими восточную стену четверика, соединялась с внутренними стенами трёхчастной апсиды, отвечающими её входящим углам. Отрезки стен над этими арками, заключённые между восточной стеной четверика и предалтарной стеной, имели ещё один ярус сквозных арок, меньшего пролёта. По вертикали алтарная часть делилась на два яруса благодаря полатам по деревянным брускам, устроенным в уровне основания второго яруса аркады в предалтарной стене. Сохранившиеся гнёзда от брусков – первоначального происхождения. Алтари перекрывались тремя конхами. Алтарное пространство четверика сообщалось с алтарём придела пологим арочным проёмом; но вскоре, вследствие закладки его со стороны четверика, алтарь придела был обращён в аркосолий, здесь была установлена рака с мощами преподобного Авраамия. В паперть придела из четверика вёл портал. Второй портал с килевидным наличником находится напротив, в южной стене; третий, по-видимому, был в среднем прясле западного фасада. Алтарь освещался тремя узкими окнами, по одному в каждой из его трёх частей. В южной стене четверика, внизу, было два окна, подобных окнам алтаря – с двусторонним расцветом, арочными перемычками, без наличников, – по одному с каждой из сторон портала; окна второго света располагались на трёх сторонах четверика – три на южном, три на западном и одно на северном фасаде, в его крайнем к западу прясле. Эти окна двух типов: круглые по краям и повышенные, с арочной перемычкой в центре фасадов и окна с наличниками в виде плоской широкой четырёхугольной рамки со стрельчатым фронтоном. Над фронтонами и по сторонам их оснований размещались выпуклые ромбы, того же выноса, что и у наличников. Такие же ромбы украшают верхние части лопаток на фасадах четверика. В отличие от угловых лопаток, равношироких по всей высоте, средние из них внизу сужаются посредством двух уступов с каждой из двух сторон. Карниз, раскрепованный под ними, довольно сложен, он включает в себя два яруса поребрика, разделённых гладкими поясками, и венчающую часть из ступенчатых крон-

штейнов, поддерживающих массивную полку из двух рядов кирпича. Закомары мягкого коробового очертания, близкие к полукругу; средние закомары несколько шире угловых и имеют отличный от них профиль. Из пяти первоначальных глав сохранились две восточные. Они световые и обращены в алтарную часть четверика. Их круглые барабаны украшены плоскими аркатурами со щелевидными окнами между пилястр. Карнизы напоминают карниз четверика, но на северо-восточной главе только один ряд поребрика. Аркатурой на ступенчатых кронштейнах обработана верхняя часть алтарных апсид, над нею располагается пояс таких же кронштейнов, поддерживающих венчающую полку, украшенную сухариками.

Входящие углы апсиды отмечены прямоугольного сечения массивными лопатками.

Здание имеет фундамент из средней величины валунов, уложенных насухо. Поверх их, но ниже земляной отметки, устроен выравнивающий слой из двух рядов грубо отёсанного белого камня на известковом растворе. Цоколь белокаменный, гладко отёсанный; состоит из нижнего ряда с круто наклонённой плоскостью и полувала между двумя палатками. Поверх полувала идёт один ряд белого камня, выше кладка кирпичная. Размер кирпича четверика и апсиды 29(30) x 14(15) x 8.

Архивные и прочие источники умалчивают о строителях Покровского храма. Однако сравнение его с известными атрибутированными постройками того времени, с какой-то степенью вероятности, позволяют назвать в качестве строителя его солигаличского мастера В. Д. Зубова, построившего в 1642 г. Духовскую церковь в Рязани. Вскоре после Покровского собора, рядом с ним, была построена каменная трёхшатровая церковь, чрезвычайно близкая рязанской. Пристрастие к шатровым композициям (в Покровском соборе – шатры над Ильинским приделом), такие особенности, как применение кирпичных ромбов в декорировании фасадов может быть свидетельством общности авторского почерка, проявившегося в этих столь удалённых друг от друга по-

стройках.

Как сказано выше, четверик первоначально был лишён трапезной, и его западная сторона оставалась открытой. Об этом свидетельствует совершенно не тронутый характер поверхности угловой, северной лопатки на западном фасаде, по всей её высоте. Впоследствии, когда трапезная была сделана, она была просто приложена к четверику без перевязки с её стенами. Стёска на внутреннем крае северной угловой лопатки западного фасада, в её нижней части, произведена именно в это время; остаток стуковой тяги наверху стёсанной части лопатки принадлежит к внутреннему карнизу трапезной.

В то же время северный край этой же лопатки, её нижняя часть, уширена влево и раньше непосредственно переходила в какой-то невысокий объём, стоявший у северо-западного угла храма, сделанный одновременно с ним – по-видимому, в паперть Ильинского придела. Сейчас северная сторона угловой лопатки в этом месте стёсана.

Вот что говорится о Покровском соборе в «Материалах по истории Костромской епархии» (выпуск 1, 1895 г.): «1701 год ноября 4 в Авраамьеве Городецком монастыре соборная церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы каменная о 5 главах, средняя глава обита белым немецким железом, а 4 главы окожучены лемехами деревянными» (стр. 111); «у соборной церкви прикладен придел во имя св. пророка Илии каменной об одной главе шатровой» (стр. 112); «у соборной церкви и придела прикладена паперть каменная» (стр. 112); «у соборной церкви над папертью колокольня каменная шатровая об одной главе, на той колокольне 6 колоколов... а седьмой колокол взят к Москве на пушечной двор» (стр. 112). В 1765 г. собор выглядел несколько иначе: «<...> при ней придел по левую сторону с трапезою во имя Пророка Илии, под трапезою погреб каменной, а над трапезою колокольня <...>» (там же, стр. 117). Речь идёт, вероятно, о той одностолпной трапезной, возникшей на месте старой паперти у северо-западного угла четверика и зафиксированной на монастырском плане 30-х годов XIX в. и рисунке К. А. Красовского,

выполненном в 1849 г. *.

Гравированный рисунок К.А. Красовского с видом монастыря с северо-запада содержится в статье С. В. Максимова «Авраамиев Городецкий монастырь в г. Чухломе», опубликованной в журнале «Живописный сборник», № 1–2, СПб., 1858 г., стр. 22–25.

Где-то во второй половине XVIII в. был перестроен шатёр над приделом, получивший после этого вид восьмигранной ротонды под барочно выгнутым куполом и главкой, и переделаны окна второго света в четверике. Они были расширены и приобрели вид арочных проёмов, утопленных в прямоугольную нишу. Остались нетронутыми лишь восточное окно на южном фасаде и западное – на северном. Вскоре у западной стены была приложена трапезная, её трёхскатная кровля закрыла основания окон верхнего света, и они были заложены. Окна алтарной апсиды четверика, судя по форме их, растёсаны позднее, в начале XIX в.

Но главное, что произошло с Покровским собором, было полное изменение его системы перекрытия, связанное с уничтожением двух внутренних столбов, и замена системы крестовых сводов большим сомкнутым.

Время этой переделки неизвестно, но, скорее всего, это было начало второй половины XVIII в. И освобождение от столбов интерьера, расширение верхних окон, устройство пышного иконостаса представляются актом единой творческой воли. Другой версией в датировании существующего над четвериком свода и венчающих его трёх глав – средней и двух западных – может быть предположение о появлении их в 40-е годы XIX в., одновременно с постройкой монастырской гостиницы (в основном разобрана в 60-х годах XX в.). Бросается в глаза сходство в обрамлении крайних окон на продольном фасаде гостиницы и окон средней главы Покровского храма. Для проверки этой гипотезы необходимо сравнение кирпича и раствора в обоих зданиях, что воз-

---

* План Авраамиева Городецкого монастыря, хранящийся в краеведческом музее г. Чухломы.

можно лишь при устройстве лесов у храма.

Три древние главы – средняя и две западных, прежде выходящих в четверик, – были заменены новыми; новые западные главы, ставшие глухими, сместились к самой кромке четверика. Их декор, соответствуя новому времени, отличен от декора первоначальных глав. Внутри, в основании сомкнутого оштукатуренного свода, был сделан штукатурный, с сухариками, карниз.

В начале второй половины того же века, взамен старого, по-видимому тяблового, устроен новый иконостас, в стиле барокко.

О дальнейшей судьбе храма так говорится в работе Д. Ф. Прилуцкого (стр. 17): «<...> В 1814 г. перекрыт Покровский собор листовым железом; в 1816 г., вместо деревянного пола <...> сделан чугунный <...>». Далее сообщается, что в 1848 г., «за ветхостью», сломана древняя каменная колокольня над приделом (стр. 19), а в 1857 г. и сам придел, а на его месте, по Высочайше утверждённому в 1851 г. плану, строится новый каменный трёхпрестольный храм во имя Умиления Божией Матери и преподобных Авраамия Городецкого и Сергия Радонежского (стр. 20). Этот храм, тоновский по духу, совершенно подавил древний Покровский собор, который с тех пор выглядит как скромный придел при нём.

Тогда же на четверике Покровского собора была повышена кровля, которая повторяла в общем куполообразное очертание предшествовавшей. (Кружала этой ранней кровли сохранились под поздней, с северной стороны здания, обращённой к новому собору, откуда к ней был сделан скат).

После упразднения в 1929 г. монастыря храм постигла общая участь церковных зданий. Была сломана трапезная, выломан иконостас, а в четверике устроено тракторное депо. Арки в нижней части западной стены, пробитые ещё в XVIII в., были растёсаны для увеличения ширины проезда. По стенам пошли трещины. Наконец, в начале 60-х годов была насильственно обрушена вся западная стена четверика; при этом упало западное прясло южной стены, часть сомкнутого свода и юго-западная глава. Разрушены конхи над

апсидами, на стенах их появились глубокие трещины. Сквозная трещина прошла вверх по восточному пряслу южной стены четверика. Покровский храм накануне своей гибели.

Обмер и предварительное исследование памятника произведены в сентябре 1970 г. Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Вслед за этим составлен проект неотложных консервационно-восстановительных работ.

В силу катастрофического характера разрушений, для поддержания сводов неизбежно приходится возводить заново всю западную и часть южной стены четверика. При воссоздании окон в этих стенах, стоя перед дилеммой, какого времени восстанавливать окна, мы естественно склоняемся к первоначальной эпохе, тем более что формы этих древних окон ясны. Таким образом, консервационные работы могут и должны, как нам кажется, сопровождаться реставрационными. Исходя из этих соображений, составлен предлагаемый проект.

Ввиду невозможности восстановить первоначальный вид четверика в его полном объёме и отрешиться от перекрытия и глав XVIII в., мы избрали компромиссный путь, попытавшись в проекте применить четверик в его первоначальном виде, с завершением XVII–XVIII вв. (ибо две восточные главы всё же XVII в.). Правда, древние окна второго света были уничтожены при переделке верха и в предлагаемом проекте сочетания никогда не существовали. Но нарушение исторической истины с лихвой окупается возрождением в первоначальном виде основных частей здания – четверика с его уникальными окнами.

Исходные данные для составления проекта в утраченных элементах фасада следующие.

Нижнее окно на южном фасаде, в его западном прясле, сделано на основе сохранившегося бокового откоса – по аналогии с целым окном, избегнувшим переделки, в восточном прясле. На западном фасаде нижних окон нет,

функционально и композиционно они были бы лишними. Из верхних окон четверика нетронутым и доступным исследованию осталось одно – в восточном прясле южного фасада, с круглым отверстием и наличником в виде плоской прямоугольной рамки, её стрельчатым фронтоном, с ромбами по сторонам его основания и двумя ромбами над ним. В других местах окна растёсаны; но в западном прясле того же фасада сохранилась боковая часть такого же наличника и венчающие его ромбы; они позволяют утверждать, что боковые окна были одинаковы. От среднего окна, над южным порталом, сохранились венчающие и боковые ромбы, фиксирующие основание фронтона. В отличие от боковых окон последние несколько подняты; предполагая, что подоконники всех окон имели общий уровень, получаем арочный проём с наличником того же типа, но уменьшенной высотой фронтона. Такую же картину имеем на западном фасаде, ныне почти уничтоженном, но зафиксированном на фотографии 1949 г. – круглые боковые окна и арочное среднее.

Портал западного фасада сделан по аналогии с южным, ибо находился в одинаковых с ним условиях восприятия.

По аналогии с нижними окнами четверика запроектированы окна алтарной части.

Проект представлен в двух вариантах: с кровлей на начало XIX в. – в виде купола и округлым покрытием апсид, и тесовой кровлей – над четвериком и алтарями. О том, что первоначально кровли, по крайней мере над апсидами, были тесовыми, свидетельствуют гнёзда от брёвен в пазухах конх на восточном фасаде четверика.

Утраченная юго-западная глава четверика воссоздаётся по аналогии с сохранившейся северо-западной, с привлечением фотографий; утраченные кресты – по аналогии с сохранившимся на юго-восточной главе. Формы маковиц, по-видимому не менявшиеся с XVIII в., предлагаем сохранить.

Внутри собора восстанавливается проём в начале внутристенной лестницы (пролом в соседнюю церковь заделывается), частично раскрывается зало-

женное окно над ним. Восстанавливается и заделывается арка в северной стене алтарной части, восстанавливаются арки, соединяющие между собой три части алтарного помещения, железные связи в основании сомкнутого свода, конхи над алтарями, заделываются трещины в стенах с предварительным укреплением фундаментов под ними. Воссоздаются «полати» внутри алтарной части, со всходом по деревянной лестнице, штукатурка свода над четвериком и карниз в его основании. Полы запроектированы деревянные, исторически существовавшие. Предлагаем раскрыть двухъярусную аркаду преалтарной стены, предварительно сделав распалубку над средней аркой в основании сомкнутого свода над четвериком. Восстанавливается арочная перемычка в портале южной стены. Должны быть восстановлены подпорные стены у южного и восточного фасадов.

Готовые фасады белятся известью. Решётки окрашиваются свинцовым суриком, железные кровли и маковицы глав – медянкой, кресты глав – золотистой охрой (в идеальном варианте кресты золотятся).

АНСАМБЛЬ НИКОЛЬСКОГО СТАРОТОРЖСКОГО МОНАСТЫРЯ в ГАЛИЧЕ

Вот как пишется о местоположении и времени основания монастыря в одной из работ, изданных в начале XX в.: «Староторжский Николаевский женский монастырь расположен на северо-восточной окраине города Галича, вблизи так называемого “Городища” – участка городской земли, некогда занятого старым городом, земляные валы которого сохраняются до настоящего времени. “Староторжским” монастырь называется по своему местоположению, так как в старину здесь был торг, т.е. торговая площадь. Без сомнения, это было в то время, когда центром Галича было упоминаемое выше “Городище” с возвышающейся над этой местностью горой “Столбище” и Княжеским на этой горе дворцом. После сожжения древнего Галича (около половины XV в.) дворец, крепость и собор были перенесены на новое место. Вместе с этим перемещением главной части города переместился и торг, ближе к центру нового города, а старый торг стал уже окраиной города. Ею и воспользовался основатель монастыря для устройства на ней монастырских зданий.

Время основания монастыря, вероятно, относится ко второй половине XV столетия, когда устраивались в новосоздаемом Галиче церкви и монастыри. Предположение это находит своё подтверждение в местном предании,

---

Пояснительная записка к проекту восстановления ансамбля Никольского Староторжского монастыря в Галиче. Текст датирован 2004 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Прим. ред.)

считающем основателем монастыря преподобного Иакова, ученика, сродника и современника преподобного Паисия Галичского, умершего в конце XV в.»*.

Топографически Староторжский монастырь занимает трапециевидный в плане участок, северной стороной обращённый к озеру, южной – к крутому склону Балчуга, восточной – к пустующему ныне пространству Городища (месту древнейшего посада Галича). Далее, к востоку, идёт прибрежная Рыбная слобода, вдоль Пробойной улицы (современные улицы Лермонтова и Калинина). Отрезок Нагорной улицы, к югу от монастыря, отделяет монастырское (а в дальнейшем – общегородское) кладбище, поднимающееся ярусами по склону Балчуга. Внизу, по лицу Нагорной, некогда стояла купольная церковь Бориса и Глеба с гробницей преподобного Иакова, основателя обители.

Не вдаваясь в детальное описание монастырских построек периода XVII–XVIII вв., отметим лишь четыре храма, принадлежавшие ему во второй половине XVIII в.: 1) Никольский и при нём колокольня, 2) Святого апостола первомученика и архидиакона Стефана, 3) Святых мучеников Бориса и Глеба и 4) Богоявления Господня. Как и монастырская ограда, все они были деревянными. Деревянными были жилые и хозяйственные строения.

Перестройка монастыря в каменный была начата в 1824 г., когда на месте деревянной Борисоглебской церкви (месте погребения преподобного Иакова), разобранной ещё в 1770 г., был воздвигнут каменный купольный храм на высоком подклете. Скромный в размерах новый храм стал одним из лучших памятников Галича эпохи классицизма. Автор его неизвестен.

Каменная ограда монастыря, ограждающая его с южной, северной и западной сторон, сделана в 1820-х годах, как и все последующие каменные строения, из своего, монастырского кирпича, изготовляемого монахинями на устроенном в эти годы кирпичном заводе. Архитектура её вполне оригиналь-

---

* Орлов В. Галичский Староторжский Николаевский женский монастырь. Москва, 1913, стр. 8.

на: восточная сторона фланкирована круглыми башенками; в южной части, напротив Борисоглебской церкви, устроены ворота; северные ворота размещены в основании монастырской колокольни.

Весь фронт западного фасада монастыря занимает каменный двухэтажный корпус. Он построен в 1820-е годы и прежде, по фасаду, был украшен шестиколонным тосканским портиком с фронтоном. В советские годы, когда здесь разместили педагогическое училище, портик срубили, фасады перedeделали – и величавое здание получило вид убогой казармы.

Троицкий собор. Строительство его начато было в 1838 г., к осени 1857 г. собор был вчерне завершён и в 1858 г. освящён. Внутренняя отделка храма не была богатой: стены окрашены простой клеевой краской, по колоннам развешены написанные на полотне картины. В 90-е гг. XIX в. интерьер храма окрасили масляной краской и расписали; позднее и иконостасы заменили новыми, впоследствии вызолоченными.

О художественной ценности последних по времени иконостасов даёт представление фотография из исторического описания Староторжского монастыря начала XX в.* Это помпезная эклектическая продукция завершающей стадии русского церковного искусства. Она ни в малейшей степени не соответствует строгому величию классического интерьера.

Пятиглавый храм имеет крестообразную форму, высокий подклет. Его западный фасад с монументальным тосканским портиком в шесть колонн открывается широкой лестницей, ведущей в обширный притвор-вестибюль, откуда через три стеклянные двери попадали в огромный церковный зал. Четыре опорные объединённые арками пилоны несут купольный световой барабан. Боковые сводчатые приделы освещаются высокими окнами. Храм имел тесовые крашенные полы и, вероятно, калориферное отопление.

После закрытия в 1920-е годы Староторжского монастыря, изгнания монахинь и нового заселения жилых корпусов настала очередь и собора. В нём

---

* Указ соч., после стр. 18.

устроили электростанцию. За снятием крестов с соборных глав последовал снос глав боковых. Внутреннее убранство, естественно, исчезло. В алтаре северного придела поселилась семья одного из представителей обслуживающего персонала. И, наконец, северный, обращённый к озеру фасад был «украшен» железной дымовой трубой – храм Божий стал и котельной для соседних строений.

Первые, робкие попытки возрождения Троицкого собора были предприняты в начале 1990-х годов, когда по благословению архиепископа Костромского и Галичского Александра попечением протоиерея о. Александра Шастина были восстановлены 4 боковые главы по углам центрального купола. Храм вернул свой силуэт, и это преобразило всю панораму Галича. Были восстановлены все пять маковок и венчающие их кресты. Проект выполнил городской архитектор Галича (увы, умерший) Сергей Николаевич Дровенков. Кладку глав, кровельные работы произвели И. М. Шастин и Г. М. Шастин.

Колокольня. Монастырскую колокольню предполагалось возвести над восточными воротами ограды, напротив кладбища. Но слабость грунта не позволила этого сделать. Колокольня устроена в 1894 г. над воротами в северо-западной части ограды – по плану, приближенному к плану колокольни костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря. При разорении монастыря в 1930-е годы она была разрушена, но сохранилось основание с воротами и ряд снимков начала XX в., позволяющих её реконструировать.

Оценивая колокольню, даже по фотографиям, наглядно убеждаешься в стремительном упадке русского церковного зодчества к концу XIX в. Нижний ярус колокольни с величавой аркой ворот, с парными апсидами со стороны монастырского двора хотя и не лишены налета эклектизма, но оригинальны и художественны. Напротив, венчающая здание восьмигранная шатровая колокольня выглядит курьёзным, беспомощным повторением костромского прототипа.

Впрочем, справедливость требует отметить, что и в это, отнюдь не благодатное для зодчества время некая преемственность ещё соблюдалась: высота

колокольни равнялась двадцати сажням (43 м) – как и колокольни церкви Василия Великого в Рыбной слободе, как и Богоявленской шатровой колокольни у Торговой площади (обе XVIII в.).

Проект восстановления колокольни Староторжского монастыря подготовлен. Подготавливается проект поэтапного восстановления всего монастырского комплекса.

НИКОЛЬСКАЯ ЧАСОВНЯ СТАРОТОРЖСКОГО МОНАСТЫРЯ НА ГЛАВНОЙ ПЛОЩАДИ ГАЛИЧА

Каменная купольная ротонда Никольской часовни, разрушенная в 30-е гг. XX в., являлась неотъемлемой частью торгового центра Галича. Документальных свидетельств об авторстве этого здания не сохранилось, но сопоставление ряда сведений позволяет предположить следующее.

Как известно, костромской губернский архитектор Николай Иванович Метлин, немало сделавший для Костромы (обстройка Молочной горы, Пряничные и Масляные ряды, здание Присутственных мест – образцовый проект Адриана Дмитриевича Захарова, реконструкция Архиерейского дома в Ипатьи), много строил и в уездных городах губернии.

В 1819 г. ему привелось строить Табачные ряды в Костроме по проекту петербургского зодчего В. П. Стасова, составленного ещё в 1812 г. Красота и необычность стасовского проекта произвела в те времена впечатление, и, получив заказ на постройку в Галиче Верхних торговых рядов, Н. И. Метлин воспользовался архитектурным приёмом Стасова и составил соответствующий проект комплекса зданий (осуществлён не полностью).

В 1822 г. Н. И. Метлин умирает, не завершив начатое. Унаследовавший его должность губернский архитектор П. И. Фурсов (вскоре – автор каланчи и

Пояснительная записка к проекту восстановления Никольской часовни Староторжского монастыря на главной площади Галича. Текст датирован 2000 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Прим. ред.)

гауптвахты в Костроме) завершает строительство галичских рядов.

В 1825 г., после сноса ветхих деревянных рядов, стоявших к западу от каменных Верхних, от губернатора К. И. Баумгартена поступило разрешение на строительство на площади каменной Никольской часовни. Прежде стоявшая здесь деревянная часовня, видом своим не соответствовавшая новой классической обстройке площади, была разобрана, уступив место монументальной купольной ротонде с двенадцатью тосканскими колоннами по фасаду. Стилистически увязанная с Верхними рядами, она органично завершила классический ансамбль главной площади древнего Галича.

Кто мог быть автором этого уникального здания? Прикидывая варианты ответа, невольно останавливаешься на имени П. И. Фурсова, уже прославленного и пользовавшегося в те годы особым покровительством в высших сферах губернской власти. В то время он довершал строительство Верхних рядов, и принадлежность ему проекта часовни, стоящей рядом, вполне допустима.

Полагаем излишним распространяться о её художественном и идейном значении в ансамбле галичского центра, об уроне, нанесённом городу её сносом. Восстановление Никольской часовни – вопрос чести древнего Галича, некогда одного из художественных центров Костромского края. В особенности, принимая во внимание грядущий 850-ти летний юбилей города.

Предлагаемый проект воссоздания Никольской часовни выполнен на основе анализа достаточно чётких фотографий начала XX в. Она стояла на правом берегу речки Кешмы, – ниже заключённой в трубу, – неподалёку от гостиницы Громова, примерно по оси современного кинотеатра. При составлении проекта последовательно применён метод использования старых русских мер, общепринятый в России XIX в.

ЦЕРКОВЬ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО В РЫБНОЙ СЛОБОДЕ ГАЛИЧА

Из четырёх каменных храмов, некогда украшавших Рыбную слободу Галича (Богоотцовский, Параскевы Пятницы, Василия Великого и Введения во храм Пресвятой Богородицы) в относительной степени уцелели лишь два последних. Два первых храма бесследно исчезли и известны лишь по фотографиям.

Храмы Василия Великого и Введенский в прошлом входили в состав Васильевского монастыря, упразднённого, вероятно, в начале XVIII в. Не сохранилось ни монастырских построек, ни ограды, неизвестны границы его территории. Знаменательный факт: в отличие от всех галичских храмов, на начало XX в. оба храма не имели никакого ограждения, даже деревянного.

Прежде соборный, храм Василия Великого освящён в 1768 г. Построен по традиционной схеме: двусветный пятиглавый четверик с гранёной алтарной апсидой, трапезная с северным приделом и шатровая колокольня – поставленные на одной оси. Подобно многим храмам Галича второй половины XVIII в., он соединяет в себе архитектурные приёмы допетровской эпохи и последующих архитектурных течений, в частности, плоскостного барокко в наличниках окон второго яруса колокольни.

Необычна колокольня – с двухъярусным четвериком в основании, третьим восьмигранным глухим ярусом, переходящим в ярус звона и далее – в

Пояснительная записка к проекту восстановления церкви Василия Великого в Рыбной слободе Галича. Текст датирован 1995 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Прим. ред.)

стройный шатёр и луковичную маковку с крестом. Её основание в плане не квадрат, но прямоугольник, вытянутый в направлении восток – запад. Вследствие этого её боковой силуэт уширен по отношению к фронтальному. Последний же, благодаря этому, получил необычайную стройность.

В 1930-е годы, во времена атеистических погромов, Васильевский храм был обезглавлен, до середины второго яруса была разрушена колокольня, высокий четверик железобетонным перекрытием разделён на два яруса. При этом погибло внутреннее убранство, включая величественный иконостас. Храм превратили в рыбокоптильный цех. К западу и к северу от колокольни несколько позже добавили силикатную пристройку. Каменная пристройка с внутренней лестницей сделана была у северной стены четверика. Первый этаж разделённого четверика и трапезная были использованы как морозильные камеры, в алтаре стояли компрессорные установки.

Работы по возрождению храма были начаты в 1990 г. В 1992 г. сделана ограда, в 1993 г. – восстановлено пятиглавие с кровлей четверика. В 1995 г. по благословению архиепископа Костромского и Галичского Александра попечением настоятеля протоиерея Александра Шастина и старосты храма Е. А. Барабановой по проекту автора этих строк* было начато восстановление колокольни. Каменные работы велись каменщиками А. Румянцевым, Е. А. Галибиным и И. М. Шастиным. Завершены они были летом 1996 г.

Из двенадцати галичских колоколен, создававших силуэт города и начисто уничтоженных в советское время, колокольня церкви Василия Великого – первая, дождавшаяся восстановления.

---

* Проект выполнен 4–5 сентября 1995 г.

БОГОЯВЛЕНСКАЯ и НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКВИ в ГАЛИЧЕ

К западу от второго корпуса Нижних торговых рядов галичского центра можно видеть то, что осталось от бывшего здесь некогда Богоявленского мужского монастыря. Время его основания неизвестно, и надо полагать, что изначально он был деревянным.

Дошедший до нас двухэтажный храм Богоявления*, построенный в

Пояснительная записка к проекту восстановления Богоявленской и Никольской церквей в Галиче. Текст датирован 2004 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (*Прим. ред.*)

* По-видимому, Л. С. Васильев был введён в заблуждение кем-то из галичан относительно названий этих храмов. Во всех проверенных источниках XIX-XXI вв. разрушенный летний храм обозначен как однопрестольный, называемый по престолу и по бывшему названию монастыря, в который он входил в XVIII в., Богоявленским. Так же официально именовался и сохранившийся до наших дней зимний храм (*И. Беляев. Статистическое описание соборов и церквей Костромской Епархии...*, СПб., 1863, с. 68; *И. В. Баженов. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911, с. 73*), который, однако, по престолу в честь св. Николая, занимавшему наиболее доступный первый этаж, прихожане в обиходе часто называли и Никольским, что позволяло дифференцировать два смежных одноименных храма с общим причтом. (При этом, по сведениям указ. авторов, собственно престола в славу Богоявления в зимнем храме не было, а были в честь святителей: Николая; трёх вселенских свт.: Василия Великого, Григория

1686–1689 гг., нынешний вид приобрёл в результате неоднократных переделок. Шатровая колокольня при нём, внешне напоминающая колокольню церкви Василия Великого в Рыбной слободе и имеющая ту же высоту (20 сажень), появилась позже, ориентировочно в 50–60 гг. XVIII в. – во время, близкое строительству церкви Никольской, снесённой в числе других галичских храмов в конце 30-х гг. XX в.

Помимо храмовых зданий, в состав комплекса входили одноэтажная кирпичная богадельня (начало XIX в.), примыкавшие к ней монументальные арочные ворота и каменный одноэтажный служебный дом у северной границы церковного участка. Здание богадельни в 1930-е годы было расширено с одновременным сносом ворот, а затем надстроено вторым деревянным этажом; здесь разместились вначале горэлектросети, а в настоящее время – Духовный центр епархии.

Храм Богоявления имеет два этажа. Первоначально в нижнем из них, состоящем из трапезной, четверика и пятигранной алтарной апсиды, размещалась собственно церковь. Второй этаж, имевший проёмы по всем четырём сторонам и самостоятельный вход с севера, использовался под ризницу. Впоследствии, очевидно ещё в XVII в., к востоку добавили алтарную апсиду, и верхний этаж был обращён в церковь. Оба этажа здания перекрыты сводами. Четверик второго яруса венчает компактное пятиглавие с луковичными мако-

---

Богослова и Иоанна Златоуста; свт. московских: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа; и, на втором этаже, преп. чудотворцев: Зосимы и Савватия соловецких.) Возможно, за шесть десятилетий, прошедших от разрушения летнего храма до начала работы Л. С. Васильева над его восстановлением, на народную память наложилась ложная дедукция: раз в монастырской ограде были храмы Богоявленский и Никольский, а остался один Богоявленский, значит, снесённый был Никольским. Устоявшись как новая традиция, эта народная топонимика, аналогично широко известному феномену народной этимологии, и могла ввести в заблуждение Л. С. Васильева. (*Прим. изд.*)

вицами.

Вход на ризницу – с северной стороны, по поздней деревянной лестнице. Первоначально она была каменной, со сводчатой галереей вдоль северного фасада трапезной.

К крупным переделкам Богоявленского храма надо отнести перекладку западной и северной стен трапезной, видимо, в первой половине XVIII в. При этом были ликвидированы северные окна трапезной и заложены два северных окна четверика. Несомненно, это совпало с надстройкой ризницы. Анализ старых фотографий приводит к заключению: в пределах четверика, ризницы (2-й этаж нынешнего четверика) существовал алтарь; таким же был алтарь в нижележащем храме. Существовавшая апсида добавлена позже. Храм был отапливаемым.

Таковы предварительные соображения по Богоявленскому храму. Они подлежат уточнению при последующих исследованиях.

Реставрация Богоявленского храма проводилась в начале 1980-х годов Костромской реставрационной мастерской (архитектор В. С. Шапошников). В ходе её были восстановлены пятиглавие и нижние окна, а также частично снят культурный слой.

Бессмысленной, вредной работой, проделанной в эти годы, следует признать устройство в нижнем этаже полов типа «брекчии» – из осколков мраморных плиток, уложенных по бетонной основе. Следствие этого – резкое повышение влажности стен.

Храм Никольский. Пожалуй, не меньше вопросов возникает при изучении храма Никольского – датируемого 1758 г., – до основания разрушенного в конце 30-х гг. XX в. Храм остался не обмеренным. Сохранилось несколько фрагментарных фотоснимков начала XX в. Они фиксируют его внешний вид и положение в ансамбле построек. Тем не менее, учитывая хорошо видимую порядовку кирпичной кладки, и общепринятые в те поры размеры кирпича, и, наконец, неизменную систему мер (аршины-сажени), удалось установить га-

бариты исчезнувшего храма. Но прежде – о его композиции.

Неотапливаемый, предназначенный для служб в тёплое время года храм имел необычную композицию: его просторный, квадратный в плане двусветный четверик (1 x 1 сажени по внешнему контуру) не имел трапезной. С востока к нему примыкала обширная алтарная апсида, с запада – крыльцо-паперть. Перекрытый сводом с восьмигранным окном в шельге четверик переходил в световой восьмерик (10 аршин по внешнему абрису), и выше шёл опять-таки световой восьмерик (4 аршина по силуэту). Далее над фигурной кровлей следовали восьмигранная шейка барабана, луковичная маковка и крест. Общая высота храма, вместе с крестом, равнялась 15 сажням или 32,4 м.

Стройности, изяществу его силуэта соответствует архитектурный декор. Всё говорит о высочайшей художественной культуре галичских мастеров – и зодчих, и исполнителей-каменщиков. Ошеломляюще роскошны фасады четверика. Изысканно-сдержанному оформлению нижнего яруса противостоит симфония карнизов, оконных наличников, фантастических пилястр, где традиционные спаренные ширинки на постаментах неожиданно переходят в своеобразные ликторские связки (фасции) времён Древнего Рима. Арки окон в обрамлении перспективных порталов с перебивающими профили валиками фланкируются стройными полуколонками. И всё завершает резное очелье в духе Растрелли. Два четверика, венчающие храм, выполнены в стиле раннего екатерининского классицизма. Декор их прямоугольных окон строг и гармоничен.

Давая общую оценку Никольскому храму, должно сказать: это был поистине уникальный памятник архитектурного искусства и утрата его – потеря не только для Галича, но для всего русского искусства.

Колокольня.* К западу от Богоявленского храма до 1941 г. стояла высо-

---

* Колокольню И. Беляев в указ. соч. относил к летнему, а не зимнему храму, который он, кажется, считал более древним, что не соответствует последним историческим данным, подтвердившим зодческую интуицию

кая шатровая колокольня – одна из доминант галичского центра. Равная по высоте (20 саженей) колокольне церкви Василия Великого, она была близка к ней общей композицией, набором вертикальных членений, характером силуэта. Колокольня не смыкалась с храмом и, будучи в плане равносторонней, не была прямоугольной. План её имел очертание ромба. Это выявилось при проведении в 2001 г. археологических раскопок*. К этому времени сохранилась кирпичная кладка основания (северо-западный угол был утрачен; на северо-восточном углу из глубины грунта поднимался гигантский гранитный валун, он предопределил высоту цоколя колокольни).

Итак, подобно колокольне церкви Василия Великого в Рыбной слободе, Богоявленская колокольня состояла из двухъярусного основания (но со скошенными углами), восьмигранного основания яруса звона (но равностороннего), яруса звона с равносторонними арками и стройного восьмигранного шатра с окнами слухов, расположенного в три яруса. Всё завершалась главкой с крестом.

При определении шкалы вертикальных отметок использовано соседство стоящего рядом Богоявленского храма, размеры которого известны, и чёткие фотографии галичского фотографа М. Смодора, выполненные в 1910–1920 гг. с разных точек и уровней (в том числе с колокольни не существующей ныне Вознесенской церкви, проект восстановления которой тоже подготовлен).

Л. С. Васильева, который отнёс колокольню к зимнему храму. Современные археологические раскопки, продолжаемые А. Г. Авдеевым, выявили под Богоявленским (Никольским) храмом фундаменты большего по размерам трёхапсидного храма XVII в., о котором при жизни Л. С. Васильева не было известно (http://www.galich-44.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=118&Itemid=). (Прим. изд.)

* Они велись под руководством московского археолога А. Г. Авдеева.

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

А. Н. ОСТРОВСКОГО

«ЩЕЛЫКОВО»

Среди памятных мест России есть уголки, где оживают тени наших писателей. В их названиях, чисто русских по звучанию, мы находим нечто не отделимое от облика живших здесь людей.

Знакомясь с природой, с предметами, окружавшими их, мы глубже чувствуем их человеческое своеобразие, полнее проникаемся строем их мыслей. Таковы Михайловское А. С. Пушкина, Ясная Поляна Л. Н. Толстого, Спасское-Лутовиново И. С. Тургенева, таково Щельково А. Н. Островского, 150-летие со дня рождения которого мы будем отмечать в 1973 г.

В Щелькове жил и был похоронен отец Островского, Н. Ф. Островский, поэтому драматург всегда любил и дорожил этими местами. Ещё в молодости пленило оно Островского своей природой – девственным лесом с тенистыми оврагами, вольным простором окрестных полей, небольшой речкой Куекшей, протекающей в глубокой долине. Щельково было своеобразной отдушиной в хлопотливой и чрезвычайно напряженной жизни драматурга, насыщенной разного рода театральными и житейскими треволениями. Ежегодно, начиная с 1868 г., А. Н. Островский проводил здесь летние месяцы. Здесь, в сельской глуши, писал он лучшие свои произведения: «Лес», «Бесприданницу», «По-

---

Печатается по тексту, опубликованному в альманахе «Памятники Отечества» (кн. 1, Москва, 1972, стр. 230–234), с минимальной редакторской правкой и незначительным сокращением. (Прим. ред.)

следнюю жертву», «Грозу». Щельковом, бытом его крестьян, фольклорным материалом, собранным здесь, навеяна поэтичнейшая из русских пьес – «Снегурочка».

История Щельковской усадьбы начинается с конца XVIII в. Именно тогда Ф. М. Кутузовым был построен существующий и поныне усадебный двухэтажный деревянный дом, разбит парк, построена в 1792 г. каменная церковь в селе Бережки, с каменной оградой вокруг неё. В заросшем, одичавшем парке до сих пор сохранились остатки кирпичных колонн и парковых беседок.

В 1847 г. имение было куплено отцом драматурга Н. Ф. Островским. После его смерти Щельково, оставленное по завещанию мачехе писателя, было выкуплено двумя братьями – А. Н. Островским и М. Н. Островским. Михаил Николаевич постоянно жил в Петербурге. Он был крупным правительственным чиновником и материально и морально поддерживал своего брата. В летние месяцы он гостил в Щелькове, для него, по соседству со старым, был построен в 1871 г. новый одноэтажный с мезонином деревянный дом, получивший название дома Михаила Николаевича, или «Гостевого»: в нём обычно останавливались многочисленные гости драматурга; здесь бывали Ф. А. Бурдин, Н. И. Музиль, М. П. Садовский, И. Ф. Горбунов и другие.

В одном из помещений «Гостевого» дома были столярная мастерская и библиотека Александра Николаевича. После смерти писателя дом в 1900 г. был сломан, его материал использован для нового, так называемого «Голубого дома», построенного в другой части парка для дочери Александра Николаевича – Марии Александровны Островской (в замужестве Шателен). Дом строился по её рисункам и существует поныне.

Нам известно о существовании в прошлом, но не дошедших до нас, хозяйственных каменных служб, с двух сторон окружавших парадный двор перед главным домом, деревянной беседки «Тихий уголок», часто служившей писателю рабочим кабинетом, водяной мельницы на реке Куекше, надкладез-

ной часовни в «Ярилиной долине», где исстари окрестные жители водили хороводы. Но, лишённые настоящего присмотра, они обветшали и развалились. В усадебном доме А. Н. Островского были выломаны изразцовые лежанки, исчезли фаянсовые вазы перед южным фасадом, разобраны на кирпич хозяйственные постройки.

К счастью, в 1948 г. дом был передан Всероссийскому театральному обществу и превращён в музей. В 1953 г. постановлением Совета Министров СССР был создан мемориальный Щельковский заповедник*. Помимо самой усадьбы, в него вошли смежные с Щельковым деревня Лодыгино, село Бережки и часть окрестных лесов вдоль реки Куекши. С этого времени началось возрождение Щелькова как огромного историко-литературного комплекса.

С 1963 г. Костромская специальная научно-реставрационная производственная мастерская приступила к работам по реставрации дома А. Н. Островского. Ещё при жизни вдовы писателя, в 1892 г., были переделаны его фасады, изменена их окраска. Реставраторам удалось воссоздать с помощью старых снимков утраченные формы наличников и крылец, восстановить первоначальный светло-серый цвет окраски фасадов, о котором говорится в воспоминаниях современников А. Н. Островского. В процессе реставрации были сменены повреждённые нижние венцы сруба, восстановлены исчезнувшие изразцовые лежанки. Работники Щельковского музея разыскали образцы бывших бумажных обоев, собрали подлинную мебель дома Островского.

Подготовлен проект воссоздания «Гостевого» дома. Предусматривается точное восстановление его внешнего вида.

На очереди – восстановление беседки «Тихий уголок» и мельницы на

---

* В 1948 г. Щельково было объявлено Государственным заповедником, а Всероссийскому театральному обществу оно было передано в 1953 г. (Прим. ред.)

реке Куекше, хозяйственных служб перед усадебным домом*.

Одной из достопримечательностей погоста Никола-Бережки считается дом И. В. Соболева, столяра и резчика по дереву, выполнявшего некоторые работы для писателя. Островский был с ним в приятельских отношениях и часто навещал его, учил его сына Ваню грамоте. Костромская СНПРМ, считая дом Соболева местом, связанным с памятью А. Н. Островского, решила восстановить его. Предполагается, что реставрация дома будет завершена в 1972 г. В нём разместится филиал Щельковского музея.

Ведутся реставрационные работы в Никольской церкви. Интересно, что композиция её четверика – типична для Костромского края, но формы его выполнены в духе позднего римского барокко.

По преданиям, бытующим среди местных жителей, этот факт объясняется тем, что строивший церковь Ф. М. Кутузов приглашал для её отделки мастеров-итальянцев. И действительно, иконы иконостаса и остатки масляной живописи на стенах и сводах верхней церкви говорят о том, что они выполнены иностранными художниками. К сожалению, настенная живопись плохо сохранилась и сейчас забелена. В ближайшее время будет проведена полная реставрация всей церкви – фасадов и интерьеров. Современная церковь кирпичная ограда содержит черты той же переходной поры от барокко к классицизму. Интересны её ворота, особенно восточные, обращённые к селу Бережки. В последние годы ограда сильно обветшала, некоторые её части исчезли совсем. В 1971 г. по проекту, составленному Костромской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, силами студенческого строительного отряда философского факультета МГУ ограда восстанавливается.

Крайне важно и восстановление тех высотных ориентиров, без которых невозможно представить окрестности Щелькова времён А. Н. Островского.

---

* Мельница и хозяйственные службы до сих пор не восстановлены.
(Прим. ред.)

Это церкви в селе Угольском и в селе Покровском. Они стоят у самого въезда в усадьбу и в своем современном, обезображенном виде служат укором нам всем.

Их следует незамедлительно взять на охрану, изыскать средства для приведения в порядок хотя бы их внешнего вида. Ведь помимо исторической, они обладают непреходящей художественной ценностью. Право, стоит гордиться этими памятниками народного искусства и сохранить их для последующих поколений.

ДОМ А. Н. ОСТРОВСКОГО в УСАДЬБЕ ЩЕЛЫКОВО

Ремонтно-восстановительные работы, проводимые по главному зданию усадьбы Щелыково, вызваны двумя причинами – необходимостью восстановить нижние поражённые грибок венцы сруба, а также дощатые полы нижнего этажа и сделать его отапливаемым. Сохранившиеся старые печи, ввиду противопожарных требований, чинить и использовать нецелесообразно. По предварительным планам, они будут использованы для размещения каналов калориферной системы; котельная должна быть устроена во вновь строящемся кирпичном здании на достаточном удалении от мемориального дома.

Главный дом усадьбы Щелыково, построенный, по-видимому, в первых десятилетиях XIX в., неоднократно переделывался; к счастью, это не отразилось на его общей композиционной структуре – это типичный дом помещика средней руки, построенный в глухой провинции местными мастерами. Отдалённое знакомство строителей с классическими образцами в соединении с чисто крестьянскими мотивами декора и строгой конструктивностью в трактовке ордера определяют его своеобразие.

В ходе обмерных и исследовательских работ, проведённых Костромской реставрационной мастерской, получены некоторые данные, позволяющие реконструировать (пусть с известной степенью вероятности) первоначальный вид здания. Данные эти следующие:

Пояснительная записка к проекту реставрации дома А. Н. Островского в усадьбе Щелыково. Текст датирован февралем 1965 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

1). При удалении дощатой обшивки над дверью, ведущей из гостиной на южную террасу, обнаружен заделанный впоследствии полуциркульный проём (см. соответствующий зондаж); то обстоятельство, что проём разрезает нижнюю часть внутреннего штукатурного карниза (вполне классического по профилю), как будто свидетельствует о том, что заделка проёма над дверью произошла не позже 30-х–40-х гг. XIX в., т. е. значительно раньше, чем А. Н. Островский приобрёл Щельково; впрочем, ввиду отдалённости усадьбы от культурных центров того времени, это могло произойти и позже.

2). Реконструкция южной двери в её первоначальном виде допускает единственный вариант – дверь с полуциркульным завершением с двумя полуокнами по сторонам, окружённую простейшим наличником в виде деревянной обкладки (с профилем или без него), лишённого сандриков, кронштейнов и иных элементов декора. Вероятней всего, наличник вовсе не имел профиля: это противоречило бы довольно сильной пластике обшитых «в пилу» фасадов и общей простоте композиции. Такими же должны были быть наличники окон по южному, западному и восточному фасадам, а возможно, и по северному. Позднее происхождение существующих наличников несомненно. Появились они, по-видимому, в одно время с перестройкой южной террасы, по крайней мере, одновременно с устройством над нею дощатого навеса, видного на снимке 1890-х гг. (тот же деревянный подзор с фестонами).

3). Северная терраса в своём начертании в плане как будто не менялась, её внешние контуры определяются массивными угловыми столбами из красного кирпича на известке, выложенными в той же технике, что и цоколь под зданием; само местоположение, между двух крылец-тамбуров, перед кабинетом допускало существование ограждённой перилами террасы; северная терраса имеет сравнительно небольшую глубину; судя по старому снимку, В. А. Маслиха*, она не была зашита снизу досками (так что кирпичные угловые столбы террасы

---

* Владимир Александрович Маслих – заведующий музеем Малого театра, один из организаторов в Щелькове во 2-й половине 40-х гг. XX в. мемориального музея А. Н. Островского. (Прим. ред.)

выходили на фасад); всё это, несмотря на северную ориентацию, делало её достаточно долговечной и, следовательно, целесообразной в глазах владельцев дома. Следует учесть ещё одно обстоятельство: дом стоит на пологом спуске перед крутым скатом в долину речки Куекши. Спуск идёт в направлении север-юг. Благодаря этому северная и южная террасы имеют различную относительно уровня земли высоту. Северная терраса имеет высоту 1,15 м.; высота продухов под нею такова, что при приближении к северному фасаду горизонт зрения человека всегда выше уровня пола террасы; функциональное требование максимально открыть конструкции пола для проветривания здесь не противоречило требованиям архитектурной эстетики.

Южная терраса сильно поднята над площадкой под ней, придвинута к самому спуску в долину и, по необходимости, должна была иметь обшитый досками цоколь. В противоположность северной, южная терраса в своём основании совсем не имеет кирпичных столбов, которые определяли бы внешние контуры плана. Две кирпичные стенки, выходящие к югу из цоколя, судя по всему, первоначальны. Они служат основанием под массивные бревенчатые балки, на которые опираются колонны южного портика. Стены эти выступают вперёд на сажень (около 2,15 м.) и располагаются под крайними колоннами. Никаких следов других каменных столбов под нею не найдено. Даже беглый взгляд на южную террасу в современном виде (повторена в 1955 г. в соответствии со снимком 1890-х гг.) убеждает в её позднем происхождении. Для наблюдателя, находящегося внизу, она закрывает не менее половины главного фасада. Чтобы предохранить эту террасу от гниения (делать продухи в обшивке цоколя не позволяют требования эстетики), необходим навес (который когда-то и был), но навес окончательно губит фасад, затемняет южную дверь и превращает парадную (синюю) гостиную в совершенно тёмное помещение.

Нелогичность южной террасы в её теперешнем виде не подлежит сомнению. Недопустимость открытого сквозного цоколя и одновременно насущная необходимость сделать пространство под террасой проветриваемым требуют изменения её формы. Несомненно, поздними и чуждыми по стилю являются

перила обеих террас.

Предварительными расчистками красочных слоёв на стенах жилых комнат здания установлено, что все они были окрашены клеевыми красками по известково-песчаной штукатурке. Обследование сделано по обоим этажам. Следов оклейки стен обоями не найдено.

ГОСТЕВОЙ ДОМ в УСАДЬБЕ ЩЕЛЫКОВО

Дом брата А. Н. Островского, Михаила Николаевича Островского, или «Гостевой», как его ещё и называют, был построен в 1875 г. Дом стоял в парке, к востоку от главного усадебного дома, на бровке спуска в долину реки Куекши, и был обращён к ней главным, южным фасадом. Дом был деревянным, одноэтажным, с мезонином и обшит тёсом. К его южному фасаду примыкал деревянный балкон на столбах, с северной, обращённой к парку стороны мезонин переходил в застеклённую веранду (как и нижестоящая часть первого этажа), добавленную позже. Здание имело печное отопление, железные кровли с водосточными трубами, стояло на кирпичном цоколе.

В Гостевом доме, помимо комнат Михаила Николаевича, размещалась библиотека, столярная мастерская драматурга и комнаты для гостей.

В архитектурном отношении это типичный продукт 70-х гг. XIX в., эклектически соединяющий в себе последние отголоски провинциального ампира с первыми веяниями псевдорусского, ропетовского стиля.

Гостевой дом существовал до 1900 г. В этом году он был разобран, сруб его перевезён в противоположную часть парка и в надстроенном виде послужил основанием для дома дочери драматурга М. А. Островской-Шателен (так называемый «Голубой дом» существующий и поныне).

Исходным материалом для составления проекта послужили две фотографии дома 90-х гг. XIX в., сделанные с юго-запада, карандашный схематиче-

---

Пояснительная записка к проекту восстановления гостевого дома усадьбы Щелыково. Текст датирован 1974 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

ский план нижнего этажа, приписываемый Сергею Александровичу Островскому (хранятся в фондах музея), и данные натуральных раскопок остатков фундамента. Помимо этого, использовались обмеры первого этажа Голубого дома, сделанного из сруба Гостевого. При выполнении деталей интерьера пришлось обратиться к соответствующим аналогам.

С другой стороны, требования будущего использования восстанавливаемого дома как экспозиционного помещения внизу и библиотеки в мезонине, а также условия противопожарной безопасности обусловили значительные отступления от первоначальной внутренней планировки: в частности, лестницу в мезонин пришлось из центрального зала перенести в западную часть дома и заключить в глухие стены, в северной половине нижнего этажа взамен четырёх небольших комнат запроектированы две и два смежных с ними отсека, предназначенных под гардероб и связанных с прихожей широкими проёмами. Веранда в мезонине получила двойное остекление, ради возможности эксплуатации её в зимнее время. В связи с требованиями замены печного отопления на центральное и максимального использования площади под экспозицию, пришлось отказаться от воссоздания печей, даже в их имитационном варианте; наружные печные трубы, видимые на старых снимках, должны, конечно, быть восстановлены. В восточном торце коридора первого этажа проектом предусмотрен санузел с умывальником.

Наконец, в отступление от исторической правды, по настоятельной просьбе заказчика, под зданием устраивается несгораемый подвал с отдельным входом снаружи. Подвал предназначен под фондохранение. Из-за требований противопожарной безопасности в цоколе, ограждающем подвал, устроены два больших окна в кирпичных приямах, в обычное время закрытых деревянными крышками. Стены подвала от подошвы фундамента до уровня земли запроектированы из бетонных блоков, выше уровня земли – из красного кирпича М-100 на растворе М-50. Перекрытие над подвалом – несгораемое, из монолитного железобетона и в виде кирпичных сводов по

стальным балкам. Полы в подвалах из метлахской плитки.

Междуэтажное и чердачные перекрытия в Гостевом доме запроектированы деревянные, с чисто строганной поверхностью потолка. Поверхности наката и балок, соприкасающиеся с утеплителем, необходимо проантисептировать. Перекрытия должны выполняться из воздушно-сухой сосны с влажностью не более 25%. На чердаке основной части здания предусмотрены две двери. На чердаке мезонина устраивается слуховое окно во фронтоне южного фасада. Проектом предусмотрена огнезащита стропильной системы здания.

Судя по воспоминаниям старожилов, Гостевой дом имел внутри гладко обтёсанные рубленые стены и тесовые полы. Соответственно этому составлен проект по части интерьеров. Были ли полы крашеными, установить не удалось; из условий удобства эксплуатации здания полы предлагается покрасить. Полы в санузлах – метлахские. Все столярные изделия – оконные и дверные коробки, подоконники, наличники и заполнения проёмов – должны быть окрашены масляными белилами. Снаружи здание окрашивается масляной светло-серой краской (за исключением заполнений проёмов), цоколь – кирпичной мукой на казеине. Особое значение должно быть уделено скобяным изделиям. По старым образцам, заблаговременно, должны быть заказаны оконные и дверные шпингалеты, оконные и дверные крючки и ручки. Использование современной скобянки абсолютно недопустимо.

Гостевой дом имел частично цветное остекление. Цвет стёкол установить не удалось, предлагается использовать красное стекло. Кровли и водосточные трубы окрашиваются медянкой, дымовые трубы белятся. Вокруг здания устраивается булыжная отмостка по мятой глине.

Инженерное оборудование Гостевого дома (электроснабжение, отопление, вентиляция, водоснабжение и канализация) должны решаться специальными проектами, которые будут разрабатываться после утверждения проекта воссоздания Гостевого дома.

«ГОЛУБОЙ ДОМ» УСАДЬБЫ ЩЕЛЫКОВО

Двухэтажное деревянное здание «Голубого дома», построенное по проекту дочери драматурга А. Н. Островского, М. А. Шателен, в начале XX в., имеет в своей основе сруб бывшего «Гостевого дома», стоявшего с 1874 г. неподалеку от дома Александра Николаевича, к востоку от него, и переданного ей при разделе имущества.

Дом был поставлен на краю окружённой лесом поляны и являлся центром новой самостоятельной усадьбы. Из её разнообразных по назначению служебных одноэтажных построек до наших дней сохранился лишь «Охотничий домик», который, несомненно, рассматривается как часть мемориального комплекса.

Печать яркой художественной одарённости Марии Александровны, выступившей здесь как архитектор, ясно ощущается в свежести необычной трактовки веранд на северном и южном фасадах, в изящном кружеве карнизных подзоров и наличников окон, в рисунке перильных ограждений. Окрашенные в белый цвет, детали декора ярко выделяются на фоне голубой дощатой обшивки фасадов.

Дом поставлен на достаточно высокий кирпичный цоколь, имеет деревянные перекрытия и тесовые крашенные полы.

Его планировка существенно изменена. Постановкой перегородки к западу от коридора при северном входе (являвшемся главным) превращена в до-

---

Пояснительная записка к эскизному проекту реставрации «Голубого дома» усадьбы Щелыково. Текст датирован 1989 г. // Архив ОАО «Кострома-реставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

полнительную комнату часть вестибюля, где должна размещаться гардеробная. Основные изменения произошли в верхнем этаже, где, по-видимому, существовала гостиная, аналогичная нижней и располагавшаяся непосредственно над нею. Благодаря устройству новых перегородок, из неё выделены южная комната и тёмное помещение с огибающим её узким коленчатым коридором. Здесь ныне размещена кладовая. Свидетельством позднего её происхождения служит широкий, сейчас заделанный дверной проём в её западной стене, смежной с одной из комнат.

Изменения в интерьере, с тех пор как здание было передано для летнего проживания артистов Малого театра (т. е. с конца 1920-х годов), свелись к следующему: рубленые поверхности стен и чистые строганные потолки комнат были обшиты картоном на каркасе и окрашены масляной краской; из образцовых голландской печи и камина, украшавших гостиную нижнего этажа, сохранился лишь камин. Но и он был переставлен к противоположной стене. Исчезли первоначальная мебель и осветительные приборы. В послевоенные годы в Голубом доме устроено водяное отопление.

На каком-то этапе существования Голубого дома к его западному фасаду добавлен прируб, также обшитый тёсом и получивший аналогичное зданию декоративное оформление.

В двух этажах его размещены санузлы и умывальные комнаты. Из коридора верхнего этажа здесь устроена крутая двухмаршевая лестница на чердак. В 1970-х годах на месте южного окна отсюда устроен запасной выход с деревянной наружной лестницей вдоль западного фасада дома. Вторая лестница, внизу, размещается на западном фасаде пристройки, перед дверью в коридор нижнего этажа.

Существенно изменился и внешний вид Голубого дома. До 1940-х годов веранда в центре его северного фасада была одноэтажной, и верхний балкон не имел кровли. Её устройство вызвало появление наверху нового фронтона с окном в центре. Не имела кровли и восточная половина южной террасы.

Лестница на неё прежде была с восточной стороны. Не имела средних, разделительных перил лестница на северном фасаде*.

Впрочем, следует заметить такт и стилистическую преемственность во всех происшедших изменениях фасадов.

К 1987 г. техническое состояние Голубого дома резко ухудшилось. Проведённое контрольное обследование здания, выполненное в июне этого года, выявило угрожающее состояние нижних венцов сруба в разных частях и перекрытия над подвалом. Они поражены гнилью, потеряли прочность и требуют замены. Совершенно неудовлетворительно состояние сруба и перекрытий пристройки, где размещаются туалеты. Здесь явно видны деформации и отклонения от вертикали несущих стен.

Необходимо дополнительное детальное изучение состояния конструкций здания; это потребует его полного освобождения. Очевидна необходимость его капитального ремонта и осуществления мер для его дальнейшей сохранности.

В соответствии с проектным заданием, реконструктивные работы по Голубому дому должны сопровождаться реставрацией его интерьеров. Они должны сводиться к воссозданию исторического облика нижней гостиной и четырёх смежных комнат. Это потребует восстановления изразцовой голландской печи, удаления в этих помещениях поздней обшивки и возвращения стенам и потолкам первоначального вида.

Согласно намерению создать здесь артистическую гостиную, предлагается в тонких поперечных перегородках пробить новые двери (по образцу старых), соединив по принципу анфилады боковые комнаты. По сохранившимся старым снимкам должны быть подобраны стильная мебель, осветительная арматура, шторы, картины и пр. Необходимо восстановить цветные вставки в остеклении окон и наружных дверей там, где они утрачены.

---

* Это подтверждает свидетельство артиста Малого театра П. П. Садовского.

Верхний этаж здания, рассматриваемый как часть мемориала, должен получить изначальную планировку и соответствующее решение интерьеров. Вопрос о месте и формах печей будет решён дополнительно, после натуральных и архивных изысканий. В связи с этим решится вопрос отопления. Как вариант его, может быть предложено размещение спиральных электронагревателей внутри воссоздаваемых печей.

Совершенно очевидно, что всем работам по перепланировке должны предшествовать детальное изучение конструкций здания, смена сгнивших элементов, антисептика подвалов и обеспечение условий его вентилирования. Полной переборке подлежит западный пристрой, как обветшавший. Пожарную лестницу на его южном фасаде предлагается заменить на несгораемую и более компактную металлическую.

ДОМ КРЕСТЬЯНИНА И. В. СОБОЛЕВА В СЕЛЬЦЕ НИКОЛО-БЕРЕЖКИ

Дом крестьянина И. В. Соболева в сельце Бережки находится неподалёку от Никольской церкви и от кладбища с могилой А. Н. Островского. Располагаясь на краю села при спуске в глубокий овраг, с пешеходным мостиком через него, он первый встречает посетителя этих мест, эффектно начиная перспективу короткой улицы с вековыми берёзами и белой церковью в глубине. Потемневший от времени дом, с крутой двускатной крышей, с белыми резными наличниками небольших окон, естественно сливается с пейзажем – окружением могилы драматурга.

Помимо исторического интереса (И. В. Соболев, столяр, был близким знакомым А. Н. Островского, здесь бывал Островский), дом представляет определённый интерес как пример деревянной избы середины XIX в. Композиционно он состоит из трёх частей: зимней избы с русской печкой и лежанкой, сеней и летней задней избы. Приусадебных построек, несомненно бывших когда-то, не сохранилось, не известны места их расположения. С восточной стороны к дому примыкает узкий дощатый пристрой, в дальнем конце которого была уборная и выход на задний двор. В крыше над летней избой есть прямоугольное отверстие от трубы, здесь, следовательно, была печь. Но печь эта поздняя. По свидетельству священника Никольской церкви, она была сложена в начале XX в. – после того, как сын столяра продал сель-

---

Пояснительная записка к проекту восстановления дома крестьянина И. В. Соболева в сельце Николо-Бережки. Текст датирован маем 1968 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

ник под жильё.

Конструктивно дом типичен для крестьянской избы: два сруба зимней и летней половин, разделённых сенями, торцовые стены которых образованы выпуском брёвен сруба задней избы. Задняя изба имеет подклеть, разделённую на две части, одна из которых из-за наличия одного входа (с западной стороны) – проходная. Пол этой части дома выше уровня пола в зимней избе и сенях, из сеней в неё ведёт лестница. Полы двухслойные по прогонам, вделанным в сруб – нижний слой из пластин в четверть промазан глиной, по нему в поперечном к пластинам направлении положены половицы. Потолок из пластин, соединённых в четверть, опёртых на прогон и стены. Засыпка – земляная по глиняной обмазке. Кровля общая – двускатная, с высоким подъёмом щипца. Покрытие гонтовое. С переднего торца щипец зашит тёсом, отделён от нижележащего сруба дощатым карнизом, устроенным по консолям, выпущенным из верхних венцов сруба. Во фронте – довольно большое слуховое окно. Торцовая стена задняя имеет самцовое завершение, т.е. щипец (фронтон) выполнен также срубом.

Окна обеих половин дома имеют резные наличники. По форме наличники задней избы, навеянные образцами городского деревянного ампира, сохранившие двуцветную клеевую покраску (сочетание красной охры и белого), выглядят старше наличников передней половины дома (с завершением и основанием в виде строенной скобки). Это вступает в странное противоречие с возрастом срубов обеих частей – со сравнительно неплохой сохранностью задней избы и полной изношенностью передней половины дома. Несомненно одно – дом был составлен из двух разновременно сделанных срубов.

В 1966–1968 гг. сделан обмер дома. В виду катастрофически плохого состояния передней избы (обрушение чердачного перекрытия, выпучивание сгнивших стен) в обмере не отражены некоторые моменты – устройство пола зимней избы, уровень пристроенных лавок, несомненно существовавших когда-то (в сенях найден фрагмент лавки).

В проекте реставрации предусматривается полное восстановление здания в первоначальном виде с сохранением всех особенностей конструктивного устройства и внутренней планировки: лавок, печи с лежанкой, утраченных дверных полотен с соответствующими поковками, гонтовой кровли. Восстанавливается декоративная обработка фасада: наличники с раскраской по образцу подлинников, ветровые доски фронтонов, подшивные карнизы. Восстанавливается крыльцо и пристрой – на заднем продольном фасаде.

Непременным условием работ должно быть максимально полное использование сохранившихся частей старого здания – брёвен сруба и стропил, наката перекрытий, дверных и оконных блоков с внутренними и внешними наличниками, дверных полотен, оконных рам и пр.

Для замены сгнивших брёвен сруба предлагается использовать брёвна от разборки достаточно старой, но крепкой бревенчатой постройки, соблюдая, разумеется, равенство их диаметров.

Конструкция фундаментов будет разработана дополнительно с учётом соблюдения типичных приёмов для народных жилых построек XIX в.

ЦЕРКОВНАЯ ОГРАДА И ВОРОТА В СЕЛЬЦЕ НИКОЛО-БЕРЕЖКИ

Никольская церковь в сельце Николо-Бережки бывшего Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне – Островского района Костромской области), построенная в 1792 г., вместе с окружающей её каменной оградой, относящейся, по-видимому, к тому же времени, представляют собой образец русского провинциального классицизма костромского толка. Как и в других костромских церквях той поры, общая величавость композиции, крупный масштаб ордерных членений как-то естественно увязываются с ландшафтом. Достигается это своеобразной, упрощённой трактовкой ордерных форм, следованием прихотливому рельефу местности, выбором для наиболее крупных сооружений возвышенных, выигрышных в смысле восприятия мест. Всё это делает каждое сооружение неповторимым.

Ограда Никольской церкви имеет в плане форму неправильного четырёхугольника, с двумя воротами – в восточной и западной сторонах – и двумя башнями в северо-восточном и северо-западном углах. Северо-западная башня и примыкающие к ней с двух сторон куски ограды разобраны при устройстве деревянной сторожки. Прочие части ограды и обои ворота сильно обветшали, утрачены заполнения ворот.

Проектом предусматривается восстановление уничтоженных участков ограды, включая перекладку двух прясел в южной стене ворот, и вычинка

Пояснительная записка к проекту восстановления церковной ограды и ворот в с. Николо-Бережки. Текст датирован июлем 1970 г. // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

кладки существующих частей. Восстанавливаются:

- 1) уничтоженная кирпичная башня в северо-восточном углу ограды;
- 2) завершение северо-западной башни;
- 3) разрушенные отливы и столбы в верхних частях стен;
- 4) контрфорсы у южной стены;
- 5) уничтоженный северо-восточный угол ограды (на месте поздней сторожки);
- 6) западные и восточные ворота, включая калитку;
- 7) железные покрытия ворот, ограды и столбов, железные кресты над воротами и калитками;
- 8) деревянные заполнения ворот и калиток;
- 9) лампы на восточных воротах.

Необходимо удалить земляную насыпь у западных ворот, южнее их. Кирпичные поверхности ограды и ворот обмазать известью, железные покрытия и кресты окрасить медянкой. Деревянные заполнения ворот и калиток покрыть олифой с добавлением умбры натуральной и сажи.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦВЕТОЧНЫХ ВАЗ ДОМА-МУЗЕЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО В ЩЕЛЫКОВЕ

У южного фасада мемориального дома А. Н. Островского в Щелыкове на верхней площадке каменной лестницы, идущей в долину реки Куекши, по бокам её, стоят две цветочные вазы с кирпичными тумбами в основании. Вазы и их основания поставлены в 50-е годы нашего века на месте существовавших в пору жизни драматурга. Если существующие основания близки подлинным, то вазы – типичный продукт 40-50-х годов, имеющий массу двойников во многих городах Поволжья – ни на какую бы то ни было мемориальность претендовать не могут.

Между тем, существует графический материал по подлинным вазам, вполне достаточный для их воссоздания. Предлагаемый проект составлен на основе изучения акварели XIX в., находящейся в спальне Марии Васильевны Островской и, главным образом, натуральных фотографий рубежа XIX–XX вв., хранящихся в архиве мемориального дома. Как видно из фотографий и рисунка, вазы располагались у южного фасада здания на верхней площадке каменной лестницы, по бокам её. Имея в общем форму античных кратеров, они имели особенность – древовидные ручки, в верхней своей части соединённые

Пояснительная записка к проекту восстановления цветочных ваз дома-музея А. Н. Островского в Щелыкове. Без даты (предположительно – конец 70-х гг. XX в.) // Архив ОАО «Костромареставрация». Публикуется впервые. (Прим. ред.)

с телом ваз и рельефно продолжающиеся по ним в виде ветвей с крупными цветами.

Косвенное указание на материал ваз даёт фотография начала XX в. (вид дома с юго-запада). Одна из ваз к этому времени лишилась ручки, и тёмный излом отчётливо выделяется на её белёной поверхности. Это сразу снимает предположение о гипсе как материале (малопригодном как ёмкость для земли с цветами и недолговечном). Из остающихся вариантов – обожжённая глина и бетон – последний для XIX в., даже для конца его, представляется маловероятным. Итак, мы склонны считать, что вазы были сделаны из красной обожжённой глины; снаружи они были глазурованы или побелены; поскольку в них были цветы, а следовательно, влажная земля, стенки внутренней полости должны были быть покрыты глазурью. Мы предлагаем повторить этот материал.

Постаменты под вазы, в виде квадратных в плане кирпичных столбов с несложными цоколями и карнизами, в общих чертах близки к существующим в настоящее время, но несколько выше их и имеют отличие в деталях. Предлагается переложить и их, согласно фотографиям. Постаменты, судя по всему, имели известковую обмазку.

Примечание: Необходимо установить практически доступный для изготовления вариант ваз и, исходя из этого, задать толщину стенок, решить вопрос с дренажом.

ЧАСОВНЯ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ В БУЕ

Предполагаемая к восстановлению часовня Параскевы Пятницы стояла на центральной торговой площади города (бывшей Сенной, ныне Октябрьской революции) в непосредственной близости от Благовещенского собора, составляя с ним единый архитектурный комплекс.

Часовня снесена в послевоенные годы, не будучи обмерена. Тем не менее, сохранились два сделанные с неё фотоснимка, позволяющие достаточно достоверно реконструировать её внешний вид. Результаты анализа фотографии легли в основу предлагаемого проекта.

Судя по внешнему облику, она построена в период позднего классицизма, скорее всего в 30–40-е годы XIX века. Это небольшая купольная ротонда с двухколонным тосканским портиком перед входом, с фигурным восьмигранным завершением купола и восьмиконечным крестом на довольно крупном шаре. Фасады здания были отштукатурены и окрашены известью. Особенностью местоположения часовни было то, что она поставлена у края Сенной площади, прижимаясь к линии домов смежного

---

* Текст, судя по его содержанию, пояснительной записки к проекту восстановления часовни печатается с небольшой редакторской правкой по интернет-публикации на сайте МОУ СОШ № 1 г. Буй (http://www.koipkro.kostroma.ru:82/Buy/School_01/Буй_православный/DocLib1/Часовня_Параскевы_Пятницы.docx). Датировано в тексте декабрём 1999 года. Заглавие предложено редакцией. (Прим. ред.)

квартала; вход в неё был обращён на площадь, где ныне проходит проезжая часть улицы. Ради удобства использования здания, мы вынуждены повернуть его ось на 90 градусов, сделав со стороны газона, отделяющего проезжую часть от жилой застройки. Для часовен это канонически допустимо; крест венчающий здание, и в этом случае должен быть обращён на вход, независимо от ориентации по сторонам света.

Видимо, в конце XIX века Пятницкая часовня получила кирпичную кольцевую ограду в виде столбов на цоколе с металлическими звеньями и воротами перед входом. Проектом предусмотрено её восстановление.

Ввиду дефицита красного кирпича хорошего качества Пятницкую часовню придётся делать из силикатного кирпича, за исключением цокольной части и самого здания и ограды, которые непременно должны быть краснокирпичными. Обязательным условием должно быть применение сложного (с добавлением гашеной извести) раствора – как для кладки, так и для штукатурки. Для достижения точности профилей карнизов на фасадах и капителях колонн и пилястр предлагается отливать их (по частям) в формах из бетона и монтировать вместе с кладкой. Этот метод с успехом применяется при восстановлении культовых зданий в Костроме и других городах России. Внутренний карниз в основании купола вытягивается традиционно по шаблону.

Для облегчения стен и удешевления строительных работ купол церкви запроектирован деревянным, в виде криволинейных журавцов, опертых на кольцевой мауэрлат, сходящихся в зените свода. Из дерева выполнено фигурное завершение купола, должно быть окрашенным в белый цвет, подобно стенам здания. Венчающий крест, яблоко под ним и конус ниже предлагается выполнить из листовой стали толщиной 0,5 мм с напылением нитрида титана, имитирующего позолоту. Это относительно недорогое покрытие имеет гарантийный срок сохранности не менее 50 лет.

Консультации по получению и использованию этого материала можно получить в Костромской епархии. Кровля купола (должного иметь утепление из шлаковаты) – из чёрного, окрашенного зеленою, железа. То же относится к покрытию фронтона, столбов и цоколя ограды.

Из деревянных пластин делаются горизонтальные перемычки окон и двери; выше их устраивается так называемая «нижегородская» перемычка.

Поскольку часовня должна быть отапливаемой, предусматриваются спаренные оконные переплёты. Окна снабжаются металлическими решётками и внутренними складными железными ставнями. Двустворчатые железные ставни устанавливаются перед дверями.

Полы внутри здания – мозаичные, с фризовым кольцом по периметру – в два тона: светло-серый и красный. Подобным образом могут быть выполнены наружные лестницы и пол площадки под портиком.

Фундаменты и часовни и ограды могут быть сделаны на буронабивных железобетонных сваях с железно-бетонным ростверком.

Перед началом строительных работ необходимо учредить наблюдательную группу, контролирующую ход работ, определяющую их последовательность и сроки выполнения. Как неременное условие должно быть обеспечено регулярное присутствие на площадке автора проекта и постоянный архитектурный контроль.

Епархиальный архитектор

Л. С. Васильев

ПРОЕКТ НАДГРОБИЯ Е. В. ЧЕСТНЯКОВУ

В соответствии с характером творчества известного русского народного художника Е. В. Честнякова, предлагаемый проект надгробия выполнен с использованием традиций русской народной архитектуры, по мотивам надгробий с погостов Русского Севера, а именно – Архангельской и Вологодской областей. Уместность подобной трактовки надгробия определяется общностью исконной художественной культуры Костромского края с северными русскими областями и всем миром художественных образов Е. В. Честнякова.

Ныне над могилой стоит крест, выполненный из круглого стального прутка, весьма заурядный по формам; участок могилы обнесён столь же малохудожественной металлической оградой, как и крест, окрашенной алюминиевой краской. Банальность нынешнего оформления могилы художника ни в коей мере не соответствует его значению в русской художественной культуре.

В соответствии с проектом, над могильным холмом предлагается установить небольшой прямоугольный сруб под двускатной тесовой кровлей, с киотом на коньке. Под основание сруба, по его периметру, должны быть положены булыжники. Это делается для укрепления могильного холма и предохранения нижнего венца от намокания, что обеспечит достаточную долговечность надгробия.

Конструкция сруба и кровли типична для упомянутых прототипов; она включает слези, коньковое бревно, охлупень, стамики, лобовые доски, верхний

Пояснительная записка к проекту надгробия Е. В. Честнякову. Текст датирован мартом 1987 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Прим. ред.)

тёс кровли с окончаниями в виде копий. На кровле, в основании киота, устанавливаются деревянные гребни, композиционно создающие к нему переход. В торцовых стенках сруба устраиваются прямоугольные проёмы продухов, имеющие и особое назначение: по установившейся традиции, местные почитатели Е. В. Честнякова касаются рукой земли могильного холма.

Киот опирается на столбик, пропущенный сквозь коньковое бревно, и состоит из профилированного подпятника, двух боковых стоек и резного вершника, служащих вместе обрамлением для прямоугольной доски, предназначенной для посвятительных надписей. Завершение киота – в виде крутой двускатной крыши из досок, прикреплённых к торцам вершника. На верхней площадке вершника предлагается поставить деревянную скульптурную фигуру сидящей крестьянской девочки – образ многих картин художника.

Русской деревянной архитектуре, в особенности предметам прикладного искусства, была не чужда полихромия. В известных границах уместна она и при оформлении могилы художника. Поэтому, оставляя сруб надгробия серым, мы предлагаем – в соответствии с народными традициями – окрасить красной земляной охрой: кровлю, охлупень, стамики, боковые гребни, подпятник и кровлю киота. Боковые обкладки и вершник киота окрашиваются светлой охрой. На них, в соответствии с эскизом, красной охрой наносится травяной орнамент. Внутренняя доска киота с обеих сторон окрашивается светлым голубцом, по которому красной охрой будут нанесены посвятительные надписи. Окраска фигурки девочки должна имитировать крестьянскую одежду: платье белого полотна, лапти и т. д. Окончательное цветовое решение фигурки должно быть согласовано с автором проекта. Предлагаемый состав красок: краситель на масляной основе с добавкой парафина, растворённого в бензине (для снятия блеска).

Проектом предлагается расширить участок могилы за счёт включения с двух сторон свободного пространства, устройства скамьи из осинового плахи и устройства низкой жердевой ограды на деревянных столбах. Существующую

щая металлическая ограда снимается. Калитка переносится на противоположную, западную сторону участка, со стороны аллеи.

Все элементы надгробия, ограды и скамьи предлагается изготовить на базе реставрационной мастерской и в разобранном виде доставить на место установки.

Текст посвячительных надписей в киоте:

лицевая сторона – «Ефим Васильевич Честняков
1875–1961»,

оборотная сторона – «Художник сказочных чудес».

ПАМЯТНЫЙ ЗНАК НА МОГИЛАХ А. Ю. ПУШКИНА И ЕГО ПОТОМКОВ

Памятный знак, в окружении кованой железной ограды, изготавливается из чёрного полированного камня 12 x 60 x 120 см, в виде стелы, поставленной на цоколь из того же камня. Стела увенчивается кованым крестом; по бокам её устанавливаются кованые дугообразные решётки. Буквы подписи врезаются, как и окружающая их овальная рамка. В соответствии с принятой технологией, они должны быть вызолочены «тяжёлым» золотом. Кованые детали, включая крест, окрашиваются в тёмно-серый с серебристым отливом цвет, с применением алюминиевой пудры. Копья, шарики шишечек и крест рекомендуется вызолотить с применением аэрозоля типа «кинг», с последующим нанесением масляного лака.

Основанием каменной стелы могут быть железобетонные блоки с общей высотой не менее 120 см или монолитный бетонный фундамент.

Для ограды необходим бетонный цоколь шириной около 40 см, с фундаментом не менее 60 см, с песчаной подушкой в основании. Цоколь лучше отлить в дощатой опалубке.

Текст датирован 29 ноября 2001 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Прим. ред.)

ВОСПОМИНАНИЯ
о Л. С. ВАСИЛЬЕВЕ

Публикуемые воспоминания датируются 2011 годом, за исключением воспоминаний Э. Ф. Смирновой («Такие люди встречаются редко»), написанных в 2009 г., и интервью В. Г. Смирнова, записанного Р. Г. Севилян для радиопередачи в первую годовщину смерти Л. С. Васильева (тоже 2009 г.). Часть воспоминаний авторами написана (Л. П. Матросовой, А. С. Рыбниковым, А. П. Нечаевым, Т. М. Гуревич, Е. Л. Балашовой, В. И. Ненароковым), часть записана на цифровой аппарат А. В. Соловьёвой и ею же «расшифрована» (воспоминания В. А. Чапыгина, Н. И. Калямина, о. Михаила Цико, о. Александра Шастина). Особняком стоят воспоминания Л. Н. Васильевой, которые состоят из 2-х частей – написанной ею самой и записанной на цифровой фотоаппарат.

Все записанные воспоминания и интервью В. Г. Смирнова выверены авторами.

Воспоминания друга Л. С. Васильева, В. И. Ненарокова, дополнены письмами к нему, охватывающими последние тридцать лет жизни (1975–2008 гг.) автора и героя этой книги.

В. И. Ненароков

Валентин Иванович Ненароков (род. 1934) – архитектор, автор целого ряда градостроительных работ и проектов жилых и общественных зданий, в т. ч. конкурсных проектов (генеральные планы городов Кабула, Фрунзе), консультант при разработке планов реконструкции или генпланов (Гавана, Баку, София), участник отечественных и международных конкурсов проектов центров городов. Живёт в Москве.

Верность выбранному пути

Не верится, не укладывается в голове, что тебя уже нет, что ты не позовишь, не пришлешь письма или открытки, не поздравишь с Новым годом или днём рождения, не расскажешь о своём житье-бытье... При встрече не произнесёшь излюбленной фразы: «А помнишь, Валя, как мы были на Дубовой...», не скажешь, что было в таком-то году, такого-то месяца и числа. (У Лёни была феноменальная память!)

Все началось со знакомства и дружбы в школе № 11 города Йошкар-Олы, куда я перешёл после окончания семилетней школы. Уровень преподавания по ряду предметов в новой школе был очень высоким. Осталась добрая па-

мять о наших учителях: физики – С. С. Леухине, литературы – А. Ф. Белявиной, математики – Т. И. Александровой, впоследствии получившей звание Заслуженного учителя Марийской АССР, черчения – Б. А. Яковлеве. На протяжении всех последующих лет Лёня, приезжая в Йошкар-Олу, обязательно навещал Юлию Серафимовну Наумову – классного руководителя нашего класса.

Дом Лёни располагался совсем рядом со школой, и я частенько бывал у него. Лёня с мамой жили в обычном бревенчатом доме, какими и была застроена большая часть города. Сразу было видно, что в доме проживает интеллигентная, культурная семья – уютно и чисто, красивая старинная мебель, диван, много книг, в том числе и по искусству. На стене большая картина Лёни – дубовая роща на реке Кокшаге, картина знакомой художницы Атлашкиной, написанная в своеобразной манере.

Мама Лёни, Елена Семёновна, всегда была гостеприимна, приветлива, непременно приглашала к столу, угощала чаем, тем, что было в доме. В эти годы она преподавала химию в Политехническом (ранее Лесотехническом) институте, была хорошо знакома со многими известными людьми города.

Моя семья – мама, отец, бабушка, младшая сестра Зоя – тоже жила в собственном доме на улице Колхозной, за которой начинались болота, а за ними аэродром. Родители переехали в Йошкар-Олу в 1936–1937 годах из Санчурского района Кировской области, снимали комнату в деревне Берёзово. Мама сначала работала на городской почте, а когда началась война и в городе появилось много раненых, стала вместе с отцом работать в протезной мастерской.

С началом войны из Ленинграда был эвакуирован военный завод, проходная которого оказалась в конце Колхозной улицы, через два дома от нашего. Возник целый посёлок деревянных сборных домов для рабочих и инженеров завода. Один из таких домов был переоборудован для семилетней школы № 5, в которой я учился.

До перехода в 11-ю школу я увлекался рисованием – делал натурные зарисовки и акварели, копировал картины Левитана и Тропинина, рисовал портреты знакомых и родственников. В шестом и седьмом классах занимался в фотокружке и кружке юннатов.

Однако вернёмся к началу учёбы в 11-ой школе, знакомству и дружбе с Лёней Васильевым. Он рассказал, что уже несколько лет занимается в изостудии Дома пионеров, и предложил мне посещать занятия в студии. Руководил студией известный художник и преподаватель черчения в нашей школе Борис Алексеевич Яковлев. Лёня рассказал, что в молодые годы он учился в Суриковском институте в Москве, был знаком с художниками М. Куприяновым, П. Крыловым, Н. Соколовым, известными под псевдонимом «Кукрыниксы». Для нас, студистов, Борис Алексеевич был очень уважаемым, внимательным и достаточно строгим учителем. (В 2002 году отмечался 100-летний юбилей Б. А. Яковлева. Его картины – в основном пейзажи – теперь находятся в Музее истории Республики Мари-Эл).

Изостудию могли посещать ребята любого школьного возраста. Занятия проходили в большой комнате, рисовали портреты и писали акварелью натюрморты. В хорошую погоду весной и осенью и, конечно, летом непременно выходили на «натуру», в загородные места – дубовую рощу на реке Кокшаге.

Особенно запомнились две поездки с Борисом Алексеевичем – в посёлок Куяр и на большое озеро Яльчик. В Куяре мы пробыли недолго, ночевали в большом деревянном доме и могли продолжать рисование на следующий день. На озере Яльчик пробыли несколько дней, и тоже Борис Алексеевич всё организовывал так, что нам казалось это само собой разумеющимся. Он никогда не делал поучений, замечаний, что и как надо рисовать, и мы сами видели, у кого получается лучше. Могли одновременно с занятиями поплавать в озере, позагорать. Здесь я увидел, как Лёня отлично плавает, спокойно заплывая далеко от берега. Главное, что всегда в этих поездках было весело и свободно.

Я сейчас думаю, что Борис Алексеевич видел и хорошо понимал, что из

нас едва ли получатся художники. Но то, что мы полюбим красоту природы, прикоснёмся к искусству, поможет нам стать в будущем и лучше, и добрее.

Но вот и десятый класс школы. Учителя стараются, чтобы лучше подготовить нас к выпускным экзаменам.

Весной 1952 года школьные годы остались позади. Лёня закончил с золотой, я с серебряной медалями, и мы могли надеяться на поступление в московский вуз. Сборы в дорогу были недолгими – в руках чемоданы, деньги спрятаны в укромных местах.

Лёня собрался поступать в Московский архитектурный институт, а я – в Суриковский. Как мы добирались до общежития аспирантов в Черёмушках, в котором проживал двоюродный брат Лёни – Женя Богомолов, без улыбки не вспомнишь! Долго ехали на трамвае до конца маршрута, дальше надо было идти пешком. Вдалеке величественно возвышались корпуса нового высотного здания МГУ на Воробьёвых горах. Перед нами большое полураспаханное поле – пришлось с чемоданчиками топтать по грязи...

Женя встретил нас приветливо и на следующее утро повёз в московские вузы. Первым был Суриковский институт, расположенный в районе Таганской площади. Мрачноватое здание, тёмные коридоры и не очень приветливый приём. Оказалось, что для поступления в институт нужно представить свои художественные работы, о чём я совершенно не знал. Затем добрались до МАИ, расположенного на улице Жданова, ныне Рождественка. Здание МАИ было в глубине участка за оградой, перед входом – фонтан и уютный зелёный дворик; широкая красивая лестница с огромным зеркалом вела в приёмную на втором этаже. Мне всё так понравилось, что я тоже решил поступать в МАИ вместе с Лёней, рассуждая, что и здесь пригодится умение рисовать.

Оказалось, что для окончивших школу с медалью достаточно было сдать два экзамена – рисунок и черчение. За месяц до экзаменов для поступающих

были организованы подготовительные курсы по этим предметам. Иногородним можно было устроиться в студенческом общежитии, расположенном по Ярославскому шоссе напротив скульптурной композиции Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» – символа советской эпохи.

Но вот с 1-го сентября начались занятия в институте. В МАИ действовала отработанная годами система образования, позволяющая после шести лет обучения стать полноценными специалистами в области жилищно-гражданского, промышленного строительства и градостроительства. Специализация по соответствующим факультетам начиналась с четвёртого курса. На пятом и шестом курсах следовали преддиплом и дипломный проект по выбранным студентами специальностям. На младших курсах преподавались общеобразовательные предметы – такие как математика, строительная физика, геометрия, геодезия, а также рисунок и живопись. По некоторым предметам проводились практические занятия.

Уровень преподавания был высоким благодаря привлечению крупных учёных и специалистов, директоров ведущих научно-проектных организаций: таких как Б. Р. Рубаненко – директор ЦНИИЭП жилища, Б. С. Мезенцев – директор ЦНИИЭП общественных зданий, Г. А. Градов – директор ЦНИИЭП учебных зданий. Лекции читали такие видные учёные, как Н. И. Брунов – по истории искусств, А. В. Бунин – по градостроительству, Н. М. Гусев – по строительной физике и многие другие преподаватели.

Вместе с тем в институте, как и в других вузах страны, была кафедра марксизма-ленинизма, призванная внедрять в студенческую среду идеологическую благонадёжность и преданность Советской власти. Смерть Сталина весной 1953 года и последующее правление Хрущёва мало что изменило в роли этой кафедры.

На первом курсе мы с Лёней оказались в разных группах. Естественно, что у каждого из нас появились новые друзья в своих группах. Так же случилось и с общежитием для иногородних студентов. На младших курсах нас

расселяли по частным домам в Подмоскowie (мне пришлось пожить в Мамонтовке по Ярославской железной дороге, затем в Удельной по Казанской ж. д.). И только на старших курсах нас стали расселять в общежитиях Москвы. К сожалению, я не помню, где Лёня жил в студенческие годы.

После первого курса во время летних каникул мне посчастливилось участвовать в археологической экспедиции в раскопках Великого Новгорода XI–XII веков – в лаборатории, где мне доверили фиксировать тушевой графикой наиболее интересные предметы обихода древних новгородцев. На раскопках работали студенты историко-архивного, педагогического и архитектурного вузов. С нашего курса был Женя Константинов из 5-ой группы – хороший друг Лёни Васильева.

На третьем курсе института в летние каникулы я начал работать в качестве техника в реставрационной мастерской Моспроекта, руководимой Владимиром Яковлевичем Либсоном. Участвовал в обмерах известных памятников архитектуры Москвы. В одном из них – городской усадьбе Охотниковых (гимназия Л. И. Поливанова), построенной вскоре после 1812 года, в обмерах главного фасада мне помогал Лёня Васильев.

После четвёртого курса полагалось пройти строительную практику. Мы с Лёней договорились с руководством факультета провести её в родном городе Йошкар-Оле. В строительном тресте, занимающемся жилищно-гражданскими объектами, нам предложили участвовать в закладке нового жилого дома в центральной части города. Нас ознакомили с организацией строительства, работой предприятий, поставляющих строительные детали и конструкции, с проектом нового жилого дома. Под руководством прораба мы произвели разбивку дома на участке.

Закончилась практика тем, что нас попросили сделать макет нового театра, который должен был завершить формирование главной площади города. Макет был выполнен в лепной мастерской треста и был выставлен на обозре-

ние жителей города.

На старших курсах института я был увлечён современной, в том числе и зарубежной, архитектурой. При распределении на работу после окончания МАИ для меня не было проблем – получил направление в бригаду «Горстройпроекта» в город Темир-Тау, где шло строительство крупнейшего в стране металлургического комбината – Казахстанской Магнитки.

С осени 1958 года началась работа Лёни в реставрационной мастерской Костромы.

В годы, когда церковное зодчество предавалось опале, разрушались, а то и сносились ещё сохранившиеся после 30-х годов храмы, в Костроме Лёне удалось восстановить колокольню церкви Спаса в торговых рядах.

С 1964 года Лёня начинает заниматься проектом реставрации Государственного музея-заповедника А.Н. Островского «Щельково».

Затем привлекается к большой работе по созданию музея-заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина» в Шушенском, что на юге Красноярского края.

После Шушенского Лёне предстояла работа по реставрации дома и усадьбы декабриста Волконского с мемориальной зоной «Декабристы в Иркутске». Была командировка в далёкий сибирский Иркутск. Эта работа была приурочена к 150-летию восстания декабристов в Санкт-Петербурге.

Характерной чертой Лёни была простота, скромность и уважительное отношение к простым людям. В среде знакомых и друзей был весел, мог рассказать анекдот.

Со школьных лет, посещения изостудии и во всей последующей жизни нашим общим другом и верным товарищем был Гена Логинов. Он родился в августе 1934 года – в том же году, что и мы с Лёней. Но семейные обстоятельства сложились так, что ему пришлось жить и работать только в Йошкар-Оле,

и работать в основном на заводе. Гена всегда был добрым и отзывчивым товарищем, старался помочь другим людям, любил искусство, хорошо рисовал, писал стихи.

Приезжая в Йошкар-Олу в разное время с Лёней, мы непременно встречались с Геней; к сожалению, редки были наши встречи. Был и такой случай в 1977 году, когда Лёня и Гена приехали одновременно в Москву, и мы встретились, наконец, втроём в моей квартире.

К большому сожалению, после тяжёлой болезни Гена первым ушёл из жизни – в декабре 2004 года.

Всю свою жизнь Лёня тепло и нежно относился к своей маме. Не было ни одного года, чтобы они не встречались и не были вместе, чаще всего в Йошкар-Оле, затем в Костроме или в Геленджике, где летом любила отдыхать Елена Семёновна. Лёня, вспоминая маму после её ухода из жизни в 1995 году, говорил: «Мама для меня – всё».

Лёню Васильева всегда волновала судьба архитектурных памятников, в том числе и города, с которым была связана его юность. Он обожал город своего детства и юности. Очень расстраивался, что в последние десятилетия в Йошкар-Оле всё больше нарушается цельность и сомасштабность, стиль архитектуры – как в центре, так и на окраинах города; застраивается его любимая Дубовая роща.

В свой приезд в Йошкар-Олу летом 1992 года, когда в реставрационной мастерской Костромы не было заказов и сотрудников распустили без зарплаты, Лёне удалось сделать очень много для родного города и других мест Республики Марий Эл. Он выполнил проект колокольни для Тихвинской и новой Троицкой церквей. Участвовал в экспертизе проектов реставрации в городе Космодемьянске, Шереметьевского замка в посёлке Юрино, проекта восстановления колокольни храма в селе Нурма; по храму в селе Ежове он выполнил рабочие чертежи.

В 1994 году в журнале «Марий Эл: вчера, сегодня, завтра» в номере, по-

священном 410-летию Йошкар-Олы, вышла достаточно критическая Лёнина статья «Судьба архитектурного наследия Йошкар-Олы», где он пишет о пренебрежительном отношении городских властей к памятникам старины*.

Обычно во время многочисленных командировок в Москву или поездках в Йошкар-Олу через Москву он непременно останавливался у нас дома на Украинском бульваре. Как правило, приезды были связаны с согласованием его проектов в «Росреставрации».

Лёня хорошо знал памятники старины в Москве, мог рассказать об авторах проектов. С детства Лёня много читал, великолепно знал историю искусств и архитектуры. Особенно высоко ценил классический период русской архитектуры. Прекрасно разбирался в классической музыке, из русских композиторов более всего любил творчество П. И. Чайковского. Не случайно вспоминал в одном из писем наше посещение в 1953 году дома-музея композитора в Клину.

Неоднократно Лёня обращался ко мне с просьбой приобрести интересующую его книгу в Москве либо грампластинку классической музыки.

В свою очередь, – за что я ему очень благодарен – посылал или привозил представляющие для меня интерес книги. Даже на далёкую Кубу, где мы всей семьёй были в командировке с 1985 по 1987 год, он послал книгу И. Ш. Шевелёва «Принцип пропорций» и очень беспокоился о нашем нелёгком пребывании в Гаване – в непривычном для нас тропическом климате.

В последние годы Лёня подарил мне альбом фотографий «Губернский город глазами костромских фотографов», изданный в 1991 году, а также «Историю учреждения Костромской епархии» архиепископа Костромского и Галичского Александра, изданную в 2004 году.

Запомнилось, как в один из моих приездов в Кострому мы с Лёней и И. Ш. Шевелёвым поехали в Галич, чтобы посмотреть, как идёт реставрация

---

* См. эту статью в наст. изд., стр. 340–351. (Прим. ред.)

колокольни церкви Василия Великого, которой в это время занимался Лёня.

...И вот перед нами с высокого места открылся необыкновенно красивый вид на озеро Галичское, на берегу которого возвышалась колокольня храма Василия Великого среди невысокой жилой застройки. Мы повстречались с настоятелем храма, у которого и заночевали. У батюшки была очень приветливая супруга и несколько детишек. На обратной дороге мне запомнилась колокольня, стоявшая на высоком месте отдельно от храма. Сохранились фотографии, сделанные мною в этой поездке.

Последняя встреча с Лёней была в Крутицком подворье, где он пробыл несколько дней, ночуя в служебном помещении подворья. С трудом уговорил его побывать у меня дома и лишний раз убедился, как трудно ему с плохим зрением передвигаться, особенно по многочисленным переходам и лестницам.

В последнем письме от Лёни, в котором он поздравлял нашу семью с Новым годом, было фото внучек Саши и Даши, а также вырезка из областной газеты «Экологический вестник “Око”» с небольшой заметкой «Вновь над Волгой малиновый звон». В ней сообщалось о восстановлении колокольни Знаменского храма на Нижней Дебре, полностью разрушенной в середине 30-х годов, и великолепно воссозданной по его чертежам.

Лёня очень надеялся, что при его жизни начнётся восстановление Костромского кремля с величественным собором, проект которого он выполнил, не дожидаясь официального заказа.

В одном из последних приездов в Москву Лёня, зная место моего рождения – Санчурский район Кировской области, – подарил мне пятый том «Энциклопедии земли Вятской», в котором приводятся данные по развитию планировочной структуры городов в XVI–IX вв., в том числе города Царёвосанчурска.

Вспоминая Лёню, поражаешься его невероятному трудолюбию, целенаправленности и необыкновенной верности выбранному пути – возрождению исторической среды русских городов*.

Письма Л. С. Васильева

В. И. Ненарокову и З. И. Юдиной

Валя, здравствуй! Ты снова замолк, не подаёшь признаков. А ведь я ничего о тебе не знаю – где и как работаешь, чем дышишь. Этой весной исполняется 25 лет нашего с тобой знакомства. Правда, ещё с осени 1949 года мы были в одном, 8-м, классе. Но лишь с весны 1950-го мы сблизились, на почве рисования. Тогда ты познакомился с Геней. Как это далеко! Но никогда не забуду того времени. Например, нашу с тобой прогулку на Дубовую, к иве, вечером 13-го мая 1950 года, где мы нарвали по букету черёмухи, возвращались в сумерках полями, потом через Вараксино. А в мой день рождения, 14 июня, ты пришёл к нам и принёс пироги. Я, не зная, что они твои, усиленно потчевал тебя ими, а ты отказывался; потом последовало моё смущение, когда истина открылась. И т. д. Много вспоминается. И главное – нам было по 16 лет. Теперь 41-й, со всеми последствиями, и внешними и внутренними. Превратились в смиренных отцов семейства и скромно доживаем свой век.

---

* К воспоминаниям прилагаются письма Л. С. Васильева 1975–2008 гг., написанные им В. И. Ненарокову и его младшей сестре Зое Ивановне Юдиной (род. 1939) из Костромы и Йошкар-Олы. Даты писем, не указанные Л. С. Васильевым, установлены по содержанию писем их публикатором и даны в квадратных скобках. Письма печатаются с незначительными сокращениями. Примечания к ним сделаны редакцией.

Осталось не так уж и много. Лучшая, большая половина жизни позади.

Но хватит лирики. Валя, в какой уж раз обращаюсь к тебе с просьбой. Прошу, не откажи. В Москве ещё можно достать грампластинку «Концерт для скрипки с оркестром» Я. Сибелиуса, в исполнении Г. Шеринга (только его). Она стоит 70 коп. Будь добр, поищи её. Меня об этом очень просили. Она может быть на улице Герцена (против консерватории), на пр. Калинина («Мелодия»), на ул. Кирова, в Ветошном (Сапунова) проезде. Извини, что доставляю хлопоты, но у меня нет выхода.

Напиши мне о себе. Бываешь ли в Й-Ола?

Мой привет Оксане, Елене Ивановне*, детям.

Твой Лёня В.

23/III-75 г.

Напиши свой домашний и рабочий телефоны.

* * *

Дорогой Валя! Поздравляю тебя с днём рождения!

Жалею, что не смогу быть с тобой в этот день. У меня масса дел, которые накопились в моё отсутствие, во время болезни и командировки в Ленинград. Встретимся и обязательно отметим это позже. Мне очень не хватало тебя в Питере. <...> Был на службе в Троицком соборе Лавры <1 нрзб.> слышал звон к вечерне. И всё же, впечатления противоречивые. Я почувствовал (не в первый раз), что гармония, доведённая до монотонности, лишённая цезур, контрастов, превращается в средство психического угнетения, душевной дис-

---

* Оксана – Ксения Николаевна Ненарокова (род. 1935), жена В. И. Ненарокова с 1962 г. по 1975 г.

Елена Ивановна Кедрова – мама К. Н. Ненароковой.

гармонии, навязчивого кошмара. Желаю тебе, Валечка, счастья, здоровья и сил оставаться личностью, наперекор всему.

Твой до конца. Л. В.

Большой привет Люде и Юлечке*. 10 августа 1982 г.

* * *

Здравствуй, дорогой, хороший мой Валя!

Очень виноват я перед тобою, что давно не писал, не ответил на письмо. Спасибо за открытку с видом кубинского дворика**. В самом деле, архитектура Кубы очень интересна, своеобразна, и то, что кубинцы чтят свою старину, делает им честь (особенно, принимая во внимание трудную международную обстановку, соседство гигантской свиньи – Соединённых Штатов).

Ещё одна причина – отчего задержался с ответом: это желание достать обещанную новую книгу Шевелёва. Наконец я нашёл её, в Московской лавке архитектора, по дороге в Й-Олу, откуда пишу, где провожу отпуск, где не был ровно два года.

Надеюсь она дойдёт до тебя (было бы обидно, если бы она пропала в пути). <...>.

Валечка! За этот год я устал, как никогда. Всё время, прожитое в Костроме, был загружен работой и, по привычке, работал и дома, вечерами, и в выходные. Веду сразу три церкви в Костроме (XVII–XVIII вв.), по фотографиям (+ обмеры), подготавливаю проекты воссоздания колоколен, четвериков, глав, крестов и т. д. Всё очень интересно, требует внимания и времени. Это наполняет жизнь (и слава богу!). Сделал проект деревянного надгробия Ефиму

---

* Жена и дочь В. И. Ненарокова.

** Письмо написано на Кубу, по предположению адресата, в 1986 году.

Честнякову. Помнишь костромского художника, мир сказки, детей? Его выставка была в Москве, Париже, Италии. Сделал проект пристройки к зданию Присутственных мест в Костроме, с завершением угла одного из кварталов, выходящих на главную площадь (естественно, в формах классики, как и само здание Захарова). Это моя инициатива. Возбудил страсти, и «за», и «против». В общем, планов много, чувствую, что многое мог бы сделать – лишь бы крылья не обрезали. Не обходится и без недоброжелателей – но где их нет? Главное же – я могу работать и верю: хоть что-то из моих замыслов осуществят. Живу один, схимником, без баб – как это хорошо!

Давно не был в Й-Ола. Милый город нашего детства и юности, но как он изменился! Многих домов, целых улиц уже нет. Поднялись новые громады. Общий уровень градостроительства весьма скверный. Понятие ансамбля, вкуса, своеобразия начисто отсутствует.

Остаётся вздыхать по старине да по прошедшей жизни.

Сегодня пошёл к вам. Сначала к Зое. Но она была на даче. Поговорил только с Мариной* (какая славная девчужка!) и с котом Васей (он меня очаровал: тигровый солидный зверь с зелёными глазками). К родителям, но мамы не было, она на дежурстве (Марина сказала), а отец, видно, заснул. По крайней мере, на мои звонки никто не открыл. Зайду ещё раз, на неделе.

Здесь я числа до 26–27-го октября.

Был у Гены. Ходили мы (с ним и с Зиной**) на его садовый участок. Что-то делали по хозяйству. Потом сели в его домике (уже с печкой, оклеенном обоями) вокруг стола, «приняли» символически и, нагруженные картошкой, поехали обратно.

Гена такой же милый, как всегда. Дочки большие и постепенно превращаются в девиц (а мы в старикашек).

---

* Марина (род. 1970) – дочь З. И. Юдиной.

** Геннадий Андреевич Логинов – друг Л. С. Васильева и В. И. Ненарок-ова. Зина – его жена.

Валечка, желаю тебе с успехом завершить второй год и приехать с сознанием интересно и с пользой прожитого. Так оно и есть. Ты молодец, что поехал в такую даль, прочь от «Госгражданстроя», опозорившего себя и как будто разогнанного (ты читал об этом, конечно).

Передай мой большущий привет Люде, Юлечке. И, конечно, самый тёплый привет от моей мамы (она благодарна тебе) и Гены нашего.

До свидания, мой хороший Валя.

Жму лапу.

Твой Л. В.

P. S. В книге много опечаток. Сличим и исправим при встрече. Напишу ещё из Й-Ола.

* * *

Валюша, дорогой! Пишу тебе второе письмо с родины (из Й-Ола). Вчера, наконец, поехал к Ивану Александровичу и маме. Это был мой пятый заход. Прежде никак не мог их застать: то она была на дежурстве, то в саду. Очень приветливо, хорошо меня встретили, угостили домашней наливочкой, втроём освоили бутылочку на кухне. Читали твоё последнее письмо, от 30 сентября (оно шло сюда 25 дней!). Приятно и грустно было. Грустно оттого, что не было тебя, и от неотвязного сознания, что лучшее в жизни, молодость – уже позади... Потом зашёл к Зое. Потрепался с ней минут двадцать, распрощался и отправился восвояси. В этот день, 26 сентября, они все вместе были на Марковском кладбище и вернулись к вечеру. Моё впечатление – мама и отец выглядят прекрасно, и хотя она жаловалась, что нет минуты покоя (хлопоты с садом), это и хорошо: этот активный образ жизни не даёт стариться. И хорошо, что купили этот сад. Зоя – милая, по-прежнему. Маринка становится пре-

лестной дево́й, ей 16 лет. Саша* – симпатичный парень. Очаровал меня Тимофей, роскошный кот, неременный член Зоиной семьи. Он любит лежать на телевизоре и в эти минуты напоминает сфинкса.

Отпуск мой на исходе. Завтра отправляемся в Кострому, я и мама. Она хочет пожить у меня до начала следующего года. Конечно, я рад этому.

С Геной видимся мало. В основном прихожу к нему вечером, на неделе. Дочки его выросли, и, пожалуй, хорошие выйдут люди. Гену очень любят.

Видел, имел честь быть представленным супругу Нины (сестры Гены). Он мылся в Гениной ванной. И знаешь, впечатление тягостное: практичный хохол, из Курской области, труженик на мясокомбинате. Гора мускулов. Бедная Ниночка! И Галя*, и Зина его недолюбливают. А Гена с ним мил и добр («ради сестрички»). Ну, да он и не может быть другим. Нина стала мамашей, у неё дочка.

Вот часть й-олинских новостей.

Валь! Получил ли ты книгу Шевелёва? Дай знать. Послал её бандеролью. Дойдёт ли?

До свидания, Валюша. Не скучай.

Успеха тебе в делах, здоровья и счастья.

Большой привет дочке и Люде. От Гены, моей мамы большие, увесистые приветы. Жму лапу. Твой Л. В.

P. S. С 31/X – я в Костроме.

Посылаю новые открытки с нашего города.

[Сентябрь 1986 г.]

* * *

---

* Александр Владимирович Юдин (род. 1963) – сын З. И. Юдиной.

** Галя – двоюродная сестра Л. С. Васильева.

Дорогой Валя! Ни разу не писал тебе за это время, а идёт уже третий месяц, как я здесь. Практически всё лето провёл я в Й-Ола, чего не было с нашей школьной поры. 40 с лишним лет пролетело с того времени – и какими мы стали! Даже природа, вечная и неизменная, как нам говорили, неузнаваемо изменилась. О нас и говорить нечего. Мы на исходе отпущенного нам срока, на будущий год загремим на пенсию.

Я обогнал вас с Геной, 14 июня мне исполнилось 59. Через 10 дней – твой черёд, а Гена догонит нас 29 августа.

Как дела твои, Валя? Как с работой, как Юля, Люда, здоровы ли? Вот снова (в 4 раза) подняли стоимость проезда в пригородных поездах. А у вас дача и туда надо ездить. О машине, стоимости бензина и говорить страшно. И всё это на фоне наших нищенских заработков... Вдобавок и этой работы лишают. Я собирался выехать отсюда 3 августа, вчера, и уже добыл, с трудом, прямой билет. И вдруг – телеграмма от Шевелёва: извещает, что «в связи с прекращением финансирования проектная группа мастерской, на август, отпускается по домам», и без содержания. Пришлось сдать билет. Теперь думаю выехать 24-го, если билет достану. Живу, сам понимаешь, как птичка Божия. Благо, у мамы пенсия неплохая. О маме. Она по-прежнему слабенькая, всё приходится делать одному. Плюс проектные работы – и костромские и здешние, для местной церкви. Ввязался я в Тихвинскую церковь (что в парке), сделал контрпроект колокольни, паперти, ограды, вообще курирую её. Батюшка принял мои варианты. Вчера сделал два варианта Успенской часовни, которую хотят поставить на ул. К. Маркса, напротив Лен. садика, рядом с уничтоженным Воскресенским собором. Занимался Краснодемьянском, Юринским замком (экспертиза), сделал проект восстановления колокольни церкви в селе Нурма (на Санчурском тракте). У вас был два раза, надо ещё зайти.

У Гены та же история, на август их разогнали. В общем, второй отпуск.

Поздравляем тебя, Валюша, – я, Гена, моя мама – с днём рождения. Желаем бодрости, здоровья и веры в будущее, несмотря ни на что.

Передай мой привет и лучшие пожелания Юлечке, Люде и всем хвостатым обитателям вашей благословенной квартиры.

Твой старый ЛВ

г. Йошкар-Ола.

4 августа 1993 г.

* * *

14/VIII-94 г.

Валя, дорогой! Поздравляем тебя (мама, Гена и я) с днём 60-летия. Как ни грустно, а мы уже старцы. Желаем тебе здоровья, бодрости и надежды на лучшее. Мы постоянно вспоминаем тебя. Как-никак, а за плечами 45 лет совместно проведённой жизни (хотя и жили мы в разных местах). И, главное, воспоминания юности.

Гену вижу не часто, хотя он и без работы (на заводе). Их опять распустили – до сентября. Но у него огород, семья. Да и у меня дел хватает. Я ввязался в проектные работы по Ежовскому храму, и работа, надо сказать, огромная. Дали помощника, но он ничего не умеет. Всё ложится на меня. Приходится делать исследования, замеры и пр. Эскизную стадию сделал. Сейчас – рабочие чертежи, инженерное обследование, фотофиксация. Работаю урывками, ибо главное – мама. А она чуть жива. Устаю, как пёс. Тяжёлый выдался год. Давно пора в Кострому, но мама не пускает (т. е. – как её бросишь?) В Костроме освятили мою часовню*. Был Патриарх и соответствующие торжества.

---

* Часовня во имя великомученика Феодора Стратилата у Вечного огня освящена Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

До свидания, Валюша. Жму лапу. Привет Люде и Юлечке.

* * *

Дорогие Люда и Валя! Давно собираюсь написать вам о своём житье-бытье. И всё что-то мешает. Всё, что окружает, настолько абсурдно, безотраднo, что и говорить не хочется.

Итак, 20 января, в день, когда вернулся в Й-Ола, тут же поехал в больницу. Ещё до поездки туда Лара* предупредила, что у неё договорённость с врачом о том, что маму продержат там ещё неделю. Но тут лечащая сестра, опять со слов врача, заявила, что её выписывают немедленно. <...> Вечером отвезли домой, положили на тахту, на спину, и в течение 1,5 месяцев в таком положении она и лежала. Поворачивать её на бок она не давала («больно-больно!»). Образовались пролежни, с кровью. Не буду посвящать в малоприятные подробности с «судном», постоянной сменой грязных простыней и т. д. Постоянные крики, слёзы, рыдания... есть отчего сойти с ума. Спасибо Вове**. Он каждый день приходит, и вместе с ним мы как-то обихаживаем её. Его она слушается, и, кроме того, он физически сильный: приподнимает её, а [я] в этот момент меняю простыни, делаю новые компрессы на ранки. Постоянные стирки, уборка, вызовы врачей – плохо с сердцем. Делали уколы, сейчас перестали. Перешли на обычные лекарства. Бегаю по больницам, на комиссии ВКК*** (пытаюсь оформить на инвалидность – ради бесплатных лекарств, которые сейчас очень дороги). Пойду и сегодня. В последние дни, с тех пор как 23 февраля сняли лангетку со стопы сломанной ноги, стали класть её на бок. Чуть-чуть боли в спине уменьшились.

---

* Двоюродная сестра Л. С. Васильева.

** Двоюродный брат Л. С. Васильева.

*** Правильно: ВТК (Врачебно-трудова́я комиссия).

<...>

Жалко её, очень жалко. Мама была для меня всем в жизни. И я ничем существенным не могу помочь ей, бессилен.

Валя, Людочка! Я ещё раз хочу поблагодарить вас за великолепные подарки, сделанные вами мне. Какие вы внимательные, добрые. Никогда не забуду этого. И Зоя, приходившая сюда, проведать маму, принесла нам варенья и ещё что-то. И ещё одни знакомые, по Ежовскому монастырю, с которыми я работал прошлым летом, навещали меня и также что-то приносили. Ужасно неловко чувствовал себя при этом, отказывался. Всё это трогательно, конечно. Столько добрых на свете людей! Хотя и скверных – хватает. Пусть их и меньше. Беда, что именно они делают погоду в обществе, ибо честолюбивы и рвутся к власти.

Пусть урывками, но продолжаю проект Троицы*. Перехожу к деталям (окна, порталы и пр.). Сегодня поеду снимать копии на РЭМ**, через знакомого архитектора. Делаю бесплатно, всё жду, когда у них, у церковников, проснётся совесть и они сами предложат мне что-то. Но пока молчат.

Знаете ли вы, что Гена стал дедушкой? 9 января с. г. дочь его – Таня – подарила ему внучку. Теперь полубессонные ночи, крик, визг, пелёнки. Нет ему покоя, даже на старости лет.

Что нового у вас. Все ли здоровы? Сейчас ходит грипп. Хочется побывать в Москве, походить по старым улицам, заглянуть в Казанский собор (на Красной площади). Его я толком не видел. В Москве, кроме вокзалов, я нигде не бываю. Как Юлечка? Славные у тебя дети, Валя. Кстати, Дима уже переехал на новое место?

Как поживают Микки и Кокоша?

До свидания, милые и хорошие мои.

Дай вам Бог здоровья, сил. Ваш Л. В.

---

* См. следующее письмо.

** РЭМ – Ротационная Электрографическая Копировальная Машина.

27 февраля 1997 г.*

Оказывается зима на исходе, скоро весна. Время летит незаметно.

* * *

Дорогой Валя!

Прости, что не пишу тебе. Постоянно о тебе, о вас думаю, а заставить себя сесть и написать письмо – не получается. Виною – моя вечная неорганизованность и, в конце концов, одиночество – нет надо мною направляющей руки, женской. Теперь я понял – плохо человеку быть одному. А что делать – не знаю. Жениться вновь – и поздно, и глупо. В общем, я в сомнениях, как жить дальше.

Валечка! Поздравляю тебя, старенького, с днём рождения и желаю тебе всего самого хорошего. А главное – здоровья и душевного покоя. Как у тебя домашние дела, как Люда, Юлечка, что слышно о маме твоей, Зое? Всем им привет – милым, добрым людям.

Я уже третий месяц в Костроме. Странно, но за год моего отсутствия в ней я от неё отвык. <...>

Немного о себе. В мастерской нашей абсолютная безработица (для проектировщиков). Почти все разбежались, а оставшиеся пробавляются случайной халтурой. Я же, видя всё это, подал заявление нашему Владыке и теперь числюсь епархиальным архитектором. Работы много, и интересной. Правда, оклад маленький, но это не главное. С голоду не умру, у меня и пенсия. Основное – я кому-то нужен и есть некая цель жизни.

Вчера ездили с Владыкой в Буйский район (на северо-запад, около 100 км) в Железно-Боровский монастырь. Там два храма XVIII века, два од-

---

* Описка. Надо: 1995 г.

ноэтажных корпуса (в них школа), остатки стен. Всё нужно восстанавливать. Места вокруг чудесные. Чистый воздух, леса, луга.

Помогаю Шевелёву в проектировании церкви Серафима Саровского для Костромы. Кстати, Валя, если будешь писать мне, пиши на его адрес (см. на конверте). Мой почтовый ящик сломан, вырван замок (местная шпана). (Народ вокруг мерзкий).

Вот такие дела, Валечка. Грустно жить на свете. Все мои мысли о маме. Нет мне покоя. И не будет никогда.

До свидания, мой дорогой.

Жму руку.

Твой Лёня.

9 августа 1995 г.

P. S. Деревянную церковь по моему эскизу во Франции построили и освятили. Делали вятские плотники. Цветные фотографии покажу. Это Сильванез, недалеко от Марселя, в горно-лесистой местности, церковь Троицы.

* * *

Дорогой Валя! Нет слов для самооправдания. Давно сделал проект и до сих пор не выслал. Боюсь, что он уже ни к чему, время упущено. Высылаю на всякий случай, вернее, делаю попытку, что бандероль такого рода, в виде трубки, примут на почте. Собственно, уверенность, что не примут, удерживала меня. А на днях мне сказали, что принимают. Попробую.

Конечно, лучше было бы вручить лично, но выехать в Москву возможности нет.

Должен 60 тысяч. Как лучше: послать переводом или отдать при встрече?

Собирался к середине июня в Й-Ола, на могилку, всем наобещал, а ничего не вышло. Столько работ свалилось (включая авторский надзор), что и думать было нечего. Последние недели пропадаю в Галиче (колокольня, Паисий). Всё сдаточные (или вроде того) объекты. Устал, надоело всё до осточертения <...>. Долго туда не поеду теперь. 18 июня должен на 4–5 дней ехать в Мантурово (270 км на восток) делать церковь с колокольней*. Пока обмер руин и проект трапезной и колокольни. Колокольни нет совсем, остались валуны основания.

Самое главное – восстановление Знаменской колокольни на Дебре, здесь. Начинаются практические работы. Много и других заданий – церкви, часовни и пр. Помощников нет!

Как видишь, зашиваюсь. Это пусть не оправдывает, но отчасти объясняет моё молчание.

Поверь, постоянно вспоминаю о вас, думаю. И благодарю судьбу за то, что вы есть на свете. Я ж – недостойный.

Спасибо тебе и Люде за всё, что вы делаете для меня, за внимание.

Дай вам Бог сил!

Ваш Лёня В.

Юлечке поклон.

14 июня 1997 г.

Сегодня Родительская суббота.

Был в храме. Сейчас работаю.

* * *

Приближается день рождения – ваш, Люда, и Юлечки. Поздравляю вас с

---

* Храм Николы Мокрого. I пол. XIX в.

этим достопамятным событием. Желая вам побольше светлых дней, здоровья, удачи в ваших делах. И дай нам Бог пережить это страшное, позорное время, которое переживает наша несчастная страна.

Валя, а как у тебя дела? Строится ли церковь в Долгопрудном, в какой стадии она сейчас? Думаю, последние финансовые катаклизмы, от коих мы все страдаем, отразились и на ней.

Так везде. Но странно: несмотря ни на что, Церковь не желает сдаваться. Пусть понемногу, но восстанавливаются старые храмы и даже делаются попытки строить новые. Сужу по себе: здесь, в Костроме, восстанавливаем колокольню на Дебре, придел у Ильинской церкви за Волгой, учреждён общественный комитет по воссозданию взорванного в 1934 году Кремлёвского ансамбля (проект давно сделан) и т. д.

Меня пригласили в Ярославль для восстановления колокольни церкви в Норском (пригород, на берегу Волги – конец XVIII века) и строительства новой, шатровой часовни в Брагино. Проекты сделал, начнут с часовни.

Работы хватает. А сил – всё меньше. И то – 64 года! 40 лет назад мы окончили наш институт. Целая жизнь прошла. И скольких сверстников, и тех, кто моложе нас, мы потеряли! Нынче умерли сразу несколько моих товарищей по работе*.

Напиши мне, Валя, как мама, Зоя?

Жму руку. Ваш Л. В.

16.10.98 г.

---

* Несомненно, имеются в виду следующие сотрудники КСНРПИМ: инженер-сметчик, начальник проектного отдела и однофамилец автора В. Н. Васильев (1931–1996), архитектор-реставратор А. П. Чернов (1937–1997) и бывшая главным архитектором мастерской в 1957–1975 гг. К. Г. Тороп (1917–1997).

* * *

Дорогой Валя! Поздравляю тебя с днём рождения. Вот ты и догнал меня. 71 год! Неужели мы такие старые? Грустно... 29 августа и Гене было бы столько же, но его нет. Дико! И душа не примиряется с этой мыслью.

Зоя писала, что ты в обиде на моё молчание. Прости, Валя, не обижайся. С тех пор, как Гены не стало, я, кажется, и сам наполовину умер.

Желаю здоровья, и не поминай лихом.

Ваш Л. В.

10.8.2005 г.

Уезжаю в Галич.

* * *

Милые, дорогие Валя, Люда, Юлечка!

Ещё раз – с Новым годом. Шлём лучшие пожелания – Шура, девочки и я.

Вот наши внуки: слева Саша (ей здесь 9 лет), справа Даша (ей 6 лет).

Вот так. В них наше будущее.

Целуем.

4 января 2007.

* * *

Милая, дорогая Зоя!

Поздравляю тебя с Днём рождения, наступления весны. Все мы устали от зимних холодов, от гололёда. Никогда, кажется, зима не была такой тягостной. А, может, тут ещё присоединились разные болезни, спутники нашего возраста.

Невольно на память приходят стихи Фета:

«Но верь весне: её промчится гений,
Свободою и радостью дыша;
Для светлых дней, для новых откровений
Переболит страдавшая душа».

Зоенька, желаю тебе возможного здоровья, сил и бодрости, всего самого лучшего. Я с благодарной памятью обращаюсь к тебе. Сегодня, 4 апреля, исполнилось 13 лет, как мы похоронили мою маму (умерла она 2 апреля 1995 г.). Ты приходила к нам и читала над нею псалмы.

Забывать ли это!

Целую. Да хранит тебя Господь.

Лёня.

[4 апреля 2008 г.]

Публикация А. В. Соловьёвой

Л. Н. Васильева

Людмила Николаевна Васильева (род. 1932) – инженер-конструктор.

В 1958–1967 гг. – техник-конструктор, в 1967–1997 гг. – инженер-конструктор, ст. инженер-конструктор КСНРПМ. Живёт в Костроме.

А простых людей, рабочих, он очень любил

Приехал Л. С. Васильев в Кострому в сентябре 1958 года и прямо с вокзала отправился в бывший Ипатьевский монастырь, т. к. не знал, где находилась наша мастерская. Оттуда его и проводили в реставрационную мастерскую – нашу проектную группу, которая располагалась в Больших Мучных рядах, помещение № 34. Мы его встретили, напоили чаем. Он нам очень понравился: скромный, интеллигентный молодой человек – ему тогда было всего 24 года.

В год его прихода в мастерскую бывший Ипатьевский монастырь был утверждён историко-архитектурным музеем-заповедником. В то время монастырь был заселён жильцами – более 100 квартир. Работы по восстановлению ансамбля бывшего монастыря начались ещё в 1954 году – с восстановления

крепостных стен и обелиска возле палаты бояр Романовых. Леонид Сергеевич сразу включился в работу по архитектурно-археологическим обмерам и исследованию фасадов Архиерейского корпуса. Окна фасадов были перебиты, необходимо было делать зондажи и находить следы первоначального декора и обрамления оконных проёмов. Он к данной работе относился очень серьёзно, и благодаря его упорному труду и научным исследованиям были восстановлены фасады Архиерейского корпуса.

К 1964 году было освобождено южное крыло Архиерейского корпуса от жильцов, тогда и начали мы с ним здесь работать вместе: архитектор Л. С. Васильев и конструктор Л. Н. Васильева. Работа наша была не из лёгких: составляли акты технического состояния и разрушения здания, обследовали стропила, перекрытия, стены и фундаменты, ставили маяки на трещины. С Леонидом Сергеевичем я работала на восстановлении всего Архиерейского корпуса, а также Братского корпуса.

В 1963–1964 гг. мы с ним работали по реставрации дома А. Н. Островского в Щелькове. Обследовали стропила, перекрытия, состояние сруба, фундаменты (фундаменты были заложены на глубину всего 50 см.). И к восстановлению дома драматурга Леонид Сергеевич подходил очень ответственно; он встречался с внучкой А. Н. Островского, М. М. Шателен, ездил с ней в Москву на завод, где изготовлялись обои по заказу музея-заповедника. Кроме мемориального дома, Леонид Сергеевич выполнил проекты реставрации Голубого дома, дома В. И. Соболева, Никольской церкви в Бережках, могилы А. Н. Островского.

Работали мы вместе и на следующих памятниках: церкви Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе, церквях за Волгой – Ильинской и Спаса-Преображения, Вознесенской церкви в Мельничном переулке и церкви и колокольни Спаса в Красных рядах. Церковь Спаса-Преображения имела значительные разрушения – она расположена на горе и от сточных вод стали разрушаться булыжные фундаменты, появились трещины на сводах и стенах. Были

проведены работы по укреплению фундаментов и сводов.

Проект восстановления колокольни церкви Спаса в Красных рядах был выполнен Леонидом Сергеевичем по фотографиям, т. к. ни чертежей, ни самой колокольни не было, сохранился только первый ярус колокольни и фундаменты. Проект им был выполнен по собственной инициативе, а потом им и К. Г. Тороп были приложены большие усилия для убеждения в необходимости восстановления колокольни.

Так как никаких материалов и литературы по восстановлению конструкций и укреплению их не было, мы с Л. С. Васильевым ездили в командировки за опытом. Так, мы были два раза в Ленинграде – в городской и областной реставрационных мастерских, где знакомились с подобными памятниками архитектуры и проектами реставрации. Были поездки в Ярославль, Владимир, Прибалтику, где мы набирались знаний и опыта.

Леонид Сергеевич, чтобы иметь больший контакт с бригадами рабочих, организовал учёбу их по курсу архитектуры и реставрации.

В 1970 году ему было присвоено звание Заслуженного работника культуры, и в этом же году он получил трёхкомнатную квартиру.

У него была семья: супруга Александра Павловна и дочь Татьяна, родившаяся в 1961 году. В данный момент Татьяна Леонидовна работает реставратором по станковой живописи (реставрирует иконы), имеет двух дочерей – Александру и Дарью.

Весной 1976 года Леонид Сергеевич перешёл на работу в Рязанскую реставрационную мастерскую. У меня сохранилось его первое письмо из Рязани.

«Здравствуй, Люсенька! Прими мой привет и знай, что всё это время я постоянно вспоминаю, думаю о вас, о нашей работе, о колокольне Спаса и вообще о Костроме. Как-никак, из памяти не выкинешь 18 лет жизни в Костроме, и, наверно, лучших дней. Впереди скука, старение и надеяться уже [не] на что.

Всё собираюсь написать вам, но уж больно ленив на письма. Хоть бы вы написали мне.

Люся, меня очень занимает судьба нашей колокольни. Что с ней сейчас? Начали делать шпиль? Помимо металлической конструкции там ведь нужно возвести кирпичный 8-гранный стакан под ним, кирпичный. В этом я надеюсь на Вадю*. Мною сделаны все шаблоны на профиля, кроме этого стакана. Пусть он сделает их, работа небольшая.

Если нужно моё присутствие, вызовите меня через трест, хоть на неделю.

Особенно беспокоит меня процесс оштукатуривания колокольни. Дело в том, что прежде необходимо исправить погрешности каменщиков (капители колонн, всех, кроме одной, карниз аттика под люкарнами). Надо бы мне приехать и самому показать, как и что. Подумайте о предложении И. Коваленко о включении его в бригаду штукатуров. В этом случае он сам будет подтёсывать кирпич там, где он не соответствует шаблонам штукатурным. Заготовлена ли известь? Ведь штукатурка должна быть известково-песчаной. И если добавлять цемент, то в минимальном количестве, а лучше бы без него. И, конечно, бригадиром надо поставить Калямина**.

Что нового у вас: по работе, в нашей проектной группе? Была ли и будет ли прогрессивка за I квартал? Надеюсь, Шуре*** выдадут заработанную мною часть.

Пишу из Солотчи. Живу здесь в бывших монастырских кельях, в отдельной комнате, с 12 мая. Командировка месячная. Занимаюсь огромной Трапезной церковью. Обмерил план 1 этажа, уточнил обмеры фасадов. Веду раскопки основания гульбища, должен его восстановить.

Пишите мне, не забывайте.

---

* Архитектор Вадим Сергеевич Шапошников. (Прим. ред.)

** Речь идёт о Н. И. Калямине. Его воспоминания см. на стр. 264–266.

*** Жена Л. С. Васильева. (Прим. ред.)

Мой привет всем проектикам и Калерии Густавовне.

При очередной пьянке не забудьте пропустить за меня рюмашенцию.

Ваш старый Л. В.

23 мая 1976 г.»

Вот такой человек – Л. С. Васильев: он, даже уехав из Костромы, проявлял искреннюю заботу о своих детищах-памятниках и о своей семье.

Вместе с Леонидом Сергеевичем мы работали на памятниках и в Костромской области: в Галиче, Солигаличе, Чухломе, Макарьеве. Проводили обследования, составляли акты технического состояния и разрушений.

В феврале 1967 года прошёл отчёт о проектных и живописных работах нашей мастерской. В нём участвовали архитекторы К. Г. Тороп, Л. С. Васильев, И. Ш. Шевелёв, Н. М. Новожилова (прораб), А. М. Малафеев – реставратор живописи, искусствовед А. В. Кильдышев; кажется, были и резчики. Была выставка наших проектных и живописных работ. Отчитались на «хорошо».

За время совместной работы с Л. С. Васильевым у нас было много трудностей и сложностей с решениями укреплений разрушаемых конструкций; пример: восточное крыло Архиерейского корпуса. Своды были разобраны или обрушены, удалены металлические связи. Стены имели отклонения от вертикали, трещины по вертикали и горизонтали, расслоение кладки. Стены сильно нагружать было нельзя, и нами было принято решение не восстанавливать кирпичные своды, а сделать их имитацию, т. е. делались плоские перекрытия, а к ним крепились своды из тёса, оштукатуренные; к металлическим двутавровым балкам крепился металлический каркас, а к нему – сетка-рабица, по которой выполнялась прочная штукатурка.

С Л. С. Васильевым на восстановлении и реставрации Архиерейского корпуса Ипатьевского монастыря, дома А. Н. Островского в Щелькове, церкви и колокольни Спаса в Красных рядах и на других объектах работали

следующие сотрудники КСНРПМ: старший инженер-конструктор Л. Н. Васильева, прорабы Л. М. Новожилова и В. А. Чапыгин (который продолжает работать в мастерской и в настоящее время). Каменщики: К. И. Кулигин, И. Я. Коваленко, Л. П. Шишов, А. И. Петров, К. И. Беляков; плотники: И. Ф. Каргин, С. И. Титов, П. И. Смирнов, Николай Арсеньевич Самарин; кровельщики: В. К. Квасников, А. И. Соловьёв, В. И. Луданов; штукатуры: Владимир Гордеев, Николай Калямин и другие. Все эти люди трудились в мастерской от 10 до 40 лет и более.

Леонид Сергеевич очень хорошо относился к сотрудникам и рабочим, любил людей без различия рангов, был ко всем и всегда внимательным, боялся обидеть любого человека. И все сотрудники: проектировщики, живописцы, резчики, рабочие – относились к нему с большим уважением и любовью.

Он любил находиться в обществе своих коллег и друзей. При встречах на чаепитиях, в поездках по обмену опытом, на экскурсиях он всегда читал стихи любимых поэтов: Пушкина, Тютчева, Жуковского.

Он любил помогать всем безвозмездно, но сам обычно от помощи отказывался, старался лишней раз никого не беспокоить своими просьбами. Попадая в больницу, никогда не звонил, сообщал об этом только после выписки.

А как он любил свою семью: маму Елену Семёновну, сильно переживал её уход из жизни; с каким теплом в голосе он говорил о супруге Александре Павловне, дочери Тане и внучках Саше и Даше – он всегда восхищался ими и был очень рад, что они у него есть, заботился о них.

С 1995 г. Леонид Сергеевич начал работать в должности архитектора в Костромском епархиальном управлении. Зарплата у него была мизерная, но трудился он над проектами не покладая рук и несмотря ни на что: к этому времени он был уже болен и заметно утратил после операций зрение.

Он сильно переживал развал КСНРПМ, ликвидацию проектной группы и базы мастерской; очень волновался о сохранности архива КСНРПМ. Он зво-

нил мне и советовался, чем можно помочь сохранению и восстановлению дела реставрации. Его волнения были не напрасны – на сегодняшний день мастерская совсем пришла в упадок.

Он сильно был расстроен и удручён, когда епархия отстранила его от дел. Причин не знаю, но для больного человека это было смерти подобно. За время его работы в епархии восстановлены многие городские и сельские храмы и построены новые по его проектам.

Леонид Сергеевич любил жизнь, но был не доволен пошлостью современной жизни.

В последние годы он жил один, увлечённый любимой работой, книгами, классической музыкой. Часто звонил мне, и мы вспоминали дни работы, наших коллег. И Лёня часто просил у меня прощения – не обидел ли он меня когда-нибудь в годы совместной работы: «Люсенька, прости!», я отвечала: «Лёничка, мне нечего тебе прощать, ты меня никогда не обижал».

Л. С. Васильев был архитектором от Бога, а человеком он был интеллигентным, добрым, большого ума и большой скромности. И бесребреник.

В общем – Леонид Сергеевич Васильев был великий труженик и человек большой души.

Светлая ему память.

16 января 2011 г.

* * *

Когда Лёня приехал в Кострому, первые дня два-три он ночевал прямо в мастерской. Потом он квартиру на Шаговой нашёл, и когда он женился, ему дали квартиру на Текстильщиков, на втором этаже. Но ведь он ещё воспитывал и приёмного сына, Колю, и квартира была им мала. Министерство культу-

ры сказало: если ему не дадут квартиру (это мне Александра Павловна рассказывала), то его заберут в Москву. И тут Павлов, это был наш директор – он у нас пробивной был, – он стал хлопотать, и Лёне дали трёхкомнатную. А когда он вернулся в нашу мастерскую, он поменял однокомнатную квартиру в Ярославле на однокомнатную в Давыдовском.

Потом он уезжал в Йошкар-Олу, сильно заболела мама. Мама умерла 2 апреля 1995 года, и в апреле же он вернулся в Кострому, тогда он уже в епархии работал.

Он ужасно не любил одеваться, хотя Александра Павловна и настаивала на этом, но не помогало. Он всегда опрятный был, но чтобы менять часто «гардероб» – это было не для него.

Как он питался всегда: «Лёнечка, давай с нами чай пить!» – «Нет, нет!». Он нальёт себе сладкого чая, у него всегда был чёрный хлеб, горбушка, и погрызёт, поест. Всегда отказывался. А когда (он уже один жил) приходил ко мне: «Люсь, у тебя есть яблоки?» (У меня всегда в ящике яблоки.) – «Да бери, ешь». – «Да нет, мне только два яблочка, щи сварить». Он всегда в щи яблоко добавлял. А так – нет, ничего не возьмёт, что предложишь. Он вообще не принимал подарки, для него было важно внимание.

Любил он всё-таки общаться с людьми и всегда на всяких общественных мероприятиях бывал, не ходил только на демонстрацию. А вот на субботники он обязательно ходил – как же не помочь рабочим? И ходил на все субботники с нами. Мы убирали мусор около памятников архитектуры, внутри их или, например, на нашей базе, или в любом объекте: в Музее деревянного зодчества мы убирали всю стружку, весь мусор из здания, а потом мыли стены там. Я всё его руки жалела: такие у него руки были, так он чертил – как кружева у него были чертежи.

Приезжали к нам ярославцы, грузины, много было встреч. И свои встречи-чаепития были, на которых он всегда стихи читал. Петь-то, конечно, он не пел с нами.

К Калерии Густавовне относился уважительно, очень уважительно, я не знаю к кому он неуважительно относился, по-моему, и нет таких. Была копировщица, он всегда: «Нина Николаевна», «Ниночка». Всегда: «Сделай, пожалуйста». Так же и с Полиной Антоновной Григорьевской; она с 1951 года работала у нас, тоже копировщицей, потом архивариусом. А рабочие... Квасников был, Луданов, кровельщики, штукатуры, плотники, резчики. С живописцами он вообще был в хороших отношениях.

Но не уважал он тех людей (таких у нас было 2 человека), которые не знали – и не знают до сих пор – могилы родной матери. Один из них архитектор, которого Лёня мог бы пригласить помогать работать с чертежами, когда уж начал слепнуть, но Лёня его не звал – отторжение у него было от таких людей. А простых людей, рабочих, он очень любил, никогда не обидит ни курьера, ни уборщицу, никого, ни секретаршу никогда не обидит.

С Кильдышевым у Лёни были дружеские отношения, но больше он дружил с Черновым, с Шевелёвым. Это были его друзья. Был у нас ещё Валера Баранов, Валерий Васильевич, с ним они тоже дружили хорошо. Дружил с ребятами-живописцами, он мог пойти к Жене Ильвесу, к Саше Малафееву.

Был у него друг Саша Некрасов, он сейчас за границей. Тоже архитектор, они в Шушенском вместе были. Потом друг у него в Ярославле, Саша Рыбников. С Рыбниковым у него были очень хорошие отношения. Лёня даже в последнее время, когда здесь что-нибудь возводил, приглашал его на консультацию по конструкциям.

Когда мы ездили в Ленинград, летом это было, ехали мы поездом, а поселили нас в общежитие городской реставрационной мастерской на Васи Алексеева. Это было общежитие для приезжающих на повышение квалификации, что ли. И однажды поселили нас в одну комнату большую, два места там было: «Вы муж и жена? Какой он обходительный!». Я говорю: «Нет, нет!» А однажды ехали мы с ним во Владимир, тоже в командировку, уже по обмену опытом. Сели в поезд, а у меня была верхняя полка, так он с проводницей

договорился, чтобы дала мне нижнюю полку, пусть боковую, но нижнюю. Она подходит и говорит: «Какой же заботливый у вас муж!». Вообще, он женщин любил, он не мог их обижать.

В Ленинграде тогда жила Галина Авенировна Ружевская, которая была у нас архивариусом несколько лет. Адрес её у нас был, и было свободное время, и мы позвонили, встретились и поехали все в Пушкино. Он говорит: «Я должен вам показать Пушкино и все его парки». Он нам всё рассказывал, всё показывал – всё, до ниточки. И был очень доволен, что и нам показал и сам посмотрел.

Щельково он любил ужасно.

Когда люди наши уходили из жизни – хоть рабочие, он всегда ведь провожал. Вот Квасников – кровельщик, Иван Фёдорович Каргин, Кудряшов, Полина Антоновна (копировщица) – в общем, всех. Он не мог не проститься с этими людьми, которых он уважал. А Женя Ильвес когда умер, в том же восьмом году, ведь он принёс вдове две тысячи рублей. Его привёз зять, но стоять Лёня уже не мог, постоял немножко, отдал деньги: «Люсенька, я не могу много, вот две тысячи рублей, но я Ире должен помочь».

Про смерть свою он говорил часто, говорил: «Ну, скоро и я». И говорил похоронить его у Ильинской церкви, на берегу Волги, хотя там давно уже прекратили хоронить. Но я думаю, что он всё равно доволен, что похоронен у храма, хотя и другого*.

А 2-го апреля он позвонил и сказал: «Вот сорок дней Женечке, а я даже уже не могу выйти». Говорил: «Люся, я тоже скоро уйду из жизни. Вот мамочке сегодня година, Жене сорок дней. Они меня зовут». Он чувствовал, чувствовал... Я ему всё собиралась позвонить. И не позвонила...

---

* Л. С. Васильев похоронен на кладбище Александро-Антониновского храма в Селище. (Прим. ред.)

В. А. Чапыгин

Василий Андреевич Чапыгин (род. 1942) – техник-строитель.

В 1969–1998 гг. – прораб, ст. прораб, с 1998 г. и до наст. времени – инженер, ст. инженер, начальник производственно-технического отдела КСНРПМ (ныне – ГП «Костромареставрация»). Живёт в Костроме.

С Леонидом Сергеевичем работать было очень хорошо

С Леонидом Сергеевичем я встретился впервые где-то в 1965 году, когда работал в объединении «Промтовары» начальником строительного отдела и в реставрационную мастерскую мне приходилось обращаться за проектной документацией. Леонид Сергеевич остался в памяти такой: в костюме, в домашних тапочках и с резинкой стирательной на нитке, на шее. Дальше, когда я уже работал в реставрационной мастерской, мы вели реставрацию Архиерейского корпуса в Ипатьевском монастыре – бригада Ивана Яковлевича Коваленко. Леонид Сергеевич частенько к нам ходил, потому что мы делали работы без проекта, как говорили в то время – «по старым следам»; и когда

какой-то вопрос возникал, в котором мы не в состоянии были разобраться, – звали Леонида Сергеевича. Он моментально тут же приходил и сразу забирался на леса – в хорошем пальто, не переодевался, весь испачкается, измажется – и лез в то самое место, куда надо. Проём или участок стены, участок арки – он лез туда, смотрел сам, там кропотливо всё изучит и потом уже может тут же дать ответ на наш вопрос или скажет: «Я посмотрю, сделаю и завтра вам приду покажу». В основном он очень был такой дотошный, до каждого кирпичика добирался и нам объяснял то, как нужно делать.

По поводу его качеств как архитектора: очень грамотный архитектор, графика у него изумительная, такой я, может быть, и не видел; чертил, как говорят, «с листа»; мне так, например, ничего не сделать, как он делал. Когда мы уже восстанавливали колокольню церкви Спаса в рядах – прежде чем мы её начали делать, – Леонид Сергеевич занимался изыскательскими работами, исследовательскими, ездил в Ленинград, там была подобная нашей колокольня, что-то брал он оттуда, что-то брал с фотографий, и в основном его чертежи у нас были, но он постоянно был с нами, с бригадой. Это было, по-моему, в середине-70-х годов. И опять он лез на самый верх, даже разметку производил, потому что там было очень много ярусов, и при переходе с каждого яруса на ярус нужна была его рука и его присутствие.

Большую работу мы с ним делали по Макарьёво-Унженскому монастырю. Там объектов было много, и все работы мы производили при его присутствии. И также он во всё вникал, и все чертежи были, но, случалось, что начинаешь где-то раскрывать – то ли проём, то ли что: «Леонид Сергеевич, что-то непонятно». – «Ой, ничего не трогайте, я приеду, я сам разберусь».

С Леонидом Сергеевичем ещё мы работали в Следове, в бывшей усадьбе Следово. Его у нас, в мастерской, тогда уже не было, он работал в епархии. И когда мы в первый раз подъезжали к Следову, он говорит: «Василий Андреевич, на Следово в прошлом году были выделены деньги, и мы начали строить часовню». Увидев часовню, я говорю: «Леонид Сергеевич, такая вы-

сокая – как водокачка, таких не бывает». – «Ты прав, надо разобраться». И когда он разобрался, оказалось, что каменщики, строившие часовню, в его отсутствие на метр или полтора возвели её выше, чем положено. Он заставил уже нас, реставраторов, разбирать где-то на полтора метра. А уже были сделаны и арки, и всё-всё. Затраты, конечно, мы понесли, но мы её до нормального вида опустили, а потом уже стали восстанавливать арки, окна круглые и свод. Когда мы закончили – это был ноябрь месяц, – кровлю мы не крыли: деньги кончились.

Работали мы с ним в Щелькове на восстановлении дома А. Н. Островского в 1970-м году. То же самое: была наша бригада – плотников, каменщиков, маляров. Мы в первый раз приехали и делали ремонтно-реставрационные работы: дорожки, заборы, крылечко и внутреннюю отделку – полы выравнивали, двери; их где заменяли, где выравнивали (они были просевшие, кривые). В это время в Щелькове жила внучка Островского, Мария Михайловна Шателен. В доме какая-то кладовочка была с такой же дверью, и мужики говорят: «Чего, Василий Андреевич, делать с этой дверью?» Я говорю: «Она просела, её надо снять и отреставрировать и поставить на место». А она как раз проходила мимо и говорит: «Нет, это было всё и при Александре Николаевиче, это всё мемориальное, вы это не трогайте».

С Леонидом Сергеевичем работать было очень хорошо, он болел душой за каждый объект, за каждую деталь, за каждый кирпичик – чтоб не валялся, а пошёл в дело. Он очень добросовестный, грамотный, относился к делу с душой. С рабочими у него всегда был контакт, особенно с бригадой Ивана Коваленко; они всегда с ним находили общий язык.

А со мной был такой случай. Закончили мы работы в Макарьёво-Унженском монастыре, и приехал утром Леонид Сергеевич на нашем автобусе из Костромы. Он у нас принял работу, мы погрузили рабочих своих в автобус и поехали обратно в Кострому. По дороге немножко с рабочими выпили, и он с Львом Сергеевичем Корольковым, бригадиром сантехников, завёл разговор о

литературе, о наших писателях старых, поэтах, ну и я вставил слово: «Они, Леонид Сергеевич, вели свободный образ жизни, не работали, занимались только своей писательской деятельностью». За что на меня он очень обиделся и сказал: «Жил бы ты в их время, то торговал бы ты керосином в лавке!»

Н. И. Калямин

Николай Иванович Калямин (род. 1951) – строитель.

В 1972–1983 гг. и 1986–1993 гг. штукатур, штукатур-маляр, бригадир штукатуров-маляров КСНРПМ; в настоящее время работает в частной строительной организации Чухломского района. Живёт в деревне Починок Чухломского района.

Я благодарен Богу и судьбе

Я работал под контролем Леонида Сергеевича на колокольне церкви Спаса в рядах, на Архиерейском корпусе в Ипатьевском монастыре, в Щелыкове, в Макарьево-Унженском монастыре, в Галиче.

Леонид Сергеевич требовательный был человек. Не придирался, нет, но очень требовал. Ошибёшься в размерах – в архитектурных деталях, в расстояниях между декоративными поясками или в стыке карнизов, – он (сам – на земле) поднимет вверх карандаш и по карандашу определит, что получилось больше, чем надо. Затем залезет на леса, измерит, заставит переделывать. Уберём лишнее, потом снова придёт замерять.

Штукатурили фасад колокольни. Контроль был жёсткий, до каждой ме-

лочи он доходил, чуть ли не каждый миллиметр учитывал. Свои шаблоны мы делали по его чертежам. Прежде, чем работать, все шаблоны проверит, даже если ушли миллиметры – переделывать. Если случались мелкие изменения в лекалах, шаблонах, изменял их, потом новые синьки приносил. Шаблоны все проверял по синькам, да и на глаз. «Чего придирается?» – думали мы. «Вы всё же исправьте, я завтра приду». Не придёт завтра, придёт послезавтра, всё промеряет. Очень любил, чтобы всё делалось согласно чертежам.

Пришёл он как-то «не в форме», в осеннем пальто, замёрз. А мы думаем: угостим его – подбодрит, может, и не заставит нас переделывать. Нет, всё равно – полез на леса и заставил всё равно переделывать.

Раз мешали нам, как нужно сделать, леса. Когда леса сняли, упущение стало особенно видно. Потребовал, чтобы леса восстановили на один ярус, всё лишнее срубили, заштукатурили заново и покрасили.

А то была ошибка в каменной кладке. Он заметил, что поле стены было больше, чем надо (заметил с улицы, по карандашу), – и надо было срубить поясок и сделать заново.

Обязательно проверял ручную работу в углах, когда они продолжали карнизы: чтобы кривизны не было. Замки над арочками – тоже ручная работа. Чуть не каждый день забежит – проверит.

Не носил зимнее пальто, ходил всегда в демисезонном. Залезет на леса, замёрзнет, но всё вымеряет, всё скрупулёзно.

Другой раз нам не нравилось: сделали – надо ломать. Строгий был, щепетильный.

А то работаем, штукатурим, и штукатурку делаем по-современному, гладкую. Он приходит: «Ребята, берите тёрку и делайте ямочками, делайте грубоватую». Покажет откос со старой штукатуркой: «Не надо штукатурки прямой, как стрела, надо чтобы новая штукатурка не отличалась от старой. Чтобы не было прямизны, по циркулю, не было ровных углов. Делайте от руки». Если шовчики между кирпичами в старой кладке видны были, надо,

чтобы и в новой так же.

Работали мы в Галиче на рядах – карнизы, колонны. Он приезжал туда по делам; может, и не по этим. Мне врезалось в память, как он прямо на полу на вокзале разложил в уголку, где народ не проходит, чертежи и, сидя на корточках, просматривал их и всё записывал в тетрадь.

Интеллигентный человек, хотя и со строителями всю жизнь. На «вы» всегда, по имени, а если постарше человек – по имени-отчеству. Никогда грубого слова от него не слышал. Всё объяснит, покажет, если спросишь. Когда не понимаешь сразу, объяснит по нескольку раз. Знал и по деревянному строительству, всё расскажет, даже если и торопится. Расскажет на ходу, и всё понятно, и какая работа когда была выполнена.

Знаю я, что он делал проект ограды на могилу профессора Ф. А. Голубинского, похороненного недалеко от трапезной церкви Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе. Он ещё нас хотел привлечь для каменных работ – могилу раскопали какие-то «хорошие» люди, памятник на могиле разбили, и вот в это время (конец 90-х) уже другие люди восстанавливали надгробие*.

Встретились мы с ним в Чухломе, когда я уже в мастерской не работал, а Леонид Сергеевич, наверное, уже в епархии был. Мы работали на храме, и Леонид Сергеевич подошёл, поздоровался, а потом дал нам старинный рецепт состава для покраски, отпечатал и дал. Состав надо было варить, и получалась как бы водно-эмульсионная краска, а тогда её не продавали. Этот рецепт до сих пор у меня цел.

Как архитектор и как человек он был редкий талант. Я благодарен Богу и судьбе, что работал с ним. Если бы этого не было, неизвестно, кем бы я был теперь, может, хулиганом каким. Отношение Леонида Сергеевича к работе, к людям – это запомнилось навсегда, и это стало примером.

---

* Группа «Почин» при Костромском общественном фонде культуры и Костромском отделении ВООПИиК. (Прим. ред.)

Л. П. Матросова

Людмила Полиектовна Матросова (род. 1953) – архитектор.

В 1975–1995 гг. – архитектор КСНРПМ, в 1995–2002 гг. – начальник проектного отдела ГП «Костромареставрация», в 2002–2005 гг. – консультант комитета по охране и использованию культурного наследия Костромской области.

С 2006 по 2012 г. работала в департаменте культурного наследия, культуры и туризма и департаменте государственного имущества и культурного наследия Костромской области заместителем начальника департамента и начальником отдела охраны. Живёт в Костроме.

Удивительный и неоднозначный человек

Мы ехали на «конторском пазике» в Щельково. Четверо таких взрослых, таких заумных, таких матёрых реставраторов и я, практикантка, – только что принятая на должность техника-архитектора в Костромскую специальную научно-реставрационную производственную мастерскую. Ехали долго, дороги были длинно-ухабистые, зато именно в таких командировках и поездках

люди раскрываются иначе, чем в душных кабинетах. Леонид Сергеевич, видя моё девчачье смущение и часто непонимание многих дорожных и производственных разговоров, вдруг стал рассказывать о маренных складках, сохранившихся на костромских просторах после ледникового периода, в которых спрятались городки и деревни, об этимологии названий с окончанием на «-ма» (Кинешма, Кешма, Кострома, Чухлома), в которых прослеживаются угро-финские истоки, о проекте реставрации дома Волконских в Иркутске, прерываясь каждый раз, когда вдалеке от дороги появлялись вертикали заброшенных храмов, чтобы, торопясь, рассказать о барочных достоинствах одного или истории постройки другого... И всё это, так легко и естественно звучащее в его монологе, погрузило меня в ступор. То, что было развлекательной беседой – по его мнению, – мне казалось приговором моей студенческой глупости. Но чувство это ослабло, когда приехали в усадьбу и с такой же поспешностью и желанием всё успеть объяснить Леонид Сергеевич рассказывал о том, как искали в толстом наслоении обоев в доме Островского тот слой обоев, которыми были оклеены комнаты Александра Николаевича при его жизни в усадьбе и по образцу которых были заказаны новые обои. Как просчитать размер перестроенного проёма, как подобрать аналог печам в доме.

Это потом я поняла, что в архитекторе и реставраторе Л. С. Васильеве не было ничего напускного, ничего надуманного. В нём всё уживалось одновременно и естественно. Работа, интересы, личные тревоги, профессиональная дотошность, увлечённость, начитанность, образованность и нетерпимость, вспыльчивость, свободомыслие, независимость во всём, горячность, часто непоследовательность, иногда профессиональная ревность, но не было желания утвердиться в чьих-то глазах, поразить знаниями. Всё шло от желания просто рассказать, просто поделиться переполняющей информацией. Это я чувствовала в нём до последних дней, пока – свыше – было позволено знать и работать с этим удивительным и неоднозначным человеком, каким для меня был и остаётся Леонид Сергеевич.

О том, что сделано Л. С. Васильевым для Костромской земли, говорят сохранённые при его участии и восстановленные им памятники. Я могу ошибаться, но, по-моему, больше половины реставрационных работ проводилось и до сих пор ведётся по его проектам, потому что и работа, и ссоры с начальством, и множество эскизов к состоявшимся проектам, и все его интересы были единым сплавом, были личной жизнью. Это было и в Костроме, и когда уезжал работать над мемориалом в Шушенское, и когда, бросив всё, уехал работать архитектором в Рязань, потом главным в Ярославль. Неуживчивость? Мне кажется – внутренняя свобода, которая была ему по плечу.

Сказать, что с ним было просто, значит покривить душой. Чем сложнее и глубже человек, тем более он противоречив и более раним.

Я не думаю, что у Васильева остались ученики. Подмастерья – возможно, но реставратора с таким отношением, работоспособностью и профессиональной и человеческой интеллигентностью – после ухода Васильева – в Костроме нет.

То, что Л. С. Васильев пришёл и остался в реставрационной мастерской в то время, когда главным архитектором была Калерия Густавовна Тороп, не случайность. Сама яркая личность, она и коллектив лепила из себе подобных – не приспособленцев, но умных людей, со своим видением, со своим мироощущением, преданных идее возрождения русского города. В реставрации иначе нельзя. Верность принципу сохранения всего лучшего, что ещё не было утрачено на Костромской земле, держало этот коллектив индивидуумов.

Что ещё остро всплывает при слове «Васильев»? Пожалуй, его очень личное и тонкое чувство любви к маме. Его ироничное определение нас, молодых студентов: «чистая струя в мутном потоке реставрации». Я не помню ни одного случая, чтобы «Лёня» кому-то из молодых не нашёл времени помочь. А ещё его удивительная память, когда он – слегка «подшофе» – часами читал, сидя у дверей служебного архива, Заболоцкого, когда цитировал Державина или Баратынского. Переполюющее его и по-детски искреннее него-

дование, когда ироничный Александр Михайлович Семёнов – конструктор проектного отдела – вздыхал и, зная реакцию Васильева, провоцирующее возвещал: «Всё надо снести и заасфальтировать», – а потом весь отдел слушал монолог Леонида Сергеевича, заканчивавшийся дверным хлопком и смехом, – такие вот развлечения были в проектном.

Я очень люблю этих двух глубоко ценимых мною людей – Калерию Густавовну Тороп и Леонида Сергеевича Васильева, которым многим обязана. Повезло мне с работой, с людьми, которые «животворили» мою жизнь «своим сопутствием».

А. С. Рыбников

Александр Станиславович Рыбников (род. 1952) – инженер, архитектор.

В 1982–1988 гг. – старший инженер-конструктор ЯСНРПМ, в 1988–1992 гг. – ведущий архитектор Ростовской реставрационной мастерской, с 1992 г. – директор Научно-производственной реставрационной мастерской «Яблоко». Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в посёлке Борисоглебский Ярославской области.

Зовите меня просто Лёня

Моя первая встреча с Леонидом Сергеевичем Васильевым произошла в 1982 году, когда я поступил на работу в Ярославскую реставрационную мастерскую.

До работы в сфере реставрации к своим 30 годам я имел уже довольно-таки обширный послужной список – школа, завод, служба в армии, снова завод, 5 лет учёбы в институте на дневном отделении строительного факультета, работа на стройках Нечерноземья и оборонных объектах нашей страны. Последнее место работы – войсковая часть, где я в должности старшего про-

раба возводил корпус завода с убежищем от нейтронной бомбы. (Да, было и есть ещё, наверное, такое страшное оружие массового уничтожения, когда погибает все живое, а здания и сооружения остаются неповреждёнными.)

Нашу часть по неизвестным мне государственным соображениям перевели в Симферополь, а я как вольнонаёмный офицер запаса имел полное право остаться дома и искать новую работу. Что я и сделал, явившись в Ярославскую реставрационную мастерскую, так как имел к этому заведению давний дилетантский интерес. Я неплохо чертил, рисовал, а уж опыт в строительстве (как я считал по молодости лет) был у меня достаточно богатый. Поэтому я и направился прямо к директору мастерской Виктору Даниловичу Шаульскому с предложением взять меня на работу прорабом на любой реставрационный объект.

Директор отнёсся к моему предложению нормально, сказав при этом: «Вот уволю скоро какого-нибудь мастера, а ты пока поработай в научно-исследовательском отделе мастерской инженером-конструктором». В. Д. Шаульский пригласил Леонида Сергеевича, который в то время был главным архитектором мастерской и непосредственным руководителем научно-исследовательского отдела, и сказал ему: «Вот пусть в отделе у Вас временно поработает». И проработал я в должности старшего инженера-конструктора почти 10 лет.

Я сейчас не вспомню, как и когда мы сблизились и подружились с Леонидом Сергеевичем, но я уверен, что личная обоюдная симпатия появилась в первые дни нашего знакомства. Леонид Сергеевич заметно отличался от многих сотрудников мастерской своей интеллигентностью и доброжелательностью. Уже позже нас ещё больше сблизил общая любовь к Костроме, откуда родом мои предки и где Леонид Сергеевич много лет жил и работал.

В 80-е годы коллектив научно-исследовательского отдела Ярославской реставрационной мастерской был молодой, не считая двух мэтров реставрации – Ивана Борисовича Пуришева и Семёна Евгеньевича Новикова. Как-то

само собой сложилось, что молодая активная мужская половина отдела сгруппировалась вокруг Леонида Сергеевича, хотя и часть молодых женщин тянулась к нашей компании. Разница в возрасте между нами и Леонидом Сергеевичем не замечалась, хотя она была значительна – в 15–20 лет. Даже много лет спустя я и мои коллеги по Ярославской мастерской, с которыми поддерживаю отношения, с улыбкой вспоминаем, как Леонид Сергеевич после дружеского застолья и 150 «грамм» «хорошего бургундского» вина говорил: «Сашенька, Володенька, Ниночка и т. д., зовите меня просто Лёня!»

Его юмор, юношеский задор и какая-то детская наивность притягивали к нему молодёжь. Мы были на равных, хотя никто из нас – и никогда – не позволял себе панибратства. Для нас это был «уважаемый Леонид Сергеевич», авторитетный специалист, мастер своего дела, прекрасный человек.

О Леониде Сергеевиче проще вести речь, описывая те забавные случаи, которые с ним зачастую случались и которые характеризовали Леонида Сергеевича как доброго и неприхотливого в быту человека, аскета по жизни. Он и сам с удовольствием вспоминал эти случаи в хорошей компании.

В начале 90-х годов прошлого столетия вся страна впала в хаос и беспредел, народ жил по талонам на продукты питания. Я в то время с женой Ниной и дочерью Иллой жил в Борисоглебском монастыре посёлка Борисоглебский Ярославской области. Нам, как жителям сельской местности и работникам, реставрирующим местный монастырь, выдали талоны на основные продукты – крупу, сахар, водку. Моя жена Нина предложила собрать и отправить Леониду Сергеевичу посылку с продуктами, так как он, городской житель, нуждался в еде. Мы отослали посылку, весом около пяти килограммов – манную крупу (для его любимой каши), рис, пшено, сахарный песок, шпроты. Он получил нашу посылку и поблагодарил телеграммой.

Прошёл год. Мы с Ниной поехали в Кострому к моим родственникам и решили, как всегда, навестить Леонида Сергеевича. Увидев нас, он страшно обрадовался, побежал в ближайший киоск за «хорошим бургундским», а

Нину попросил посмотреть на кухне, что можно приготовить из запасов старого холостяка. Нина открыла шкафчик и с удивлением обнаружила там нашу посылочку, в целостности и сохранности простоявшую в закромах Леонида Сергеевича целый год. Всё осталось не тронуто. На вопрос, почему же Леонид Сергеевич ни к чему не притронулся, а всё оставил на съедение мышам, он улыбнулся и стал рассказывать, какие хорошие и добрые зверюшки – эти мышки, которые даже в шторах и тюле у него на кухне «прогрызли дырочки». Быт для Леонида Сергеевича был даже не второстепенным, а необходимо-обременительным занятием.

Леонид Сергеевич мог с восторгом рассказывать о прочитанной книге, об увиденном фильме и даже о детских мультиках. У него была хорошая подборка грампластинок с классической музыкой. Он хорошо знал мировую и отечественную архитектуру (но не очень жаловал современную).

В его однокомнатной квартирке в районе новостроек Костромы я бывал часто, один и с друзьями. Он всегда увлечённо рассказывал о своих старых и новых проектах реставрации храмов Костромы, показывал многочисленные чертежи, которые в больших рулонах лежали в углу на полу и на рабочем столе.

За годы совместной работы, а она продолжалась и после того, как мы разъехались – он из Ярославля в Кострому, я в Борисоглеб, – у нас сохранился хороший творческий тандем. Практически на каждый реставрационный объект в Ярославле – а позже и в Костроме, – за который брался Леонид Сергеевич, он приглашал меня в качестве консультанта.

Вспоминая о Леониде Сергеевиче, я всегда рассказываю, как он работал, когда один его глаз практически уже ничего не видел и давала о себе знать травма руки. В одной руке он держал лупу, а в другой – остро заточенный карандаш и строил храм на ватмане от основания до венчающего храм креста. Все его чертежи были выполнены аккуратно, профессионально, в стиле старых мастеров. Почерк его узнаваем.

Он бескорыстно делился своими знаниями, богатым жизненным опытом с молодыми коллегами и страшно не любил выскочек и профессиональных болтунов. Поэтому, как у каждого талантливой человека, у него были недоброжелатели и завистники, что явилось одной из главных причин его ухода из Ярославской реставрационной мастерской.

Тот круг молодых людей, которые знали Леонида Сергеевича по работе в Ярославле и которым сегодня уже самим по 50–60 лет, продолжают помнить и любить своего «Лёню».

А. П. Нечаев

Андрей Павлович Нечаев (р. 1959)
– архитектор.

В 1988–2002 гг. ведущий специалист, главный архитектор проектов КСНПРМ, в настоящее время – генеральный директор ООО «Рестмастерская АПН». Живёт в Костроме.

Подобно свечке в темноте

Сейчас, после того как Леонид Сергеевич Васильев ушёл из жизни, очень многие говорят и считают, что являются его учениками, последователями, продолжателями его дела. Это не так, лишь единицы могут похвастаться этим.

Леонид Сергеевич был открыт для всех только снаружи, внутри он был замкнут, сосредоточен, одержим и очень редко впускал кого-либо в свою творческую деятельность, не терпел, когда кто-либо вмешивался в процесс проектирования или что-либо мешало этому. Возьму на себя смелость заявить, что я был практически единственным, кому он поверял свои планы, с кем откровенно делился мнением о работе, о людях, о реставрации и с чьим мнением считался. Мне позволялось даже вносить изменения и поправки в

его чертежи, вести авторский надзор по его объектам, правда, когда я слишком зарывался, он слегка журил: «Андрюшенька, мальчик мой, это перебор», а сам, несмотря ни на что, прикрывал этот «перебор» своим влиянием, знаниями и авторитетом. С Леонидом Сергеевичем мы только один раз повздорили, и крепко, да и то не сами – помогли «добрые люди»: шепнули одному на другого. Три месяца не общались, Леонид Сергеевич при встречах отводил глаза; потом я плюнул на обиды, взял «малыша» (чекушку водки), закуски и поехал к Леониду Сергеевичу домой, приехал и сказал: «Дядь Лень, в чём дело? Объясни». «Андрюшенька, мальчик мой, забудь, прости дядьку Лёньку, всегда найдутся подлые и низкие людишки, склонные к зависти, готовые посорить других из-за своих мелких амбиций».

С Леонидом Сергеевичем я познакомился в мае 1988 года, когда после окончания МАрхИ (Московского архитектурного института) приехал на работу в КСНРПМ (Костромскую специальную научно-реставрационную производственную мастерскую). Не знаю почему, но Леонид Сергеевич сразу выделил, выбрал меня среди других сотрудников мастерской, наверное, сказалось, несмотря на разницу в возрасте (я ровесник его дочери Татьяны), единство интересов, взглядов, увлечений. Очевидно, на сближение повлияло и то, что мы оба закончили один и тот же институт, и Леонид Сергеевич как бы взял надо мной шефство и опеку, во всём поддерживал и защищал как ученика и, даже не побоюсь этого слова, как сына. Мне оставалось лишь как губке впитывать в себя все те знания, которыми Леонид Сергеевич щедро делился со мной, да и со всеми, кто проявлял к ним интерес. Леонид Сергеевич часто оказывал и материальную помощь, давая займы денег, а потом практически никогда не брал возвращаемые долги, мотивируя тем, что это его обидит. В последние годы, когда я начал работать самостоятельно, как руководитель проектной фирмы, я очень часто обращался за помощью к Леониду Сергеевичу, и он никогда не отказывал мне в ней – давал дельные советы, вносил замечания и на практике выступал в роли автора проектов, в качестве ведущего

специалиста. Когда люди, с которыми я работал, которым доверял – обманули, предали меня, присвоив себе мои деньги, проекты и даже имя, единственным человеком, которому я пожаловался («поплакался в жилетку»), был Леонид Сергеевич. Выслушав меня, он сказал: «Андрюшенька, мальчик мой, со мной это тоже случалось, и не раз. Чёрт с ними, не обращай внимания, не трать на них своё время и силы. Работай лучше и больше, на зависть им, а время расставит всё и всех по своим местам».

Судьба распорядилась так, что последним, кто видел его живым (за 2 часа до смерти), был я. Я пришёл к Леониду Сергеевичу, чтобы обсудить проект восстановления Тихвинского храма в г. Макарьеве. Леонид Сергеевич был бодр и полон сил, у него была очень интересная идея, идущая в разрез со всеми принципами и постулатами реставрации. Он подготовил чертёж, как должен, на его взгляд, выглядеть этот храм, и написал предварительную пояснительную записку, объясняющую его идею. Мы около часа обсуждали и рассматривали это предложение с разных сторон, договорились о дальнейших действиях. Я попрощался с Леонидом Сергеевичем и забрал документы с собой. После моего ухода (как выяснилось позднее) Леонид Сергеевич позвонил И. Ш. Шевелёву, обсудил с ним этот вопрос, заручился его согласием*. Когда на следующий день я узнал о смерти Леонида Сергеевича, я был потрясён, мне в это не хотелось верить.

---

* Для того чтобы переломить общественное мнение и мнение реставрационного совета в пользу нового решения, Леонид Сергеевич предложил создать союз трёх архитекторов, трёх авторитетов – Васильева, Шевелёва и Нечаева. Но осуществлению замысла Леонида Сергеевича помешала его смерть. Каюсь, я понял, что без Леонида Сергеевича я с этим не справлюсь, и я выполнил проект реставрации в классическом, традиционном варианте, т. е. – каким он существовал ранее, таким я его и восстановил, без нововведений, предложенных Леонидом Сергеевичем. Однако лист с этим вариантом и пояснительной запиской к нему включены в проект реставрации храма.

Леонид Сергеевич Васильев был яркой, неповторимой творческой личностью, архитектором «до мозга костей», человеком с большой буквы. Он, подобно свечке в темноте, нёс тепло и свет и сгорел ярко и без остатка.

Т. М. Гуревич

Татьяна Михайловна Гуревич (род. 1943).

Кандидат технических наук, доцент кафедры строительных конструкций КГСХА. Живёт в Костроме.

Костромской Барановский

Разные встречаются люди на жизненном пути. Есть такие, которые несут тепло, радость и наполняют жизнь особым смыслом. Таким подарком судьбы явилось для меня знакомство с архитектором Леонидом Сергеевичем Васильевым. Когда я вспоминаю его, мысленно произношу: «Свете тихий!».

Знакомству нашему предшествовали следующие обстоятельства. Был 1997 год. В микрорайоне Давыдовский на углу улиц Профсоюзной и Индустриальной строился Свято-Тихоновский храм по архитектурной идее и под непосредственным руководством о. Аркадия Таршкова. Так случилось, что лично мне поступило предложение от о. Аркадия познакомить наших студентов-строителей с тем, как возводится храм. Проектирование церквей в то время отсутствовало в тематике дипломов, и я имела довольно смутное представление об архитектуре, планировке и конструкциях храмов. О. Аркадий прекрасно провел экскурсию по стройке со студентами V курса, слушали его

с большим интересом. Двое студентов, оба Саши, Кузьмин и Титов, захотели выполнить дипломный проект Свято-Тихоновского храма. О. Аркадий благословил нас и разрешил воспользоваться проектными материалами. Конструктивная часть проекта Свято-Тихоновского храма была выполнена архитектором А. П. Черновым, к тому моменту его уже не было в живых. Мы стали изучать литературу и проект. На стройке заканчивали возведение основного объема – четверика. В существующей маленькой церкви – в бывшей бытовке, внутри двора многоэтажного жилого дома, – находился макет Свято-Тихоновского храма, выполненный о. Аркадием. Храм был белый с золотыми главками. Макет мне показался симпатичным. Однако, по мере углубления наших познаний в данной области, проект нам нравился всё меньше. У нас возникло много вопросов и сомнений. Самое большое сомнение было связано с тем, что шатровое завершение храма опиралось непосредственно на четверик, в то время как традиционно шатёр опирается на восьмеричный барабан («восьмерик на четверике») или на ротонду. Своими сомнениями я поделилась со своей кузиной Эльвирой и ее мужем Олегом*. Оба они опытные строители, но церквями никогда не занимались. И тут Эльвира предложила: «Давай я познакомлю тебя с Васильевым». – «Кто это?» – «Это очень хороший архитектор-реставратор, работает в епархии. Он тоже говорил, что храм в Давыдовском строится неправильно».

Вскоре в один прекрасный вечер состоялось наше знакомство в доме у Эльвиры и Олега. У меня сразу же появилось такое чувство, что я давно знаю Леонида Сергеевича, и у нас тут же установились доверительные отношения.

Через неделю состоялась встреча Леонида Сергеевича со студентами-дипломниками в нашем факультетском конструкторском бюро. Встреча была не официальной, за чаем. Просидели мы часа три. Леонид Сергеевич рассказывал много чрезвычайно интересного из своего опыта работы, так что время

---

* Эльвира Фёдоровна и Олег Иванович Смирновы. Воспоминания Э. Ф. Смирновой см. на стр. 300–302.

пролетело незаметно. Имея такого консультанта, мы уже действовали смелее. На стройке тогда работы приостановились, кажется по финансовым соображениям, и выше четверика ничего не возводилось.

Весной 1998 года наш дипломный проект был закончен и успешно защищён. С этими нашими разработками Леонид Сергеевич и я были приглашены на совещание к архиепископу Костромскому и Галичскому Александру. Владыка благословил внести предлагаемые нами изменения в рабочий проект. Выполнил рабочие чертежи архитектор Андрей Павлович Нечаев, ученик и почитатель Васильева. Так над четвериком появился восьмеричный барабан, а уже над ним – шатёр.

В первоначальном проектном варианте колокольня Свято-Тихоновского храма имела шатровое завершение, аналогичное завершению основного объёма. Леонид Сергеевич сказал, что храм как бы «сбегает» с холма и шатровое завершение колокольни в этом случае ни к чему. Действительно, нулевая отметка колокольни находится примерно на 3,5 метра ниже нулевой отметки основного объёма.

В 2001 году Леонид Сергеевич выполнил корректировку архитектурного решения колокольни от шестиметровой отметки, до которой уже было доведено строительство. Третий ярус колокольни был невысокий и завершался небольшим пологим куполом с внутренним диаметром 2,2 метра. На чертеже колокольня выглядела красиво. Я стала разрабатывать конструкции и курировала стройку, познакомилась с квалифицированными каменщиками, очень сообразительными и добрыми людьми. Когда колокольня была закончена, мне она уже меньше понравилась, чем на чертеже – верхний ярус казался коротковатым. Я сказала об этом Леониду Сергеевичу. Он был лишен амбиций, я это знала. Он сокрушённо отвечал: «Это я, старый дурак! Совсем упустил из вида этот эффект – чем выше объём, тем он кажется снизу короче, и его надо вытягивать».

Летом 2002 года строительство Свято-Тихоновского храма было завер-

шено, и храм был освящен Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

Наше сотрудничество с Л. С. Васильевым продолжалось. Каждый год в числе дипломных проектов защищался проект православного храма, и Леонид Сергеевич являлся консультантом и рецензентом. Он приезжал в академию, встречался со студентами и говорил мне: «Какие у вас замечательные студенты, воспитанные и умные!». Это действительно так и было, потому что на такие темы отбирались самые лучшие студенты.

Благодаря инициативе и энергии Петра Петровича Щербинина наш строительный факультет превратился в архитектурно-строительный, кроме специальности «промышленное и гражданское строительство» появилась специальность «архитектура». Пётр Петрович очень хорошо относился к Л. С. Васильеву, знал его полную непрактичность и немножко его опекал. Леонид Сергеевич стал консультировать дипломные проекты архитекторов уже официально, с небольшой оплатой. Он предоставил для использования в дипломных проектах свои разработки, в частности, выполненные им архитектурные чертежи колокольни Богоявленского собора Костромского кремля.

Леонид Сергеевич всё время был в состоянии творческой работы. Зрение его катастрофически слабело, но он продолжал выполнять свои удивительные работы с тонкой прорисовкой всех декоративных деталей. Он всегда носил с собой маленькую старую логарифмическую линейку и на ней делал вычисления, поднося к самым глазам, вернее, к очкам. От калькулятора он отказывался.

Летом 2001 года был построен деревянный храм в Видяеве, проект которого безвозмездно разработал Л. С. Васильев. В газете «Северная правда» появилась статья с фотографиями храма и экипажа подводной лодки «Кострома». В статье говорилось: «Храм потрясающий, и люди говорили огромное спасибо». Я поискала в статье упоминания об архитекторе, но не нашла. Тут я не утерпела и позвонила в редакцию, телефоны которой были на последней странице газеты. Я представилась как доцент стройфака сельскохозяйствен-

ой академии. Кажется, мне отвечал зам. главного редактора. Я сказала, что упоминание об авторе проекта необходимо, что без архитектора ничего бы не было, тем более что он сделал это без всякой оплаты. В ответ услышала: «Я вам не студент, нечего меня учить». Я поняла, с кем имею дело, и повесила трубку.

Леонид Сергеевич стал уже совсем своим человеком и иногда заходил к нам домой, моя мама рассказывала ему о военном времени, о фронте (она была под Сталинградом в 1942 году вместе с моим отцом – хирургом). Иногда он надолго пропадал, уезжал в Галич, там работал.

В 2003 году настоятель Свято-Серафимовского храма в Малышкове игумен Серафим (Фирстов) решил начать строительство нового каменного храма и обратился ко мне с этой задачей, поскольку я с 1995 года регулярно посещала этот храм и игумен Серафим исповедовал меня и причащал. Я познакомила игумена Серафима с Л. С. Васильевым. Леонид Сергеевич сделал три варианта архитектуры нового храма, но батюшка не вынес никакого окончательного решения. Леонид Сергеевич «пропал» из виду, наверное, уехал в Галич. Тем временем мне эта задача не давала покоя, я перебирала варианты размещения нового храма относительно старого*, советовалась с геологом Мирой Петровной Бессоновой, нарисовала генплан и эскизы фасадов. Мой неумелый эскиз фасада оказался помещён на календарь 2004 года. Наконец, Леонид Сергеевич объявился, ответил на мой звонок и приехал ко мне домой. У него была манера восхищаться любым пустяком, сделанным другим человеком, если это казалось ему удачным. Увидев мои эскизы, он стал превозносить мои заслуги и сказал, что теперь он совершенно ясно представляет себе наш новый храм и сделает архитектурные чертежи. И действительно, вскоре

---

* Вначале Свято-Серафимовский храм занимал здание бывшей земской школы, в котором в советское время располагались самые разные учреждения и организации; последней перед передачей здания в 1994 г. храму размещалась метеослужба.

он принёс мне чертежи нового храма с тщательной прорисовкой архитектурных деталей. Позже он ещё раз выполнил чертежи, скорректировав завершения. Были сделаны инженерно-геологические изыскания, и мы с моей коллегой Еленой Ивановной Примакиной разработали проект фундаментов. Строительство выполнялось с листа по эскизным разработкам. Однако все несущие конструкции были тщательно рассчитаны и проработаны. На последнем этапе проект стропильной крыши был выполнен проектировщиками института «Костромапроект», где я работаю по совместительству.

Здоровье Леонида Сергеевича становилось хуже, болело сердце, и он не ездил на стройку. Я жаловалась: «Что же вы меня бросили в таком трудном деле?!» А он отвечал: «Да, да, надо непременно поехать на стройку». А затем добавлял с каким-то лукавым оттенком: «Но, Танечка, вы такая умница, я вам полностью доверяю». Я сердилась. Но он уже в самом деле чувствовал себя больным и лечился периодически в городской и областной больницах в кардиологическом отделении. Я его навещала. Как-то во время моего посещения пришёл Иосиф Шефтелевич Шевелев, принёс чертежи какого-то объекта и вырезки – варианты архитектурного решения. Они стали живо обсуждать эти варианты. «Пойми, Леня, – говорил Иосиф Шефтелевич, – здесь непременно должно быть вот так...». «Нет, нет, Ося, – деликатно и трепетно возражал Леонид Сергеевич, – здесь нельзя так делать, а нужно учесть вот это...». Я слушала диалог этих замечательно талантливых людей и, по своему легкомыслию, забавлялась этой сценой.

Иногда у Леонида Сергеевича бывали приступы депрессии, тогда он не выходил из своей квартиры. В таком состоянии, «подшофе», он звонил мне. Я знала, что разговор будет долгий, оставляла все дела и слушала его монолог. Речь его была довольно невнятной, но я крепче прижимала трубку и слушала, потому что порою он говорил удивительные вещи. Душа его была совсем детская, и он обычно начинал с ностальгических воспоминаний о своей

мамочке, о каких-то лужайках с полевыми цветами. Затем он углублялся в описание какого-либо исторического события с названием точных дат и имён, у него были обширные познания в этой области и поразительная память. Он мог читать стихи, как правило, русских поэтов, Пушкина, Тютчева, Баратынского... Иногда вспоминал какой-нибудь старинный романс и даже пытался спеть чуть-чуть, а иногда говорил о симфонической музыке, чаще – о П. И. Чайковском. Заканчивал он свой монолог традиционно – просил передать поклоны моей «мамочке» и «пушистому коту» (так он упорно называл мою персидскую кошку). Однажды он рассказал, как ему в школе нравилась девочка, которая училась в балетной школе и очень красиво танцевала на вечерах. Я спросила, приглашал ли он её танцевать. «Что вы! Как это возможно? Я и думать об этом не смел, а только смотрел на неё издали, как на высшее создание».

У Л. С. Васильева не было телевизора. Я соглашалась с ним, что телевизор совсем не обязателен, что качество передач не высокое, и что лучше почитать книжку. Но однажды он позвонил мне и сообщил, что какой-то благодетель подарил ему телевизор, причём очень хороший. Я поняла, что в глубине души он рад подарку. И я, как хамелеон, повела речь о достоинствах телевизора, о том, что есть программа «Культура», можно слушать классическую музыку и т. д. Недели через две телевизор у него украли, вынесли в окно. Это было так обидно, так безобразно!

У моей мамы тогда зрение совсем стало плохим, и она перестала смотреть телевизор. Я его задвинула под стол, а потом подарила родственникам и сказала Леониду Сергеевичу, что тоже избавилась от этого презренного ящика. Без телевизора я обходилась три года и приобрела этот прибор уже после кончины Леонида Сергеевича.

Игумен Серафим называл Л. С. Васильева «Костромским Барановским».

Январь, 2011 г.

Протоиерей Михаил Цико

Михаил Цико (род. 1967), в 1999–2007 гг. настоятель Свято-Тихоновского храма, с 2007 г. – настоятель церкви Спаса в рядах. Живёт в Костроме.

**«С плачущимся соплачет,
а с радующимся сорадуется»**

С Леонидом Сергеевичем мы познакомились в реставрационной мастерской, когда готовились документы для восстановления храма Иоанна Предтечи (начало улицы Островского) архитектором КСНПРМ Александром Петровичем Черновым. Леонид Сергеевич его тогда консультировал.

Когда распалась реставрация, Леонид Сергеевич окончательно перешёл в епархию и стал заниматься храмами и монастырями. В то же время у него было очень большое количество друзей и знакомых, которые просили у него помощи в проектировании, и он всегда выполнял их просьбы – кто бы ни попросил. И всегда – безвозмездно. Леонид Сергеевич рассказывал: «Я сделал проект одному человеку, он говорит, я тебе деньги заплачу». – «Не надо мне денег, мы в добрых отношениях, я тебе просто помог». Тот захотел отблагодарить, не знал, как, и притащил телевизор, этот телевизор стоял в углу. И телевизор этот у Леонида Сергеевича украли. Вот как это случилось: когда он ра-

ботал дома, к нему залезли через окошко какие-то чудаки. Я так понимаю, что в округе шла молва, мол, этот человек великий и так далее, и вот решили поживиться. Залезли в окошко, открыли дверь, вошли два мужика, – как потом рассказывал Леонид Сергеевич, – его затолкнули в ванную комнату, закрыли и начали искать ценности по квартире. И ничего не нашли – он жил очень просто, для него комфорт не существовал. Была чертёжная доска, была целая кипа проектов, были книги, у стены кровать стояла, так, чтобы где-то передохнуть. (Хотя – отвлекаясь от темы – он мог за ночь запросто проект сделать, я свидетель этому. Чего-то ему не понравилось, он переделает, и смотришь – он приносит совершенно другой вариант.) И вот, они побегали по квартире, ничего не нашли, и вдруг увидели телевизор в углу – хватанули его, и дёру. «Хорошо, что забрали», – сказал Леонид Сергеевич. Вот такое у него было отношение к вознаграждению за свой труд. Вознаграждение – это память, это молитва. Я верю, что все те, кому он помогал, совершают молитву о спасении его души, и я, когда служу, всегда вспоминаю его имя на проскомидии и прошу у Господа милости, чтобы Господь даровал ему Царство Небесное, а его близким – здоровье и благополучие. Он заслуживает доброго отношения, это был великий человек.

Когда перевели меня на приход в микрорайон Давыдовский – храм святителя Тихона, – был 1999 год. Я пришёл к храму, и хотя видел храм и раньше, но как-то особого внимания не обращал – всё мимо-мимо, бегом-бегом; а тут пришёл, посмотрел: здание храма в завершающем состоянии, но общестроительных работ осталось много. Храм так расползся по этой горе, что меня объяло какое-то уныние. Думаю: «Господи, что с ним делать?» И – куда? Куда? Конечно, побежал к Леониду Сергеевичу. А он: «Ой, батюшка, я бы не хотел браться за этот храм, потому что у него есть архитектор, есть человек, который вёл строительство, и, в порядке этики, я бы не желал так поступать. Если он Вас бросит – это уже другой вопрос. Или он будет вести архитектурный надзор, а помочь – я готов помочь». Дело надо было спасать, и я долгое

время просил Леонида Сергеевича: «Леонид Сергеевич, ну бросил человек!» – «Батюшка, вы ещё поговорите с ним, может, он всё-таки одумался». Он относился к тому зданию, которое сам проектировал и за которым вёл архитектурное наблюдение, очень ответственно и никак не мог решиться, чтобы о. Аркадию воспрепятствовать довести дело до конца. И только спустя какое-то время, может даже через полгода, организовали в епархии архитектурное собрание и о. Аркадия пригласили и многих архитекторов пригласили, Иосифа Шефтелевича, Владимира Георгиевича Смирнова. А о. Аркадий проигнорировал это собрание, не пришёл, и владыка сказал: «Леонид Сергеевич, о. Аркадий не желает дальше заниматься этим храмом, уж не бросайте!» – и он, видя такое безвыходное положение, взялся и довёл этот храм до завершения, до сдачи.

Помню, я был у него, а его просят срочно сделать проект, он спрашивает у заказчика: а сколько там будет людей, а как это будет использоваться, а как это... как то...? Конечно, всё это дело архитектора, и он должен знать всё. И я потом подумал: а как хоть переводится «архитектор»? Он говорит: так это – «главный строитель». Действительно, он был главный строитель с высокой буквы. Нарисует картинку (проект) – все пропорции соблюдены, и глаз воспринимает благоприятно.

Когда меня перевели из Тихоновского прихода в храм Спаса в рядах, Леонид Сергеевич – утешающе: «Не переживай, батюшка, храм Спаса – это тоже мой объект». Хотя сил было у него уже несравнимо меньше. Как-то я смотрю – он в плохом состоянии, говорю: «Леонид Сергеевич, может, надо провериться, в больницу и т. д.?» – «Ну, не знаю, не знаю... Пока всё нормально, пока ещё это доделаю, это доделаю...». И тут вскоре, видимо, прижало крепко, я говорю: ну, поехали. Вот мы приехали в кардиодиспансер, он, видимо, там наблюдался. Разговариваем с главврачом: «Леонид Сергеевич, ведь вам это лекарство надо принимать е ж е д н е в н о, а вы только в больнице пролечились и всё. Вы к себе так плохо относитесь». Он говорит: «Как

плохо? Я сплю, я чай пью, я ем. Что ещё я должен делать со своим организмом?» – «Нужно лечение постоянное». – «Ну, лечение... А кто работу будет делать?» Не смотрел за собой, если бы присматривал, конечно, принёс бы ещё много пользы.

Здоровьишко, видимо, подводило, но всё равно – он соберётся, придёт, промеряет, всё просмотрит. Помню, сколько забирались с ним на колокольню, обследовали стены. Он всё сам, ему не нужны помощники, он решил, что залезет, – взялся и полез, и на крышу, и везде, а ведь уже годы: человеку за 70 лет.

Иногда удивляешься: столько желания поучаствовать, помочь. Он болел за своё дело и любил его – дело восстановления, строительства, созидания. Смотрел на мир другими глазами, у него было своё видение всего (цвета ли, сооружения) – видение профессионала.

Я так понимаю, что это был подвиг, и я думаю, это добродетельное делание от Бога будет вознаграждено. Он был – не побоюсь сказать эти слова – святой жизни человек. С юности, возможно, не пришлось ему быть человеком церковным, а вот в те годы, в которые я его знал, он в вопросах духовного плана рос на глазах.

Жалко – не хватает его, до сих пор я как-то томлюсь. Он был для меня наставник, потому что он меня учил и смирению, и терпению, и в то же время это был человек, который имел опыт за плечами; очень трудолюбивый, с желанием принести пользу людям, близким и всегда сопереживающий им. Вспоминается: кто такой христианин? Это тот, кто «с плачущимся соплачет, а с радующимся сорадуется». Действительно, умел участвовать в решении проблем других и таким образом приносить радость. Леонид Сергеевич заслужил добрую память.

Леонид Сергеевич удивительный в том плане, что он был очень дружелюбный, любил с людьми и поговорить, и как-то поддержать человека, и помочь – он многим помогал, очень многим. Я помню, как-то пришёл к Леони-

ду Сергеевичу, а там гость – его приятель, и Леонид Сергеевич его утешает: «...Ну что делать, не переживай, как-то выживем вместе, я помогу тебе». То есть для него помочь другому человеку – это было святое дело. А сам ходил не то что какой-то оборванный, нет, он всегда чистенький, но никогда с иголки не одевался. Есть у него вещица, он её постирает, прогладит и наденет. На себя он старался не тратить, лучше поможет другому. Это было хорошей наукой, хорошим примером.

По делам храма ездили с ним в Мантуровский район. По пути заезжали в храмы. Очень много было у него боли из-за того, что столько разрушений в области. Какой храм ни увидит – они были все интересные, – к каждому подойдёт, посмотрит и всё запечатлит. И фотографировали многие храмы, и зарисовки он делал. На храме в деревне Шулёво – фотография где-то у меня есть – крест был: красивый, кованый, ажурный. «Вот какое создание: человек в него вложил всё своё духовное состояние!»

Первое время после его ухода было очень тяжело. Я помню: 10 апреля, в день смерти, Владимир, зять Леонида Сергеевича, звонит мне: «Батюшка, ведь Леонид Сергеевич помер». И у меня слёзы покатались, думаю: «Господи, ведь всё только начинается», – ведь каждый о своём. Много он для Спасского храма сделал проектов и иконостас разрабатывал. Не вовремя ушёл. Предыдущий, 2007-й год был для меня сложный, потому что умер директор завода «Пегас» Кобзев – я отпевал его перед Пасхой; потом Никитов – он много помогал по Тихоновскому храму – тоже помер; потом Шершунов разбился по осени... Эти люди имели причастность к храму святителя Тихона в Давыдовском, и для меня они уж стали близкие. А тут и Леонид Сергеевич помирает. Видимо, Господь испытывает.

Он не хотел приносить никому никаких хлопот, свои проблемы решал сам. Мне очень близка его позиция в том плане, что легче другому помочь, нежели принять помощь. Хотя были такие критические обстоятельства, когда он порой не мог доехать до больницы. Ведь у него была сердечная недоста-

точность. Как-то, года за два-три до смерти, я привёз его в больницу, и он стал переодеваться. Он сам худенький совершенно, а ноги как колоды. Не справлялось, видимо, сердце, кровь не перекачивало. «Леонид Сергеевич, надо бы как-то...» – «Поправимся, поправимся, всё хорошо...».

Сейчас много есть достойных архитекторов, все они хорошие, но вот такого, как Леонид Сергеевич, я почему-то не вижу.

Многое не доделано. Он хотел сделать проект иконостаса бокового придела Спасского храма, и уже были разработки. А было желание восстановить все порушенные храмы Костромы.

Вечная ему память.

Протоиерей Александр Шастин

Протоиерей Александр Шастин (род. 1959), с 1993 г. благочинный Галичского благочиния, настоятель Введенского кафедрального собора города Галича. Живёт в Галиче.

Благодать Божья касалась его души

Моё знакомство с Л. С. Васильевым произошло следующим образом. Сразу же по назначении меня благочинным мне пришлось заниматься восстановлением колокольни храма Василия Великого, а московская организация «Роника», которая взялась сделать проект, четыре месяца не могла его разработать. Костромские же архитекторы все были заняты работой над своими проектами. И вот тогда от своего брата, о. Виталия, я услышал о человеке, который проект колокольни мог замечательно и быстро выполнить – он назвал имя Леонида Сергеевича Васильева. Но в это время Леонид Сергеевич был в Йошкар-Оле, у умирающей мамы. И как только в апреле 1995 года он возвратился в Кострому, мы с ним познакомились и сразу же поехали к нам в Галич. Приехали днём, где-то во второй половине, он осмотрел «объект» и сделал небольшой замер. Поужинали, и после ужина я сказал, что сейчас он отдохнёт, а завтра уже начнёт работать. А Леонид Сергеевич ответил, что он желал

бы прямо сейчас начать работать. Сел за стол, стал чертить. Я ещё раз подошёл, предложил: «Леонид Сергеевич, уже время позднее, вы лучше отдыхайте, а завтра начнёте». Он: «Нет, нет, я поработаю». Я совершил правило, гляжу: он работает. Подошёл, ещё раз сказал, и он меня уже просто попросил ему не мешать. Ночью я вставал и видел, что он продолжал работать. Утром я проснулся, подошёл, он говорит: «Ну вот, готов проект». По моей работе, предыдущей, я примерно представлял, какая это сложная работа – и вдруг за одну ночь готовый проект! Я с большим недоумением сказал: «Леонид Сергеевич, я вижу, что это действительно факт – что есть проект, – но даже в этот факт я не верю, не верю, что это действительно возможно». Это была как бы первая для меня загадка Леонида Сергеевича, потому что это невозможно объяснить способностями какими-то, доступными человеческому пониманию. И когда я рассказывал об этом (за ночь – проект!) ещё при жизни Леонида Сергеевича – скрывая это от него – опытным архитекторам, то они тоже говорили, что такое невозможно. Ответ на этот вопрос открылся гораздо позже, когда уже долгое время мы с ним работали, сделали очень много разных объектов.

Ему Галич очень понравился. Он любил приезжать, подолгу жить, и у меня была возможность с ним общаться – в первое время он всегда останавливался у меня, поэтому мы очень подолгу вечерами имели возможность беседовать. Он ровесник по годам моей маме, но как-то вот эта грань возрастная, она сама по себе потихонечку начала исчезать. Несмотря на такую большую разницу в возрасте, мы как-то настолько сблизились, что просто, буквально, стали друзьями. И я как-то неоднократно это высказывал. И он тоже очень тепло ко мне относился.

Его все любили, кто с ним общался. У него была ещё загадка: он всегда одевался – нельзя сказать: скромно, он носил вещи изношенные, изношенные до дыр. Все старались ему что-то подарить, заплатить за работу – он не просто отказывался, а отказывался как-то категорично. У него, оказывается, дома

была и неветхая одежда, но он носил вот эту, ссылаясь на то, что это у него память о маме или ещё на что-то. Заплаточки делает и практически одевался как бы «в рубище» такое. Попытки дать ему деньги иногда заканчивались комично. С Екатериной Алексеевной, старостой храма, мы как-то в Галиче договорились, что, когда мы его будем подвозить до Костромы, она около его дома выйдет из машины попрощаться и как-то незаметно положит ему деньги в карман. Когда она вышла и попыталась это сделать, он это заметил, стал отмахиваться, она стала его «преследовать» и всё-таки попыталась положить ему в карман деньги, он опять отмахнулся, потом попрощался и ушёл. Когда Екатерина Алексеевна села в машину, я, шутя, говорю: «Екатерина Алексеевна, со стороны было непонятно, зачем вы лезете в карман – положить или взять». Т. е. он всячески такие попытки пресекал.

Что за этим стояло? Однажды вечером за долгой беседой я стал высказывать ему своё беспокойство. Это были 90-е годы, когда было очень много различных безобразий, в том числе молодые люди, спортсмены, потеряв человеческий образ, выбирали бомжей и отрабатывали на них удары – практически убивали. Таких случаев было очень много, я об одном таком случае знал по рассказам. И я Леонида Сергеевича стал убеждать, что нельзя так одеваться, потому что его могут принять не за того и может произойти трагедия. Он как-то насторожился и после этого разговора стал одеваться иначе, но это было непродолжительное время, и потом он снова оделся «в рубище». Когда я и дальше с этой проблемой к нему стал «приставать», он мне сказал (но только, чтобы я никому об этом не рассказывал, и я пообещал, что не буду рассказывать, но после смерти расскажу, если буду сам жив; он сначала и этому воспротивился, но потом, по моему настоянию, сказал: «Ну, там как хотите, мне уже будет всё равно»): «Я замечаю, что когда я работаю, у меня бывает такое, что я едва успеваю записывать то, что сверху мне приходит»; при этом, как только он начинает либо «хорошо» одеваться, либо брать деньги за работу, у него это всё прекращается. Очевидно, он испытывал что-то такое внутреннее,

потому что он, несмотря ни на нездоровье, на немощи иногда, которые бывали у него, в том числе и болезнь глаз, он всегда жаждал работы. Было такое впечатление: благодать Божья касалась его души. Это касалось не только его работы, но и его состояния, которое сам он вряд ли мог объяснить словами. То в его внешнем, что было непонятным для его близких, объяснялось этой благодатью.

Его всегда отличала жизнерадостность, его характер, его жизненная позиция не соответствовала его возрасту. Я помню, как он переживал, что ему уступили место в автобусе, сказав: «Дедушка, садитесь!» Он не ощущал своего возраста.

Его отличала феноменальная память – память, которая, конечно, поражала. Я иногда, когда что-то забывал, шутил: «О Леонид Сергеич, мне бы ваши годы!» Такой эпизод: приехал к нам о. Григорий Чекменёв, позднее погибший, приехал тогда ещё молодым человеком, он – из Тамбова. Обедали у нас дома, и Леонид Сергеевич стал спрашивать его о Тамбове, при этом называл улицы, номера домов. О. Григорий спросил: «А вы бывали в Тамбове?» – «Да нет, у меня друг оттуда был, Саша Чернов. Он мне рассказывал». Александр Петрович Чернов к тому времени уже лет 8, как почил, а работали они вместе ещё раньше. И продолжал спрашивать: а вот по такому-то адресу – как там храм? А по такому-то адресу – вот такой дом? А пересечение таких-то улиц? О. Григорий был буквально потрясён, что Леонид Сергеевич по когда-то услышанным от друга рассказам – как выяснилось при этой случайной встрече – настолько скрупулёзно знал Тамбов. Можно много приводить других примеров. Допустим, он знал народные, скажем так, притчи (которые называются анекдотами) разных времён – хрущёвских, сталинских времён: как народ реагировал на эту власть. Знал могилы именитых людей – на каком кладбище, в каком ряду они находятся. И очень много других примеров, где в обычном разговоре проявлялась его отличная память, несмотря на такой солидный возраст. Поэтому ему, действительно, трудно было осознавать свой

возраст. Как-то приехал Леонид Владимирович Мохнач, историк, и когда мы вечером собрались поужинать, у них завязался очень интересный, живой разговор, который они закончили где-то утром, перед завтраком. Сколько бы раз он ко мне ни приезжал, нам всегда было очень трудно закончить беседу, потому что разговор всегда был очень интересный, он был человеком глубоких познаний во многих сферах. Наше общение было своеобразной дружбой.

Я замечал, что у него часто так бывало (как и в первый раз): мы разговариваем-разговариваем, и он внезапно говорит: «Всё, я сейчас буду работать», – хотя и была, вроде, интересная тема – и идёт и начинает работать.

О проекте колокольни Василия Великого. К этому времени она не существовала – остался только первый ярус, – и имелась только фотография колокольни. Леонид Сергеевич делал проект по фотографии, это тоже уникальный опыт, потому что фотография делается снизу и по ней очень сложно определить размеры.

Интересно, как он работал над проектами: позовёт меня, спросит, как я думаю: как правильно – этот вариант или тот? Я говорю: «Леонид Сергеевич, что вы меня спрашиваете – я не специалист». – «Нет, давай, батюшка, говори!» Ему в работе нужна была какая-то точка, опора, от которой он мог бы оттолкнуться. Когда я к этому привык – поначалу меня это настораживало, – стал высказывать свои мысли: я считаю вот так и так. «Всё, есть!» Иногда бывало, что наши мнения совпадали, и это было для меня своеобразной наградой, что ли. От общения с ним я стал глубже понимать и красоту церковной архитектуры, и гражданской тоже. Общение наше для меня было и полезное, в плане познаний и формирования мировоззрения, и одновременно тёплое.

У него разговор был всегда высококультурный, при этом он был в общении достаточно простой – вот это очень важно.

Телевизор он не любил. Один раз я говорю: «Леонид Сергеевич, “В мире

животных” любите?» Он: «Да». – «Ну, пойдёмте посмотрим». Там было про хищников – он не мог смотреть: «Лучше не смотреть». Если он что-то он внутренне терпеть не мог, он не осуждал, а просто уходил.

По его проекту в моём благочинии выстроено два новых храма: в Николо-Поломе и Матвееве Парфеньевского района. При строительстве Николо-Поломского храма было допущено небольшое отступление, а он всегда переживал, когда такое случалось, он был недоволен и в этом случае. Но сейчас по этому проекту строится храм в Антропове, и мы стараемся от проекта не отступать. Была реставрация кровли Ильинского храма, тоже в Парфеньевском районе. Очень большая серьёзная и ответственная работа была в Паисиевом монастыре, в Никольском Староторжском монастыре были доработки. Он привлекал Александра Петровича Чернова, с ним он делал обмеры этого монастыря и Холмовского Никольского храма. Особая работа в Духовном культурном центре – это и Богоявленский собор и залы Центра. В Галиче поставлены четыре поклонных креста по его проектам: два по одному и тому же проекту, и два по индивидуальным (разным) проектам, в том числе и на Балчуге, рядом с видовой беседкой.

Не все его проекты осуществились: проект входа на кладбище в Парфеньеве, проект оформления нового кладбища в Галиче.

Он сделал (я его попросил) **описание храмов** – Холмовского и нашего, Введенского: в чём их уникальность, какие проблемы реставрации. Мы хотели с ним это продолжить, но не хватало времени. У нас была задумка: Богоявленский храм сделать храмом-музеем, там росписи занимают большие площади.

По епархии у него было много работы, но я часто Леонида Сергеевича приглашал, и он приезжал в Галич. В последнее время он останавливался в Духовном центре, где у него отдельная комнатка была, в которой он жил и трудился, и не только над галичскими объектами. Мы старались, чтобы он почаще приезжал – здесь ему было больше внимания, больше он на глазах.

Но помню, в последний раз дорогу до Галича он перенёс очень тяжело – ему было трудно дышать, «чувствовалось» сердце.

В Галиче он любил то место, где стоит мой дом, гору Балчуг. Он любил туда ходить; на Балчуге у него росла любимая берёзка, у которой два ствола – один побольше, другой поменьше. У него была ассоциация, что это его мама и он. Он очень любил свою маму. С горы хороший вид – на озеро, наши храмы, ему это нравилось.

Его уход для меня – это потеря родного, близкого, человека. Ведь дружбу что определяет? Я думаю, что единокровные такие. В чём-то мы с ним были единокровны.

Что касается его веры. Когда тот или иной человек долгое время был некрещёным и крестился взрослым, то обычно такие люди остаются в духовном плане в чём-то людьми светскими. Как правило, более глубокие в духовном плане, и в понимании духовной жизни, люди, крещёные в детстве, – за исключением некоторых людей, таких как Леонид Сергеевич: было такое впечатление, что он с детства рос в вере, и казалось странным, что этот человек когда-то был некрещёным, неверующим, был вне Церкви. В Церковь он вошёл через о. Виталия, у него он принял крещение.

Леонид Сергеевич был человек очень глубокий, и основными нашими разговорами были разговоры на темы духовной жизни.

Э. Ф. Смирнова

Эльвира Фёдоровна Смирнова (род. 1932) – строитель по образованию, госслужащая по роду деятельности. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Костроме.

Такие люди встречаются редко

О таких людях, как Леонид Сергеевич, говорят: «Он не от мира сего». Да, он не от мира сего – он от Бога. Он не создан был для личной жизни, вся его жизнь отдана служению реставрации и воссозданию памятников архитектуры.

Уровень его познаний в этой области уникален. Он мог часами рассказывать об истории создания памятников истории и культуры, называя имена, даты, события, с ними связанные. Память его была феноменальной до самой кончины.

Несмотря на катастрофически падающее зрение, он денно и ночью трудился над проектами храмовых построек. Его не интересовали денежные вознаграждения – он был бесребреник. Как-то, разговаривая с ним незадолго до смерти, я спросила: «Леонид Сергеевич, сколько тебе платит Костромская епархия, где ты служишь архитектором?» Он ответил: «Мне платят столько

же, сколько платят сторожу».

Я знала Леонида Сергеевича с конца шестидесятых годов прошлого столетия, когда пришла работать в отдел главного архитектора города. В то время главным городским архитектором была Наталья Григорьевна Рыбникова, она меня с ним и познакомила. Он сразу же поразил меня своей скромностью, интеллигентностью, глубокими знаниями и ювелирной графикой представляемых на рассмотрение проектов реставрации.

Наиболее тесно наши пути сошлись в последние 15 лет, когда он проектировал и курировал строительство Сестринского корпуса Знаменского монастыря и колокольни Знаменской церкви рядом с храмом Воскресения на Девбре, а мы с мужем строили свой дом на улице Осыпной. Попутно, по просьбе мэра Костромы Б. К. Коробова и с благословения владыки Александра, я полгода (это был 1999 год) безвозмездно оказывала помощь в завершении строительства Сестринского корпуса и в благоустройстве прилегающей территории. Тесный контакт с Леонидом Сергеевичем открыл для меня ещё одно его высокое качество – он не был «упёртым», он мог спокойно изменить принятое им ранее проектное решение, если чьё-то предложение он находил более разумным.

Как-то, осматривая строящееся здание Сестринского корпуса, я задала ему вопрос: почему уже построенный парадный вход ведёт только в цокольную часть здания, а где же лестницы на другие этажи? Леонид Сергеевич ответил, что для этого предусмотрены лестницы-крыльца со стороны главного фасада. Я тогда спросила: а для чего предназначены свободные помещения слева и справа от входа в здание? Он, как большой ребёнок, ответил: «А это будут маленькие зимние садики». Я посмеялась и говорю: «Давай-ка, милый мой, садики-то ликвидируем, а в этих помещениях сделаем лестницы вместо наружных на фасаде. Пробивку дверных проёмов в кирпичных стенах я возьму на себя, попрошу благословения владыки». «Эльвира, гениально!» – сказал Васильев. Это, конечно, не было гениальным, но здравым – точно! После

такой акции он стал мне больше доверять, и у нас с ним завязались хорошие дружеские взаимоотношения, которые продолжались до самой его кончины.

За неделю до смерти у него появилось какое-то мистическое желание иметь фотографию Сестринского корпуса. Он позвонил мне и очень любезно попросил сфотографировать здание, и лучше – если побыстрее. Фотографию мы сделали, а передать её не успели – на следующий день после получения фото он ушёл из жизни. Поскольку это было его последнее желание, фото направляю Вам*.

Царство ему Небесное!

На одном из воссозданных по его проектам памятников следовало бы разместить мемориальную доску.

---

* А. В. Соловьёвой. (Прим. ред.)

В. Г. Смирнов

Владимир Георгиевич Смирнов
(1935–2013) – архитектор.

В 1968–2001 гг. – главный архитектор
Костромской области; в 2001–2013 гг. про-
фессор кафедры архитектурного проекти-
рования Костромской сельскохозяйствен-
ной академии. Почётный строитель Рос-
сии, Почётный архитектор России.

Архитектура, реставрация – его жизнь

В бытность главным архитектором области мне приходилось часто встречаться с Л. С. Васильевым по разным вопросам.

Общение с ним было самое дружеское, мне он очень нравился как человек. Это был, вообще, подвижник такой, который о себе меньше всего заботился; конечно, о нём должны были заботиться больше в епархии, где он работал. У него было плохо со зрением, потом с сердце начало шалить. И вот так получилось, что не уберегли его...

Я приехал только что после института, и первая встреча у нас получилась несколько необычная – случайная, если можно так сказать. Естественно, собрались коллеги, знакомые, вот тогда я впервые познакомился с Леонидом

Сергеевичем, где-то сорок лет назад. А потом связь прервалась и затем возобновилась при переходе моём в органы архитектуры области. Поскольку было очень много вопросов и по гражданским архитектурным памятникам, да и по культовым сооружениям, то приходилось часто обращаться к специалистам реставрационной мастерской, и мне представлялось, что Леонид Сергеевич был наиболее подходящим для этого человеком: очень внимательный, заботливый и очень высокий профессионал. Это был мастер своего дела. Я считаю, что это был единственный человек у нас – и не только в области, может быть (в области-то уж точно), – который прекрасно знал своё дело, которое для него и было жизнью. По-другому он и не мыслил. Его можно было в любое время поднять, послать в любую командировку.

Много встречались мы в командировках в разных районах нашей области, особенно в Галиче. Знал его состояние – уже в более старшем возрасте – и болячки его и невольно задумывался: а как же он всё делает? Поэтому преклонялся перед ним как перед исключительным тружеником.

Наиболее тесные контакты у нас были по Видяеву – по храму, который построили на плавбазе, где стоит наша подводная лодка «Кострома» и другие атомные подводные лодки Северного флота. И вот там наиболее близко пришлось соприкоснуться – в неформальных беседах, потому что жили вместе, в одной гостинице, делали одно дело, и здесь он раскрылся всей душой. Такое доброе отношение, заботливое. Мыслей своих не навязывал, но говорил так убедительно, аргументированно, что и возражений никаких не было.

Впервые мы поехали к подводникам где-то в августе 2000 года – на выбор площадки. Приехали в посёлок Видяево, а до того места, где стоит этот флот, ещё километров десять-пятнадцать. Прибыли на эту базу (бухта – так называемая Ара, это такой фиорд) и стали знакомиться с местностью. Искали такую площадку, к которой можно было бы близко подойти, потому что по габаритам эти суда требуют большой глубины. Выбрали место на мысу, где стоял крест, метров, наверное, около четырёх-пяти высотой, металлический.

Этот мыс как-то вдавался в бухту, и подводники говорили: как мы уходим и приходим, первым встречает нас это крест.

Это место мы и выбрали для часовни, и Л. С. Васильев начал проектировать часовню – по просьбе командира нашей подлодки, Владимира Анатольевича Соколова. Областная администрация от экипажа лодки получила письмо, что поскольку земля костромская им помогает, то они просят «для дальнейшей духовности и общения воздвигнуть часовню». Ну, часовню – значит, часовню запроектировали.

А потом произошла трагедия с «Курском» – катастрофа для страны, да и не только для России. И тогда возникла мысль, что нужно строить храм. Поскольку у нас Николай Угодник – это покровитель всех путешественников, и моряков, в первую очередь, храм был назван Никольским. И Васильев сразу же начал перерабатывать проект.

Конечно, храм должен быть из дерева, и необходимо было его быстро собрать. Поэтому задачи были такие: во-первых, нужное дерево подобрать, потом – срубить сруб, разобрать, погрузить и там, уже на месте, собрать. Этим вопросом сначала занималось СУ-7, но мы скоро поняли, что они не смогут сделать – там не было технологов, мастеров по дереву, и пришлось искать другого исполнителя. Нашли в Макарьеве, там было такое общество ограниченной ответственности «Русские строительные технологии», которое занималось деревянным домостроением и возведением культовых сооружений под Москвой и в наших краях. Сразу договорились: они заготавливают сруб, готовят бригаду и выезжают в Видяево. Мы приехали с Васильевым с проектом храма в ноябре и договорились, что подводники делают фундамент, готовятся, и начало строительства будет где-то в мае 2001 года.

Леонид Сергеевич закончил чертежи. Он очень детально, скрупулёзно относился к этому поручению, считая его главным в то время. Тем более – это было необычно – что храм сооружался на базе подводников и сделать нужно было в краткие сроки. Когда проект был готов, мы приехали на встречу с ко-

мандиром дивизии, были на нашей подводной лодке «Кострома». На лодке очень тесно, но подводники говорили: по сравнению с дизельными – у нас дворец целый. У командира каюта небольшая – метра два на три. И рядом же главный пульт – центр, где всё руководство лодкой происходит. Встретили нас, конечно, как подводники, моряки встречают, – радушно.

С Леонидом Сергеевичем мы все детали обговорили: как, что, из чего, как лучше, что должны сделать подводники. Он очень внимательно отнёсся к постройке храма (он-то уже знал, как специалист, как лучше подойти к делу) и многое посоветовал. У него каждая деталь была проработана: то ли это был оконный проём, то ли небо внутри; алтарная часть, трапезная – всё у него чётко-чётко, до малейшей подробности было проработано.

Храм деревянный, шатровый. Л. С. Васильев знал великолепно традиции церковного строительства и следовал этим традициям. Он знал пропорции, понимал дерево как материал и с ним он работал просто великолепно.

«Русские технологии» подготовили материал, погрузили на семь КАМАЗов сруб, весь добор, и с мая и до июля храм построили. В июне собрали стены и шатёр, а в июле выполнили отделку. В последнее воскресенье июля, в День военно-морского флота, были закончены все работы.

Леонид Сергеевич очень интересовался ходом строительства. Он уже не выезжал на объект, но мне приходилось бывать там – по поручению администрации, а потом я встречался с Леонидом Сергеевичем. Он спрашивал: всё ли успевают, как врубки делаются, квалифицированные или нет мастера? Я успокаивал: всё хорошо, всё нормально, люди знающие, всё делается точно по проекту, никаких отступлений нет.

Около храма установили гранитный камень, на котором вырезали: «Храм сей сооружён во славу флота Российского руками и на средства жителей земли Костромской». Рядом соорудили звонницу.

Мы встречались и по строительству в Костроме, бывали у нас некоторые

конфликты, каждый отстаивал своё мнение. Он был очень объективный, у него было своё видение, свой взгляд на вещи. Он выражал свою точку зрения аргументированно, с глубоким знанием дела, с ним нельзя было не согласиться; он, безусловно, был авторитетен среди архитекторов.

Он видел Кострому гармоничным городом, прекрасно понимал, что прогресс идёт, что город развивается и не будет жить прошлыми категориями, однако необходимо сохранить то, что было создано до нас нашими предками. Он выступал за то, как можно бережнее относиться ко всей застройке и как можно внимательнее к размещению новых объектов: учитывать масштаб, соотношение с окружающей средой. И его понимание наследия очень во многом помогло избежать ошибок. К его мнению очень прислушивались, и он играл большую роль в архитектурной жизни, и не только нашего города, но и всей нашей земли Костромской. Для него Кострома, действительно, стала второй родиной, к которой он прикипел. Он всего себя отдавал, он сгорел здесь.

Это уникальный человек. Архитектура, реставрация – вся его жизнь. Он достаточно скромно, даже аскетично жил, скромно вёл себя, это – я считаю – можно объяснить его интеллигентностью, воспитанием, образованием, которое он получил в Московском архитектурном институте. Он имел богатый творческий опыт. Леонид Сергеевич получил звание Заслуженного работника культуры за мемориал в Шушенском, которым занималось Министерство культуры. Звание Заслуженного архитектора не получил только из-за отсутствия заботы со стороны епархии и Союза архитекторов. Сам он, конечно, не мог пойти и потребовать: «Дайте мне Заслуженного архитектора!» – его скромность везде сказывалась, и в этом тоже.

Он реставрировал и Макарьево-Унженский монастырь, который, как и все церковные строения, был забытым вследствие политики – Церкви не помогать. Леонид Сергеевич всячески способствовал возрождению обители: во-

первых, сделал проекты реставрации всех храмовых построек, очень часто он там бывал, изучал и архивные материалы, приходилось очень много и плотно работать, чтобы восстановить монастырь в том виде, в каком он был раньше.

Занимался так же он и Галичем. Мне кажется, что он больше там был, чем в Костроме, в 2000-е гг. Там служит о. Александр Шастин, благочинный этого округа, он очень активный. Он поставил целью восстановить все храмовые постройки в своём районе. С помощью Леонида Сергеевича очень много было сделано и обследований памятников, студенческие отряды из Костромской сельскохозяйственной академии делали обмеры, выявляли интересные памятники, и Леонид Сергеевич здесь был в первых рядах.

Работал он и для заграницы. Я знаю, что у него был храм где-то во Франции, построенный по его проекту.

В учебную, преподавательскую работу он вписался как великолепный консультант; к нему ездили студенты, и он в Караваево, в академию, приезжал, и всегда был готов приехать в любое время, чтобы проконсультировать, помочь. Консультировал и помогал студентам с удовольствием, потому что понимал, что должен отдать свои знания. Не было никогда никаких отговорок; сложности были – транспорта у академии не было, а добраться до Караваева и обратно ему тоже было очень трудно, и к тому же эти поездки – потеря времени, а он время очень ценил. Он обычно замечал скороговорочкой: «Ну, мне надо делать, мне надо идти». Какие-то дела, какие-то вопросы его ждут, и он обещал, он должен сделать. Любая просьба не оставалась невыполненной.

Мы просили: «Леонид Сергеевич, ну возьми какого-нибудь активного помощника» – зрение у него ухудшалось, несколько операций на глаза были неудачные. Придётся – он работает, склонившись буквально до самой доски, и он сам всё выполнял. Великолепна у него графика, его манера исполнения чертежей, которую он довёл до совершенства; у него почерк – как у специалиста, его сразу отличишь от других. Он всё время писал от руки, каллигра-

фически, а это говорит о характере человека. Он хотел, чтобы всё было чётко и ясно изложено и абсолютно понятно для исполнителя. Он очень аккуратно всё исполнял, шрифт у него великолепный.

К рабочим, к реставраторам он относился как к своим коллегам. У меня сложилось такое мнение, что он со всеми разговаривал как с людьми, обладающими тем же опытом, что и он. Не выставлял свои знания, а был очень деликатный, очень внимательный человек, с которым было очень приятно общаться. Зная его деликатность, иногда задавали ему, может быть, и не совсем корректные вопросы, на которые он старался обоснованно ответить. Действительно, великолепный человек.

И, конечно, земля наша, епархия и коллеги потеряли очень много оттого, что он ушёл из жизни. Мне кажется – как-то внезапно.

Он всё же какой-то одинокий человек был, ему нужна была поддержка, помощь. Иногда и мы-то не очень внимательны были, как обычно в жизни случается, – тебя захлёстывает какая-то текучка, а когда немножко оглянешься, посмотришь: «Ну почему? Ну почему? Почему ты это не сделал?» А время-то уже ушло. Иногда он звонил: «Ну как?» Думаю, а почему он позвонил? А, чувствуется, ему надо поговорить, излить что-то – ему общения не хватало. Он глубоко одинокий был человек, и это одиночество тоже как-то на него влияло. Трудности у него, безусловно, были. В какой-то степени и его личная жизнь располагала к этому.

Его очень удручало ослабление зрения – приходилось напрягаться. И в то же время чертил такие изящные, тонкие линии, что трудны и зрячему человеку.

А в работе всё забывалось, сглаживалось, и он только работой и жил.

Иногда у нас бывали откровенные разговоры: «А как ты живёшь, а сколько ты получаешь?» Он называл какую-то там незначительную сумму. «А на что же ты живёшь-то?» Действительно, это были мизерные суммы, которые ему платили за работу, но он никогда «не возникал», ничего не говорил по этому поводу.

Я считаю, что это было замечательное время, когда мне пришлось с ним общаться – видеть, знать, беседовать. Он мне очень много дал, во-первых, как человек, который подал тебе пример, обозначил определённые критерии, рамки, из которых ты стараешься не выходить уже. И в части профессии: он очень и очень грамотный был, он знал своё дело до тонкости. Наследие его большое, после себя он много оставил. Где он только ни был, что он только ни делал. Я благодарю судьбу, что с ним познакомился. Какие-то расхождения во взглядах у нас, конечно, были, но не было такой остроты почему-то, не доходило до этого. Наверное, я от него больше взял, чем я ему дал. Мне кажется, он «донор» был для всех. Он всё отдавал: всё, буквально, что имел, – всё отдавал.

В Леониде Сергеевиче была искра Божья. Конечно, многому можно научиться, но мне кажется, человек рождается с этой искрой, не приобретает – приобрести можно всё что угодно, – а вот, что дано, что заложено, оно только развивается; и мне кажется, что вот эта искра Божья в нём и была.

Е. Балашова

Елена Львовна Балашова (род. 1949) –
поэт, член СП России. Живёт в Чухломе.

Он был подлинным

Совсем немного была я знакома с Леонидом Сергеевичем Васильевым – известным архитектором-реставратором, Заслуженным работником культуры РФ, о чём, признаюсь, могу теперь только сожалеть.

И всё же... Всё же и от кратких общений с ним остались в душе светлые мгновения, которые запоминаются на всю жизнь, потому что и сам Леонид Сергеевич был светлым и благородным человеком. Это ощущалось совершенно явственно при первом же знакомстве с ним, и, думаю, каждый, кто удостоился чести дружить с ним или даже просто быть знакомым, понимал, насколько этот человек внутренне глубоко интеллигентен в самом лучшем смысле этого слова, насколько весь – настоящий.

Сколько встречается в жизни мнимых, раздутых «величин», и как немного таких скромных и подлинных, каким был Леонид Сергеевич. И я благодарна судьбе за краткие эти соприкосновения с личностью незаурядной и – скромнейшим тружеником, каким он и останется в моей памяти.

Февраль 2011 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМО В ЗАЩИТУ ЩЕЛЫКОВА

Неповторимый по красоте уголок Костромского края, Щельково, неотделимый от имени великого русского драматурга А. Н. Островского, под угрозой. Волей безответственных чиновников из Госплана, министерств и ведомств ему уготована судьба Ясной Поляны, Карабихи, которые задыхаются в ядовитых выделениях построенных вблизи них химических комбинатов, о чём пишут центральные газеты, что стало нравственной болью общества.

Что значит Щельково для костромичей, для русских, советских людей вообще? Это реликтовый по нетронутости и чистоте уголок русской земли, где среди девственных лесов, на берегу тихой речки, в старом деревянном доме провёл наиболее плодотворные годы и где умер Александр Николаевич Островский. Неподалёку от усадебного дома, на погосте Бережки, в ограде старинной церкви лежит его прах. И дом, и могила драматурга – место постоянного, всё увеличивающегося паломничества ценителей его творчества. Да и где, кроме Щелькова, поймёшь душой родословную Снегурочки, увидишь лесную чащу, овраги и ручейки, Берендеевку – как не в этом заповедном краю. «Лес», «Волки и овцы» и другие шедевры Островского возникли на щельковском материале, и здесь они были написаны.

Текст коллективного письма, датируется 1987 г. Архив ОАО «Кострома-реставрация». Публикуется впервые. *(Прим. ред.)*

С давних пор воображение и благодарная память людей населила здешние леса и поляны образами весенней сказки А. Н. Островского «Снегурочка». Здесь можно побродить по Ярилиной долине, постоять у колодца с бьющим со дна ключом – его называют «сердце Снегурочки».

Глубоким уважением и любовью к священному имени великого драматурга двигала рука костромских реставраторов, восстановивших в 1965–1970 гг. усадебный дом, ограды, дом приятеля Островского – крестьянина И. В. Соболева, где создан музей крестьянского быта. Восстановлена каменная ограда церкви в Бережках, отремонтированы фасады церкви, внутри её воссоздана настенная живопись, отреставрирован иконостас и иконы.

А какой труд вложен в восстановление интерьеров усадебного дома! Исторически точно воссозданы уникальные по рисунку обои, мебель, портьеры, посуда, светильники. Благодаря бескорыстному труду сотрудников щельковского музея, благодаря вниманию и постоянной помощи Всероссийского театрального общества в дом вдохнули душу.

И всё это – и усадьба драматурга, его могила, и леса и речки – всё, что составляет понятие «Щельково» и входит в Государственный музей-заповедник, под угрозой осквернения и, в конечном счёте, уничтожения. О масштабе и последствиях замышляемого в Министерстве химической промышленности нам известно из полных гражданской тревоги статей в «Правде» от 19 июля 1986* и 29 марта текущего года**.

Полностью разделяя тревогу за судьбу Щелькова как литературного и

---

* Речь идёт о статье «Отвести беду», подписанной В. Беловым, М. Дубининым, С. Михалковым, В. Соколовым, М. Ульяновым, М. Царёвым. (Прим. ред.)

** Имеется в виду статья 1987 года «Ещё не поздно!», подписанная С. Залыгиным, Д. Лихачёвым, И. Петряновым-Соколовым, М. Ульяновым, Б. Ласкориним. (Прим. ред.)

природного заповедника, высказанную в этих статьях, мы требуем раз и навсегда отказаться от мысли строить вблизи национальных святынь, в данном случае – вблизи от Щелькова, объекты химической промышленности. Последствия подобных экспериментов общеизвестны, и они неотвратимы, что бы ни говорили о средствах защиты в виде газоочистительных фильтров и прочем.

Невольно возникает вопрос: почему гиганты химии ставят рядом с мемориальными комплексами? Что это – плод недомыслия или акт преступной сознательной воли, направленной на уничтожение нашего национального наследия? Кому это выгодно? Или это обусловлено требованиями роста экономики страны? Но Россия велика, и помимо Ясной Поляны и Щелькова в ней найдутся места для химических комбинатов. Разве не показателен пример соседства Щёкинского химического комбината и Ясной Поляны и не ощутимы его миллионные потери, на которые он пошёл из-за вынужденного закрытия части наиболее вредных цехов?

Долг перед памятью А. Н. Островского, перед русской культурой, долг перед Родиной – сохранить Щельково как цельный, неповторимый мемориальный и природный комплекс, оградив его от поползновений временщиков всех рангов.

Апрель-май 1987 г.

ПИСЬМО ГЛАВЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ г. КОСТРОМЫ Б. К. КОРОБОВУ

Уважаемый Борис Константинович!

Всех нас беспокоит судьба архитектурно-художественного наследия Костромы. А оно в плачевном состоянии. И это тем более печально, что город наш готовится отметить своё 850-летие.

Долгие годы исследованием, восстановлением и реставрацией памятников архитектуры в Костроме и области занималась Костромская специальная научно-реставрационная производственная мастерская. Она располагала штатом архитекторов-реставраторов, техников, инженеров, искусствоведов. Здесь работали опытные каменщики, плотники, кузнецы, позолотчики. Широкую известность приобрели наши художники-реставраторы. Организатором всего этого была незабвенная К. Г. Тороп. И, надо сказать, сделано было немало – и в Костроме, и в области.

Письмо датируется концом 1998 – началом 1999 гг. (см. след. прим.) // Архив автора. (*Прим. ред.*)

Финансирование реставрационных работ производило в то время Областное управление культуры при облисполкоме. Проводящей инстанцией финансирования служила небольшая Производственная группа (из 5–6 человек) при Управлении культуры и ему подчинённая. В соответствии с планом работ она распределяла средства, вела контроль за их использованием, следила за качеством работ и, наконец, принимала их. Источником средств служил республиканский бюджет и арендная плата за пользование памятниками архитектуры. Научный контроль за проектной документацией прежде осуществляла специальная комиссия при Министерстве культуры, которая состояла из авторитетных специалистов.

Так было. Было – до начала 1990-х годов, когда, по чьей-то недоброй воле, Министерство культуры резко изменило курс, превратив скромные (но работавшие, тем не менее) производственные группы в самостоятельные, наделённые широчайшими полномочиями организации. К тому же не подвластные контролю городских и областных администраций – но исключительно Министерству культуры. Названы они были «Научно-производственные центры по охране, использованию и реставрации памятников архитектуры» (НПЦ). Последствия не замедлили сказаться. Финансирование реставрационных работ, проводившихся Костромской реставрационной мастерской, сначала сократилось, затем фактически прекратилось. С начала 90-х годов ни в Костроме, ни в области не сдано ни одного реставрационного объекта. Начатое – брошено, сделанное – разрушается. На спасение памятников архитектуры не находится денег. Они оседают в недрах НПЦ.

Лишённый контроля городской и областной администрации, НПЦ неизбежно превратился в объединение коррумпированных элементов, менее всего заинтересованных в существовании своего дела. Готовящийся судебный процесс над его руководителями наглядно свидетельствует об этом*.

* Речь идёт о директоре НПЦ Владимире Борисовиче Корозине, обвинявшемся в расходовании крупных средств на реставрацию своего жилого

миллионы рублей, предназначавшихся для спасения культурного наследия, осели в карманах дельцов от культуры. В то время как часть этих денег могла – и должна была! – пополнить бюджеты города и области. НПЦ стал главным тормозом реставрационному делу Костромы, губителем некогда славной Костромской реставрационной мастерской. Как можно скорее следует восстановить Костромскую реставрационную мастерскую, помочь встать ей на ноги, а НПЦ – поставить под жёсткий контроль городской и областной администраций. Этого требуют интересы Костромы. 850-летие города – не за горами. Хоть что-то надо успеть сделать.

Л. С. Васильев, архитектор Костромской
реставрационной мастерской с 1958 г.,
Заслуженный работник культуры России,
архитектор Костромской епархии.

дома (памятника культуры). В. Б. Корозин в 1999 г. был уволен из НПЦ и вскоре стал генеральным директором ГП «Костромаоблтехинвентаризация», которым руководит до сих пор. *(Прим. изд.)*

Приложение № 3

**Исполнительный комитет Костромского областного Совета
народных депутатов
ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ**

Начальнику Костромской СНРПИМ
А. Д. Ляпину

Отдел рассмотрел предложения по реконструкции угла квартала между улицами Советской и Свердлова и считает необходимым поддержать идею развития здания бывших Присутственных мест (горисполком), внесённую архитектором т. Васильевым Л. С.

Вместе с тем, учитывая важность и значимость реконструкции в исторически сложившемся архитектурном ансамбле городской площади, полагали бы целесообразным не ограничиваться единственным предложением, а привлечь архитектурную общественность города, для чего провести открытый конкурс на проект-идею реконструкции угла квартала, ограниченного улицами Советской и Свердлова.

1 октября 1986 г. Заведующий отделом

В. Г. Смирнов.

Приложение № 4

РСФСР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОСТРОМСКОГО ГОРОДСКОГО
СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ
156000, г. Кострома, Советская площадь, 1. Телефон 7-54-07.

На № б/н от 13. 09. 1986 г.

Директору Костромской специальной
научно-реставрационной мастерской
тов. Ляпину А. Д.

Предложения архитектора Л. С. Васильева по возведению пристройки к зданию Присутственных мест со стороны площади Революции – ул. Свердлова рассмотрены на градостроительном Совете 03.10.1986 г.

Большинство членов Совета высказались в поддержку внесённого предложения.

Решили вернуться к данному вопросу после рассмотрения проекта упорядочения и сохранения застройки центрального исторического ядра Костромы в Министерстве культуры РСФСР.

Главный архитектор города

В. И. Кириленко

Архив автора. (Прим. ред.)

А КАКОЕ НАСЛЕДСТВО ОСТАВИМ ПОТОМКАМ МЫ?

Леонид ВАСИЛЬЕВ, заслуженный работник культуры РФ, в реставрации 46 лет, многие годы был главным архитектором нашей реставрационной мастерской, работал и в Ярославле, Рязани, в Сибири. Участвовал в восстановлении комплекса Ипатьевского монастыря и многих других костромских памятников, руководил работами в Щелыкове, по его проектам восстанавливались два храма за Волгой. Им подготовлен проект воссоздания взорванного в 30-е годы ансамбля собора Костромского кремля.

— Безусловно, сделано за последние годы немало. Хотя предстоит гораздо больше. Ещё в 1986 году закончил проект восстановления Ильинского храма (возле почтамта), интереснейшего памятника XVII века. Мечтаю увидеть воссозданной хотя бы его колокольню — она очень изящная, да к тому же и денег на восстановление требует не так много: основание её, к счастью, сохранилось. Недавно по собственной инициативе закончил ещё один проект — храма Воскресения на площадке.

Радуюсь, что буквально на днях будет воссоздан Российский герб на

Печатается по публикации в газете «Северная правда» (Кострома), 16 апреля 2004, с. 4, где было помещено под общим заголовком в подборке высказываний разных авторов. (Прим. ред.)

фронтоне пожарной каланчи. Аналогичный символ украшал прежде и портик гауптвахты, его тоже необходимо восстановить. Поддерживаю идею воссоздания замечательного памятника Ивану Сусанину, выполненного Демут-Малиновским.

Но вот душевно ранило меня уничтожение сквера на «сковородке»*. Здесь, по-моему, никакой речи не может быть ни о каком строительстве торговых павильонов, сквер должен существовать как место отдыха. Вообще усматриваю опасную тенденцию, когда серьёзные градостроительные решения, во многом судьбоносные для исторического города, сегодня принимаются келейно, без общественного обсуждения, с благословения специалистов, никогда не имевших дела с реставрацией. Благодаря эклектической застройке последних лет потеряли своё неповторимое очарование многие улицы старой Костромы. Такая же участь может постигнуть и центр города. Считаю, что воинствующие дилетанты могут причинить сегодня не меньше вреда городу, чем воинствующие безбожники в 30-е годы прошлого века.

---

* Народное название главной площади города Костромы, Сусанинской.
(Прим. ред.)

ПИСЬМО В ГАЗЕТУ «СЕВЕРНАЯ ПРАВДА»

Сравнительно недавно газета «Северная правда», знакомя своих читателей с памятными датами из истории отечественной культуры, поведала им любопытную новость. Сообщив о круглом юбилее доктора искусствоведения Веры Григорьевны Брюсовой, недвусмысленно назвав её весьма почтенный возраст (что в отношении дам вообще-то не принято), автор публикации М. П. Магницкий объявил её не более не менее руководителем реставрационных работ, проводившихся в своё время в Ипатьевском монастыре.

Трудно судить, из каких источников почерпнул он эти сведения – из уст ли почтенного юбиляра, или из иных. Но ради попорченной истины мы обязаны заявить: сказанное г. Магницким ложно.

В. Г. Брюсова, работавшая в 50–60-е годы в Ярославской реставрационной мастерской в качестве художника-реставратора и искусствоведа, периодически наезжала в наш город, чтобы проделать несколько реставрационных экспериментов на фресках часовни у Святого озера и в Троицком соборе. Ипатьевского монастыря. Работая попутно в Костромском областном архиве, она составила в это время ряд ценных выписок из истории монастыря.

Однако практическая работа её этим и ограничилась. Появившееся вскоре искусствоведческое описание Ипатия, выпущенное в виде небольшой

Текст коллективного письма, датируется по содержанию сентябрём 1992 г. // Архив автора. Публикуется впервые. (Прим. ред.)

книжки, запомнилось больше всего сенсационным сообщением об якобы существующем захоронении Ивана Сусанина под Троицким собором. Это оказалось блефом.

Ни о каком руководстве В. Г. Брюсовой реставрационными работами в монастыре не может быть и речи. Художники-реставраторы Костромской реставрационной мастерской – А. Малафеев, Е. Ильвес, Д. Губочкин, Е. Марев, Е. Рыбцов, – в течение ряда лет возродившие более 4000 квадратных метров фресок Троицкого собора, работали по технологии реставраторов Софии Киевской. В Киеве они стажировались, киевские мастера были их консультантами.

Тем более странно предполагать, что она могла руководить реставрацией монастырских зданий. Это попросту вне её компетенций. Если и следует говорить о чём бы то ни было руководстве при реставрации стен и зданий Ипатия, то только о периодической консультативной помощи со стороны Методического совета при Министерстве культуры СССР. Все практические вопросы, в том числе самые запутанные, как правило, решались на месте костромскими архитекторами-реставраторами. Ими были: И. Шевелёв, Л. Васильев, В. Шапошников и В. Баранов. Решением инженерных вопросов ведал инженер-конструктор мастерской Л. Н. Васильева. И, конечно, решающая роль в деле возрождения архитектурного комплекса принадлежит мастерам-каменщикам мастерской – И. Коваленко, К. Кулигину, Л. Шишову, В. Груничеву, выросшим в своём деле до уровня первоклассных мастеров.

Неоценима роль в возрождении Ипатьевского монастыря, да и вообще в становлении Костромской мастерской, её главного архитектора – Калерии Густавовны Тороп. Это был истинный идейный руководитель реставрационного коллектива, его воспитатель, великолепный организатор дела. И при этом – предельно скромный человек.

Есть люди, скромно работающие; есть люди, паразитирующие на их труде, – так устроен мир. Но именно последние создают общественное мнение –

зачастую, вследствие своей необъективности, несправедливое. И долг наш – время от времени восстанавливать истину.

Костромские реставраторы*.

Гонорар просим перечислить в фонд газеты «Северная правда».

---

* Письмо написано после опубликования «Северной правдой» 1 сентября 1992 года очередного выпуска «Краеведческого календаря», постоянным автором которого был историк и краевед Михаил Павлович Магнитский (1924–1995); – а не Магницкий, как у Л. С. Васильева. М. П. Магнитский писал: «8 <сентября> – 75 лет со дня рождения доктора искусствоведения Брюсовой Веры Григорьевны, руководившей реставрационными работами Ипатьевского монастыря в 1958–1961 гг., автора книг “Ипатьевский монастырь”, “Гурий Никитин”, “Русская живопись XVII века” и многих других». Книга В. Г. Брюсовой «Ипатьевский монастырь», о которой пишут оба автора, вышла в Москве в 1982 году. (Прим. ред.)

Сердцу дорогое

ЭТО – ПАМЯТЬ ИСТОРИИ

Мысль об этой статье родилась у двух старых товарищей, встретившихся недавно в Йошкар-Оле, городе родном и близком обоим. Один – Леонид Васильев, архитектор, живет в Ярославле и занят реставрацией Ростова Великого. В его послужном списке – работы по восстановлению усадьбы драматурга А. Н. Островского в Щёлково, памятников старины в Костроме, Рязани и других заповедных исторических местах. Второй – журналист Владимир Медведков. Сегодня газета предоставляет им слово.

В 1984 ГОДУ мы будем праздновать 400-летие Йошкар-Олы. Четыре века стоит на земле город, свидетель бурных исторических событий. Много унесло и рассеяло с тех давних пор время в своём неудержимом беге. Тем важнее теперь сохранить памятники зодчества, носители примет старины, духовной и материальной культуры.

Что же надо, на наш взгляд, сберечь, сохранить для будущих поколений в архитектурном наследии Йошкар-Олы?

Обязательно следует сохранить всё, что связано с установлением Совет-

---

Статья Л. Васильева и В. Медведкова печатается по тексту публикации в газете «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 25 марта 1979 г., с. 3, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

ской власти в городе и марийском крае. Такие, например, дома, как двухэтажное здание бывшей типографии на углу улиц Советской и Коммунистической, дом с колоннами напротив и здание на улице Карла Маркса напротив Ленинского садика.

Из наиболее давних сооружений представляет большой интерес так называемый Дом Пчелиных на улице Карла Маркса, 27. Двухэтажный каменный, редкий в стране тип гражданского здания первой половины XVIII века, типологически связанного с приёмами гражданской архитектуры конца XVII в. Это здание, полное исторических и архитектурных загадок. Вместе с Вознесенской церковью оно составляет единый, незабываемый по силе впечатления комплекс.

Требует бережного сохранения и ухода дом по улице Анисимовской, 40. В нём некогда жил один из классиков марийской литературы С. Г. Чавайн, о чём говорит мемориальная доска на фасаде. Но дом интересен также и как одно из древнейших городских зданий. В доме переделаны окна, хотя в основном он сохранился. Совершенно неизвестно происхождение этого дома, а он занимает важное место в панораме набережной.

К памятникам прошлого необходимо бережное отношение. Еще недавно на углу улиц Советской и Красноармейской стоял деревянный ампирный особняк с колоннами. Не взирая на охранную доску на фасаде, его всё-таки снесли в 1975 году.

В советское время в городе возведено несколько интересных домов: один расположен напротив почтамта, построен местным архитектором Суриковым; здания Республиканской библиотеки (архитектор Семёнов), Министерства внутренних дел (архитектор Семёнов), почтамта, три одинаковые школьные постройки (школы № 7, 9 и 10 – в бывшей школе № 9 сейчас военкомат), школа № 11 (архитектор Янцевинов).

Архитекторы Семёнов и Янцевинов – талантливые зодчие, первые марийские градостроители.

Неплохо бы на их творениях установить охранные доски с указанием фамилий авторов, как сделано, например, на здании Казанского вокзала в Москве.

Несколько слов хотелось бы сказать о ландшафтной архитектуре как об одном из элементов охраны природы и городской среды, влияющих на облик города или села. Неть числа примерам, когда строители уничтожают всю окружающую зелень. Следует ещё раз напомнить, что недавно принятое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» обязало Госстрой СССР внести изменения в действующие нормативные документы по проектированию и строительству различных объектов, сделав серьёзную поправку на требования охраны природы. В дело ландшафтной, оформительской, малой архитектуры следует привлекать архитекторов, дизайнеров, художников-оформителей, как недавно предложено в «Марийской правде» хорошей статьёй «Архитектор, дизайн и городская среда» Г. С. Ткаченко. Наши города, посёлки, деревни и сёла должны выглядеть красиво, нарядно, со вкусом оформленными.

И право, современным архитекторам, призванным решать грандиозные градостроительные задачи, но забывающим порой о создании душевного комфорта для горожан, стоит время от времени обращаться к опыту старых мастеров, в конечном итоге, к строительной мудрости города, к народным, национальным критериям прекрасного.

Пять лет остаётся до 400-летия Красного города. Срок небольшой при нынешнем стремительном ритме жизни. Поэтому важно уже сейчас расширить подготовительную работу.

Драгоценные зёрна прошлого мы должны, обязаны сохранять для сегодняшнего и будущих поколений. Благородная цель, которая всегда воспитывала в потомках историзм мышления, патриотизм, память и уважение к предкам, к их талантливому и бесценному мастерству. На пути у бегущего време-

ни должна встать наша высокая любовь к Родине, к её истории.

Л. ВАСИЛЬЕВ,

***заслуженный работник культуры РСФСР,
архитектор-реставратор.***

В. МЕДВЕДКОВ,

член Союза журналистов СССР.

ПРЕД МАЛОЙ РОДИНОЙ В ОТВЕТЕ

Козьмодемьянск – старейший город марийского Поволжья – широко известен красотой своей гражданской застройки, террасами спускающихся с высокого берега к Волге. Здания эти, как правило двухэтажные, украшены изысканной пропильной резьбой и не имеют аналогов в других городах. В них лицо и своеобразие прекрасного города, его художественная неповторимость. Но не менее известен он был своими храмами. Располагаясь по склону берега или завершая его бровку, они служили градостроительными доминантами, а при взгляде с Волги создавали его силуэт. Большинство их разрушено в годы большевистского безвременья, иные уцелели, но обезображены. В результате старинный город, где прежде малое соподчинялось большому, утратил былую стройность и внутреннюю градостроительную логику. К счастью, в последние годы ощущаются признаки пробуждения исторического сознания, многие начинают понимать, чего мы лишились с 1917 года. Пробуждается чувство Родины, боль за судьбу Российской культуры. Отрадно, что восстанавливается Троицкая церковь, с её колокольней, заметно оживившей городскую панораму, восстановлены здания Смоленского собора, Стрелецкой часовни. Но есть в Козьмодемьянске храм – полузабытый, малодоступный для обозрения, ибо занят местным пивзаводом. Это Тихвинская церковь,

---

Статья Л. Васильева печатается по тексту публикации в «Козьмодемьянском музейном вестнике», 1991, с. 4, с небольшой корректорской правкой.
(Прим. ред.)

стоящая в восточной части города, над Кузнецким оврагом. Церковь, построенная в 1827 году на средства прихожан, и по времени и по внешнему облику принадлежит к эпохе высокого классицизма. По благородству пропорций, лаконизму изящно прорисованных деталей, по ощущению общего величия, она единственная в городе. Нет ей аналогов и во всей республике. Композиционно она состоит из четверика, увенчанного световой ротондой и куполом, полукруглой апсиды, одноэтажной трапезной и двухъярусной, квадратной в плане, колокольни. Многие из первоначального облика в ней утрачено. Разрушен северный четырехколонный портик четверика (аналогичный ему, уцелевший, южный портик с фронтоном ещё сохранил единственную ионическую капитель на крайней к востоку колонне). Исчезли завершения купольной ротонды (главы) и шпиль колокольни. Окончательно обезобразил храм нелепый объем второго этажа над трапезной. То же, что натворили новейшие хозяева внутри, не поддается описанию. Это, увы, типичный пример вандализма по отношению к прекрасному зданию, кощунства к духовной святыне, презрения к истории страны и памяти предков. Несомненно, Тихвинский храм надо спасать. Как бы трудно нам ни было, сколько бы ни выдвигалось доводов в пользу иных, более насущных задач, – долг нашего поколения, долг нравственный, спасти, что еще можно спасти. Потом будет поздно. И вопреки расхожему мнению: «Дети не отвечают за грехи родителей», – мы осмелимся возразить: «Нет, отвечают». Ибо перед Россией, перед её культурой ответить больше некому.

*Л. ВАСИЛЬЕВ, Заслуженный работник
культуры России, архитектор-реставратор
г. Кострома.*

Заповедная зона Красного города находится в опасности

Л. С. Васильев – архитектор, заслуженный работник культуры РСФСР. После окончания школы № 11 в г. Йошкар-Оле поступил в Московский архитектурный институт. Затем – работа в Рязанской, Ярославской, Костромской реставрационных мастерских. В качестве ведущего архитектора принимал участие в восстановлении Ипатьевского монастыря в г. Костроме, Никольской церкви и Покровского собора в Авраамиево-Городецком монастыре под Чухломой. При его участии восстанавливались торговые ряды в Галиче, велась реставрация усадьбы А. Н. Островского в Щелыкове. Леонид Сергеевич – автор проекта восстановления дома М. Н. Волконской в Иркутске, Покровской церкви в с. Кокшайске Марийской ССР.

ТАК распорядилась судьба, что пришлось жить вдали от родных мест. С каждым приездом в Йошкар-Олу, а бываю здесь ежегодно, видел, как изменяется город: растут новостройки, но хиреет и исчезает его древняя часть.

Тревога за судьбу старого города, его исторических и архитектурных па-

---

Статья Л. Васильева печатается по тексту публикации в газете «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 24 октября 1991 г., с. 4, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

мятников привела меня в Марийский реставрационный участок и городское отделение Общества охраны памятников истории и культуры. Описал архитектурную ценность ряда вновь выявленных памятников г. Йошкар-Олы, поделился своими опасениями о судьбе культурно-исторического наследия. Но ведь этого мало.

Если мы хотим сохранить историческую часть старого Красного города, а мы обязаны это сделать хотя бы потому, что он признан историческим городом, мы должны немедленно защититься от вторжения чужеродных, особенно высотных построек, в исторические кварталы. Поскольку многие из художественно старых зданий вследствие неразумной культурной политики уже уничтожены, следует подумать и о заполнении образовавшихся пустот. Здесь должны появиться здания, идентичные исчезнувшим, но снабжённые всеми видами современного комфорта.

Зоной заповедной, строго охраняемой, следует считать всю правобережную часть – от ул. Гоголя до ул. Л. Толстого, глубиной один-два квартала. Сюда же должна войти вся Красноармейская слобода с прибрежной парковой полосой, включая стадион «Динамо».

Наибольшую тревогу вызывает сейчас судьба двух участков: квартала между улицами Анисимовской, К. Маркса, Красноармейской и бывшим Воскресенским собором. И квартала № 4 между улицами Советской, К. Маркса, Красноармейской и Ленинским садиком.

Они входят в древнейшую часть города и, помимо историко-градостроительной ценности, имеют ценность археологическую – как место расселения первоначальных обитателей. Всякие строительные работы здесь должны предваряться археологическими исследованиями.

Ставя задачей восстановить на пустующих участках хотя бы наиболее ценное из утраченного, надо экономно использовать свободную сейчас площадь. В частности, при использовании северной части квартала № 4 неразумно отдавать её целиком под предлагаемый мемориал жертвам сталинских ре-

прессий. Создание здесь площади рядом с широкой улицей Красноармейской, ввиду наличия большого открытого пространства в сторону Вознесенского собора и моста – безграмотно с точки зрения градостроительной. Площадь, окружённая пустотой, абсурд. Уместен здесь относительно небольшой сквер с невысокой оградой, на северо-западном углу участка, с входом с ул. Советской. Здесь, в конце аллеи, обсаженной елями, можно было бы поместить или часовню, или иной мемориальный знак.

Северо-восточный угол четвёртого квартала, по моему убеждению, должен быть закреплён наиболее представительным и художественно ценным зданием старого города, пусть даже его копией, но выполненной абсолютно достоверно. Таким зданием может быть дом Таланцева, общепризнанный и варварски уничтоженный в недавние годы памятник архитектуры, обращённый на север и далеко обзриваемый с разных точек. Идентичными старым воссозданными зданиями должны быть застроены все пустующие участки по периметру квартала.

При застройке прибрежного квартала, соблюдая этот же принцип, важно учесть ещё одно обстоятельство – северный отрезок, ближайший к мосту и Вознесенской церкви, в древности замыкался деревянной крепостной стеной с башнями и рвом впереди. Именно здесь уместно и исторически оправдано воссоздание старого городского укрепления XVI века, пусть и во фрагментах. Но предварительно здесь должны пройти археологические исследования с целью уточнения места стены, башен, характера рельефа. (Мысль эта, кстати, принадлежит местному краеведу Н. П. Сафронову).

И в заключение. Все исследовательские, проектные и строительные работы в заповедной части города, конечно же, надо осуществлять под контролем ВООПИК, историков, археологов и профессионалов-реставраторов. Это неременное условие. Иначе можно таких дров наломать!

Л. ВАСИЛЬЕВ.

От редакции. Архитектор-реставратор высокого класса Л. С. Васильев в своих заметках, по сути дела, излагает концепцию сохранения заповедной части города Йошкар-Олы. В ней много оригинальных и разумных предложений, которые, надеемся, не останутся незамеченными местными архитектурной и градостроительными службами.

Не только автора, но и широкую общественность республики тревожит то, что в городе, имеющем статус исторического в числе 540 российских городов, продолжается снос исторических зданий, не согласуется с ВООПИК документация на проведение ремонтно-реставрационных работ, не учитывается мнение общественности в решении тех или иных вопросов, касающихся заповедной части.

Всех, у кого есть деловые предложения по участию в восстановлении утраченных памятников, разработке проектной документации на заповедный район, редакция «Марийской правды» приглашает продолжить начатый разговор.

Реставрация или подделка?

В ЙОШКАР-ОЛЕ, городе пусть со скромным, но неповторимым историко-архитектурным наследием, ведутся реставрационные работы на культовых памятниках. Конечно, многое из уничтоженного в годы своеобразной «культурной» революции уже не вернёшь. И шаги по возвращению памятников – это скорее первые робкие попытки, способные вызвать в лучшем случае ощущение курьёза. Однако, знакомясь ближе с методикой восстановления и его материально-финансовым обеспечением, невольно проникаешься тревогой за исход.

Почему я беру на себя смелость делать такие заключения?

Реставрация – одна из разновидностей прикладных наук. Она базируется на знании истории (в том числе истории быта, разных эпох), эстетических идеалов, последовательно сменявших друг друга в течение столетий, наконец, на инженерно-строительных дисциплинах, знании приёмов строительства, характерных для разных периодов. Она требует компетентного к себе отношения и в противном случае неизбежно обращается в профанацию.

Статья Л. Васильева печатается по тексту публикации в газете «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 19 мая 1992 г., с. 3, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

Человек, рискнувший реставрировать старинное здание, обязан свободно ориентироваться во всех направлениях архитектурных школ во временном их выражении (старорусские школы, барокко, классицизм, эклектика, модерн и др.) и конкретном воплощении (бесчисленные местные строительные школы, по-своему интерпретирующие общепринятые стилевые каноны). Реставрация заключается как в воссоздании утраченных частей здания, так и в расчистке его от поздних искажающих наслоений, восстановлении утраченного декора и, разумеется, в инженерном укреплении памятника.

Итак, что же происходит с памятниками архитектуры старого Царевококшайска, точнее, с теми немногими из них, что удостоились реставрации? Начнём с Вознесенского собора, здания середины XVIII века. Проект его восстановления (кстати, общественности города неизвестный) сделан Ульяновской реставрационной мастерской. К настоящему времени над куполом храма восстановлена глава.

Однако простое сравнение того, что было на старых снимках, с тем, что есть, убеждает, что завершение собора явно не соответствует своему прототипу. Воссозданная глава преувеличена, более массивна и выпадает из гармонического строя здания. Что это: просчёт проектировщика или отступление от проекта строителей? Есть ли на памятнике архитектурный надзор? Всё это тайна, ведомая лишь местной епархии. Но ведь судьба Вознесенского собора небезразлична не только духовенству.

Далее. Вопреки общепринятым положениям об охранных зонах, к северу от собора, в непосредственном соседстве с домом Пчелина, в недавнее время появилось новое кирпичное здание совершенно фантастической архитектуры. Его неуместность в сложившемся ансамбле не искупают ни нарочитая композиция, ни неуклюжие поползновения на «русский стиль».

Тем же набором «достоинств» отличаются новопостроенный храм (на базе полукаменного жилого дома) и шатровая колокольня к северу от Вознесенского собора, грубо имитированные под XVII век.

И всё это происходит вблизи подлинно прекрасных исторических зданий, где любые строительные преобразования должны проводиться с особым художественным тактом.

Несомненно, следует с пониманием идти навстречу церкви, но очевидно и то, что делать это следует в русле установленных законом правил. И гарантом этого должны быть органы, ведающие вопросами строительства и культуры, – служба главного архитектора города и Министерство культуры республики. Увы, в данном случае они не выполнили своих обязанностей.

Сходна судьба второго относительно уцелевшего храма – Тихвинской – бывшей кладбищенской – церкви на территории городского Парка культуры и отдыха имени XXX-летия ВЛКСМ. Она также относится к XVIII веку. Скромная по размерам и декору, обладающая особым очарованием камерности – церковь сохранила двухсветный четверик с высоким куполом и невысокую трапезную. Глава над куполом и колокольня не сохранились.

После передачи здания епархии здесь ведутся восстановительные работы. Факт отрадный, и, кажется, надо только радоваться. Но тот же непрофессионализм в работе, искажение исторического облика памятника архитектуры видим мы и здесь. По какому проекту ведется реставрация – кто видел его? Прошёл ли он экспертизу, получил ли санкцию на осуществление в органах культуры?

Снова судьба объекта общенационального культурного наследия отдана на откуп епархии, без привлечения местных специалистов, вне контроля общественности.

Уже то, что сделано, вызывает законный протест – купол церкви после ремонта оказался значительно завышен. А что ожидает нас дальше, какими будут глава и колокольня? Или нас снова поставят перед фактом?

Общественное дело требует гласности. К реставрационным работам нельзя допускать людей случайных, некомпетентных. Каждый проект реставрации памятника архитектуры требует профессиональной экспертизы и обще-

ственного обсуждения.

Необходим постоянный контроль за его выполнением. И, повторяю, активную заинтересованность в этом должны проявить службы Министерства культуры и городского архитектора.

Л. ВАСИЛЬЕВ, архитектор.

СУДЬБА АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЙОШКАР-ОЛЫ

Царевококшайск, или Царев город на Кокшаге, возник как опорный пункт Московского царства в присоединённых к нему марийских землях, следовательно, должен рассматриваться как памятник преимущественно русской градостроительной традиции. Это было поселение, огороженное оборонительными стенами, с башнями, проездными воротами и положенным набором строений, включая неприменный православный храм. Всё было выполнено в дереве – благо край был лесной.

Крепость поставили на правом, возвышенном берегу Малой Кокшаги. Противоположный берег переходил в обширные пойменные луга. Впоследствии, видимо, в XVIII в., здесь возникли слободы, из которых самая крупная, поставленная вдоль дороги в Сернур, получила наименование Красноармейской.

Топография выбранного места определила истинные границы города. С востока он примыкал к Кокшаге, с севера и юга был ограничен глубокими оврагами, которые строители крепости использовали как рвы перед стенами. Северный овраг начинался по трассе нынешней Красноармейской улицы, южный, частично сохранившийся, сейчас пересекает квартал между улицами

Публикуется по тексту, опубликованному в журнале «Марий Эл: вчера, сегодня, завтра» (Йошкар-Ола, 1994, № 2, с. 46–56). (Прим. ред.)

Гоголя и Чернышевского, Советской и К. Маркса. Западная городская граница в точности не установлена и вряд ли проходила дальше современной улицы Волкова. Со временем за крепостными стенами возник посад. Он развивался преимущественно в северную сторону и частично на запад.

С принятием в 1835 г. нового генерального плана Царевококшайск получил прямоугольную сетку улиц, более или менее ориентированных на существовавшие к тому времени крупные каменные здания – храмы и несколько жилых домов. Из храмов следует назвать кафедральный Воскресенский собор, обращённый входом на единственную в городе торговую площадь, стоявшую к югу от него церковь Троицы, Входаиерусалимскую церковь (у южной границы города), ставшую в 1888 г. собором вновь организованного женского монастыря; и крупнейший, наиболее величественный храм Царевококшайска – церковь Вознесения, на территории бывшего посада, у северной границы крепости. Место упокоения жителей города освящала небольшая по размерам кладбищенская Тихвинская церковь. Кладбище находилось на западной окраине города.

Именно храмы, высотные доминанты Царевококшайска, создавали городской силуэт, т. к. большая часть жилой застройки не превышала одного этажа. Все они построены в пределах второй половины XVIII в. и стилистически восходят к архитектурной школе «нарышкинского барокко», приёмы которого оказались популярными во многих областях Казанского и Вятского краёв.

Каменных гражданских зданий, дошедших до нас из Царевококшайска XVIII – конца XIX вв., – три. Это известный дом Пчелина на нынешней улице К. Маркса, дом Карелина на набережной Кокшаги (впоследствии в нем жил С. Г. Чавайн). Оба здания середины XVIII в., двухэтажные, по существу не исследованы и хранят в себе немало загадок. К концу XIX в. (судя по внешнему облику) относится здание бывшей уездной управы, двухэтажное, в стиле классицизма, но до неузнаваемости обезображенное в 1930 году надстройкой

3-го этажа. В 1970-е годы при реконструкции улицы Красноармейской к его торцу примкнули новый, весьма безликий корпус.

Стены и башни Царевококшайской крепости снесены с утратой их оборонительных функций. Произошло это, скорее всего, не позже середины XVIII в. Именно в это время в связи со стабилизацией политической обстановки и укреплением экономического положения многие российские города лишались былых оборонительных укреплений, ставших уже не нужными и стеснявших их естественное развитие.

Развиваясь в пределах схемы генерального плана 1835 г., Царевококшайск, превратившийся в один из уездных городов Казанской губернии, к началу XX в. достиг границ, очерченных с юга улицей Гоголя, с севера – улицей Льва Толстого, с запада – нынешней улицей Комсомольской, примыкавшей к городскому кладбищу.

Узкой лентой от неё по трассе улицы Кирпичной (ныне Коммунистической) отходила на запад слобода, имевшая название Починок. Она продолжалась до нынешнего здания пединститута.

Неким контрастом прямоугольной сетке улиц города было начертание прибрежной улицы, получившей в советское время название Анисимовской. Она огибала с востока Троицкую церковь. Неотъемлемой частью панорамы старого города была Заречная слобода с вековыми деревьями вдоль берега, впоследствии названная Красноармейской.

Центром общественной жизни Царевококшайска была Базарная площадь. Она имела прямоугольное очертание и застроена деревянными рядами с галереями по главным фасадам. Площадь располагалась между улицей Вознесенской (К. Маркса) и Покровской (Советской), прямо напротив Воскресенского собора. По оси её в поперечном к реке направлении на запад уходила Кирпичная (Коммунистическая). Она, а также улицы Покровская и Вознесенская имели наиболее представительную застройку. Здесь стояли дома состоятельных горожан, имевшие один-два этажа, часто с мезонином вверху, с

богатым резным декором. Все они, в основном, были деревянными. Впрочем, иногда, например, в домах Наумова (ул. Советская, 104), Дружинина на Базарной площади или в доме Чернова на улице Кирпичной (находившейся ранее рядом с кинотеатром «Октябрь»), нижние этажи выполнялись из кирпича. В них размещались торговые лавки. Чисто кирпичными были двухэтажные дома Корепова и Чулкова на Вознесенской улице (не говорим о построенных ранее домах Пчелина на Вознесенской и Карелина на Анисимовской), а также дом Булыгина – представительное двухэтажное здание с мезонином и полуколоннами (Советская, 102). На рубеже XIX – XX вв. был построен ещё один дом Пчелиных на улице Набережной, напротив бывшего стадиона «Динамо».

Достопримечательностью Царевококшайска был дом с мезонином Келлера-Таланцева, стоявший у пересечения улиц Покровской и Садовой (Красноармейской). Яркий образец русского деревянного ампира, он был украшен стройным четырёхколонным портиком. Он был особенно эффектен благодаря соседству с Городским садом, который был устроен в низине оврага, между Покровской и Вознесенской улицами (отсюда старое название улицы Красноармейской – улица Садовая). К сожалению, в 30-е годы нашего века овраг был засыпан, а сад ликвидирован. В 70-е годы сломан был и «Дом с колоннами», уступив место безликой силикатной коробке.

В городе было много зелени. Помимо деревьев и кустарников, у жилых домов и упомянутого Городского сада был большой липовый парк при женской гимназии, двухэтажном кирпичном здании на ул. Покровской, построенном в 1912 г. Место этого парка занимает сейчас стадион «Медик». Старые деревья украшали и женский Богородице-Троицкий монастырь с лентой белых пятен по периметру и великолепным Входеоерусалимским храмом внутри.

Достопримечательностью Царевококшайска был большой деревянный мост, построенный в начале XX в., пересекавший Кокшагу в створе улицы

Садовой, у Вознесенской церкви. Наряду с соседним Городским садом он был излюбленным местом прогулок горожан, преимущественно молодежи.

Нельзя не упомянуть и каменный комплекс городской тюрьмы с церковью; он выходил на Покровскую улицу, подле Базарной площади. Другим тюремным заведением был двухэтажный, также кирпичный Арестный дом. Он был поставлен в начале XX в. у въезда в город с юга, на Покровской улице. Позже это здание было переоборудовано под мужскую гимназию, а затем – краеведческий музей. В 1960-е годы оно расширено и надстроено третьим этажом.

Неотъемлемая часть городского пейзажа – река – была местом притяжения его жителей. Отсюда открывался наиболее пленительный вид на город с его садами и белыми храмами. Прекрасны были и пойменные луга левого берега, с синеющими вдали лесами и великолепной Сосновой рощей справа. Чуть ниже Вознесенского моста стояла водяная мельница с плотиной.

Ни в коей мере не претендуя на исключительность внешнего облика, уездный Царевококшайск тем не менее имел своё лицо, и лицо неординарное. Это был памятник той эпохи, когда люди просто не умели строить некрасиво: чувство гармонии, связи с природой было у них врождённым.

Вопреки расхожему утверждению о косности и дикой невежественности бывшей российской провинции, малые провинциальные города предреволюционной поры обладали достаточно влиятельной интеллигенцией. Не был в этом отношении исключением и Царевококшайск. Уже в начале XX в. в числе улиц города значились улицы Пушкина, Гоголя, Чехова. И это при численности населения чуть более двух тысяч.

Революция 1917 г., антироссийская по существу, разрушила естественную последовательность экономического и культурного развития государства. Оборвана была связь времён, традиций, поколений. Катастрофические последствия большевистского «эксперимента» именно сейчас предстают в своей чудовищной значимости.

В Царевококшайске, поначалу переименованном в Краснококшайск, а затем ставшим Йошкар-Олой, это выразилось сначала в закрытии, а затем в последовательном разрушении большинства церквей, в уничтожении Богородице-Троицкого монастыря. Относительно уцелели здания Вознесенской и Тихвинской церквей, но и они лишились колоколен и завершений. Троицкая церковь, поначалу утратившая колокольню, накануне Великой Отечественной войны была разрушена вплоть до нижнего яруса, превращённого затем в гараж. Соборная Воскресенская церковь, ставшая сначала кинотеатром, потом заводом, лишенная колокольного завершения, в 1945 г. по воле властей неожиданно становится действующим храмом. Однако «ренессанс» был недолгим. В 1959 г. в разгар «хрущёвской оттепели» церковь окончательно разрушили, оставив, правда, под землёй подвальные помещения.

Излишне говорить, что с утратой храмов силуэт города, как таковой, исчез, а внутригородские пространства лишились высотных ориентиров.

Впрочем, жизнь неоднозначна. И как ни старались новоявленные идеологи перекроить душу народную, традиционное понимание искусства, тяга к нему все же пробивалась сквозь кору новых идейно-эстетических догм. Примечательно, что в Йошкар-Оле, не говоря о более мелких населённых пунктах республики, так и не привился модный в 20 – 30 годы конструктивизм – воплощение ненационального космополитизма. Зато здесь неожиданно расцвёл, оставив несколько ярких образцов, своеобразный стиль деревянного модерна, сплавленного с исконными традициями местного деревянного зодчества. Автором наиболее известного из них – здания бывшего Русского драмтеатра на улице К. Маркса – был Гвоздецкий, самобытный архитектор-художник. Он же был автором интересного особняка-терема, стоящего и поныне на углу улиц Пушкина и К. Маркса.

Событием в жизни города стало появление в 1920 годах на углу улиц Пушкина и К. Маркса двухэтажного с угловыми башнями, рубленного из дерева здания бывшего горисполкома. Впоследствии оно было продолжено по

улице Пушкина. Как и здание театра, оно построено санчурскими плотниками и несёт на себе все признаки их почерка.

Поисками новых композиционных решений при сохранении традиционных связей с местной художественной школой отмечен ряд деревянных зданий, построенных в городе в 30-е годы. Все они двухэтажные и имеют симметричные фасады. Например, бывший Дом пионеров на улице Советской, три жилых дома на углу квартала напротив аптеки № 1 (ул. Советская и Красноармейская), жилой дом на улице Чехова (угол улицы Волкова). Как правило, они имеют резные балконы с навесами над ними.

С приобретением статуса столицы республики в Йошкар-Олу переводятся Поволжский лесотехнический институт, ещё ранее, в 1925 г., организуется педагогический институт. Построенные для них каменные здания в стиле раннего советского классицизма интересны по архитектуре и представительны. К сожалению, здание пединститута впоследствии было испорчено неудачной пристройкой, а Лесотехнического института – вообще разрушено и заменено другим.

Со второй половины 30-х годов постепенно разворачивается каменное строительство. Предпринимаются первые попытки создать целостные архитектурные комплексы. Местом нового строительства избирается южная и отчасти западная часть города. Крупнейшим из созданных в эти годы зданием был Дом Советов, поставленный на тогдашней городской окраине. Спроектированный московским архитектором А. Гринбергом по схеме конструктивизма, в натуре он был решительно изменён, получив внешний декор в стиле входившего в моду раннего сталинского классицизма.

Несомненной удачей следует признать новую застройку улицы Советской в районе улиц Пушкина и Гоголя. Речь идет о комплексе так называемых «правительственных» домов на восточной стороне улицы и зданиях фельдшерско-акушерской школы и почтамта.

Красивое здание универмага, ресторан «Онар» с портиком главного вхо-

да, трёхэтажное общежитие пединститута, построенные в те годы на улице Советской, превращали её, несомненно, в наиболее престижную улицу. В то же время здесь в неприкосновенности сохранялись многочисленные деревянные особняки старого Царевококшайска – и чисто жилые, и с магазинами внизу. Преображаясь и благоустраиваясь, Йошкар-Ола не теряла своего лица.

Значительными по архитектуре стали построенные в те годы здания 9-й, 10-й, 11-й школ. Особый интерес вызывает архитектура здания республиканской библиотеки с её прекрасным читальным залом, а также старого здания министерства внутренних дел. Два последних здания построены местным талантливым архитектором К. Семёновым, к сожалению, мало известным и не оценённым у себя на родине.

Впрочем, ничего не скажут нынешнему обывателю имена Янцевинова, Сурикова, Самсонова, Калинина, Самойлова – талантливых архитекторов, создававших город, его площади, ансамбли зданий. Грустно, но история ничему не учит нас, и нравственный прогресс общества более чем сомнителен.

Оценивая развитие города Йошкар-Ола после 1917 г., нельзя не заметить, что вплоть до 1960-х годов, реконструируя и расширяя город, проектировщики действовали в русле градостроительных принципов, заложенных еще генпланом Царевококшайска от 1835 г., вольно или невольно придерживаясь приёмов русского классицизма. Этот стиль, весьма гибкий в конкретном применении, отличает стройность архитектурных и градостроительных решений, их предсказуемость и внутренняя логика.

Блистательное подтверждение этого – ансамбль площади В. И. Ленина, созданный в Йошкар-Оле в 1950 – 60-е годы, застройка Пушкинской улицы, а также бульвар Чавайна, стрелой рассекающий город от парка культуры и отдыха до Заречной части и уходящий далее на восток.

При всей величавости эти ансамбли человечны, ибо соразмерны человеку. В том, что они стали нашим культурным достоянием и подлежат охране, нет сомнения.

Общеизвестно, что архитектор (если он таковым является), получив задание что-то построить, обязан, прежде всего, ознакомиться с местом строительства, учесть особенности, масштаб, высотность существующих рядом зданий и строить новое, сообразуясь с окружением. Если это – элементарное правило, и профессиональное, и нравственно-этическое, то нигилизм – символ распада и художественно бесплоден.

1970 – 80-е годы – время нарастающей дегуманизации общества – совпали со сменой поколений творческой интеллигенции. Для Йошкар-Олы это выразилось и в том, что ушли из жизни старые архитекторы, кровно связанные с городом. К несчастью, новое поколение архитекторов оказалось практически неспособным оценить ни художественное своеобразие города, ни его традиции. Результат налицо. Именно в последние годы уничтожено большинство исторических кварталов вдоль улиц Советской, Волкова, Горького, Чехова, Анисимовской и Чернышевского. Дом Таланцева, деревянное здание Русского театра, масса уникальных особняков – всё, чем определялось историческое лицо города, исчезли. А между тем, в разгар этого погрома Йошкар-Ола получает статус исторического города Российской Федерации, акт благодетельный, но, увы, запоздалый.

Итак, что такое нынешняя Йошкар-Ола, каков удельный вес её исторической части и каково его состояние? Какой путь избрать для сохранения и восстановления того ценного художественного и исторического, что ещё осталось? Вот те мучительные вопросы, что неизбежно придётся решать нам.

Ни по занимаемой площади, ни по объёму населения нынешний город Йошкар-Ола не сопоставим с прежним Царевококшайском.

В настоящее время снесена большая часть исторических кварталов. Некоторые из них застроены художественно полноценными зданиями 30 – 50-х годов нашего века, эпохи своеобразного советского «ренессанса». Часть квартала, как правило, с нарушением исторически заданных красных линий, занята громоздкими, абсолютно не увязанными с исторической средой домами-

монстрами. Это здание АТС на улице Советской и дома по улице К. Маркса (у бульвара Чавайна и Вознесенской церкви). Называем наиболее вопиющие примеры. Все они детища нынешних йошкар-олинских градостроителей.

Но остались два-три участка старого города, где прежняя застройка снесена, но пока нет новой. Именно на них следует обратить особое внимание. Речь идёт, прежде всего, о квартале № 4, ограниченном улицами Советской, Красноармейской, К. Маркса, площадью Революции. Здесь уцелел ряд первоначальных зданий с южной и частично с восточной стороны. Соседство этого квартала с Вознесенской церковью, Воскресенским собором и Троицкой церковью (хотя здания последних двух пребывают в жалких остатках) говорит само за себя. Здесь место древней крепости, отсюда начинался город, и оно должно остаться заповедным.

Здесь недопустима многоэтажная каменная застройка с её унифицированной безликостью. По существу, этот участок представляет единственный шанс, где можно воссоздать исторический квартал во всем его характерном (хотя бы внешне) своеобразии. И шанс этот нельзя не использовать.

При реализации застройки 4-го квартала возможны два варианта. Первый – буквальное повторение всех стоявших в последние годы зданий и существующих малых форм: заборов, ворот, скамеек, тротуаров. Второй – при сохранении оставшихся строений заполнить пустующие места копиями наиболее художественно ценных зданий из числа уничтоженных за последние десятилетия. В этом случае было бы возможным восстановление дома Таланцева с соответствующей усадьбой, а также создание мемориала жертв сталинских репрессий.

Сохранились, к счастью, ещё два уголка старого города, где всё дышит былой живописной Россией. Это цепочка кварталов по правому берегу Кокшаги, начиная от бывшего Вараксина (ныне ул. Чапаева) и кончая Вознесенским мостом. Здесь сохранилось всё или почти всё от старой застройки и старого ландшафта. Это район Набережной улицы.

Через реку прямо напротив стоит старинная слобода (Красноармейская). В 1920-е годы на берегу, рядом с ней, были открыты первый в городе стадион «Динамо» и водная станция. Районы Набережной и Слободки очень живописны, полны зелени, но страдают, увы, извечной бедой: дома, составляющие их застройку, особенно «жэковские», крайне изношены и лишены элементарных удобств. Это относится, прежде всего, к Слободе. Для обеспечения этих районов условиями современного комфорта нужны средства, и немалые. Сложность задачи и в том, что, обеспечивая жителей этих районов отоплением, водопроводом, канализацией, необходимо сохранить одновременно внешний облик наиболее ценных построек, ибо места эти заповедные.

Тем не менее, выход существует. Дома, совершенно аварийные и относящиеся к так называемой «фоновой» застройке, вполне правомерно заменить равновеликими им особняками, выполненными по индивидуальным проектам с учётом колорита места. Эти дома должны иметь весь комплекс необходимых удобств.

Дома особой значимости при реконструкции могут быть модернизированы путём добавления каменных пристроек с тыльной стороны – для размещения ванн, кухонь, санузлов. Следует отметить, что канализация в подобных случаях вовсе не обязательно должна иметь выход в общегородскую сеть: вполне допустимы индивидуальные отстойники, тем более что при каждом доме здесь имеются огороды.

И всё же, при любого рода работах на Набережной и Слободе, должны соблюдаться главные условия – сохранение колорита старого города, его ландшафтного характера.

Особого внимания требует проблема сохранения и реставрации культурных зданий (в дальнейшем воссоздания утраченных церквей и колоколен, столь важных в облике исторического города). Все они являются памятниками архитектуры и, как таковые, не допускают никаких искажений, нарушения изначального вида, какими бы функциональными нуждами это ни вызыва-

лось. Таков закон, принятый в цивилизованном мире. Прекрасно знают об этом в Министерстве культуры республики, работники Ульяновской реставрационной мастерской, курирующие работы на Вознесенском храме Йошкар-Олы. Тем не менее, восстановление этого храма ведётся с грубейшими искажениями первоначального облика. Произвол, игнорирование законодательства давно стали нормой в нашем, увы, не богоспасаемом городе.

И ещё об одном следует сказать. С течением времени невольно меняются оценки тех или иных явлений. В нашем случае получило объективную оценку построенное в г. Йошкар-Оле за советские годы. И при всех скидках на ностальгические чувства нельзя не признать, что построено было немало оригинальных красивых зданий. Жаль, что не оцененные последующими поколениями некоторые из них были сломаны. Тем более следует хранить то, что ещё осталось от эпохи 20 – 50-х годов. В зданиях тех лет, в ансамблях, перспективах улиц и площадей запечатлены идеалы ушедших поколений, их святы, пусть и несбывшиеся, надежды на конечную победу добра.

АВТОБИОГРАФИЯ

Происхожу из фамилии потомственных земских учителей. Известно, что прадед мой, Дмитрий Васильевич Васильев, был сельским земским учителем в Казанской губернии. Земскими учителями служили и оба его сына, окончившие в начале века Казанскую учительскую семинарию, и бабушка моя. Учителем, а затем преподавателем в институтах Йошкар-Олы стала моя мать, по окончании в 1936 г. Московского педагогического института им. К. Либкнехта (на Разгуляе). Там, в Москве, 14 июня 1934 г. родился и я. Отец мой, окончивший московскую Тимирязевскую академию по кафедре гидротехники, в 1936 г. был арестован, в 1938 г. расстрелян (по 58 статье), в 1957 г. реабилитирован. Фактически не зная его, я воспитывался одной матерью, сопровождая её по местам её службы. Это были – Ульяновск, Калинин, посёлок Черногубово. С 1938 по 1952 год жил в Йошкар-Оле, окончил там среднюю школу № 11 с золотой медалью.

Актом провидения стал для меня временный переезд меня и мамы летом 1945 г. в Ленинград. Там я впервые увидел подлинную, великую архитектуру, и те впечатления, поначалу не осознанные, определили впоследствии выбор профессии, саму службу.

В 1952–1958 гг. учился в Московском архитектурном институте, уже тогда педагогически бесплодном. Вышедшее в те времена правительственное постановление о пресловутых «архитектурных излишествах» и последовав-

шее за этим изменение педагогических установок окончательно дезориентировали учащуюся молодёжь. Единственно ценным, что могло дать это учебное заведение, – было основательное знакомство с историей мировой архитектуры, градостроительства, изобразительного искусства вообще. Этому способствовала уникальная научная библиотека института.

15 сентября 1958 г., по распределению, был зачислен в Костромскую специальную научно-реставрационную производственную мастерскую, фактически, в силу своего авторитета, руководимую тогда и впоследствии – Калерией Густавовной Тороп, главным архитектором мастерской. Блестящий организатор реставрационного дела, глубоко болеющая за судьбу памятников искусства, она была воспитателем целой группы молодых архитекторов и художников – и не только в узкопрофессиональном отношении. Заботясь о расширении их кругозора, она организовывала ознакомительные поездки по многим культурным центрам России.

Итак, с осени 1958 г. я работал в Костромской реставрационной мастерской. В круг моих обязанностей входили обмеры, исследования, составление проектов реставрации, их практическое осуществление – культовых и гражданских зданий Костромы. Они значатся в реестре памятников архитектуры. Не буду перечислять их здесь. Они указаны в прилагаемом общем списке. Укажу лишь на разнообразие объектов. Здесь были и храмы (каменные и деревянные), монастырские здания разной степени сложности (в основном каменные), монастырские стены, ворота к ним, иконостасы, паникадила, часовни, разнообразная мебель в старые здания. Из гражданских зданий – жилые дома (деревянные и каменные), костромская каланча, торговые ряды, крестьянские деревянные усадьбы, мемориальный комплекс усадьбы «Щельково».

Попутно, числясь в КСНРПМ, пришлось работать в с. Шушенском Красноярского края, при создании мемориального Ленинского комплекса. Был командирован туда Министерством культуры СССР в январе 1969 г. Команди-

ровку продолжили и в начале 1970 г. В 1969 г. участвовал в создании Ленинской мемориальной усадьбы в г. Минусинске.

За проделанную в Шушенском работу в 1970 г. утверждён участником ВДНХ СССР, удостоен звания Заслуженного работника культуры РСФСР (указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 апреля 1971 г).

В 1974–1975 гг., по ходатайству Министерства культуры РСФСР, был командирован в г. Иркутск для участия в работе по созданию мемориала «Сибирская ссылка декабристов». Обмерил, провёл натурные исследования, составил проект реставрации дома княгини М. Н. Волконской. Работал над усадебными постройками.

Вкусив прелесть странствий (может, подчас и сомнительную), весной 1976 г., почти неожиданно для себя, я поддался на настойчивые приглашения из Рязанской реставрационной мастерской и перешёл к ним. Оглядываясь в прошлое и признавая все минусы сделанного тогда шага, всё же должен сказать: ни о чём не жалею. В Рязани, точнее – в Солотчинском монастыре, мне привелось работать на первоклассном памятнике архитектуры «нарышкинского барокко» – церкви Сошествия Святого Духа.

К сожалению, срок моего жительство там был недолгим. У меня не было жилья.

В конце декабря 1977 г., по приглашению Ярославской реставрационной мастерской, я оказался в Ярославле. Здесь проработал по март 1986 г. Семь лет из этого срока был главным архитектором мастерской. Среди работ этой поры – памятники архитектуры Ярославля, Ростова Великого, Тутаева. Наряду с этим выполнял немало других работ (среди них две беседки-ротонды на Волжской набережной Ярославля).

В марте 1986 г., закончив круг странствий, возвратился в Костромскую реставрационную мастерскую, в то время ещё дееспособную. Из реставрационных объектов последних лет, с которыми работал, можно упомянуть церковь Ильи Пророка на Городище, церковь Ильи Пророка на Русиной ули-

це, церковь Вознесения на Дебре. Главной же работой этой поры стало составление проекта полного восстановления соборного ансамбля Костромского кремля. Мне выпала честь работать над главным зданием ансамбля – кафедральным Богоявленским собором, с его 65-метровой колокольней. Сделан проект стоявшей неподалёку Царской беседки.

Кремлёвский ансамбль г. Костромы включал в себя Богоявленский и Успенский соборы, ограду с несколькими воротами, в том числе – Святыми. На все из них сделаны рабочие чертежи. Что касается двух соборных домов, входивших в комплекс, они, к счастью, сохранились.

Выпавшая на мою долю, в последние годы, болезнь обоих глаз, операции на них надолго вывели меня из строя. Работать приходилось с трудом, урывками. Затем стала болеть моя мать, жившая в г. Йошкар-Оле. Последние три года большей частью я провёл там, подле неё.

И там я работал на памятниках архитектуры, в основном на культовых зданиях. Проектировал, вёл практические работы на общественных началах. Сотрудничал с местным отделением Общества охраны памятников, выступал в местной печати с защитой архитектурного наследия.

Через неполных 10 лет по возвращении в Кострому я удостоверился в окончательном развале реставрационной мастерской, некогда славной по всей России. С 15 июля 1995 г., по приглашению епископа Костромского и Галичского Александра, перешёл на службу в Костромскую епархию, на должность епархиального архитектора.

Я вижу в этом последнюю возможность быть полезным, помочь в восстановлении памятников русского зодчества. А их так много гибнет вокруг.

15 октября 1995 г.

**Перечень проектов Л. С. Васильева,
выполненных в 1958–2008 гг.**

КОСТРОМА

Костромской кремль:

- 1). Кафедральный Богоявленский собор (1989–1992 или 1989–1993; не осуществлён);
- 2). Царская беседка (1992; не осуществлён).

Богоявленско-Анастасиин монастырь:

- 3). Главные ворота, восточная, южная и западная стены Богоявленского монастыря (1988 или 1993; осуществлён);
- 4). Часовня Богоявленского монастыря (1990 или 1993);
- 5). Восточный корпус (2000).

Знаменский монастырь:

- 6). Знаменская церковь на Дебре (1995);
- 7). Сестринский корпус (1995 или 1996; осуществлён);
- 8). Колокольня Знаменской церкви (1998).

Ипатьевский монастырь:

- 9). Ограда: стены и ворота (1959–1965);
- 10). Троицкий собор (1960);
- 11). Братский корпус, 2-й этаж (1960);
- 12). Архиерейский корпус (1964–1969; осуществлён).

Храмы, часовни:

- 13). Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе (1958–1962; осуществлён);
- 14). Часовня Животворящего Креста на Святом озере (1959; осуществлён)*;
- 15). Церковь Воскресения на Дебре (киоты к иконостасу – 1962, Царские врата – 1995 или 1998);
- 16). Церковь Спаса в рядах с колокольной (1968; осуществлён);
- 17). Спасская церковь за Волгой (1973–1974; осуществлён);
- 18). Церковь Ильи Пророка на Русиной улице (1986, не осуществлён);
- 19). Ильинская церковь за Волгой (1986; осуществлён);
- 20). Мемориальный комплекс с часовней и видовой площадкой на Городище за Волгой (1986 или 1992; не осуществлён);
- 21). Церковь Вознесения на Дебре (1987; осуществлён частично);
- 22). Часовня Феодора Стратилата у Вечного огня (1993; осуществлён);
- 23). Свято-Тихоновский храм в Давыдовском-2 (1997);
- 24). Церковь Иоанна Кронштадского на Привокзальной улице (2000) <?>;
- 25). Часовня на Заволжском кладбище (2000–2002);
- 26). Часовня Феодора Студита при Чижовском училище (2001, 2006);
- 27). Церковь Василия Блаженного в Селище (2002);

---

* В Списках Л. С. Васильева она названа Фёдоровской часовней на Святом озере – это неверное название было тогда принято. (*Прим. ред.*)

- 28). Храм в посёлке Ребровка (2002);
- 29). Церковь Серафима Саровского в Малышкове (2003);
- 30). Церковь Воскресения на площадке (2004, не осуществлён);
- 31). Церковь Иоанна Предтечи (?; не осуществлён);
- 32). Часовня на Лазаревском кладбище (?).

Гражданские здания:

- 33). Дом Акатова на Русиной улице (1960);
- 34). Дом училища слепых (1963; осуществлён);
- 35). 5-й корпус Рыбных рядов (1971);
- 36). Квасные ряды (1972);
- 37). Присутственные места (1986 или 1987–2990; не осуществлён);
- 38). Магазин «Цветы» (1987);
- 39). Проект восстановления видовой площадки на Каланче (1987);
- 40). Дом № 31 на ул. Комсомольской (1988);
- 41). Дом № 19 на Русиной улице (1988 или 1992);
- 42). Дом № 21 на Русиной улице (1988 или 1992);
- 43). Новый корпус культпросветучилища в Банковском переулке (1988);
- 44). Служебное здание в ограде Ильинской церкви за Волгой (1989 или 1991; осуществлён);
- 45). Церковный дом на углу Лавровской и Сенной (1989 или 1992; не осуществлён);
- 46). Красные ряды;
- 47). Большие Мучные ряды;
- 48). Пряничные ряды с Никольской часовней;
- 49). Табачные ряды*;
- 50). Торгово-выставочный центр на ул. Советской, 67 во дворе Дома Кор-

---

* Красные, Большие Мучные, Пряничные и Табачные ряды помечены Л. С. Васильевым 1965–1969 гг. (*Прим. ред.*)

саковых (2004; не осуществлён).

Остальное:

51). Проект ограды на могилу Ф. А. Голубинского (1989; осуществлён);

52) Проект крестов и ограды на могилы А. А. Григорова и М. Г. Григоровой (до 1992 г.; не осуществлён);

53). Проект Детского сквера при Театре кукол (2001);

54). Проект мемориала В. В. Розанова (2002; не осуществлён);

55). Венчания обелисков Московской заставы на набережной р. Волги (начало 1990-х гг.). Восстановлены в 1993 г.

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Антропово

55). Храм в Антропове (1990-е — 2000-е; осуществляется по проекту, сделанному Л. С. Васильевым для храма в Николо-Поломе, построенного там с отступлениями от проекта);

Буй

55). Часовня Параскевы Пятницы на центральной площади (проект — 1999, открытие — 2000 или 2002);

56). Церковь Святителя Николая Чудотворца и Феодоровской иконы Божией Матери (2003).

Буйский район

Макариево-Писемский монастырь:

57). Сестринский корпус (1995 или 1996; осуществлён).

Вохма

58). Храм в посёлке Вохма

Галич

Галичский Паисиев монастырь:

59). Успенский собор (1997);

60). Святые ворота (2003);

61). Колокольня церкви Василия Великого в Рыбной слободе (1995; осуществлён);

62). Духовный центр (1996–98; осуществлён);

63). Никольская часовня Староторжского монастыря (2002);

64). Колокольня Богоявленского храма (2004);

65). Корпус 2 торговых рядов (?);

66). Проект восстановления Вознесенской церкви (не позднее 2004 г.);

67). Историко-архитектурная справка о Введенском храме (1990-е — 2000-е);

68). Проект оформления нового кладбища (1990-е — 2000-е; не осуществлён);

69-71) четыре поклонных креста: два по одному и тому же проекту, и два по индивидуальным (разным) проектам, в том числе на Балчуге, рядом с видовой беседкой (1990-е — 2000-е; осуществлены).

Галичский район

66). Каменная часовня д. Лобачи (2003);

67). Проект реставрации (при участии Александра Петровича Чернова) и историко-архитектурная справка о Никольском храме с. Холм (1990-е).

Кадыйский район

67). Свято-Духовская церковь в селе Завражье (2002).

Кологривский район

68). Проект надгробия Е. В. Честнякову (1987; не осуществлён).

Костромской район

69). Проект деревянного храма в с. Ильинском (1996);

70). Храм села Жданово (Шувалово) (2002);

71). Часовня села Афёрово (2002).

Красное-на Волге

72). Церковь Богоявления: проект иконостаса и мемориальных крестов (1995).

Макарьев

Макариево-Унженский монастырь:

73). Часовня (1973);

74). Успенская церковь (1973);

75). Макариевская церковь (1973);

76). Собор Тихвинской иконы Божией Матери (собор Александра Нев-

ского) в г. Макарьеве (апрель 2008).

Мантурово

77). Храм Николы Мокрого (1999).

Октябрьский район

78). Храм в селе Боговарове (2003).

Островский район

Музей-заповедник А. Н. Островского «Щельково»:

79). Мемориальный дом (1965);

80). Усадьба Соболева (1968 или 1973; осуществлён);

81). Никольская церковь с оградой в Николо-Бережках (1970; осуществлён);

82). Цветочные вазы (Конец 1970-х <?>);

83). Гостевой дом (1974; не осуществлён);

84). Голубой дом (1987 или 1989; осуществлён);

85). Козловка. Проект памятного знака на могилах А. Ю. Пушкина и его потомков (2001).

Павинский район

86). Храм в селе Шайма Павинского района (2002).

Парфеньевский район

87). Деревянный храм царственных страстотерпцев и новомучеников российских в селе Матвеевское (ок. 1998; осуществлён в 2005);

88). Храм в Николо-Поломе (1990-е — 2000-е; осуществлён, с отступлениями от проекта);

89). Проект реставрации кровли Ильинского храма (1990-е — 2000-е; осуществлён);

90). Проект входа на кладбище в Парфеньеве (1990-е — 2000-е; не осуществлён);

Судиславский район

87). Проект креста и ограды на могилу М. Я. Диева (1989; осуществлён);

88). Часовня в Следове.

Сусанино

89). Проект восстановления памятника Александру II (2004).

Чухломской район

Авраамиево-Городецкий монастырь:

90). Покровская церковь (1970);

91). Никольская церковь (1970; осуществлён);

92). Введенский храм села Введенского (1993);

93). Деревянная часовня Феодора Студита при Чухломском профессиональном лицее № 23 им. Ф. В. Чижова, п. Анфимово (2002).

Шарья

94) Церковь Святителя Николая (1998) (?);

ДРУГИЕ КРАЯ И ОБЛАСТИ РОССИИ

Красноярский край и Иркутск

Проекты мемориалов сибирской ссылки В. И. Ленина и сибирской ссылки декабристов:

95). Волостное правление с острогом, баней, кухней, ограждающими строениями в Шушенском (1969);

96). Дом Лауэра в Шушенском (1969);

97). Дом Черкашина в Шушенском (1969);

98) усадьба Аликиной с надворными постройками в Шушенском (1969);

99–113) дворовые постройки в усадьбе Ермолаева в Шушенском и др. – всего 19 построек (1969);

114). Мемориал В. И. Ленина в Минусинске (1969 (?); осуществлён)*;

115). Дом княгини М. Н. Волконской с надворными постройками в г. Иркутске (1974; осуществлён).

Рязань

116). Дом Рюмина (1976);

117). Дом по ул. Щедрина (1976);

118). Духовская церковь Солотчинского монастыря (1976–1977).

---

* Рабочее название. Официальное название с 1970 г.: Мемориальный музей «Квартира Г. М. Кржижановского и В. В. Старкова». (Прим. ред.)

Ярославская область

Ярославль

Спасо-Преображенский монастырь:

- 119). Звонница: циферблаты, декоративное завершение (1983 или 1984);
- 120). Ризница: проект библиотечного зала (1983 или 1984);
- 121). Церковь Дмитрия Солунского в Ярославле (1978 или 1980);
- 122). Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове (1980 или 1983);
- 123). Часовня Александра Невского (1981 или 1984);
- 124). Церковь Козьмы и Дамиана (1983);
- 125). Видовая беседка на Волжской набережной (1983);
- 126). Видовая беседка на набережной р. Которосли (беседка на Стрелке)
(1983 или 1985);
- 127). Церковь Ильи Пророка (1984 или 1985);
- 128). Памятник 1000-летию Ярославля на Стрелке (1984 или 1985);
- 129). Церковь Ярославских чудотворцев Спасо-Преображенского монастыря (1984 или 1985);
- 130). Усадьба губернатора (1986);
- 131). Церковь Похвалы Богоматери (1986);
- 132). Шатровая часовня в Брагино (1998);
- 133). Колокольня Благовещенского храма в Норском (2001).

Карабиха

Музей-усадьба Некрасова в Карабихе:

134). Въездные ворота (1978 или 1983–1985);

135). Оранжерея (1978);

Романов-Борисоглеб (Тутаев)

136). Церковь Благовещения (1981).

Ростов Великий**Кремль:**

137). Иераршие палаты (1980);

138). Часовня Успенского собора: проект фрагментарного завершения (1980);

139). Звонница: устройство полов в ярусе звона (1980 или 1984);

Авраамиев Богоявленский монастырь:

140). Никольская церковь с колокольней (1978–1980);

Спасо-Яковлевский монастырь:

141). Проект восстановления западной стены (1979 или 1980–1985);

142). Торговые ряды: проект благоустройства (1979 или 1980).

Посёлок Борисоглебский**Борисоглебский монастырь:**

143). Церковь Бориса и Глеба (1980 или 1983).

Йошкар-Ола и республика Марий Эл

- 144). Проект восстановления исторической застройки в заповедной части города (1991);
- 145). Проект мемориала с часовней (1991);
- 146). Тихвинская церковь в г. Йошкар-Оле (1991 или 1992);
- 147). Дом фон Келлера в г. Йошкар-Оле: проект восстановления (1991 или 1992);
- 148). Троицкая церковь в г. Йошкар-Оле (1991 или 1994–1995);
- 149). Вознесенский собор в г. Йошкар-Оле (1992);
- 150). Дом Пчелина в г. Йошкар-Оле (1992 или 1995);
- 151). Соборный комплекс Ежово-Мироносицкого монастыря (1992–1993 или 1993–1994);
- 152). Казанская церковь в с. Нурма: колокольня (1993), глава четверика (1993 или 1994);
- 153). Воскресенский собор: западный фасад, ограда (1993–1994).
- 154). Мемориал «Дерево Памяти» в Йошкар-Оле, посвящённый погибшим защитникам Отечества (автор идеи – Э. А. Малофеева [Эшкинина], 1923–2011). (Заложен в 1995 году к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.)
- 155–156). Два варианта проекта Успенской часовни в г. Йошкар-Оле на ул. К. Маркса (ныне Вознесенской), напротив Лен. садика, рядом с уничтоженным Воскресенским собором (август 1993).
- 157) Проект реставрации Ильинской часовни в с. Савино Медведевского района. (Перв. пол. 1990-х гг.?) Освящена в 1995 г.

Мурманская область

- 154). Полковой Никольский храм в Видяеве, в бухте Ара-губа (2000).

Москва

155). Проект Феодоровского храма при Московском государственном социальном университете (2003).

156). Крутицкое подворье

Московская область:

Истра

157). Проект восстановления церкви Вознесения (2003); (на файле — 6.2.2004)

Домодедово

158). Никольский храм села Лямцыно. Проект восстановления колокольни (?).

ФРАНЦИЯ

Сильванез

159). Церковь Троицы (1990 или 1992; осуществлён).

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ
И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ**

НЕ ИСТОЧИЛО ЛЕГЕНДУ ВРЕМЯ...

РАЗГОВОРЫ о мемориальном комплексе памяти декабристов в Иркутске давно перешагнули стадию необычной идеи или архитектурной сенсации. С начала этих разговоров прошло уже 10 лет. За это время мы стали уверенно говорить об опыте Кижей, о музеях под открытым небом, потом появился мемориал в Шушенском. Теперь идея нашего комплекса получила надёжную поддержку и в Совете Министров РСФСР, и в Обществе охраны памятников истории и культуры. Никого не надо убеждать в необходимости и реальности этого дела. Проект пошёл в работу.

<...> работа по комплексу была поручена Московскому тресту «Росреставрация». В их активе – Шушенское и ряд работ по северу и центру России. Трест как-то сразу уверенно, по-хозяйски вошел в работу. В прошлом году из Костромы был отправлен к нам архитектор-реставратор Леонид Сергеевич Васильев – он провёл очень большую подготовительную работу по обследованию застройки центральной части города на предмет выявления наиболее пригодных для комплекса домов и на месте выполнил проект реставрации дома Волконского. Застенчивый, обаятельный человек. Работал артистично, более чутьём, нежели рассудком. Теперь его отозвали обратно и не отдают.
<...>

В. КОЛПИКОВ, архитектор.

Отрывки из статьи в газете «Советская молодёжь» (Иркутск), 26 июля 1975 г., с. 3, печатаются по тексту газеты. (Прим. ред.)

ПОКА НЕ ПОЗДНО

Для тысяч туристов, приезжающих в Кострому, город начинается с набережной. Мы ещё гордимся ею, хотя давно нет всего того, что восхищало путешественников, плывших по Волге столетие назад: чистого, сияющего белокаменными особняками берега, ансамбля кремля на высоком холме, многочисленных церквей и колоколен. Зато появились заводские трубы и нескладные каменные коробки, загораживающие город.

До сих пор внимание общественности было приковано к центру города: торговым рядам, «сковородке», Богоявленскому собору. О набережной как будто позабыли. Между тем впору кричать «караул»! Набережная гибнет на глазах. Проблем немало. О них мы и разговорились с архитектором Леонидом Сергеевичем ВАСИЛЬЕВЫМ.

— Леонид Сергеевич, наверное, для того, чтобы понять, какое с набережной случилось несчастье, надо представить, какой она была раньше. Если можно, немножко «истории» для наших молодых читателей.

— Давайте сразу условимся: мы будем говорить только о левом берегу. Заволжье – особый мир. Здесь крутой спуск к Волге – зелёная зона. Слава

Интервью, взятое у Л. С. Васильева Л. Сбитневой, печатается по публикации в газете «Молодёжная линия» (Кострома), 30 марта 1991 г., с. 3, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

Богу, её ещё не уничтожили. Так вот, набережная на левом берегу начинается от Ипатьевского монастыря и тянется до Татарской слободы, то есть – до Черноречья. Когда-то это была ухоженная, весьма престижная часть города. Здесь, с видом на Волгу, селились люди состоятельные, обладающие хорошим капиталом. Начиная с конца XVIII века, набережная постепенно застраивалась особняками, за которыми вверх по склону поднимались храмы и колокольни. Несомненно, главным украшением набережной был кремль.

— *Удивительно, как храмы одушевляли город, без них всё как-то уравнилось, померкло. А уж потеря кремля просто непростительна...*

— Многие сегодня можно и нужно начать восстанавливать. Но для этого ни моей, ни вашей жизни не хватит. Однако культовые памятники – не единственная потеря. Жилые здания на набережной после революции были национализированы, переданы нашим ЖЭКом в жертву. Там, где проводились коммунальные удобства, как правило, не считались с особенностями постройки, уничтожались архитектурные детали, да и вообще всё перекраивали, как вздумается.

Началось также интенсивное промышленное освоение берега. Ещё до революции здесь была построена Аристовская мельница, а в 20-х годах появился мельзавод, который «съел» значительную часть берега. Кроме того, вдоль всей набережной проложили железнодорожную ветку. Так что паровозы тоже сделали своё «чёрное дело».

— *Леонид Сергеевич, люди, живущие в старых домах, близко к Волге, нередко жалуются на сырость, особенно в нижних этажах. Раньше этого не было?*

— Нет, владельцы белокаменных особняков на сырость не жаловались. Эта беда порождена нашим безмозглым хозяйствованием. Дело в том, что в результате строительства в 50-х годах Горьковской плотины поднялся уровень грунтовых вод по всему ближайшему побережью Волги. Стали интенсивно намочить фундаменты домов. Мы же усугубили это устройством железобе-

тонной набережной. Расплачиваться за безграмотные решения чиновников-временщиков приходится жителям города.

— ***В чём же порочность такого решения?***

— В результате забетонирования склонов был перекрыт выход подземным ручейкам, которые принимали в себя воду с верхней части города. Раньше они свободно стекали в Волгу. Теперь же эта вода держится, а в результате того, что уровень грунта за последние двести лет поднялся на полметра и нижние этажи, таким образом, опустились, происходит опревание стен. Чтобы спасти здания, надо освободить весь откос к реке от бетона, сделать зелёный газон.

— ***Но мы так увлечены гигантоманией: всё должно быть с размахом, оцивилизовано и застроено! Как же мы вдруг возьмём да вскроем бетон?***

— Цивилизованность как раз в том и состоит, чтобы делать всё разумно, чтобы гармонично сосуществовали человек и природа.

Кстати, о гигантомании. Набережную может окончательно погубить ещё одна «великая» идея – идея строительства современного большого речного вокзала. Как и все подобные идеи, она возникла в «верхах», я её связываю с именем Баландина и его верных слуг. Временщик уехал, но идея жива. Уже завезены на набережную горы песка и ждут своего часа. Толком пока ничего не известно, но мы опасаемся, что нас, как водится, могут поставить перед фактом. Таких примеров сколько угодно. А когда приготовят проект и выделят деньги, отказаться будет уже сложнее.

— ***Что принесет нам такое строительство, если оно осуществится?***

— Огромное здание закроет набережную, дома, церковь Вознесения в Мельничном переулке, которую мы уже начали восстанавливать. Вокзал будет пустовать более полугода, как это происходит сегодня в других городах, поторопившихся осуществить подобное строительство.

Конечно, проблема существует. Большие суда, которые теперь преобладают на Волге, с трудом «вписываются» в наши маленькие пристани. Но ведь

есть же выход: можно соорудить пристань, следуя традиции, – деревянную, большую, состоящую из отдельных секций, которые легко рассоединить и убрать на зиму в затон. Подобных пристаней ещё нигде нет, но наши архитекторы вполне справились бы с подготовкой такого проекта. Выгода прямая: мы сохраним в городской казне сотни тысяч рублей и сэкономим облик набережной.

Беседовала *Лариса СБИТНЕВА*

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы уверены, что вопросы, поднятые архитектором Л. С. Васильевым, злободневны и важны, и решать их новый городской Совет должен по-новому, гласно. А значит, костромичи сегодня вправе повлиять на это решение. Пока не поздно.

Лариса Сбитнева

ОН БЫ МОГ ЗАЩИТИТЬ ТРИ ДИССЕРТАЦИИ

А может быть, и больше. Но он восстанавливает храмы, проектирует часовни. Он – это архитектор-реставратор Л. С. Васильев.

Он десятки раз представлял себе, как это было. Взрывали на рассвете, когда город ещё спал. Кто-то проснулся от грохота падающих камней, а кто-то нет, но, выйдя утром из домов, все застыли перед непривычной картиной. Кремля не было – ни белокаменных соборов, ни колокольни. Вокруг стояло оцепление из кэбэшников, расчищали завалы, увозили валуны, чтобы даже следа от бывшего величия не осталось. На этом месте разбили парк, а там, где было кладбище, на прахе и костях, соорудили танцплощадку, которую молодёжь нарекла «клеткой». Был Кремль, стала «клетка» – вот такие дела.

В год, когда взрывали костромской Кремль, Леонид Сергеевич Васильев только появился на свет, родился, причём вдалеке от этих мест, но, попав после окончания Московского архитектурного института в Кострому, заболел этой идеей – восстановить Кремль. Он искал стариков, помнящих его стены, и тот страшный рассвет, расспрашивал, узнавал подробности. За несколько дней до взрыва в город приехали двое художников из Москвы – Чудаков и Чижов. Как звали их по имени – никто не знает, но в истории эти люди оста-

---

Печатается по публикации в газете «Молодёжная линия» (Кострома), 25 апреля 1992 г., с. 7, с небольшой корректорской правкой. (*Прим. ред.*)

лись, поскольку на свой страх и риск облазали соборы и колокольню, сделав, пусть и приблизительные, обмеры. Для того, чтобы приготовить «гнезда» для аммонала, к стенам были приставлены лестницы – вот по ним и лазили художники: меряли, рисовали, чертили. Рисунки и чертежи остались. Их разыскал в Донском монастыре Леонид Сергеевич и много дней переснимал, уточнял. Адская работа, ведь всё было выполнено наспех и карандашом. Так и представляю себе его за этим занятием – разглядывающего еле-еле видные линии на кальке. Он работал по часу в день, повязка ещё закрывала один глаз – Леонид Сергеевич только-только перенес операцию.

Кто-то может назвать его мечтателем. В самом деле, восстановить такой грандиозный архитектурный комплекс и где – на пустом месте, и когда – сегодня, во время повальных долгостроев, раздираемого на части бюджета – представить невозможно. Конечно, вольно устроителям фестиваля «Вехи» писать в планах: «Участие в работе по восстановлению костромского Кремля». Сам Леонид Сергеевич знает, как это трудно, какие огромные средства необходимы, но верит, «что пройдет это безумное время, люди опомнятся и начнут восстанавливать разрушенное». Он понимает, что, скорей всего, сам не доживёт до этих дней, но чертежи, им приготовленные, пригодятся.

А уверенность – она ни от мечтательности, ни от чудачества – от опыта прошлых «боев» и побед. Ведь восстановили же церковь Спаса и колокольню в рядах, хотя тогда, когда он брался за проект, это тоже казалось нереальным. Он «вживался» в город, привыкал, ходил, прикидывал, и архитектурное мышление подсказывало ему, что в центре не хватает вертикалей. Никто не поручал ему этой работы, опыта подобных «новоделов» тогда ещё не знали: ну как это в такое атеистическое время взять и возвести церковь! Над проектом Васильев сидел вечерами. И когда осенью 1966 года в Москве состоялся творческий отчёт нашей реставрационной мастерской, Леонид Сергеевич показал проект восстановления воротилловской колокольни. Случилось чудо – его одобрили и порекомендовали «претворить в жизнь». И всё-таки в области никто

не рискнул дать деньги на «такое дело». Только позже, когда начальником управления культуры стал Фёдор Михайлович Нечушкин, удалось начать строительство. При этом наказ был строгий: никаких колоколов и крестов! Но и то, слава Богу, начали. И сделали. Нынче костромичи привыкли к Спасу в рядах, гордятся, гостям показывают, и представить уже нельзя, что не так давно ничего не было, ни церкви, ни колокольни.

Вот уже и колокола появились, и кресты. Леонид Сергеевич позволил себе несколько отойти от оригинала – позолотить и шпиль, и крест. В мрачную ли погоду или при свете солнца устремлены они ввысь, напоминая верующим и не очень о вечности, радуя глаз, как всякая очевидная красота.

Леонид Сергеевич – бессребреник. Кое-кто удивляется: что за блажь такая! А для него главное удовольствие – сама работа. Больше всего жаль, когда чертежи в архив ложатся – вот как проект восстановления Знаменской церкви, например. А когда проект «становится» храмом, оградой, решеткой, крестом – что же ещё желать?! По просьбе фонда культуры Леонид Сергеевич сделал проект креста на могилу С. А. Голубинского, ученого, философа, преподавателя Московской духовной академии, чей прах покоится на Иоанно-Богословском кладбище, проекты креста и ограды на могилу М. Я. Диева, ещё одного нашего замечательного земляка, чьё имя недавно возвращено из небытия. Проекты ограды и крестов на могилы костромского краеведа А. А. Григорова и его жены также сделаны Васильевым, как и проект памятного знака, установленного недалеко от Никольского храма, где был крещён отец М. Ю. Лермонтова. Кресты, ограды – всё это знаки памяти по ушедшим. На памяти держатся традиции. Традиции составляют сущность культуры. Леониду ли Сергеевичу не знать сегодняшних проблем в сфере культуры – и безденежье, и равнодушие чиновников, и многое, многое другое. А отсюда и то, что кое-кого удивляет: он не пройдёт равнодушно, если увидит, что памятник стоит, а ограда вокруг исковеркана, разрушена – придёт домой и думает, чертит.

Деньги он тратит на книги и пластинки. Но если с его библиотекой многие книголюбцы еще могут посоперничать, то собранию пластинок и музыкальных альбомов позавидует любой. Он любит классику – Чайковского, Рахманинова. А не любит – всё современное. Он прекрасно знает русскую оперу, поэзию XIX века, читает по-немецки. В молодости Васильев занимался живописью, играл на скрипке. В нём есть что-то чеховское, ныне почти изжитое: стеснительность, мягкость, взгляд из-за очков всегда внимателен к собеседнику. Культура у него, как говорится, в крови. Любовь к книгам – от мамы, она – библиотекарь, отца репрессировали, и всю жизнь Леонид Сергеевич всего добивался сам. Другие удивляются: на таких памятниках работал – мог бы не одну диссертацию написать. Но ему не нужны звания. Впрочем, звание у него есть: «Заслуженный работник культуры». Его дали за работу по восстановлению мемориального комплекса в Шушенском, а он даже на торжество по этому случаю не явился. Не терпит Леонид Сергеевич «мероприятий», зато любит работу. А она – его. Начни перечислять, сколько её за жизнь переделано – бумаги не хватит. А делает всё основательно, кропотливо. Вот так работал в Щелькове, воссоздавая дом-музей писателя, продумывая всё, до мельчайших деталей: какие были обои на стенах, дверные ручки, даже шпингалеты на рамах. Или взять, к примеру, работу в Ипатии над архиерейским корпусом, которой отданы несколько лет. Как архитектор, Леонид Сергеевич вполне мог бы воссоздать 17-й век, а он думал, докапываясь до мелочей – вот наложения восемнадцатого века, вот девятнадцатого. И сделал – придраться не к чему.

В семидесятые годы атмосфера в реставрационной мастерской стала меняться, уменьшилось финансирование культовых памятников. Васильева упорно звали на работу в другие города. И, помаявшись, он уехал – сначала в Рязань, потом в Ярославль. Но не прижился, вернулся в Кострому. Хотя и там, в Ярославской области, остался не один памятник, возвращенный к жизни его стараниями. Он приехал, и ранним солнечным утром долго бродил по городу, радостно оглядывая Спаса в рядах, и сами ряды, и здание горисполкома,

любимый его «классицизм».

Началась его «вторая костромская жизнь». Леонид Сергеевич, наряду с другой работой, принял участие и в реставрации Ильинской церкви. Это был как бы подарок судьбы: сначала он восстанавливал храм, затем – сам пришёл в него. Здесь он нашёл себе духовного наставника и единомышленника – отца Виталия, настоятеля храма.

Храм восстанавливало управление культуры как музейный объект, первоначально о церкви как таковой и речи не было. К счастью, она стала действующей. «Сделали её не во всём такой, как хотелось бы, – говорит Леонид Сергеевич, – покрытие было позакомарным, а оставили четырехскатным – жители в округе привыкли и потому воспротивились, но я не бросаю намерений восстановить и прежнее покрытие, и придел, и трапезную, которую недавно обнаружили археологи».

А пока он взялся за проект часовни. Может, кто помнит знаменитую картину Николая Шувалова «У пивной»? Так вот, та пивная стояла недалеко от храма, тогда ещё изуродованного и испохабленного, на месте бывшего кладбища. Здесь буянили подвыпившие мужички, здесь же, упав, ночевали те, у кого не было сил добраться до дома. Отец Виталий взялся добиваться передачи сего участка земли церкви, чтобы поставить на этом месте часовню. Васильеву идея понравилась, и он взялся приготовить проект. Крестообразная в плане, небольшая, на невысоком барабане с круглыми окнами – купол с главкой – такой её видит Леонид Сергеевич. Кроме того, здесь же, с видом на город, партерный парк с аллеей, по сторонам которой кенотафы – символические могилы в память о всех невинноубиенных: крестьянах, священниках, писателях... Идея разрабатывалась, обрастала деталями. К часовне Васильев решил пристроить видовую площадку с упорной стенкой и арками – перепад и книзу лесенки, она будет как бы подножием часовни. Ведь место-то какое замечательное – весь город на противоположной стороне Волги, как на ладони!

Проект Васильева был одобрен Владыкой и главным архитектором города, 2 августа место под часовню было освящено. «Вот так я попал в историю», – смеётся Леонид Сергеевич. Однако радовался рано, строительство часовни пока не начато и неизвестно, когда начнется, поскольку предполагаемый спонсор сам оказался в трудных условиях и не смог выделить деньги. Леонид Сергеевич терпелив – жизнь научила. Он взялся за новый проект – часовни на Заволжском кладбище. Сделал несколько вариантов – всё не нравилось. Потом нашёл: небольшое, уютное помещение, шатровое покрытие, сквозные окна и двери, площадка с трёх сторон – при отпевании всё должно быть хорошо слышно.

И этот проект пока только на бумаге. И, конечно, никем не оплачен, но он о том думать не хочет: разве часовни да храмы за деньги делают! Он готов делать ещё и ещё, лишь бы было нужно людям. Васильев убеждён: нужно. Он щурит свои полуслепые глаза и счастливо улыбается.

Леонид Сергеевич – удивительно скромный человек, абсолютно не тщеславный. Я даже побаивалась писать этот очерк, знала, будет сокрушаться: «Зачем вы из меня героя делаете?» И всё-таки не могла не рассказать вам о нём – подвижнике, одном из тех, кто самозабвенно и бескорыстно служит отечественной культуре, невзирая на условия и обстоятельства жизни. Ведь, в сущности, наша культура на таких людях и держится. Незаметно и тихо творят они своё дело, часто вопреки времени, не поддаваясь бездушным лозунгам и запретам, во имя будущего и во имя вечного.

ИСТОКИ

ВЛЮБЛЕННЫЙ В XVII ВЕК ЖИВЁТ В БАНАЛЬНОЙ "ХРУЩЁВКЕ"...

Леонид Сергеевич ВАСИЛЬЕВ не просто любит этот край, но методично вот уже 40 лет с одержимостью фаната, ежедневно вкладывает в него много труда и пота. Он архитектор, а служит костромской епархии. Реставрировал Ильинскую церковь, церковь Вознесения на Дебре, Ипатьевский монастырь, музей-усадьбу в Щелькове, Авраамиево-Городецкий монастырь, Спасскую церковь в рядах...

Эковестник надеется, что имеет дело с таким обывателем, который, пустив однажды корни на костромской земле, мечтает о богатой кроне, полной жизни и сил. Нам хотелось бы, чтобы костромичи жили со всей основательностью – с любовью, с надеждой и верой.

Ему костромичи обязаны тем, что территория бывшего монастыря свободна от построек. Сделав восстановительные проекты ансамбля Костромского кремля, Леонид Сергеевич выполнил по сути работу целого института. Больше всего на свете он любит свою работу и архитектуру XVII века, а живет в банальной "хрущёвке" в Давыдовском. Он бесконечно за-

---

Интервью, взятое у Л. С. Васильева В. Трубачёвой, печатается по публикации в газете «Эковестник "ОКО"» (Кострома), 1998, № 6 (Июнь), с. 11, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

нят и счастлив этим.

Он, безусловно, имеет профессиональное мнение о том, как уберечь неповторимый, оригинальный облик нашего края, как, не нарушив старины, сделать при этом нашу жизнь удобной и комфортной.

— Леонид Сергеевич, если взглянуть на наш город как на памятник культуры, дух какой эпохи несёт его архитектура в большей степени?

— В основном город сложился при Екатерине II – в XVIII–XIX веках. Раньше это была хаотическая живописная планировка, деревянные постройки которой сгорели, не оставив следа. Но основные церкви пришли к нам ещё со времен Петра: Ильинская церковь, Селищенская, на Запрудне, на Дебре...

Каждая из них — живая история, документ своего времени... Например, Ильинская церковь, усадебная, некогда принадлежала боярину Морозову (чья опальная жена Феодосия – боярыня Морозова, знаменитая раскольница – закончила свою жизнь в тюрьме).

— В 2003 году будет юбилей Костромы, какой бы вам хотелось видеть 850-летнюю именинницу?

— Очень хочется, во-первых, восстановить основные городские вертикали – колокольни. Во-вторых, город наш забит машинами. Основную улицу следует, по-моему, разгрузить, оставить лишь общественный транспорт, а автомобили пусть ездят ближе к набережной. Затем нужно разгрузить рынок, сместить ближе к набережной, заставить функционировать остальные пять корпусов торговых рядов: молочные, квасные, хлебные ряды...

Ещё одна моя задумка — торговый центр на месте сегодняшнего хлебозавода. Здесь прекрасные условия для размещения, удобные коммуникации вдоль Волги. А заводу там, согласитесь, совсем не место.

— По всему видно, что ставки администрацией сегодня делаются на индустрию туризма. Нет ли опасности, что за украшательством фасадов будет забыто содержание города, так сказать, "здоровье его тела"?

— Есть разные истории реставраций. Так, сегодняшний Арбат, по сути,

представляет из себя "раскрашенный труп". Жить там невозможно, подземные вибрации сделали эту улицу "больной".

Но ещё есть Варшава, восстановленная скрупулёзно, с археологической точностью, но с учётом требований нового уровня жизни, быта. По какому пути пойдет Кострома – решать нам самим.

— *Будем полагаться на здравомыслие... Хотя в России редко случаются его избытки.*

— Это верно. Вот, к примеру, как устроена наша набережная: с тех пор как получила свой бетонный панцирь, перестала равномерно "сочиться" ручейками произвольных стоков... Подземным водам некуда деться, кроме как впитываться в нижние этажи окрестных строений. Конечно, это всё очень плохо сказывается на их состоянии, их гигиеничности.

— *Но что же делать? Ведь если не укреплять прибрежную зону города, берег будет всё время "сползать" – это очень опасно для береговых строений...*

— Да, честно-то говоря, единственный выход здесь – возвращение прежней поймы, т. е. водохранилище надо убирать. Какова была цель ГЭС – дешёвая электроэнергия? Но надо сказать, эта дешёвая электроэнергия нам очень дорого уже обошлась: одних населённых пунктов сколько под воду ушло, а лесов, а лугов...

Но ведь есть и другая сторона проблемы. Если взглянуть с точки зрения гражданской обороны на нашу сегодняшнюю Волгу: ударная волна взрыва может вызвать волну, сравнимую с цунами – 120 метров высотой. Такая волна может как языком "слизать" город с лица земли. Так что и здесь мы – заложники собственной неразумности.

— *Если учесть, что почти все приволжские города имеют такие бетонные панцири, то эта проблема общероссийская...*

— А вот ещё одна общероссийская проблема: катастрофическое повышение культурного слоя. Дома утопают в асфальте и тоже "всасывают" из-под

асфальта воду. Первые этажи – традиционно сырые. Что делать? Идеально опуститься до исконной отметки, как в Костроме сделали у "Гостиного двора" (угол улицы Советской и Чайковского). Мостовая оказалась несколько выше тротуаров и ничего страшного – хороший выход. Один вариант! Можно делать траншеи вокруг домов и забивать бульжником, чтобы влага испарялась. Второй вариант! Обратите внимание, что за границей научились обходиться без асфальта – бетонными плитками, это не вызывает ни повышения грунтовых вод, как это происходит в случае с асфальтом, ни собирает влагу у поверхности грунта. И это всё щадит постройки города.

— *Леонид Сергеевич, а в чём заключается ваша работа в епархии? То есть, конечно, можно себе представить, сколько здесь может быть дел, но вы же совсем один...*

— В том-то и дело – помощников нет. Епархия сейчас много восстанавливает храмов; в Шарье, в Мантурове, в Поназыреве, в Чухломе. В Костроме восстанавливается колокольня Знаменской церкви. Для этого в Кострому приглашены каменщики из Западной Украины.

— *Очень уж издалека! При нашей-то безработице?*

— Да, здешние мастера избалованы новыми русскими, требуют очень большой барыш за свою услугу.

— *А что же молодежь? Не осталось энтузиастов? Макарьевский монастырь, помнится, восстанавливал международный лагерь?*

— Такая неквалифицированная рабочая сила допустима в этом деле лишь при активном авторском надзоре. Например, в Макарье я не имел возможности бывать часто и восстановительные работы прошли там на уровне, который оставляет желать лучшего...

— *Значит, стройотряды вышли из моды надолго?*

— Да, в Советское время много было ужасного, но была какая-то внутренняя дисциплина в людях. Сейчас страшное время: народ наш абсолютно деморализован и, скорее всего, дожждётся диктаторского режима. К этому же

ведёт и шабаш в политике... Если уж говорить об экологии, то больше всего меня беспокоит экология нашей нравственности. Россия наша гибнет и этнически, и нравственно. Что делать? Вводить полицию нравов, как в Америке, и запрещать – не допускать "грязь" по телевидению, в прессе, с орущих точек аудиопродажи, в транспорте и т. д... И, вы знаете, я за монархический режим. Честное слово!

— *В правоту большинства что-то не верится?*

— Нет! В этом году, кстати, будет 89 лет со дня расстрела Романовых и в Ипатьевском монастыре 17 июля будет торжественная служба, посвящённая этой печальной дате. Побывайте там...

Беседовала В. Трубочёва.

Виктор Лапшин.

Мастер чудес рукотворных

Великий Пушкин сказал: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Иногда и гении ошибаются. Нет на земле ни покоя, ни воли, а вот счастье бывает. Разве не счастлив тот человек, которому удалось осуществить свои замыслы и так поработать на благо всего народа, что навсегда его труд останется в благодарной нашей памяти. К таким людям я безоговорочно отношу Леонида Сергеевича Васильева. Сейчас он является главным архитектором Костромской епархии. Долог и причудлив его жизненный путь. Но... по порядку.

В 1958 году молодой студент стал архитектором. Началась подвижническая работа, которую следовало бы назвать творчеством. Великим делом было возрождение сооружений Ипатьевского монастыря. Восстановили палаты Романовых, Троицкий собор, богадельню, братский корпус, архиерейский коридор, звонницу. Под внимательным взором Леонида Сергеевича сделали все ворота... Когда посетите монастырь, помяните добрым словом незнакомого вам архитектора Васильева, мастера рукотворных дел.

Восстанавливал Леонид Сергеевич храмы в Костроме: Воскресения на Дебре, Ильи Пророка и Спаса Преображения за Волгой, церковь Спаса в центре города в торговых рядах. Сейчас сооружается колокольня на Дебре. Возвращена к жизни церковь в Бережках, где могила великого драматурга

Статья печатается по публикации в газете «Галичские известия», 8 сентября 1998 г., с. 1, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

Островского, а также его усадьба. Но не только церковные строения в Костроме дарил народу архитектор. Дело его ума и таланта – торговые ряды, скажем, здание, в котором расположен «Дом книги».

Уж на пенсии четыре года Васильев, а планов у него уйма. Подготовлен проект восстановления Костромского кремля, предстоит на центральной площади установить памятник Сусанину в первоизданном виде. Не забывает Васильев и наш Галич. Все мы видим вознесённую за два года колокольню храма Василия Великого, нужно восстанавливать его полностью. Торговые ряды наши – его рук дело. Продолжается реставрация Паисиева монастыря, чьи светлые купола сияют городу издалека. Теперь же создается епархиальный духовный центр. Недавно в будущем его центре работала московская археологическая экспедиция, с начальником которой Александром Григорьевичем Авдеевым Леонид Сергеевич тоже вплотную работал. В постоянном общении Васильев также с галичским архитектором Сергеем Николаевичем Дровенковым. Когда-нибудь они оба займутся постройкой колокольни Паисиева монастыря. Возможно, будет восстановлена Никольская часовня около кинотеатра. Потребуется, возведут они колокольню Богоявленского собора, этого средоточия будущего епархиального духовного центра.

Но не только в Галиче, где кафедра архиепископа, но и в других районах области осуществляет проекты с благословения владыки Леонид Сергеевич. Возрождается второй храм в монастыре на Чухломском озере, а в селе Введенском ведутся работы в церкви Дмитрия Солунского.

Сколько ещё мечтает восстановить и построить этот неуёмный человек! Готовятся или уже готовы проекты храмов для Мантурова, Шарьи, для Солигалича, для Паново, в селе Матвеевское Парфеньевского района восстанет деревянная церковь.

Честно говоря, мне просто даже перечислять творения Васильева приятно. Предстаёт образ истинного зодчего, которыми издревле славилась русская земля, Где он только ни побывал... В 1976 году, после того, как он восстано-

вил дом княгини М. Н. Волконской, изуродованный позднейшими перестройками, на него «положили глаз» рязанцы. В тамошнем Солотчинском монастыре Леонид Сергеевич возродил церковь Сошествия Святого Духа. Реставрировал он в Рязани дом откупщика Рюмина, памятное здание XVIII века. За два года архитектор сделал всё, что ему предложили рязанские ревнители старины. Однако в Кострому он вернулся лишь восемь лет спустя. Восемь лет был Леонид Сергеевич главным архитектором Ярославской области. Восстанавливал памятники Ярославля, Ростова Великого, Тутаева... Приехал он в Кострому, и случилась беда со зрением. Слава Богу, всё обошлось.

Известен Леонид Сергеевич далеко за пределами Костромы и области. Даже во Франции его знают: около Марселя, в деревне, построена по проекту Васильева церковь. А звание Заслуженного работника культуры ему присвоили за работу... в Шушенском, где он восстанавливал 23 здания как раз накануне столетнего юбилея Ленина.

Когда представишь себе, какого масштаба перед тобой человек, сколько он сделал для России, преисполнишься удивлением и уважением. Можно бы и гордиться знакомством с ним, да церковь не одобряет это чувство. А сам-то Леонид Сергеевич проще простого! Мне потом говорили, что будучи сейчас на пенсии, но продолжая деятельность, не хочет он принимать за свой труд плату. Более того – обижается за предложения.

Что тут ещё сказать... Надо бы писать о Васильеве не статью, а поэму. Дай Вам Бог здоровья, Леонид Сергеевич, и вдохновенного труда.

К 850-летию Костромы

РЕСТАВРАТОР

Леонид ВАСИЛЬЕВ иронизирует по-чёрному: зачастили и телевидение, и газеты, такое признание положено только после смерти. Более оптимистическая причина внимания к нему иная: хотя бы в связи с предстоящим юбилеем Костромы проснулся интерес к славному прошлому города. А архитектор-реставратор Васильев – тот кладёзь, из которого на такую тему можно черпать бесконечно.

Леонид Васильев – это Воскресения на Дебре, Ильинская, Спасо-Преображенская, Вознесенская церкви и колокольня Спаса в Рядах в Костроме, Солотчинский монастырь в Рязани, храм Дмитрия Солунского в Ярославле, Ростовский кремль, Ежово-Мироносицкий монастырь в Йошкар-Оле, мемориальная деревня в Шушенском и дом княгини Волконской в Иркутске. Весь список огласить невозможно.

Леонид Сергеевич давно уж не смотрит телевизор, не читает газет и не слушает радио. Зачем ему этот чужой мир? Он живёт в другом мире, а в нашем восстанавливает то, что разрушают другие. Станный человек из другого мира. Его можно спросить о родных и здоровье и получить односложный ответ, как о постороннем. Зато с ним можно говорить о работе, в которой вся

Интервью, взятое у Л. С. Васильева Иветтой Андреевой. Печатается по публикации в газете «Северная правда» (Кострома), 24 марта 1999 г., с. 7, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

его жизнь. Костромич с сорокалетним стажем, он не наш, и не рязанский, и не ярославский, и не минусинский, и не йошкар-олинский, он – российского значения.

— *Леонид Сергеевич, как становятся реставратором?*

— В 50-х в архитектурных кругах царил хаос: после хрущёвского постановления об излишествах менялись все критерии зодчества. От пышности и помпезности кинулись в другую крайность – аскетизм, доведённый до абсурда. В институте преподаватели не знали, чему нас учить. Я потерял тогда уважение к профессии архитектора в том понимании, которому нас пытались научить. И невольно взгляд мой обратился назад, к нашей русской архитектурной школе, и к классической, и к народной. Настоящее искусство тогда можно было проследить только в памятниках архитектуры.

Мне повезло: я приехал в Кострому в разгар реставрационных работ. Мастерскими руководила Калерия Густавовна Тороп, которая устраивала для реставраторов поездки по всей России, которая из простых работяг делала мастеров, которая умела воздействовать на власть. Она собирала альбомы из фотографий старого города и говорила: «Иду воспитывать власть». И у неё получалось. Моим же наставником стал Иосиф Шефтелевич Шевелев. Его влияние стало определяющим в становлении меня и как архитектора, и как реставратора.

— *Кострому полюбили?*

— Дореволюционную? Конечно! Деревянная и каменная, оригинальная, уютная, камерный город – ипостась русской провинции. Архитектура старой Костромы была для меня школой вкуса. Бродя по старым улицам, я получал архитектурное образование.

— *Советские годы были благоприятнее для реставрации и реставраторов, чем нынешние?*

— Безусловно. При всех отрицательных моментах. Они много ломали,

но они и финансировали восстановление. При реставрации Ипатия мы осваивали 300 тысяч тех рублей в год, представьте! Сейчас реставрация умерла. И умерли наши мастерские, разбежались квалифицированнейшие рабочие – резчики, кузнецы, позолотчики, каменщики. Архитекторы – кто ушел в мир иной, кто подался в коммерцию. Это время погубило архитектора-реставратора Александра Чернова, который умер буквально от голода!

— *Есть особенно дорогие для вас объекты в Костроме?*

— Откровенно, мне ни одна моя работа не нравится. Я вижу столько недостатков и ошибок. Взял бы да всё и переделал бы. Чувство удовлетворения мне не знакомо. Так, наверное, и должно быть.

Моя первая работа – дом слепых, дом с колоннами (ул. Войкова, 23б, угол ул. Энгельса). Очень красивое здание: серебристо-серый цвет стен, белый ордер, белый антаблемент, белые наличники. Мы восстановили фасады и интерьеры. После нас дирекция училища слепых перекрашивала здание, как хотела. Розовые колонны, зелёные стены. Какая чушь! Потом был Ипатий. Я делал богадельню в Новом городе, второй этаж Братского корпуса, весь Архиерейский корпус, занимался Троицким собором, воротами, звонницей, монастырскими стенами.

— *Сейчас вы увлечены проектом восстановления храма Рождества Богородицы на территории Ипатьевского монастыря.*

— В монастыре всегда было два храма. Троицкий – большой, летний, он не отапливался. Рядом была церковь поменьше, которую можно было топить и где службы шли круглый год. Она располагалась между звонницей и собором и замыкала перспективу, открывавшуюся от главных ворот. Была построена одновременно с Троицким собором в середине XVI века при Грозном и простояла до середины XVIII, до приезда Екатерины II. К приезду императрицы в 1767 году готовились заранее и обветшалый храм, видный от входа, сломали и построили в стиле барокко. Тогда же построили и парадные Екатерининские ворота. И храм, и ворота делал какой-то петербургский мастер.

— *Неизвестный?*

— Да, мы его не знаем. Если вы помните, на фронте внутренней арки по голубому фону белый треугольник со «всевидящим оком» и белые лучи. В такой же гамме была и церковь Рождества Богородицы. Бледно-голубой – богородичный цвет. Скромное по высоте здание было очень-очень нарядным: синяя главка, усыпанная золотыми звёздами, кованный золочёный крест на ней, высокий подклет с аркадой по фасаду, белокаменная лестница. Синтез позднего барокко и раннего классицизма, очень изящно. По образу Китайского дворца Ринальди в Ораниенбауме. Такой церковь простояла примерно до отмены крепостного права, и её снова снесли. Подземные потоки деформировали фундамент. Его латали и чинили, но снос был неизбежен. Создание нового храма было поручено известнейшему Константину Тону, что он и сделал. Церковь Рождества Богородицы простояла до 30-х годов, и её снова снесли.

— *Думаю, угадаю, какое из трех зданий вы хотите восстановить.*

— Совершенно верно, екатерининской поры. Оно наиболее гармонично и функционально, стилистически связано с главными воротами. У нас есть рисунки этой церкви, выполненные художником Григорием Чернецовым, из Русского музея и подробные фиксационные чертежи XIX века из архивов Синода. Тон выстроил банальный пятиглавый храм вполне в своём духе: элементы классицизма сочетаются с псевдорусскими. Но его храм был отменно сделан технически.

— *Музейщики против восстановления церкви?*

— Да, встали на дыбы. Никто не подумал хотя бы о том, что земля начинена остатками старых фундаментов, что они образуют настоящие плотины, не дают подземным водам стекать в Игуменку, мокнет угол Троицкого и звонница. Я бы хотел сделать новый фундамент прозрачным: пучковые сваи на железобетонных плитах, по типу этажерки. Потоки будут свободно проходить между сваями. Недорого и надежно.

— *Такие же фундаменты вы собираетесь сделать для Костромского кремля, ведь идея его восстановления принадлежит вам, Леонид Сергеевич?*

— Моя мечта. В 86-м году я вернулся в Кострому из Ярославля. У меня начались несчастья с глазами, стал слепнуть, катаракта, знаете ли. И вот пока я мотался по больницам, мне в голову стали приходить мысли о восстановлении нашего кремля. Между операциями я съездил в Москву, раздобыл чертежи.

— *Сохранились чертежи?*

— Два студента-архитектора Чижов и Чудаков по заданию Академии архитектуры перед самым взрывом в 1934 году были посланы хотя бы для фрагментарных обмеров зданий нашего кремля. Они чудом очень много обмерили, правда, и ошибок наделали немало. Но у нас были чудесные фотографии из архивов Ипатьевского монастыря. В 91-м году наша реставрационная мастерская получила официальный заказ от областного управления культуры на создание проекта восстановления кремля. Я составил проекты Богоявленского собора и Царской беседки, Александр Чернов делал Успенский собор, Людмила Матросова – Триумфальные ворота, Андрей Нечаев – ограду. Это было последней настоящей работой нашей мастерской.

— *Строительство храма Христа Спасителя вызвало в обществе волну дискуссий вокруг так называемых «новоделов». Мнения на тему «надо ли восстанавливать полностью утраченное» разделились полярно. Как вы к этому относитесь?*

— Я думаю, что противники восстановления – тайные недоброжелатели русской культуры. Представьте, вдруг исчезло Адмиралтейство в Петербурге? Не восстанавливать? Но как же без него? В 1902 году в Венеции рухнула колокольня Сан-Марко. Дебаты «восстанавливать – не восстанавливать» были бурными. Решили восстановить и сделали за два года: идеальная кладка, тот же состав раствора и кирпича. В противном случае Венеция уже бы сто лет стояла без колокольни Сан-Марко. Но это немыслимо. Есть вещи, которые че-

ловечество не имеет права терять. Возьмите Варшаву, полностью разрушенную войной. Поляки восстановили столицу практически полностью. В Варшаве – национальное самосознание поляков, национальная гордость. Как в нашем кремле – душа Костромы. Все меркантильные соображения о том, что сначала надо накормить голодных, а потом восстанавливать дворцы, здесь ни при чем. Сытые и голодные были во все времена, двигатель духовного прогресса человечества в примате духа над материей.

— *Уничтоженный и вновь выстроенный архитектурный памятник – это всё еще памятник или только его макет? Форма в архитектуре и есть содержание?*

— Содержание памятника архитектуры для меня прежде всего – идеология времени, которую он выражал, и обусловленные этим технологии и все особенности строительного искусства. Вот сейчас мы делаем колокольню Знаменского храма на Дебре. По современным меркам можно построить гораздо проще, но я повторяю особенности тех времен. Как же иначе?

— *Как случилось, что вы стали епархиальным архитектором?*

— Я всегда помогал церкви, когда мастерские остались без работы, меня пригласил к себе владыка. Вот с 95-го года я и есть епархиальный архитектор.

— *Поле деятельности сейчас огромное?*

— Работы идут по всей губернии. Макарьево-Унженский и Паисьев монастыри, храмы в **Введенском**, Мантурове, **Шарье**, в Костроме храмы в Малышково и в Паново. В этом году мы ожидаем приезд патриарха, нужно серьезно подготовиться.

— *У вас и к 850-летию Костромы есть идеи?*

— Да-да, недорогие, но как бы они украсили наш город! Мне бы хотелось восстановить завершение колокольни Ильинской церкви (возле почтамта). Нужно надстроить только два верхних яруса. Есть мой проект, бригаде мастеров работы на два месяца. Преобразилась бы вся перспектива нашей центральной улицы. Затем гипсовые орлы, украшавшие портики здания при-

сутственных мест (городская администрация) и пожарной каланчи. И, конечно, смотровая деревянная площадка придавала бы пожарной каланче более гармоничный вид. Она была в свое время сломана. Мы нашли фуросовскую смету, совсем недорого. И надо думать, конечно, о восстановлении памятника Ивану Сусанину Демут-Малиновского. Проект я сделаю, вот в этом году и сделаю.

ДЕЛО ЖИЗНИ ЛЕОНИДА ВАСИЛЬЕВА – РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Есть люди – однолюбцы по природе. Они выбирают для себя дело, и оно становится их уделом, не работой, а творчеством, поиском, радостью. Леонид Сергеевич и реставрация связаны такими узами уже 40 лет.

Многое сделано за эти годы, но главное Дело выстроило личность, сформировало Мастера. Реставрация дала Леониду Сергеевичу интерес к истории, научила поискам истины и радости обретения её. Ему повезло, судьба направила его, выпускника Московского архитектурного института, в Кострому, а не в какой-нибудь город-новостройку. Работал бы и там, и, возможно, не плохо, но это уж был бы другой человек.

В 1958 году у костромской реставрации уже был опыт восстановления некоторых памятников, начались работы по ансамблю Ипатьевского монастыря, главным архитектором стала К. Г. Тороп. Л. С. Васильев сразу же включился в этот небольшой, но полный планов и энтузиазма коллектив. Обследования, обмеры, поиски документов, чертежей, гравюр, рисунков и фото в фондах различных музеев и архивов, работа с археологами и историками ис-

---

Печатается по публикации в газете «Северная правда» (Кострома), 16 июня 1999 г., с. 8, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

куства позволили погрузиться в культуру эпохи, понять логику и алогизмы в характере реставрируемых объектов. А в познании новой по сути профессии реставратора, освоении её большую роль сыграла К. Г. Тороп. Она сама увлеченно занималась архивным поиском, организовывала экспедиции по области для выявления неизвестных памятников зодчества, понимая его широко, стараясь охватить весь спектр местной строительной традиции, не разыскивая лишь уникамы, но фиксируя наиболее типичные черты жилых, хозяйственных построек того или иного района. Мельницы, амбары, бани, спасённые в первые годы существования мастерской, – золотой фонд нашего музея народной архитектуры и быта. Кажется, в те годы была найдена наилучшая форма работы мастерской: все архитекторы работали над разными объектами, ещё не наступила специализация только на каменном или деревянном зодчестве, это помогало расширить кругозор, прикоснуться к корням традиций, понять механизм их развития.

Конечно, с годами у Леонида Сергеевича образовалась своя тема, он выбрал храмовое зодчество, а из всех видов реставрации – воссоздание утраченного. Колокольня церкви Спаса в рядах – первый опыт воссоздания без авторского проекта, обмерных чертежей, только на основе фотодокументов. В мировой практике этот метод широчайше использован был польскими строителями при воссоздании исторического облика разрушенной Варшавы. Колокольня столь естественно влилась в ансамбль торговых рядов, что большинство костромичей уже забыли, что её не было.

Сознавая всю утопичность восстановления церкви Ильи Пророка на Русиной (Советской) улице и соборного ансамбля на месте кремля, он всё-таки работал над проектами. Наступило время, и они оказались востребованными. Когда наступит время реализации проектов, сказать трудно, но ситуация не безнадежна. Уже возведены два яруса колокольни церкви Воскресения на Дёбре, автором проекта воссоздания которой тоже стал Л. С. Васильев.

Перечисление всего, над чем трудился Леонид Сергеевич, займет немало

места, хочется напомнить, что из Костромы он был командирован в Иркутск для реставрации памятных мест сибирской ссылки декабристов. И коллеги, которым привелось побывать в усадьбе Волконских, констатируют – всё сделано доброту, и экскурсоводы не забывают с благодарностью вспоминать труд архитекторов-реставраторов.

Особенностью архитектора-реставратора является то, что он должен знать и владеть всеми строительными приемами, инженерными знаниями той эпохи, на которую пришлось сооружение памятника. И, защитив проект реставрации, он не просто передает его прорабу на исполнение, он большую часть времени проводит на объекте, вместе с рабочими ведёт обследование, разборку и на месте разъясняет им смысл производимого, обучает приёмам, принятым в прошлом. Как увлеченно пересказывали рабочие рассказ Леонида Сергеевича о крылечках-всходах XVII века, о тёсаном и лекальном кирпиче...

В юбилейной статье есть опасность создать лакированный, сияющий безупречностью образ. Наш юбиляр менее всего подходит для этого. Л. С. Васильев – сложная и разноплановая натура: мягкая интеллигентность и напористость, неуступчивость, даже упрямство, но главное – умение не изменять призванию. Его сегодняшняя служба епархиальным архитектором стала естественным продолжением дела восстановления храмового зодчества. И все эти годы он не теряет связи с реставрационной мастерской, здесь находит поддержку, профессиональную среду.

Мы желаем Леониду Сергеевичу доброго здоровья и оставаться таким же неуспокоенным и увлечённым.

Коллеги-реставраторы.

**ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВ:
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХРАМОВ
– СМЫСЛ ЖИЗНИ**

Леонид Сергеевич ВАСИЛЬЕВ – архитектор-реставратор. Большую часть своей жизни он прожил в Костроме, восстановил многие наши памятники культуры. Реставрационными работами Леонид Сергеевич занимался и в Йошкар-Оле, Ростове Великом, Иркутске. А во Франции, в местечке под названием Сильванез, стоит церковь Троицы, построенная по проекту Васильева. Последние одиннадцать лет Леонид Сергеевич работает в Костромской епархии.

О РАБОТЕ

— *Вы когда-нибудь жалели о выборе профессии?*

— Нет.

— *Почему?*

— Потому что я никогда не смог бы бросить старину. Профессия моя

Интервью, взятое у Л. С. Васильева Алёной Пуздря, печатается по публикации в газете «Костромские ведомости», 30 апреля 2003 г., с. 7 (13-й стул), с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

необычная. Она чем-то похожа на профессию криминалиста: так же приходится изучать множество архивов. Я ведь не только реставрирую храмы. Сначала идет обмер, исследование, составляется проект – это очень увлекательно. А ещё мне весьма важен духовный контакт с рабочими.

— *Вы находите с ними общий язык?*

— Конечно. Ведь со мной работают каменщики особого сорта. Однажды ребята попросили рассказать им об истории мировой культуры – об античности, средневековье, русском зодчестве. Я прочитал им несколько лекций. И вот что заметил. После моих рассказов ребята стали не просто отрабатывать положенное время, а трудиться с увлечением,

— *А вы у рабочих чему-то учитесь?*

— Естественно. Например, благодаря рабочим я освоил секреты кладки, плотницкое дело.

— *Леонид Сергеевич, я знаю, что по вашему проекту построили Никольскую церковь на Кольском полуострове.*

— Да, на Ара-Губе, засекреченном объекте на берегу Баренцева моря. Мы ездили туда около трёх лет назад. Срубили Никольскую церковь заранее, в Макарьеве. Потом собрали её на Ара-Губе. Специально для наших подводников с субмарины «Кострома».

— *Подлодку вам показывали?*

— Конечно! Капитан «Костромы» Владимир Анатольевич Соколов провёл целую экскурсию, мы даже посидели у него в каюте. Там нас угощали... (*Леонид Сергеевич делает характерный жест, означающий «приняли за воротник»*). Подлодка произвела на меня потрясающее впечатление: высотой она с девятиэтажный дом, корпус сделан из титана.

— *А кто финансировал строительство церкви на Ара-Губе? Неужели епархия сделала такой недешевый подарок?*

— К сожалению, у епархии денег нет. Сейчас мы строим и восстанавливаем храмы благодаря спонсорам. Часто работы приходится останавливать

из-за нехватки средств, В Костроме ещё много всего нужно отреставрировать. Не восстановили до конца церковь Вознесения в Мельничном переулке, сделали только колокольню. Там нужны большие укрепительные работы – храм постоянно подмывают подземные источники. Хотелось бы воссоздать весь костромской кремль на берегу Волги, проект уже давно составлен. Зато удалось достать денег на полное восстановление пожарной каланчи.

Впечатление такое, что для этого человека ничего не существует, кроме русской культуры, старины, храмов. Он и собеседника «погружает» в мир резных оконных наличников, золотых куполов, белокаменных стен.

Во время нашего разговора раздаётся телефонный звонок. Васильев возмущается в трубку недостатками работ некоторых архитекторов. Он приводит в пример профессионалов, таких, как его учитель и наставник Шевелёв. Я слышу обрывки фраз: «Талантливейший Серобаба», «Только им надо доверять нашу архитектуру», «Нельзя тонкости вверять непосвященным».

О СТРАНЕ, ГОРОДЕ И «ХРУЩЕВКЕ»

— Вы помните свой первый день в Костроме?

— Да. Это было 15 сентября 1958 года – началась моя «золотая» осень. Сошёл с поезда, отправился искать справочное бюро, чтобы узнать, где находится реставрационная мастерская. Город был тогда тихий-тихий. На полупустых улицах раздавался цокот лошадиных копыт. В поисках реставрационной мастерской я оказался на территории Ипатьевского монастыря. Там увидел «шанхай»: везде веревки с бельем. Тогда на территории жили двести семьдесят семей. Позже я узнал, что это место криминальное. Впоследствии мы отреставрировали почти весь Ипатьевский монастырь. Наверное, это самая важная работа в моей жизни.

— Вы окончили Московский архитектурный институт. А почему

приехали к ним?

— Я поступил в институт во времена господства сталинского классицизма. Затем к власти пришел Никита Сергеевич Хрущёв. Своим известным постановлением он потребовал искоренения «излишеств» в архитектуре и перехода к дешёвому строительству. В принципе это разумно, но для архитектуры ужасно.

— *В чём ужас?*

— В том, что настала пора «хрущёвок» – стандартизированных, эстетически бездарных построек, изуродовавших наши города. Я не мог оставаться в Москве, потому что там архитектору нечего было делать. Своего рода актом отрешения для меня стало стремление уйти в мир несомненных ценностей, в мир культуры. А в Костроме я в полной мере занялся любимым делом.

— *Политика всегда так сильно влияла на вашу жизнь?*

— Теперь я вообще стараюсь о ней не думать. К счастью, у меня нет ни радио, ни телевизора. Во все времена политика была занятием честолюбцев и часто людей малопорядочных. Если выбирать – я предпочёл бы абсолютную монархию. Царь, по крайней мере, берёт свою страну, потому что готовил её наследнику.

— *Что вы думаете о развитии турбизнеса в Костроме?*

— В нашей стране ничего не могут делать по-хорошему! И, видимо, в Костроме тоже. Прежде всего нужно привести в приличный вид памятники и создать хотя бы минимум удобств для туристов. Стыдно привозить к нам кого-то: ведь даже туалетов нормальных нет. Недавно приезжали знакомые иностранцы, привели их в церковь Воскресения-на-Дебре. А туалет там такой позорный! Вообще же к туристам я отношусь не очень. Я восстанавливаю памятники для Костромы, костромичей, для себя и для вас.

Рисунки храмов, картины, висящие на стенах комнатушки, слушают наш разговор. Мама Леонида Сергеевича одобрительно улыбается с чёрно-

белой фотографии... Какая странная ситуация: архитектор, презирующий всё бездарное, живет в старой бездарной «хрущевке». Хотя... Он об этом не думает.

ВСЯ НАША ЖИЗНЬ – СПЛОШНЫЕ ПЕРЕЛОМЫ

— *Что подвигло вас стать епархиальным архитектором?*

— В семьдесят восьмом меня переманили в Ярославль, в реставрационную мастерскую. Через восемь лет я вернулся в Кострому. И начал слепнуть. Мне сделали несколько операций. Потом заболела мама. Я поехал к ней в Йошкар-Олу. Мама умерла... Чем больше живу, тем больше убеждаюсь: вся наша жизнь – сплошные переломы. В девяносто втором году мне предложили работать в Костромской епархии.

— *Не возникало мысли посвятить себя служению Богу?*

— Служить Богу можно и живя обычной жизнью. Главное – жить нравственно.

Первой работой Леонида Сергеевича была школа для слепых на улице Энгельса. Строил для детей, обиженных судьбой, вкладывал в дело всю душу. Теперь у Васильева проблема – сам слепнет. А ведь глаза – один из главных инструментов архитектора. Что делать Леониду Сергеевичу без архитектуры? Ведь она – смысл его жизни.

Сегодня Васильев оторван от реальности. Когда мы шли по улице Симановского, Леонид Сергеевич обратил внимание на здание в мраморной облицовке:

— Это фабрика-кухня.

— *И Дворец бракосочетаний. И Камерный театр Голодницкого, – добавила я.*

— Правда? Я столько всего не знаю.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ СЕБЯ ПРОЯВИЛИ

**ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВ,
архитектор-реставратор,**

вернувший Костроме колокольню и церковь Спаса в Красных рядах, Знаменскую колокольню у храма Воскресения на Дебре, реставрировавший Ипатий и Щелыково, сохранивший уникальные чертежи, наспех сделанные карандашом в ночь перед взрывом Костромского кремля, автор проекта церкви-памятника погибшим морякам в Видяево, встречает свой 70-летний юбилей в Галиче, где готовит проекты восстановления Богоявленского храма и церкви Василия Великого в Рыбной слободе. Дай ему Бог здоровья и долгих лет жизни!

Текст неподписанной заметки печатается по публикации в газете «Костромские ведомости», 10–16 июня 2004 г., с. 2. (Прим. ред.)

РЕСТАВРАТОР ЖИВЁТ В СВОЁМ ГОРНЕМ МИРЕ

Архитектору Леониду Васильеву исполняется 70 лет. О юбилеаре монолог заслуженного архитектора России, почётного гражданина Костромы, академика Нью-Йоркской академии наук **Иосифа ШЕВЕЛЁВА**.

Так случилось, что с Леонидом Сергеевичем я познакомился раньше, чем кто-либо из костромичей. Ездил в столицу искать кадры для переживавшей бурный период своего становления и развития Костромской реставрационной мастерской. Зашёл в студенческое общежитие архитектурного института, а там, услышав, что ищу я архитектора в реставрацию, все восклицали примерно таким образом: «А, классика!.. Это – Васильев». Так и привела меня к Васильеву всеобщая молва.

Познакомились, он принял приглашение и в 1958 году приехал в Кострому. С тех пор мы вместе работаем и дружим. И с годами я всё больше убеждался в том, какой это одарённый и имеющий страстное отношение к русской архитектуре профессионал. Особенно любим им классицизм, а это именно то, что определяет облик Костромы. Как он любит эти тонкие профили,

---

Подборка из монологов И. Шевелёва и Т. Кильдышевой о Л. С. Васильеве печатается по публикации в газете «Северная правда» (Кострома), 16 июня 2004 г., с. 8, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

ордера, изящные формы!.. Получился удивительный сплав интереса к архитектуре и к городу, человек оказался на такой работе, которая ему абсолютно соответствует. И могу гордиться тем, что я этому способствовал.

Васильев – человек уникальный, его пристрастное отношение к архитектуре состоит в том, что если он видит необходимость восстановления какого-либо архитектурного памятника, то, не тратя лишних слов, начинает делать проект, не имея никакого заказа. А потом бывают счастливые моменты, когда проект становится востребованным и находит своё воплощение. Бывает и так, что случай не приходит, и замечательных, интересных, но пока не осуществлённых проектов в архиве Леонида Сергеевича тоже немало.

Васильев – человек абсолютно нестандартный, о таких говорят: не от мира сего. Круг обычных наших, повседневных интересов его не волнует, он безбытно живет в своём горнем мире. Это осложняло порой его отношения на работе, и был момент в жизни реставратора, когда он оставлял так полюбившуюся ему Кострому. Работал в Рязани, был главным архитектором реставрационной мастерской в Ярославле.

Можно долго перечислять памятники, восстановленные по проектам Васильева в Костроме и в других городах и сёлах нашей области. Достаточно назвать целый ряд торговых рядов, Троицкий собор и церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе, храм Воскресения на Дебре, Спаса в рядах в Костроме, целый комплекс объектов в Щелькове, храмы Макариево-Унженского и Авраамиево-Городецкого монастырей, вторые торговые ряды и Успенский собор Паисиева монастыря в Галиче...

Список проектов, выполненных Л. С. Васильевым за годы его самоотверженной, без преувеличения, работы, перешагнул далеко за сотню, а ведь, по сути, каждый – это большая исследовательская и творческая работа. Его проекты воплощены не только в Костроме, но и в Ярославле, Ростове Великом, в Рязани, в Москве, в Йошкар-Оле, в Сильванезе (Франция), по проекту Васильева построен полковой Никольский храм в поселке Видяево Мур-

манской области.

Был в биографии реставратора Васильева и такой факт. Когда шла подготовка к столетнему юбилею со дня рождения Ленина, из Москвы и других городов России были спешно собраны более-менее заметные реставраторы, которым за короткий срок нужно было сделать очень много по реставрации мемориала в Шушенском. В этой группе оказался и Васильев. И он там буквально ошеломил своей работоспособностью, сделав за командировку едва ли не больше, чем пять-шесть других архитекторов. Те жили в своем размеренном ритме, а Леонид Сергеевич по своему обыкновению с утра до ночи проводил за чертежами и эскизами. Кстати, среди выполненных в Сибири проектов была реставрация ряда памятников, связанных с сибирской ссылкой декабристов, в том числе дом княгини Волконской в Иркутске. Сразу после работы в Сибири Леониду Сергеевичу было присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР. Обидно, что отмечен человек был не в Костроме.

В нашем городе и области, которым отдана большая часть творческой жизни архитектора-реставратора, этот человек, самоотверженный, бескорыстный и скромный, явно недооценён. А всё потому, что по-прежнему, несмотря на возраст и болезни, всю энергию отдает любимому делу, и некогда ему тратиться на саморекламу.

Мы, архитекторы, Васильева знаем и любим и желаем ему здоровья и новых проектов, а главное – дожидаться, чтобы больше его проектов нашли своё воплощение. И чтобы Кострома воздала должное замечательному архитектору – подвижнику и бессребренику.

* * *

Леонид Сергеевич Васильев – это человек-легенда. Вся его жизнь – слу-

жение отечественной культуре.

Он приехал в Кострому в далеких пятидесятых, по окончании Московского архитектурного института, и все эти годы служил нашему городу, создавая проекты реставрации разрушенных и полуразрушенных памятников архитектуры, облагораживая наш город, делая его прекрасным.

Мне вспоминается лето 1966 года: в Ипатьевском монастыре ведутся работы в Троицком соборе (реставрация живописи и иконостаса). По аллее на встречу художникам-реставраторам идёт мужчина с бородой в сером пиджаке и с маленьким чемоданчиком в руках. Тут-то я и узнала, что это Леонид Сергеевич Василев, художники его встретили с распростертыми объятиями, сколько было шуток. Он только что вернулся из командировки в музей-заповедник «Щельково» и был очарован усадьбой.

Мне он показался человеком из XIX века, одним из чеховских героев, и совсем не молодым, хотя ему было всего 32 года.

А еще помнится, я пришла с работы домой вечером, было холодно, топилась печь, и Леонид Сергеевич с Альбертом Кильдышевым сидели у огня в пальто и читали друг другу стихи: Васильев – Фета и Тютчева, а Альберт – Ахматову, Пастернака... Меня поражала энциклопедическая образованность Васильева, знание живописи русской и зарубежной, классической литературы, поэзии, особенно XIX века.

Он такой и есть всю жизнь: талантливый, высокообразованный и в то же время простой и доступный человек.

С юбилеем тебя, дорогой Леонид Сергеевич, и многие, многие, многие тебе лета!

Тамара КИЛЬДЫШЕВА,
директор ГУП «Костромареставрация»

Леонид Васильев, который возвращает Костроме лицо

То немного, чем мы, костромичи, можем гордиться, – и его заслуга. Мы привыкли видеть это каждый день. И не задумываемся над тем, что могло бы не быть в нынешнем виде всего того, что делает Кострому Костромой. Энтузиазм и скромность этого человека поражают. А, может быть, они просто равны его таланту?

— Леонид Сергеевич, поговорим о Костроме? Такой, какая она есть и какой её хотел бы видеть архитектор и реставратор Леонид Васильев.

— Сегодняшняя Кострома – это, скорее всего, картина разрухи. А ведь Кострома – город исторический. Его привлекательная сторона и для костромичей, и для туристов – именно в её историческом прошлом, и её неповторимом художественном облике, который она во многом уже утратила. Мне хотелось бы видеть то лицо Костромы, которое делает этот город прекрасным и не похожим на другие.

— А в чём эта непохожесть? Мне кажется, исторических, в этом смысле слова, городов немало.

— Кострома утратила свои архитектурные доминанты, которые и созда-

---

Интервью, взятое у Л. С. Васильева Еленой Шикаловой, печатается по публикации в газете «Костромские ведомости», 1–7 июля 2004 г., с. 18, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

вали особую духовно-историческую ауру. Я говорю о Костромском кремле и массе церквей, украшавших город. Конечно, кое-что с трудом удалось сделать. Ипатьевский и Богоявленско-Анастасиин монастыри, каланчу (недавно восстановили и герб), торговые ряды и церковь Спаса в рядах, церковь Воскресения на Дебре с колокольной, церкви Ильи Пророка в Городищах и Спаса-Преображения за Волгой. Хочется восстановить Никольско-Салтыковскую церковь Богоявленского монастыря (владыка вроде бы тоже склоняется к этому), церковь Вознесения на Дебре что в Мельничном переулке. Проектов мною разработано много. Но всё упирается, конечно, в деньги.

— *А Костромской кремль? Мы его всё-таки увидим?*

— Вы – молодые, наверное, увидите. Проект готов. И Богоявленского собора кремля, и Успенского, и всей ограды с пятью воротами, и даже Царской беседки, которая стояла у подножия нынешнего памятника Ленину. Теперь вопрос опять-таки в деньгах. Создан общественный фонд по восстановлению кремля. «Выбиваем» из Москвы финансирование — пока удалось получить один миллион. Он пойдет из восстановления колокольни Богоявленского собора. Она была очень нарядной, бело-голубой. Когда-то считалась самым высоким сооружением в Костроме – 64 метра.

— *А в Костроме, что, не нашлось желающих помочь своему городу? Епархия?*

— У епархии очень много забот в области, да и в Богоявленско-Анастасиинском монастыре ещё нужно работать. На каких-то спонсоров надежды мало. Есть ещё такая структура – НПЦ, который собирает деньги за аренду памятников архитектуры. Но он, насколько я знаю, против восстановления кремля – его руководители считают, что это будет «новодел».

— *Леонид Сергеевич, вы разработали массу проектов, а реализуется из них только малая часть. Руки не опускаются?*

— Что делать? Придётся передать все разработки в областной архив, иначе просто пропадут. Проектных материалов у меня действительно много,

и не только по Костроме, но и по области. В Галиче колокольню церкви Василия Великого удалось сделать, очень хотелось бы восстановить Никольскую часовню. Проект тоже готов.

— *Может быть, нынешнему поколению это просто не нужно?*

— Нашим современникам, может быть, и не нужно. Это нужно нашим городам, Костроме.

— *А вы верите в то, что, если изменится облик Костромы, изменятся и сами костромичи? Станут красивее что ли, лучше?*

— Безусловно. Будучи студентом, я жил на окраине Москвы. Мы говорили: «Куда поехал? В город». Москва – это исторический центр, это Кремль. Так и тут. Давыдовский, Первомайский, Паново – это не Кострома. Кострома – это её историческая часть. Здесь человеческий масштаб, отдыхать люди приходят именно сюда. У нас пока ещё есть улица Мшанская – Островского. Эти чудесные особнячки надо сохранить и показывать. Кое-что осталось и на Советской. Надо только привести в цивилизованный вид. Это прекрасное. И это влияет на человека не просто эстетически, даже психологически.

Архитектура создает ту духовную ауру, которая исподволь формирует души людей. Это влияние может быть нейтральным, может быть и отрицательным (как, например, в современных микрорайонах, застроенных «коробками»). Но оно может быть благотворным в архитектурной среде, созданной мастерами прошлого, владевшими тайнами гармонии, художественного ансамбля. Эта архитектура человечна, и лишь она может быть причислена к искусству.

— *Многих, я знаю, просто убивает «лысая сковородка». У вас ведь есть проект и по площади Советской. Каким вы видите центр города?*

— Я считаю, что не надо бояться зелени. То, что вырубili деревья, – это варварство. К великому сожалению, сквер на «сковородке» превратился в пустыню. Там, где теперь стоит безобразнейший памятник Юрию Долгорукому, не только спилили липы, но и убрали красивейшую ограду. А когда-то здесь

стояла церковь Воскресения на площадке. Левее – Георгиевская церковь. От церкви Ильи Пророка XVII – XVIII веков, что в начале улицы Советской, пока ещё осталась нижняя часть колокольни и часть трапезной. Напротив Мучных рядов был храм воинской славы – церковь Иоанна Предтечи, построенная в память погибших в Первую мировую. Всё это надо восстанавливать.

— *А самая заветная мечта?*

— Это и мечта, и в то же время она выполнима: отстроить церковь Воскресения на площадке и колокольню церкви Ильи Пророка (рядом с почтамтом). Советская сразу преобразится. Появится доминанта улицы, перспектива, и центр это только украсит.

— *Леонид Сергеевич, вы не костромич (но любите этот город больше многих из нас). Приехали сюда почти 50 лет назад. Как он изменился за это время? В лучшую или в худшую сторону?*

— В чём-то – в лучшую. Теперь костромичи и туристы видят восстановленные торговые ряды, церковь Спаса, каланчу, Ипатий. А с другой стороны, город стал хуже. Многое утрачено. Те же дворянские особняки. Да и ритм жизни стал сумасшедшим. Это был тихий город. Идёшь по улице Ивана Суанина – рядом лошадка, запряжённая в телегу, тащится. Было более мило, я бы так сказал.

— *Ну а когда вы сегодня идёте по улицам города, смотрите на отреставрированные вами здания, чувство гордости посещает?*

— Мне это чувство неизвестно. У меня всегда наоборот. Смотрю и думаю: не так сделал, неправильно. Я никогда не бываю доволен. Всегда замечаю то, о чём другие и не подозревают.

Елена ШИКАЛОВА.

Архитектурные памятники Костромы, которые, по мнению

Леонида Сергеевича, должны быть восстановлены:

Костромской кремль

Церковь Ильи Пророка

Церковь Воскресения на площадке

*Архитектурные памятники, реставрацией которых занимался
Леонид Васильев*

Церковь Спаса в рядах (1974 – 1977)

**Церковь Воскресения на Дебре, колокольня Знаменской церкви
(1995 – 2000)**

Ипатьевский монастырь:

Архиерейский и Братский корпуса, ворота, башни (1964 – 1970)

Дом книги (1964 – 1965)

Церковь Ильи Пророка (1986 – 1988)

Церковь Спаса-Преображения (1968 – 1970)

ДОКУМЕНТЫ

Дума города Костромы третьего созыва

РЕШЕНИЕ

23.06.05 № 64

О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ «ПОЧЁТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА
КОСТРОМЫ» ВАСИЛЬЕВУ ЛЕОНИДУ СЕРГЕЕВИЧУ

Рассмотрев ходатайство Костромской епархии, Костромской организации Союза архитекторов России, Шевелёва И. Ш. — заслуженного архитектора Российской Федерации, Почётного гражданина города Костромы; Соловьёвой А. В. — научного редактора ООО «Инфопресс», и учитывая решение общественной комиссии по предварительному рассмотрению представлений о присвоении звания «Почётный гражданин города Костромы», Дума

РЕШИЛА:

1. Присвоить звание «Почётный гражданин города Костромы» Васильеву Леониду Сергеевичу.

2. Настоящее решение ввести в действие с момента опубликования в средствах массовой информации.

И. В. ПЕРЕВЕРЗЕВА, глава самоуправления г. Костромы.

А. В. УКРАСИН, председатель совета Думы г. Костромы.

*«Костромские ведомости», № 30 (761), 26 июля – 1 августа 2005 г., с.
17.*

Владимир Дружнев

ПЯТЁРКА – НА ПЯТЕРКУ!

Знай наших!

По давней уже традиции в День города провозглашались имена почётных граждан Костромы, а также вручались муниципальные премии имени академика Лихачева. Новых почётных граждан оказалось двое. Архитектор Костромского епархиального управления Леонид Васильев этого звания более чем достоин. До епархиального управления Васильев несколько десятков лет работал в светских реставрационных мастерских. Он не только восстанавливал архитектурные памятники русской истории, но и в буквальном смысле не давал их разрушить. Как легенду уже рассказывают историю о том, как примерно лет 35 назад Васильев, бросившись под нож бульдозера, предотвратил снос церкви в одном из восточных районов нашей области.

<...>

---

* Отрывок из заметки В. Дружнева печатается по публикации в «Костромской народной газете», 31 августа 2005 г., с. 2. (Прим. ред.)

ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВ: Я ОПОЗДАЛ С РОЖДЕНИЕМ НА СТО ЛЕТ

Сегодня нашим гостем стал епархиальный архитектор, заслуженный работник культуры Леонид Васильев. Месяц назад он получил звание Почётный гражданин города. То, что он сделал для Костромы, переоценить трудно. Леонид Сергеевич участвовал в восстановлении практически всех жемчужин нашего края. Торговые ряды, Щельково, Ипатий, Авраамиево-Городецкий монастырь под Чухломой, все костромские храмы и колокольни... Впрочем, и сейчас застать его дома почти невозможно, Леонид Сергеевич всё время в командировках. Он восстанавливает храмы по всей области.

— Вы родились в династии потомственных учителей, не хотели работать в школе?

— Нет, мне была интересна археология, старина, я любил читать книги по истории, у нас дома было много старинных книг, дореволюционных учебников с гравюрами. В 1945 году я попал в Ленинград, меня так потрясла его архитектура, что я бредил этим городом, он и определил мою будущую профессию. После школы я поступил в Московский архитектурный институт.

— На торжественной церемонии вы признались, что считаете себя костромичом, а как вы сюда попали?

— Родом я из Москвы, сюда приехал по распределению 15 сентября 1958

Интервью, взятое у Л. С. Васильева Юлией Меркурьевой, печатается по публикации в газете «Северная правда» (Кострома), 28 сентября 2005 г., с. 7, с небольшой корректорской правкой. (Прим. ред.)

года. В Москве не хотел оставаться, это очень шумный город, а в душе я провинциал. Мне предложили два варианта – Вологодскую и Костромскую реставрационные мастерские. Выбрал Кострому.

— *Какой вы увидели Кострому впервые?*

— Сюда я приехал золотой осенью. Это был тихий городок. С полупустынными улицами, машин было очень мало, даже ещё бегали лошадки, запряженные в телеги. На Сенной улице я наблюдал, как мальчишки воздушных змеев запускали, а мужчины ходили по воду с коромыслами, я никогда этого раньше не видел. Больше всего понравился центр, ведь Кострома обладает уникальной планировкой, веерной, такой нет больше нигде. Она очень удобна. Судя по старинным фотографиям, Кострома была чудным городом, в ожерелье белых церквей, мне захотелось его восстановить, первой работой был Ипатий.

— *Идея реставрировать Ипатий была вашей?*

— Не совсем, им тогда уже чуть-чуть занимались. Но когда я туда приехал, на территории монастыря жило двести семьдесят семей ткачей, висели верёвки с бельем, паслись козы, бегали дети, на лавках судачили старушки. Восстановление Ипатия мы начали с Нового города, где впоследствии был музей природы. В то время председателем облисполкома был Леонид Яковлевич Флорентьев, культурный человек, он нашёл средства на выселение семей из Ипатия и строительство новых домов для них.

Постепенно людей выселили. Мы убирали позднейшие перегородки, восстанавливали разрушенные своды. Далее следовали Братский и Свечной корпуса, Троицкий собор, Архиерейский корпус. Воссоздавали методом наращивания кирпича. Наше счастье, что мы обнаружили замурованный кусок фрагмента старинной кладки. Кирпич восемнадцатого века был большемерный – 8 на 16 на 34 сантиметра. Восстановление Ипатия началось в 1964 году и длилось пять лет. Свечной корпус пришлось даже откапывать, он на два метра был засыпан землей.

— ?!

— Монастырь был построен на вершине холма. Подземные воды подмывали фундамент, и здание начало уходить под землю. При позднейшей планировке монастырского двора нижние части древних зданий оказались закопанными. Сейчас на тротуарах ввиду отсутствия ливнёвки сделаны ямы поглощения. Впрочем, откопаны ещё не все здания. К западу от звонницы в земле находится здание XVII века из красного кирпича. На территории монастыря ещё много неизвестного, необходимы дальнейшие археологические раскопки. Мы собираемся восстановить собор Рождества Богородицы, который стоял в монастыре между Троицким собором и звонницей.

— *В Костроме первой вы восстановили колокольню в церкви Спаса в Красных рядах, тогдашние руководители города распорядились убрать с неё крест?*

— Это были семидесятые, заместитель первого секретаря горисполкома* была яркой атеисткой. Она сказала: «Я не потерплю, если из моих окон будет виден крест!» Пришлось убрать.

— *Вы мечтаете ещё что-то восстановить в Костроме?*

— Кремль. В Москве нам удалось добыть его чертежи. Надо восстановить весь комплекс, ограды, павильоны, ворота. Мы начинали с колокольни. Беда в том, что нам ставят палки в колеса. Археолог Сергей Алексеев подал в суд за то, что, делая фундамент, мы раскопали кладбище.

— *И будто бы потревожили предков Лермонтова, Пушкина и других знаменитых родов?*

— Это блеф. В этом месте располагались осадные дворы, хорошо укрепленные места, там строились дома бояр, в которых они скрывались, когда наступал враг. А Пушкины и Лермонтовы были бедными, они там не могли быть похоронены в принципе. Все-таки я надеюсь, что кремль восста-

---

* Оговорка. Правильно: заместитель председателя горисполкома. (Прим. ред.)

новят. Хотя бы колокольню, она была прекрасна: голубая, с белыми колоннами, золотыми коваными вазами. В шлеме колокольни были куранты и окошечко, в котором находился телескоп, в ясную погоду в него можно было разглядеть Ярославль*.

— *Сейчас над чем вы работаете?*

— Ставим поклонный крест в Галиче на горе Балчуг, его собираются освятить 30 сентября, это будет четвёртый, один из них оказался чудотворным. Женщина приехала в Галичскую районную больницу на назначенную операцию по поводу камней в почках. Перед операцией она пришла помолиться в Паисиев монастырь, но его ворота оказались закрыты. Тогда женщина остановилась у креста и с верой помолилась. В больнице ей сказали, что операцию делать не нужно, камней нет.

— *Церкви восстанавливаются в намоленных местах, особую энергетику в них чувствуете?*

— Признаюсь, нет, может, привык уже.

— *Наверное, такая работа должна прибавлять здоровье?*

— Очевидно, да. Многих моих ровесников уже нет, а мне Бог дает силы и осознание того, что я кому-то нужен, это и дает энергию.

— *Слышала, что большинство храмов вы восстановили по фотографиям, это очень сложно?*

— У меня выработалась своя система восстановления по фото. Прикидываю размер кирпича... Один раз работал по великолепным чертежам XIX века. Приходилось восстанавливать и по замерам. Перед тем как взорвать храм, по инструкции нужно было произвести его замер. Например, колоколь-

---

* Это легендарное предание. Из-за кривизны Земли с высоты H (м) видно при идеальных условиях не более чем на $3,5 \times \sqrt{H}$ км. Расстояние до Ярославля по прямой превышает 60 км, и Кострома на 16 м ниже от уровня моря. Окраины Ярославля из Костромы были бы видны лишь с площадки, поднятой не менее чем на 320 м. (Прим. изд.)

ню Кремля за три дня до взрыва замеряли студенты московского института. Ребята сделали все, что могли, они старались, но невозможно было сделать замеры точно, здание громадное, а их двое, всё происходило в страшной спешке. Но мне эти чертежи очень помогли.

— *До революции в Костроме было сорок семь храмов, сейчас значительно меньше...*

— По сравнению с другими городами даже сейчас у нас очень много храмов. Я считаю, что чем больше храмов, тем лучше, ярче проступает образ русского города. Церковь – это произведение искусства, храмы создают неповторимый городской ансамбль. Вот кремль уничтожили, и всё рассыпалось, раньше с Волги была великолепная панорама.

— *Звание заслуженного работника культуры вам дали за восстановление Шушенского?*

— Село решили сделать к столетнему юбилею Ленина. Работы начались в январе 1969 года. Архитекторы собрались со всех городов. В Шушенском Ленин жил в ссылке сначала один, потом вместе с Крупской. Это было большое сибирское село. В отличие от наших, сибирских сел немного, но они большие, как поселки по 10–20 тысяч населения. Мы восстановили улицы с купеческими домами, кабаками, волостной управой, острогом, сеновалом, конюшнями. Мне пришлось заниматься управой, куда Ленин каждый год должен был являться для регистрации. В общей сложности я сделал двадцать три постройки. Я там пробыл больше года.

— *А местную церковь восстановить не пробовали?*

— Это вообще анекдот. Надежда Крупская приехала к Ленину через год после того, как он там обосновался, и им поставили условие обвенчаться, без венчания их женитьба была недействительна.

— *Так Ленин и Крупская венчались?!*

— Конечно, без этого раньше было нельзя. На центральной площади Шушенского была церковь с колокольней, там их и обвенчали. В 1929 году

церковь сломали, а на её месте поставили клуб. Я тогда сделал эскиз церкви, но руководители проекта только улыбнулись.

— *Для вас работа в Шушенском тоже была ссылкой?*

— Нет, наоборот, там было замечательно! Природа удивительная! Чистейший воздух, степь, Енисей. Очень красив разлив Енисея, когда он разливается, то затопляет окрестные луга. А ещё там растут ирисы, их целое море!

— *А где ещё вам приходилось работать?*

— В 1974-75 годах по заданию министерства культуры я работал в Иркутске, восстанавливал дом княгини Марии Волконской. После этого несколько лет я был главным архитектором Ярославской реставрационной мастерской, восстанавливал Ростов Великий. Одна из последних работ – на Кольском полуострове в Видяеве. По моему проекту там построен Никольский полковой храм подводников. Сам его не видел, только по фотографиям. Волею судеб во Франции, в предгорье Пиренеев поставлен деревянный храм святой Троицы, возведённый по моему проекту, хотя я во Франции никогда не был. Владыка меня попросил сделать проект деревянного храма, я сделал два варианта, их по факсу послали в Париж, выбрали один, потом храм рубили в Вятской губернии.

— *Как-то ехала в маршрутке и беспристрастным взглядом посмотрела на начало Советской, от улицы Подлипаева, картина совсем неприглядная. Можно что-то изменить?*

— Обгоревшее здание – это кофейня кондитера Зборовского*, дом не очень ценный, можно сделать идентичный особнячок. Наверное, нужно поступить так: самое ценное восстановить, а в других случаях построить идентичные здания. Но даже не это самое главное. Несчастье Костромы, да и многих городов в том, что со временем вырос культурный слой. Все дома утоплены в асфальте, они гниют. Посмотрите на ту же Советскую – большинство домов утонуло до окон первого этажа. Наша гордость – каланча и торговые

---

* Правильно: Боровского (ул. Советская, 16). (Прим. ред.)

ряды тоже не избежали этой участи. Надо по возможности опустить тротуары. Есть способ поднятия деревянных зданий на домкратах.

— *За 47 лет архитектура Костромы изменилась в лучшую сторону?*

— Старые здания остались, а новые не радуют, современные архитекторы, как правило, не чувствуют душу старого города. Очень портит вид города и вакханалия безвкусной рекламы, слишком назойливой и пошлой.

— *Вы живёте в Давыдовском, и как он вам?*

— Это кошмар, в этом спальном районе архитектура и не ночевала.

— *А можно найти компромисс: и людей поселить, и искусство соблюсти?*

— Видимо, это невозможно. Но хотя бы нужно не ставить дома так близко, сделать дворы. А так сплошные бетонные стены, страшно становится. Поэтому и преступность растёт. Когда человек живет в этих джунглях, он звереет.

— *А в каком доме вы хотели бы жить?*

— В деревянном одноэтажном домике. Мне нравится в Галиче моя избушка на берегу озера. Закат видно, тишина, чистый воздух, соловьи весной, собачки тявкают – идиллия! Я уезжаю туда как бы в духовную эмиграцию.

— *Сейчас стало модно строить церкви, как вы к этому относитесь?*

— Я не знаю, что двигает этими людьми, может они веруют, может, замазывают грехи, может, деньги отмывают. Дай Бог, если это им поможет. Но если бы эти милые люди помогли мне хоть что-нибудь сделать для Костромы...

— *Слышала, что за проекты храмов вы денег не берёте?*

— Мне владыка платит, на жизнь хватает, не беру деньги принципиально.

— *Вы крестились в пятьдесят семь лет...*

— Не мог креститься раньше, мама была учительницей, ей бы этого не позволили. Но потом я понял, что не могу уже больше жить без Бога. После крещения появился смысл, чувство ответственности перед собой.

— *Если бы время выбирали, в каком веке хотели бы родиться?*

— Я опоздал с рождением на сто лет. В девятнадцатом веке всё ещё было цело, Россия не была унижена. А сейчас... «Бывали хуже времена, но не было подлее,» – это из Некрасова, как это верно и печально.

— *Вы стали Почетным гражданином Костромы, гордитесь этим званием?*

— Я не тщеславен, меня это звание даже тяготит. Вот если бы мама была жива, ей это было бы приятно, но она умерла десять лет назад...

Л. С. Васильев

ПАМЯТИ АЛЬБЕРТА КИЛЬДЫШЕВА

Трудно встретить незаменимых. Но Алик обладал поистине редкими свойствами – широкой гуманитарной эрудицией, ненасытным стремлением к познанию нового, обострённым пониманием прекрасного – будь то стихи, предметы прикладного искусства или создания зодчества. Его своеобразная мягкая ироничность, сквозь которую всегда чувствовалась благожелательность, широкая литературная эрудиция, осведомленность во всём новом и прекрасном, <...> делали разговор с ним интересным и поучительным, открывая подчас области, нам дотоле неизвестные. Чрезвычайно привлекательным свойством в нём было полное самозабвение: не считаясь ни со временем, ни зачастую с тем, что называется материальными соображениями, он делал то, что считал наиболее важным и то, в чём видел свое призвание.

Он любил русское искусство. Ради него нашёл в себе силы отказаться от профессии педагога и начать сначала <...>. Годы учёбы в Ленинградской академии художеств, параллельная с этим работа художником-реставратором

Печатается по публикации в журнале «Губернский дом», 2005, № 5-6 (68-69), с. 49–50, с небольшой корректорской правкой. Купюры сделаны публикаторами. Заглавие в публикации отсутствует и предложено редакцией. (Прим. ред.)

в Троицком соборе Ипатьевского монастыря и нелёгкая работа – разве это не свидетельство мужества и служения идее? Меня, как архитектора-реставратора, поначалу удивило и тронуло, а потом вызвало глубокое уважение к Алику то, как близко он принимал к сердцу наши чисто строительные проблемы. Чуждый профессиональной ограниченности, он живо болел всем комплексом вопросов реставрационного дела. Создание музея народного деревянного зодчества, мечты о создании музея купечества в Костроме, восстановление ансамбля костромского центра были его личными большими вопросами. Весть о гибели памятников искусства, где бы это ни случилось, делала его несчастным.

За две недели до гибели*, зимой, он поехал в отдалённый район Костромской области для вывозки древней церкви в Костромской музей деревянного зодчества <...>, он, художник-реставратор. Глубоко укоренившееся в нём чувство личной ответственности за сохранность, спасение сокровищ русской культуры не давало ему спокойно спать. Вся его жизнь подвижника вызывает у нас, его товарищей, его коллег, чувство величайшего уважения и любви к нему.**

---

* Альберт Васильевич Кильдышев (26.04.1937–15.02.1970) трагически погиб под рухнувшими лесами при реставрации Троицкого собора Ипатьевского монастыря.

** ГАКО, ф. р-1350, оп. 1, д. 74, л. 14.

На 74-м году жизни после тяжёлой продолжительной болезни скончался почётный гражданин города Костромы, заслуженный работник культуры России, член Союза архитекторов России

ВАСИЛЬЕВ Леонид Сергеевич

Леонид Сергеевич внёс большой вклад в сохранение объектов историко-культурного наследия Костромы и Костромской области. Он являлся автором более 100 проектов воссоздания и реставрации памятников истории и архитектуры.

По его проектам воссоздана колокольня Знаменского монастыря по ул. Нижняя Дебря, выполнена реставрация храма и колокольни Спаса в Красных рядах, объектов Ипатьевского монастыря в г. Костроме, Староторжского монастыря в г. Нерехте*, комплекса Макарьево-Унженского монастыря в г. Макарьево и других.

К сожалению, при жизни Леонида Сергеевича не были реализованы его проекты воссоздания комплекса Костромского кремля, церкви Усечения главы Иоанна Предтечи на ул. Островского, Ильинской церкви на ул. Советской, имеющих большое значение для истории города.

Администрация города Костромы выражает соболезнование родным и близким Васильева Леонида Сергеевича.

Некролог печатается по тексту газеты «Костромские ведомости», 15 апреля 2008 г., с. 4. (Прим. ред.)

* Староторжский монастырь находится в Галиче; работ по проектам Л. С. Васильева там не производилось. (Прим. ред.)

ПРОЩАЙТЕ, ЗОДЧИЙ

Костромская епархия, департамент культурного наследия администрации Костромской области и Союз архитекторов России с прискорбием сообщают, что 10 апреля на 74-м году жизни скончался **Леонид Сергеевич ВАСИЛЬЕВ** – архитектор-реставратор, сотрудник Костромского епархиального управления, заслуженный работник культуры России.

С 1952 по 1958 год Л. С. Васильев учился в Московском архитектурном институте, по окончании которого был определён на работу в Костромскую специальную научно-реставрационную производственную мастерскую, руководимую в те годы знаменитым костромским архитектором Калерией Тороп. Впоследствии Леонид Сергеевич был командирован для работы в Красноярский край и Иркутскую область, трудился над реставрацией памятников архитектуры в Рязанской и Ярославской областях.

С 1995 года в должности епархиального архитектора Леонид Сергеевич Васильев трудился в Костромском епархиальном управлении.

Почти 50 лет Л. С. Васильев занимался восстановлением храмов и монастырей костромской земли. Он принимал участие в реставрации комплексов Ипатьевского (1964-1970 годы), Авраамиево-Городецкого (1970 год), Макариево-Унженского (1973-1996 годы) и Богоявленско-Анастасиина (1989 год) монастырей, храма Воскресения Христова на Нижней Дебре (1995-2000 годы), Ильинской церкви в Городище (1986-1988 годы) и церкви Спаса в рядах (1974-1977 годы), многих других храмов города Костромы. По его проектам в

Некролог печатается по тексту газеты «Северная правда» (Кострома), 17 апреля 2008 г., с. 3. (Прим. ред.)

городе была воссоздана колокольня Знаменской церкви и построена колокольня Свято-Тихоновского храма, возведена часовня во имя святого великомученика Феодора Стратилата.

В целом при участии Л. С. Васильева отреставрировано и построено более ста храмов и гражданских сооружений в разных регионах России и за рубежом.

Талант и труды Л. С. Васильева были отмечены высокими государственными наградами, ему было присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР, вручен орден Дружбы народов. Л. С. Васильев был удостоен награждения орденами Русской Православной церкви преподобного Сергия Радонежского, благоверного князя Даниила Московского и преподобного Андрея Рублева.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

10 апреля на 74-м году жизни скончался **Леонид Сергеевич Васильев** – архитектор-реставратор, сотрудник Костромского епархиального управления, заслуженный работник культуры России.

Леонид Сергеевич Васильев родился 14 июня 1934 года в городе Москве и происходил из семьи потомственных земских учителей. Его отец Сергей Васильев в 1936 году был репрессирован и через два года расстрелян (реабилитирован в 1957 году). Вместе с матерью Леонид жил в Ульяновске, Калининне, а с 1938 по 1952 годы – в городе Йошкар-Оле, где с золотой медалью окончил среднюю школу.

С 1952 по 1958 годы Л. С. Васильев учился в Московском архитектурном институте, по окончании которого был определён на работу в Костромскую специальную научно-реставрационную производственную мастерскую. Впоследствии Леонид Сергеевич был командирован для работы в Красноярский край и Иркутскую область, трудился над реставрацией памятников архитектуры в Рязанской и Ярославской областях. С 1995 года он работал в Костромском епархиальном управлении в должности епархиального архитектора.

Почти полвека Л. С. Васильев занимался восстановлением храмов и обителей Костромской земли. Он принимал участие в реставрации ансамблей

Некролог печатается по тексту «Костромских епархиальных ведомостей», № 4, апрель 2008, с. 16. (Прим. ред.)

Ипатьевского, Авраамиево-Городецкого, Макариево-Унженского и Богоявленско-Анастасииного монастырей, многих храмов города Костромы. По его проектам в областном центре воссоздана колокольня Знаменской церкви и построена колокольня Свято-Тихоновского храма, возведена часовня во имя святого великомученика Феодора Стратилата.

Л. С. Васильеву принадлежат проекты реставрации Торговых рядов в Костроме и музея-усадьбы А. Н. Островского в Щельково, проект воссоздания ансамбля Костромского кремля. В целом при участии Л. С. Васильева отреставрировано и построено более ста храмов и гражданских сооружений в разных регионах России и за рубежом.

Талант и труды Л. С. Васильева отмечались высокими государственными наградами: ему было присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР, вручен орден Дружбы народов. Святейший Патриарх Алексей II удостоил Леонида Сергеевича награждения орденами преподобного Сергия Радонежского, благоверного князя Даниила Московского и преподобного Андрея Рублева.

Отпевание Л. С. Васильева прошло 12 апреля в костромском Богоявленско-Анастасиинском кафедральном соборе. Местом последнего упокоения Леонида Сергеевича стало кладбище при Александро-Антониновской церкви в Селище.

ПАМЯТЬ

Он будет жить долго

Отечественная культура понесла невосполнимую утрату: 10 апреля скончался известный архитектор-реставратор, Заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин города Костромы Леонид Сергеевич Васильев. Не только Кострома и Костромская область украшены восстановленными и построенными впервые по его проектам памятниками архитектуры, но и Москва, Ярославль, Ростов Великий, Рязань, Иркутск, Красноярский край, республика Марий Эл (в том числе её столица и родной город Л. С. Васильева Йошкар-Ола) и город Сильванез во Франции. Обширные познания в области архитектуры и реставрации её памятников, страстная заинтересованность в деле всей своей жизни, исключительный практический опыт снискали ему славу первого специалиста. Объём сделанного впечатляет – более сотни проектов выполнены Леонидом Сергеевичем, и не один десяток их ждёт ещё своего воплощения.

Его человеческая исключительность общеизвестна. С уходом таких людей оскудевает и жизнь их современников.

[А.В. Соловьёва]

Тексты мемориальных статей А. В. Соловьёвой, И. Ш. Шевелёва и Н. А. Зонтикова даются по публикации в газете «Северная правда» (Кострома), 18 апреля 2008 г., с. 5, с минимальной редакторской и корректорской правкой. (Прим. ред.)

* * *

И он жил среди нас*

Редкая женщина обладала его отзывчивостью. Он бросался помогать каждому, не рассуждая – действительно ли нужна его помощь. Слух о таком доступном и добрейшем человеке распространился в костромских перестроечных кругах довольно быстро, и к нему не обращался (за любым!) проектом только исключительно ленивый – тем более что отказа никто не получал, а от платы за работу он неизменно отказывался. Но ценили ли по достоинству многочисленные просители его труды и самого Мастера, были ли благодарны за так легко и естественно исполняемые их просьбы? Скорее – нет, чем – да. И немало ещё неосуществлённых его проектов (взять хотя бы проект часовни Феодора Студита 2001 года для Костромского энергетического техникума им. Ф. В. Чижова) пылятся в частных, государственных и иных архивах. Приходится надеяться, что этот бессребреник работал не только для современности, но и для просвещённого, ответственного и деятельного человека будущего.

При торжественных освящениях впервые построенных или воссозданных по его проектам зданий имя автора проекта нередко забывали назвать. Он и к этому, кажется, привык.

Приверженец классицизма в архитектуре и всех других видах искусства, влюблённый в 17-й век, он страдал от неблагообразности и пошлости современной жизни, охраняя свой мир книгами, любил читать и перечиты-

---

* Восстановлено авторское название вместо данного редакцией газеты – «Уроки воспитания». (Прим. ред.)

вать русских классиков. Ни радио, ни тем более – пресловутого телевизора не было в его квартире.

Многие свойства его личности покажутся нашему современнику странными, если не дикими: он ни при каких условиях не занимал денег у женщин; легко отдавая своё, он с великим трудом принимал подарки не по случаю; не мог рвать цветы. Это (и не только) – на всю жизнь усвоенные «уроки воспитания», полученные изначально «в школе» его мамы Елены Семёновны – потомственного учителя.

В свои 30 лет он казался ни на кого не похожим, в 70 – особенным, не от мира сего.

Мы все – общество в целом и лично знавшие его – необыкновенно много получили от него, и крайне мало ему дали.

Имея прекрасную память и часто цитируя из своих любимых поэтов, он нередко произносил и эти строки В.А. Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: «их нет»;
Но с благодарностию: «были».

Как известно, поэты редко бывают неправы, «но всё же, всё же, всё же...»

2008 г.

А. В. Соловьёва

* * *

Он будет жить долго

Леонид Сергеевич, бесспорно, был первый и не сравнимый ни с кем знаток нашего архитектурно-исторического наследия. Я имею в виду знание форм, стиля, особенностей композиции каждого костромского памятника, рисунка его деталей. В Васильеве соединились всепоглощающая любовь к архитектурным формам русской классики и барокко, взятые не сами по себе, а в контексте мировой архитектуры, историю которой он, обладая феноменальной памятью, знал со студенческой скамьи как никто другой. (Наши книги в области архитектурного наследия крайне схематичны, они не глубоки, ибо кратки и, как правило, рассчитаны на широкую публику).

Уход Леонида Сергеевича из жизни для всех, кто профессионально занимается сохранением и реставрацией памятников, – утрата глубокая и безвозвратная. Сгорела «энциклопедия», всегда и для всех открытая безвозмездно.

Васильев знал и любил классическую музыку и поэзию, он был сама любовь к Костроме – и труд без границ. Труд не по найму, а по страсти: проектирование и архивные изыскания. Он создал немало проектов по своей инициативе. Например, проекты реставрации колокольни церкви Спаса в рядах, часовни в Следово, колокольни Знаменской церкви на Дебре, которая так эффектно завершает перспективу подъезда к мосту через Волгу. Им созданы проекты ныне не существующих колокольни Костромского кремля и Богородицкой церкви в Ипатьевском монастыре, воссозданы фрагменты корпусов в Ипатьевском монастыре. Васильев – это более сотни проектов реставрации, выполненных тщательно и любовно.

Он любил то, что работало на красоту города, и ненавидел то, что воспринималось как своекорыстие и непрофессионализм. Это создавало конфликты. Несколько лет он работал в реставрационных мастерских Рязани и Ярославля. Потом вернулся в Кострому – на должность главного (и

единственного) архитектора в штате Костромской епархии*.

По его проектам выполнялись реставрации храмов, часовен и усадеб в Костроме, Галиче, Макарьеве, Нерехте, Островском, Ярославле, Ростове Великом, Рязани, Йошкар-Оле, в посёлке Видяево под Мурманском и в Сильванезе (Франция).

Настоятели храмов Костромы и области хорошо знали, что любая их просьба о помощи в проектировании будет выполнена быстро и независимо от того, есть у них на это деньги или нет. Будучи мастером, он мог работать годами за символическую зарплату и, сам ничего не имея, отдавать то, что зарабатывал, нуждающимся в его помощи. Тяжело боля, почти слепой, он продолжал проектировать до последнего дня. Тяжелее всего он воспринимал свою невостребованность. Он передал в день смерти архитектору Нечаеву очередную пояснительную записку.

Перед моими глазами лицо Леонида Сергеевича Васильева на смертном одре и его лицо, каким я его впервые увидел. Лёня и дальше будет жить в памяти всех, кому привелось его знать, с ним рядом работать. Жить долго – в силуэтах колоколен и глав, им восстановленных.

Иосиф Швелёв

* * *

В ряду славных имён

Л. С. Васильев родился 14 июня 1934 г. в Москве, где тогда учились его

---

* В 1986 году Л. С. Васильев вернулся в Кострому в реставрационную мастерскую на должность архитектора, в епархии же стал работать с 1995 года (*прим. ред.*)

родители-студенты. Вскоре они разошлись, однако это нерадостное для любой семьи событие в обстановке того времени обернулось благом. В 1936 г. отец Леонида Сергеевича, инженер-гидротехник, был арестован по обвинению во вредительстве и расстрелян. Кто знает, как сложилась бы судьба матери Леонида Сергеевича и его самого, если бы отец не ушёл из семьи.

С 1938 г. маленький Леонид жил в Йошкар-Оле. Бывший уездный город Казанской губернии Царевококшайск, в советское время превратившийся в столицу Марийской АССР, по сути, стал его родным городом. В 1952 г. Л. С. Васильев с золотой медалью окончил школу и в том же году поступил в Московский архитектурный институт. По окончании он получил распределение в Кострому на должность архитектора Костромской реставрационной мастерской.

С этого времени Кострома и Костромской край навсегда вошли в жизнь Л. С. Васильева. Все объекты, над восстановлением которых на протяжении полувека он работал, перечислить невозможно, назовём лишь самые главные.

С именем Л. С. Васильева навсегда останется связано восстановление вертикалей колоколен Костромы, разрушенных в 30-е годы, и первой из них стала колокольня церкви Спаса в рядах. Причём главная трудность состояла не в составлении проекта колокольни, от которой не сохранилось ни первоначальных чертежей, ни поздних обмеров, а в том, чтобы убедить тех, от кого это зависело, в необходимости воссоздания этой вертикали в центре города.

Всего по проектам Л. С. Васильева в нашей области восстановлено шесть колоколен (из возрожденных семи).

Им же выполнено большое количество проектов возрождения полностью разрушенных храмов Костромы, время осуществления которых рано или поздно придёт. Среди них – церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи (начало улицы Островского), церковь Воскресения «на Площадке», до 1930 г. украшавшая Советскую (бывшую Воскресенскую) площадь, церковь Василия Блаженного в Селище, собор Рождества Богородицы в Ипатьевском монасты-

ре и др.

И конечно, особая глава в жизни Л. С. Васильева – это воссоздание на бумаге взорванного в 1934 г. в бывшем Костромском кремле Богоявленского собора и соборной колокольни. Безусловно, выполнить проект столь сложных и монументальных сооружений фактически лишь на основании старых фотографий мог только он с его опытом, талантом и преданностью делу.

Л. С. Васильев очень много работал в городах и районах области, где по его проектам в разные годы был восстановлен ряд храмов Авраамиево-Гордецкого, Паисиева Успенского близ Галича и Макариево-Унженского монастырей. По его проекту в 1996-1997 гг. на берегу Галичского озера воссоздана разрушенная колокольня церкви Василия Великого в Галиче.

Нельзя не отметить вклад Леонида Сергеевича в восстановление заповедного Щелыкова, где по его проектам реставрированы главный дом усадьбы, т. н. «голубой» дом, церковь и ограда в Николо-Бережках, где на кладбище покоится прах А. Н. Островского.

По проектам архитектора восстановлено множество памятников за пределами Костромской области – в Москве, Ярославле, Рязани, Ростове Великом, Йошкар-Оле, Иркутске и др.

В 1995 г. в жизни Л. С. Васильева начался новый этап: он стал архитектором Костромской епархии. В области возрождалось множество церквей, как правило, пребывающих в руинах, и за истекшие годы благодаря трудам Леонида Сергеевича восстановлены многие городские и сельские храмы.

История Костромского края знает целый ряд выдающихся зодчих – С. А. Воротилова, Н. И. Метлина, П. И. Фурсова, безвестных мастеров XVI–XVII вв. В этом ряду стоит и имя Л. С. Васильева.

Николай ЗОНТИКОВ

Библиография

1. Публикации Л. С. Васильева в книгах, сборниках, альманахах, периодической печати и интернете

1. Музей-заповедник А. Н. Островского «Щелыково» / Л. Васильев // Памятники Отечества. Кн. 1. – М., 1972. – С. 230–234.
2. Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря. Исторический очерк / Л. Васильев // Краеведческие записки Костромского историко-архитектурного музея-заповедника. Вып. I. – Ярославль, 1973. – С. 31–62.
3. Восстановление колокольни церкви Спаса в рядах / Л. Васильев // Памятники Отечества. Кн. 4. – М., 1979. – С. 126–132.
4. Это – память истории / Л. Васильев, В. Медведков // Марийская правда. – 1979. – 25 марта. – С. 3. (О бережном отношении к архитектуре г. Йошкар-Олы).
5. Это нравственный долг общества / Л. Васильев // Северная правда. – 1990. – 11 февраля. (О возможности реставрации Костромского кремля).
6. Заповедная зона Красного города находится в опасности / Л. С. Васильев // Марийская правда. – 1991. – 24 окт. – С. 4.
7. Пред малой родиной в ответе / Л. Васильев // Козьмодемьянский музейный вестник. – 1991. – С. 4. (О современном состоянии Тихвинской церкви в г. Козьмодемьянске республики Марий Эл).
8. Реставрация или подделка? / Л. Васильев // Марийская правда. – 1992. – 19 мая. – С. 3. (О проблеме контроля за реставрацией историко-архитектур-

ных памятников в г. Йошкар-Оле).

9. Судьба архитектурного наследия Йошкар-Олы / Л. Васильев // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. – № 2. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 46–56.

10. Церковь Рождества Богородицы Ипатьевского монастыря / Л. Васильев // Светоч. – Кострома, 1996. – С. 54–56.

11. Правильно ли мы датируем Троицкий собор Ипатьевского монастыря? / Леонид Васильев, Николай Зонтиков // Северная правда. – 2001. – 11 окт. – С. 8. (+ <http://www.kostroma.orthodoxy.ru> + http://rusarch.ru/vasiliev_11.htm)

12. Кострома вчера и сегодня / Авт. текста Л. С. Васильев; фото П. В. Румянцев. – [Кострома, 2002]. – 128 с.: ил.

13. А какое наследство оставим потомкам мы? / Л. Васильев // Северная правда. – 2004. – 16 апреля. – С. 4.

13а. Альберт Кильдышев. Воспоминания, дневники. / Л. Васильев и др. // Губернский дом. – 2005. – № 5-6 (68-69). – С. 49–50.

14. Костромские улицы имени цареубийц / Л. Васильев // Костромской край. – 2008. – 18 июня. – С. 7.

15. [Судьба архитектурного наследия Костромы]: / Авт. текста Л. С. Васильев [Электронный документ] (<http://new-sobor.narod.ru/proekt.html>). Проверено 21.02.2013.

15а. Часовня Параскевы Пятницы : Авт. текста Л. С. Васильев [Электронный документ] (http://www.koipkro.kostroma.ru:82/Vuy/School_01/Буй_православный/DocLib1/Часовня_Параскевы_Пятницы.docx). Проверено 14.10.2013.

[Пояснительная записка к проекту воссоздания часовни в Бую]

16. Зов забытого зодчества. Об архитектурном наследии Костромского края: / Авт. текста Л. С. Васильев и др. [Электронный документ] (<http://costroma.k156.ru/vasiljev/vasiljev-2008.pdf>). Проверено 07.07.2013.

II. Публикации о жизни и творчестве Л. С. Васильева

0а. *Кудряшов Е. В.* Архитектурный ансамбль центра Костромы. – Ярославль, 1992. – С. 53 (и др.?)

[«...Л. С. Васильева. Фигуры львов выполнены скульптором Деминым». (о львах на пилонах ворот Дворян. собрания?)]

0б. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск I. Г. Кострома. Часть первая. – Кострома, 1996. – С. 17, 22, 25, 29, 61, 72, 142, 185, 196.

0в. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск I. Г. Кострома. Часть вторая. – Кострома, 1997. – С. 198.

0г. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск I. Г. Кострома. Часть третья. – Кострома, 1998. – С. 8, 41, 94, 120.

[0б–0г: Описание работ, выполненных по проектам Л. С. Васильева]

!! Не проверены выпуски II и III каталога Памятники архитектуры !!

1. *Грешневиков А. Н.* И свяжет зодчий нить времен / А. Н. Грешневиков. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 2001. – 221, [3] с. : портр., фото. – С. 11, 65–74, 102, 164, 178.

2. *Зонтиков Н. А.* Церковь пророка Божия Илии на Городище в Костроме: К 350-летию возведения в камне. 1652–2002 / Зонтиков Н. А. – Кострома, 2003. – С. 84, 85, 86, 100, 105. (+ <http://kostromka.ru/zontikov/gorodishe/1.php>)

[Указан автором проекта восстановления Ильинского храма и проекта приходского дома; краткая биографическая справка и фотография Л. С. Васильева.]

2а. *Ипатьевский монастырь: исторический очерк.* – ? (изд. Сев. паломник), 2003. – С. 143 (и др.?).

[«В ее состав входили выдающиеся архитекторы-реставраторы: К.Г.

Тороп, Л. С. Васильев, В. С. Шапошников и др.»]

2б. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск V. Кологривский район. Межевской район. Нейский район. Мантуровский район. – Кострома, 2003. – С. 204.

[О восстановлении церкви Николая Чудотворца по проекту Л. С. Васильева в Мантурове с 2000 г.]

2в. *Слабуха А. В.* Архитекторы Приенисейской Сибири: конец XIX – начало XXI века : иллюстрированный биографический словарь, 540 имён. – ?, 2004. – С. 74?, 191?.

[или статья о Л. С. или упоминание его в связи с работами в Шушенском и др.: «архитекторов-реставраторов (из Москвы, Горького, Новгорода, Костромы, Пскова); Л.Васильева, Е.Караваевой, »]

2г. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск VI. Чухлома. Чухломский район. – Кострома, 2004. – С. 94.

[О реставрационных работах, выполненных под руководством Л. С. Васильева в Авраамиевом Городецком монастыре в 1970-х гг.]

3. [Шиховцев Е. Б.] К 100-летию М. С. Колесова и 160-летию Дома Корсаковых в Костроме / [Шиховцев Е. Б.] – Кострома, 2004. – С. 20–22.

[Описание и репродукция проекта музейно-выставочного комплекса, разработанного Л. С. Васильевым.]

3а. *Архиепископ Александр (Могилёв).* Костромская Одигитрия: Чудотворная Смоленская икона-фреска ... – Кострома, 2005. – С. 90 (и др.?).

[«Имя автора проекта перестройки церкви неизвестно, но заслуженный работник культуры РФ, известный костромской реставратор Л. С. Васильев предполагает, что проект разрабатывал кто-то из петербургских архитекторов».]

3б. *А. А. Агапов.* Русские монастыри: Поволжье (Том 2). Костромская, Ивановская, Нижегородская, Йошкар-Олинская, Чебоксарская епархии. – М. : Очарованный странник, 2006. – С. 130 (и др.?).

[«Автором проекта Знаменской церкви с колокольной стал выдающийся архитектор Степан Андреевич Воротилов, ... культуры Российской Федерации Леонид Сергеевич Васильев, главный архитектор Костромской епархии».]

Зв. Кострома. Памятники архитектуры : фотоальбом / вступ. ст.: И. А. Едошина, К. Г. Тороп ; пер. на англ., нем. Е. А. Зимняковой ; пер. на фр. Т. Е. Колесовой. – Кострома : Костромаиздат, 2006. – С. 4, 6.

[Фото Л. С. Васильева с К. Г. Тороп; оценка заслуг Л. С. Васильева как реставратора]

Зг. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск VIII. Кадыйский район. Макарьевский район. – Кострома, 2006. – С. 66.

[О реставрационных работах, выполненных под руководством Л. С. Васильева в Макариево-Унженском монастыре в 1975–1977 гг.]

Зд. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск IX. Антроповский район. Парфеньевский район. Островский район. Судиславский район. – Кострома, 2007. – С. 234, 289.

[Содержание работ, выполненных по проектам Л. С. Васильева в Николо-Бережках и Щелькове]

Зе. *Полунина Н. М.* Иркутская земля: через годы, через расстояния... : путеводные рассказы. – Иркутск (?), 2007. – С. 111 (и др.?)

[«За прошедшие 30 лет сумели восстановить только усадьбу Волконского (пер. Волконского, 10). Работы велись в 1974–1985 годах (архитекторы Л. С. Васильев, Е. Ю. Барановский)».]

Зж. Стенопись Троицкого собора Ипатьевского монастыря, том 1. – ? (изд. Сев. паломник), 2008. – С. 44–45.

[«... потемневшей олифы (бригада А.М. Малофеева) и по фрагментам воссоздали кованые кронштейны для лампад (В. Гайдаев и В. Квасников). Курировали реставрационные работы архитекторы Л. С. Васильев и И.Ш. Шевелев, а также искусствоведы А.В. Кильдышев и Е.В. Кудряшов».]

Зз. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск X.

Буйский район. Сусанинский район. – Кострома, 2008. – С. 15.

[Указан автором воссозданной Пятницкой часовни в Буге.]

3и. Новые храмы Костромской епархии. 1989–2009. – Кострома, 2009. – С. 26, 83.

[Указан автором проектов воссоздания двух храмов.]

4. Зонтиков Н. А. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме / Зонтиков Н. А. – Кострома, 2010. – С. 233, 246–247.

[О похоронах Л. С. Васильева на кладбище Александрo-Антониновского храма; фотографии Л. С. Васильева и проекта восстановления храма Василия Блаженного в Селище.]

4а?. (поп об Ипатии, 2012 — там только ссылки на труд Л. С., и то с опечаткой в инициале) + Интернет

5. Демидов С. В. Храм Воскресения Христова на Дебре: Путеводитель / Демидов С. В. – Б/м, 2013. – С. 18.

[Указан автором проекта воссоздания колокольни Знаменской церкви в Костроме.]

5а. Кострома / С. С. Каткова (текст). – М., 2013. – С. 21, 27–28, 33.

[Указан автором проекта воссоздания колокольни Знаменской церкви в Костроме; отмечены особые заслуги в деле сохранения памятников города.]

6. О. Г. Петрова. Панихида на могиле М. Я. Диева / О. Г. Петрова // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского областного отделения Всероссийского фонда культуры. Вып. 2. – Кострома, 1992. – С. 117.

[Указан автором проекта надгробного памятника на могиле М. Я. Диева.]

7. Н. А. Зонтиков. На Святом озере / Н. А. Зонтиков // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Вып. 3. – Кострома, 1995. – С. 67–68.

[О реставрационных работах на часовне Животворящего Креста по проекту Л. С. Васильева.]

7а. Русская усадьба: сборник Общества изучения русской усадьбы,

Выпуск 2 (18) или 2-3, изд. или Аргус..., М., или "Рыбинское подворье", Рыбинск, 1996, стр. 133

[«В 1965 г. архитекторы Костромской СНРПМ КТ.Тороп и Л.С.Васильев производили обследование и обмеры колотиловского дома».]

7б. *Губернский дом, 1999, дважды в статье про Щельково. В т. ч. цитируется пояснит. записка про главный дом: «Архитектор Л. С. Васильев замечает, что "для наблюдателя, находящегося внизу, она закрывает не менее половины главного фасада." Навес над террасой "окончательно губит фасад, затемняет южную дверь и превращает ...»*

8. *А. В. Соловьёва. Главное в деятельности Костромского фонда культуры в 1998–2001 годах / А. В. Соловьёва // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 5. – Кострома, 2002. – С. 308, 309.*

[Об издании буклета и проведении творческого вечера по случаю 65-летия со дня рождения и 40-летия творческой деятельности Л. С. Васильева; о разработанном им проекте памятного знака на могилах Пушкиных в Козловке Островского района.]

9. *Зонтиков Н. А. Церкви Костромы / Зонтиков Н. А. // Кострома. Историческая энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 377, 380, 382, 387, 389.*

[Упомянуется как автор проектов реставрации костромских церквей.]

10. *Никитин Р. А. Васильев Леонид Сергеевич / Никитин Р. А. // Кострома. Историческая энциклопедия. – Кострома, 2002. – С. 61.*

10а. *Зонтиков Н. А. Церковь во имя святого пророка Божия Илии «на Городище» в Костроме. 1652–2002 // Благовест. – 2002. – № 5 (76). – С. ?.*

[Упомянуется как автор проекта реставрации церкви.]

11. *Костромские святыни / иеромонах Харитон, Анна Новикова. – Кострома, 2002. – С. 86, 90, 110, 117, 122, 123, 124, 136, 166.*

[Упомянуется как автор проектов реставрации костромских храмов.]

11а. *Орлова Г. «Голубому дому» 100 лет / Орлова Г. // Губернский дом. –*

2003. – № 1-2 (52-53). – С. 10.

[Упоминается как автор проекта реставрации в Щельково.]

11б. Костромские святыни / иеромонах Харитон (Просторов), Анна Новикова. Изд. 2-е, дополненное. – Кострома, 2004. – С. 86, 90, 110, 117, 122, 123, 124, 136, 166.

[Упоминается как автор проектов реставрации костромских храмов.]

11в. *Конопатов С. Н.* Градостроительная охрана объектов культурного наследия / Конопатов С. Н. // Культурное наследие. Охрана. Реставрация. Исследование. – Кострома, 2005. – С. 20–21.

[Участие Л. С. Васильева в работе Экспертного совета по вопросам градостроительства и реставрации при госорганах охраны памятников.]

11г. *Матросова Л. П.* Реставрация объектов культурного наследия / Матросова Л. П. // Культурное наследие. Охрана. Реставрация. Исследование. – Кострома, 2005. – С. 24, 27, 29.

[Оценка вклада Л. С. Васильева в реставрацию памятников; его фото с К. Г. Тороп; его работы по воссозданию Костромского кремля и Архиерейского корпуса Ипатьевского монастыря.]

11д. Костромской почерк Растрелли, или Тайны кремлёвского холма : [Интервью] / Муренин Н. // Губернский дом. – 2005. – № 5-6 (68-69). – С. 39, 40.

[Интервью с И. Ш. Шевелёвым, где тот упоминает работы Л. С. Васильева]

11е. Историческая память вызывает // Губернский дом. – 2005. – № 5-6 (68-69). – С. 107.

[Л. С. Васильев как автор проекта возрождения Успенского собора Костромского кремля.]

12. *А. В. Соловьёва.* Главное в деятельности Костромского фонда культуры в 2002 – I квартале 2004 года / А. В. Соловьёва // Костромская земля. Краеведческий альманах. Вып. 6. – Кострома, 2007. – С. 619, 620, 623.

[О выполненных Л. С. Васильевым проекте памятного знака В. В. Розанову и проекте часовни Феодора Студита у Чижовского училища; фотографии надгробного памятника Пушкиным, проекта памятного знака В. В. Розанову и проекта часовни Феодора Студита.]

12а. *Тюгина А.* Помещик и крестьянин. История с продолжением. / Тюгина А. // Губернский дом. – Кострома, 2013, № 1 (90). – С. 79–80.

[О работе Л. С. Васильева над восстановлением дома Соболева в Щелькове]

12б. «Наука и религия», 1973, № 1(?) (может быть любой другой), с. 82

[«Л. С. Васильев летом 1966 года произвел всесторонний обмер заброшенной избы, чтобы составить представление о ее первоначальном виде».] (Дом Соболева в Николо-Бережках? или колотилковский дом?)

13. *Преловская Б.* Сюда не зарастёт народная тропа... / Б. Преловская // Вост.-Сиб. правда. – 1974. – 28 дек. (№ 303). – С. 4.

14. *Колпиков В.* Не источило легенду время... / В. Колпиков // Сов. молодежь. – 1975. – 26 июля (№ 89). – С. 3.

15. Мемориальный комплекс памяти декабристов. [Схема проекта.] // Вост.-Сиб. правда. – 1975. – 25 сент. (№ 226). – С. 3.

16. *Ячменев Е.* Дом Волконских принимает гостей / Е. Ячменев // Вост.-Сиб. правда. – 1985. – 11 дек. (№ 286). – С. 3.

17. Пока не поздно: [Интервью] / Л. Сбитнева // Молодёжная линия. – 1991. – 30 марта. – С. 3.

18. *Л. Сбитнева.* Он мог бы защитить три диссертации / Л. Сбитнева // Молодёжная линия. – 1992. – 25 сент. – С. 7.

19. Влюблённый в XVII век живёт в банальной «хрущёвке»...: [Интервью] / В. Трубочёва // Эковестник «ОКО». – 1998. – Июнь (№ 6). – С. 11.

20. *В. Лапшин.* Мастер чудес рукотворных / В. Лапшин // Галичские известия. – 1998. – 8 сент. – С. 1.

21. Реставратор: [Интервью] / И. Андреева // Северная правда. – 1999. –

24 марта. – С. 7.

22. Дело жизни Леонида Васильева – реставрация архитектурных памятников / Коллеги-реставраторы // Северная правда. – 1999. – 16 июня. – С. 8.

23. М. Хватов. Трагедия семьи Эшкининых. / М. Хватов // Йошкар-Ола. – 2001. – 6 сент.

[Л. С. Васильев как автор мемориала «Дерево Памяти» в Йошкар-Оле, посвященного погибшим защитникам Отечества. (+ <http://www.pressarchive.ru/yoshkar-ola/2001/09/06/37123.html>)]

23. *Георгий Беляков*. Вновь над Волгой малиновый звон: Восстановлена самая величественная «дебринская» колокольня / Георгий Беляков // Эковестник: Око. – 2001. – № 11 (ноябрь). – С. 5.

[Л. С. Васильев назван инициатором восстановления колокольни Знаменского храма.]

24. Леонид Васильев: Восстановление храмов – смысл жизни: [Интервью] / А. Пуздря // Костромские ведомости. – 2003. – 30 апр. – С. 7. [Фото Алексея Клеменчука]

25. *И. Шевелёв*. Реставратор живёт в своём горнем мире / И. Шевелёв // Северная правда. – 2004. – 16 июня. – С. 8.

26. *Т. Кильдышева*. Леонид Сергеевич Васильев – костромской архитектор / Т. Кильдышева // Северная правда. – 2004. – 16 июня. – С. 8.

27. Леонид Васильев, архитектор-реставратор... // Костромские ведомости. – 2004. – 10–16 июня. – С. 2. (Люди, которые себя проявили).

28. Леонид Васильев, который возвращает Костроме лицо: [Интервью] / Е. Шикалова // Костромские ведомости. – 2004. – 1–7 июля. – С. 18.

28а. (Леонович) costroma.k156.ru/text/leonovich/spasi.htm

[Упоминается как автор проекта храма в Матвееве.]

29. Леонид Васильев: Я опоздал с рождением на сто лет: [Интервью] / Ю. Меркурьева // Северная правда. – 2005. – 28 сент. – С. 7.

30. Прощайте, зодчий: [некролог] // Северная правда // 2008. – 17 апр. –

С. 3.

31. Васильев Леонид Сергеевич: [некролог] // Костромские ведомости. – 2008. – 15–21 апр. – С. 4.

32. Вечная память: [некролог] // Костромские епархиальные ведомости. – 2008. – № 4. – С. 16.

33. *Н. Зонтиков*. В ряду славных имён / Н. Зонтиков // Северная правда. – 2008. – 18 апреля. – С. 5.

34. *А. Соловьёва*. Уроки воспитания / А. Соловьёва // Северная правда. – 2008. – 18 апреля. – С. 5.

35. *И. Шевелёв*. Он будет жить долго / И. Шевелёв // Северная правда. – 2008. – 18 апреля. – С. 5.

35а. «Московский журнал», 2009, вып. ?, с. 19 (номер м. быть в Сети?)

[«Замечательный архитектор Леонид Васильев, которого Тороп пригласила к себе на работу, выполнил новый проект».] (о ц. Спаса в рядах)

35б. 9 и 10 ноября [2010 г.] в Галиче прошла конференция «Церковная архитектура и парковое строительство в культуре России. История и наши дни», посвященная памяти сотрудника Костромской епархии архитектора Леонида Сергеевича Васильева [Электронный документ] (<http://www.kostroma-eparhia.ru/index.php?view=article&id=7585>). Проверено 13.10.2013.

36. *Л. П. Сапрыкина* (Шушенское). К истории создания Мемориального музея-заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина» / Л. П. Сапрыкина.

[Отрывок из статьи в музейном сборнике, 2012 г.].

37. Л. С. Васильев в печати: [подборка] [Электронный документ] (<http://costroma.k156.ru/vasiljev/periodical.html>). Проверено 13.07.2013.

38. *О. Самойлов*. Жить особняком / О. Самойлов // Костромские ведомости. – 2013. – 23–29 июля. – С. 9.

38а. Церковь Христа Спасителя в Гостином дворе // Костромские ведомости. – 2013. – 15–21 окт. – С. 20.

[Упомянут как автор воссоздания колокольни церкви Спаса в рядах.]

39. http://www.gradkostroma.ru/society/public_organizations/honor/vasilev-leonid-sergeevich/

40. Исследовательская работа учащейся 9 класса Средней общеобразовательной школы № 10 города Костромы Исаевой Анастасии «Возраждая <так!> историю. Костромской кремль» (<http://ru.convdocs.org/docs/index-166104.html>)

41. <http://rpsc.ru/history/mesta-staroverskie/2/kostroma>

42. http://ru.wikipedia.org/wiki/Церковь_Спаса_в_Рядах

43. МГО ВООПИиК. Краткая информация о деятельности республиканских, краевых, областных, городских отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. (<http://russist.ru/biblio/sborniky/sz/6/statia.php?statia=16>)

[Участие Л. С. Васильева в работе костромского отделения ВООПИиК]

44. http://olacity.ru/details.php?image_id=1067

[Справка о Л. С. Васильеве в связи с реставрацией дома Пчелина в Йошкар-Оле]

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От редактора и издателя. Благодарности</i>	4
<i>Н. А. Зонтиков. Реставратор. Подвижник. Зодчий</i>	6
I. КОСТРОМА	
Это нравственный долг общества	14
Судьба архитектурного наследия Костромы	17
Архитектурный ансамбль Костромского Кремля	19
Богоявленский кафедральный собор Костромского Кремля	24
<i>Л. С. Васильев, Н. А. Зонтиков. Правильно ли мы датировем</i> Троицкий собор Ипатьевского монастыря?	37
Церковь Рождества Богородицы в Ипатьевском монастыре	40
Архиерейский корпус Ипатьевского монастыря. Исторический очерк	47
Настоятельский (восточный) корпус Богоявленско-Анастасиина монастыря. Историческая справка	70
Южная стена Богоявленско-Анастасиина монастыря	71
Восточная стена Богоявленско-Анастасиина монастыря	74
Церковь Воскресения на Дебре	77
Знаменская церковь на Дебре	87
Церковь Вознесения на Дебре	93

Ильинская церковь на Русиной улице	106
Колокольня Ильинской церкви на Русиной улице	111
Колокольня церкви Спаса в рядах	115
Восстановление колокольни церкви Спаса в рядах	118
Церковь Иоанна Предтечи на Мшанской улице	123
Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской (Трудовой) слободе	128
Церковь Рождества Христова (Ильинская) на Городище	133
Здание бывших Присутственных мест в г. Костроме	137
Дом Шиповых (Училище для слепых детей)	142
Квасные ряды в г. Костроме	145
Проект реконструкции здания Квасных рядов в г. Костроме	147
5-й корпус Рыбных рядов	150
Мемориал В. В. Розанова в г. Костроме	152

II. КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Успенская церковь Макарьево-Унженского монастыря в г. Макарьево	155
Соборный храм Тихвинской иконы Божией матери (собор Александра Невского) в г. Макарьево	162
Никольская надвратная церковь Авраамиево-Городецкого монастыря	164
Покровская церковь Авраамиево-Городецкого Покровского монастыря	171
Ансамбль Никольского Староторжского монастыря в Галиче	181
Никольская часовня Староторжского монастыря на главной площади Галича	186
Церковь Василия Великого в Рыбной слободе Галича	188
Богоявленская и Никольская церкви в Галиче	190

Музей-заповедник А. Н. Островского «Щельково»	195
Дом А. Н. Островского в усадьбе Щельково	200
Гостевой дом в усадьбе Щельково	204
«Голубой дом» усадьбы Щельково	207
Дом крестьянина И. В. Соболева в сельце Николо-Бережки	211
Церковная ограда и ворота в сельце Николо-Бережки	214
Восстановление цветочных ваз дома-музея А. Н. Островского в Щелькове	216
Часовня Параскевы Пятницы в Буе	218
Проект надгробия Е. В. Честнякову	218
Памятный знак на могилах А. Ю. Пушкина и его потомков	221

ВОСПОМИНАНИЯ о Л. С. ВАСИЛЬЕВЕ

<i>В. И. Ненароков.</i> Верность выбранному пути	224
Письма Л. С. Васильева В. И. Ненарокову и З. И. Юдиной	234
<i>Л. Н. Васильева.</i> А простых людей, рабочих, он очень любил	250
<i>В. А. Чапыгин.</i> С Леонидом Сергеевичем работать было очень хорошо	260
<i>Н. И. Калямин.</i> Я благодарен Богу и судьбе	264
<i>Л. П. Матросова.</i> Удивительный и неоднозначный человек	267
<i>А. С. Рыбников.</i> Зовите меня просто Лёня	271
<i>А. П. Нечаев.</i> Подобно свечке в темноте	276
<i>Т. М. Гуревич.</i> Костромской Барановский	280
<i>Протоиерей Михаил Цико.</i> «С плачущимся соплачет, а с радующимся сорадуется»	287
<i>Протоиерей Александр Шастин.</i> Благодать Божья касалась его души	293
<i>Э. Ф. Смирнова.</i> Такие люди встречаются редко	300

<i>В. Г. Смирнов. Архитектура, реставрация – его жизнь</i>	303
<i>Е. Балашова. Он был подлинным</i>	311

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. <i>Л. С. Васильев и др. Письмо в защиту Щелыкова, 1987</i>	313
2. <i>Л. С. Васильев. Письмо Главе самоуправления г. Костромы Б. К. Коробову, 1998–1999</i>	316
3. <i>В. Г. Смирнов. Письмо начальнику КСНРПМ А. Д. Ляпину, 1986</i> ...	319
4. <i>В. И. Кириленко. Письмо начальнику КСНРПМ А. Д. Ляпину, 1986</i>	320
5. <i>Л. С. Васильев. А какое наследство оставим потомкам мы? (2004)</i> ..	321
6. <i>Л. С. Васильев и др. Письмо в газету «Северная правда», 1992</i>	323
7. <i>Л. Васильев, В. Медведков. Это – память истории (1979)</i>	326
8. <i>Л. С. Васильев. Пред малой родиной в ответе (1991)</i>	330
9. <i>Л. С. Васильев. Заповедная зона Красного города находится в опасности (1991)</i>	332
10. <i>Л. С. Васильев. Реставрация или подделка? (1992)</i>	336
11. <i>Л. С. Васильев. Судьба архитектурного наследия Йошкар-Олы (1994)</i>	340
12. <i>Л. С. Васильев. Автобиография (1995)</i>	352
13. Перечень проектов Л. С. Васильева, выполненных в 1958–2008 гг.	356

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

<i>В. Колтиков. Не источило легенду время...</i>	369
<i>Л. Сбитнева. Пока не поздно. [Интервью с Л. С. Васильевым, 1991]</i>	370

<i>Л. Сбитнева.</i> Он бы мог защитить три диссертации	374
<i>В. Трубачёва.</i> Влюбленный в XVII век живёт в банальной "хрущёвке"... [Интервью с Л. С. Васильевым, 1998]	380
<i>В. Лапшин.</i> Мастер чудес рукотворных	385
<i>И. Андреева.</i> Реставратор [Интервью с Л. С. Васильевым, 1999]	388
Дело жизни Леонида Васильева – реставрация архитектурных памятников	395
<i>А. Пуздря.</i> Леонид Васильев: восстановление храмов – смысл жизни [Интервью с Л. С. Васильевым, 2003]	398
Леонид Васильев, архитектор-реставратор	403
<i>И. Шевелёв.</i> Реставратор живёт в своём горнем мире	404
<i>Т. Кильдышева.</i> Леонид Сергеевич Васильев – это человек-легенда	406
<i>Е. Шикалова.</i> Леонид Васильев, который возвращает Костроме лицо [Интервью с Л. С. Васильевым, 2004]	408
<i>В. Дружнев.</i> Пятёрка – на пятерку!	413
<i>Ю. Меркурьева.</i> Леонид Васильев: Я опоздал с рождением на сто лет [Интервью с Л. С. Васильевым, 2005]	414
<i>Л. С. Васильев.</i> Памяти Альберта Кильдышева.	
Васильев Леонид Сергеевич [Некролог]	422
Прощайте, зодчий [Некролог]	423
Вечная память [Некролог]	425
[<i>А. В. Соловьёва.</i>] Отечественная культура понесла невосполнимую утрату	427
<i>А. Соловьёва.</i> И он жил среди нас	428
<i>И. Шевелёв.</i> Он будет жить долго	430
<i>Н. Зонтиков.</i> В ряду славных имён	431
Библиография	434